

ФИЛОСОФИЯ
И
ВОЕННАЯ
ИСТОРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

1
Ф-56

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

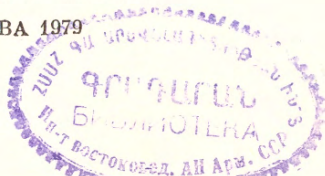
ФИЛОСОФИЯ И ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

6553

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1979

Книга посвящена исследованию взаимосвязи философии и военной истории в процессе их исторического развития. В ней прослеживается воздействие философии на становление и развитие военно-исторических знаний, формирование военно-исторической науки и показывается обратное влияние военной истории на развитие философских идей и взглядов. Особое внимание уделено раскрытию значения марксизма-ленинизма для превращения военной истории в подлинную науку и для борьбы с различными антинаучными концепциями буржуазной и оппортунистической военной историографии. Подробно освещена взаимосвязь военной истории и философии на современном этапе их развития и рассмотрены важнейшие философские проблемы военно-исторической науки.

Книга рассчитана на историков, философов и всех, интересующихся военной историей.

Авторский коллектив:

- РЫБКИН Е. И. (руководитель авторского коллектива)
— Введение, главы IX, X (1-й раздел)
- ЛОГИН В. Т. (руководитель авторского коллектива)
— главы I, III, VI (соавтор), VII и Заключение
- АБРАМОВ В. К.— глава XI (соавтор)
- БЕШЕНЦЕВ А. В.— главы II, IV и V (соавтор)
- БАБИН А. И.— глава V (соавтор)
- КАРПУШЕНКО В. И.— глава VIII
- КАРАБАНОВ Н. В.— первый раздел главы XII
- МОРОЗОВ В. И.— глава XI (соавтор)
- РУСОВСКАЯ Г. Л.— глава V (соавтор)
- ТИМОРИН А. А.— глава X (2-й раздел)
- ТЮШКЕВИЧ С. А.— глава VI (соавтор) и глава XVI (2-й раздел).

Научно-вспомогательная работа выполнена РУСОВСКОЙ Г. Л.

Ответственный редактор
доктор философских наук
С. А. ТЮШКЕВИЧ

Примечательной чертой деятельности Коммунистической партии Советского Союза является ее постоянная забота о повышении роли марксистско-ленинской теории в жизни общества, в развитии всех наук. Ориентируя ученых на всесторонний анализ явлений общественной жизни, партия учит смелости, умению распознавать нарождающиеся тенденции, предвидеть будущее, извлекать уроки из прошлого.

Важное место в решении этих задач занимают общественные науки, в том числе военная история, успешное развитие которой возможно лишь в русле марксистско-ленинского мировоззрения. Изучение проблем взаимосвязи философии и военно-исторической науки является весьма актуальным. Воздействие философских, мировоззренческих идей на развитие военно-исторических знаний, на решение военными историками проблем в свете тех или иных идеологических установок, выдаваемых философией в наиболее концентрированном по сравнению с другими формами идеологии виде, огромно. Вместе с тем в определенной мере имеет место и обратное влияние военно-исторических знаний на развитие самой философии.

Военная история как наука сложилась не так давно, хотя ее определенные элементы существовали с момента возникновения исторических знаний. Это естественно, поскольку войны занимали в жизни человечества исключительно большое место: они были часты и нередко имели тяжелые последствия. Войны всегда связаны с обострением и разрешением противоречий в развитии антагонистических формаций, с важными вопросами развития стран и народов. Исключительная острота, напряженность общественной жизни в военное время всегда оказывали огромное влияние на самосознание общества, в свою очередь находящегося под влиянием исторических знаний. Но вместе с тем жертвы и потрясения в ходе войны являлись и корнем гиперболизированного восприятия их роли в истории, которое было свойственно идеалистическому, метафизическому, а тем более религиозному мировоззрению историков до появления марксизма. Сущность прошедших перед глазами историков войн мистифицировалась и трактовалась либо с волюнтаристских, либо с фаталистических позиций. Классовые установки, ограниченное мировоззрение исто-

риков-домарксистов не позволяли им вскрыть причины, историческую роль и закономерности войны, ибо они не видели связи войн с социально-экономическими процессами, с глубинными движущими силами истории. Ввиду исторической ограниченности мировоззрения даже мыслители передовых для своего времени эксплуататорских классов и общественных групп не могли дать истинного объяснения движущих сил развития войны и армии, деятельности масс и полководцев. Подход к описанию и освещению военных событий имел сугубо практический, утилитарный характер.

Накопление и развитие военно-исторических знаний привело к становлению военной истории как науки (военно-исторической науки), составляющей особую всеобщей истории. Она отпочковалась от всеобщей истории и военных знаний и превратилась в относительно самостоятельную науку в конце XVIII — начале XIX в. В процессе становления военно-исторической науки философские знания, выступающие как основа методологии любой науки, сыграли важнейшую роль.

Влияние марксистско-ленинской философии на военную историю обширно. Как мировоззрение и как метод она фактически пронизывает собой каждую военно-историческую работу, определяет социальную ориентацию военного историка, партийность в оценке изучаемых событий, практические выводы.

Авторы считают односторонним узкий взгляд на военно-историческую науку, сводящий ее предмет к истории военного искусства и военного строительства, а функции — к военно-прикладным. Военная наука изучает историю войны как социального явления с анализом ее причин, классового содержания, единства вооруженной, экономической, дипломатической и идеологической борьбы. Поэтому военная история насыщена глубоким идейным содержанием, к анализу которого имеют прямое отношение философско-социологические науки. Военная история — важное оружие идеологической борьбы и военно-патриотического воспитания. Поэтому советская военная история органически связана с марксистско-ленинской теорией, в особенности с философией.

Существенную роль во взаимосвязи философии и военной истории играют так называемые философские вопросы исторической науки. Формальным признаком философского вопроса конкретной, в данном случае военно-исторической, науки является то обстоятельство, что он не может быть решен средствами только данной науки и требует существенного (а не попутного) привлечения мировоззренческих концепций. Его отличает высокая «концентрация» классово-идеологического содержания. К сфере философии, как известно, относятся все вопросы, которые помогают дать оценку действительности и определить место и цели челове-

ка в окружающем мире, вскрыть и применить для решения этой задачи наиболее общие законы соотношения материи и сознания. Поэтому к ряду философских вопросов военно-исторической науки относятся фундаментальные положения ее методологии: идеалистическое или материалистическое, метафизическое или диалектическое отношение к объекту и путям его изучения. Важным философским вопросом военной истории является вопрос о ее социальной роли и задачах в общественной жизни, о месте в системе других наук. Именно поэтому определение общественной значимости той совокупности идей и знаний, которые охватываются рассматриваемой конкретной наукой, есть та задача, которую необходимо решать совместными усилиями философии и конкретной науки, в данном случае военной истории.

Другими, более специфическими философскими вопросами, своеобразно преломляющимися в содержании различных конкретных наук, являются вопросы о природе объекта и его познаваемости, а также о конкретном действии в нем общих законов, тенденций и форм развития. Философия в решении вопроса о сущности и познаваемости исторической реальности и в применении концепции развития оказывает военной истории существенную помощь.

Конкретные сферы философии и военной истории и соответствующая группа ее философских вопросов относятся к отдельным частям военно-исторической науки. Каждая из них имеет свои ключевые, философские вопросы. Частями военно-исторической науки являются история войн, история вооруженных сил, история военной техники и военного искусства, история военно-исторической и военно-теоретической мысли, источниковедение и другие.

Важным философским вопросом истории войн и всей военной истории является вопрос о роли войны в истории: ее месте в эпохе, ее влиянии на развитие общества.

Всякая война дает основание для глубоких философских размышлений. Прежде всего это относится к конфликтам мирового размаха, интенсифицирующим все процессы, приводящим все общество в особое, напряженное состояние, вскрывающим и обостряющим противоречия общественного развития. Достаточно вспомнить первую мировую войну, анализ материалов которой был широко использован В. И. Лениным при разработке марксистской философии, прежде всего всего диалектики.

Первой мировой и гражданской войнам В. И. Ленин посвятил много работ. В ходе изучения этих войн он обогатил марксистскую теорию новыми выводами о классово-политической сущности войны, о ее взаимосвязи с социальной революцией, об отношении масс и партий к войнам, о роли вооруженного насилия в революции и защите ее завоеваний.

Сложнейшую задачу перед исследователями поставила вторая мировая война. Она вызревала, протекала и завершилась совсем в иных условиях, чем первая. Вопрос о ее месте в эпохе и исторической роли был правильно решен исключительно на базе марксистско-ленинского мировоззрения.

Серьезнейшие вопросы философского характера ставят перед исследователем современные локальные войны.

В круг общих вопросов военной истории в книге введена проблема мира. Проблемы мира должны занять важное место в военно-исторической науке. В конечном счете каждая война может быть хорошо понята лишь в диалектическом сопоставлении с предшествовавшим ей миром, насыщенным породившей войну политической борьбой, а также и с завершающим войну миром.

Философское отношение к проблемам военной истории исходит также из того, что всякое историческое исследование только тогда имеет действительную ценность, когда оно производится во имя интересов настоящего и будущего. Только в этом случае оно имеет право на жизнь. Наше будущее — коммунизм, в котором исчезнут войны. «...Наша цель, — говорил В. И. Ленин, — достижение социалистического общественного устройства, которое... устранив всякую эксплуатацию человека человеком и одной нации другими нациями, неминуемо устранил всякую возможность войн вообще»¹.

В этом смысле марксистско-ленинская военно-историческая наука — это не только наука, дающая материал для военного дела, которое призвано обеспечить оборону социализма от возможной империалистической агрессии, но и одна из основ военно-патриотического воспитания людей, а также фронта борьбы с буржуазной идеологией. Вместе с другими общественными науками она вносит свой вклад в развитие марксистско-ленинской философии.

Часть первая

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 78.

Глава первая

ФИЛОСОФСКОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ У ИСТОКОВ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Философия возникла в период кризиса мифологического мировоззрения. Как одна из форм общественного сознания, как система взглядов на мир в целом и на место в нем человека она сложилась более или менее одновременно в рабовладельческих обществах Древнего Египта, Вавилона, Индии, Китая, Греции. «Философские взгляды древних первоначально носили характер стихийно-материалистических тенденций, ведущих свое начало от «наивного реализма» первобытных людей»¹. Подобного рода взгляды были направлены против религиозных верований. Тогда же формировались и идеалистические философские системы.

Материализм и идеализм — два в корне противоположных направления в философии, сложившиеся в зависимости от решения основного вопроса философии — вопроса об отношении мышления к бытию, духа к природе. Признавая первичным, определяющим бытие, природу и вторичным мышление, дух, материализм опирается на объективные факты, вытекающие из самой действительности. Идеализм ставит на первое место мышление, дух, вступает в противоречие с реальной действительностью. Поэтому материализм отражает взгляды прогрессивных сил общества, а идеализм, напротив, — консервативных и реакционных сил. На протяжении всей своей истории между этими философскими направлениями велась и ведется острая, непримиримая борьба, выражающаяся в конечном счете борьбу классов. Эта борьба не могла не затрагивать воззрений историков. Она нашла свое отражение в военно-исторической мысли начиная с момента ее зарождения.

РОЛЬ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ИДЕЙ И ВЗГЛЯДОВ В ЗАРОЖДЕНИИ И РАЗВИТИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Военно-историческая мысль своими корнями уходит в глубокую древность. Она зародилась в форме простейшего повествования о войнах, сражениях, деятельности полководцев и военачальников в рамках общей древней историографии.

¹ История философии, т. I. М., 1957, с. 69.

С возникновением письменности появилась возможность накопления исторических знаний в форме исторических надписей, ежегодных записей событий, а затем их специальных описаний. Военно-историческая мысль в античную эпоху формировалась, как, впрочем, и исторические знания в целом, в самых простейших формах. Например, в Древнем Египте функции «богини истории» сводились по существу к традиционной регистрации военных походов фараонов, числа захваченных пленников, важнейших событий царствования. В знаменитой древнеперсидской Бехистунской надписи, являющейся одним из важнейших политических документов Древнего Востока, содержатся сведения о походах Дария в Среднюю Азию.

В целом для стран Древнего Востока характерным является простая регистрация фактов, причем зачастую критически не проверенных и хронологически не всегда верных. Исторические знания подвержены довольно значительному влиянию древневосточных религиозных систем. Военные события и факты, равно как и всякая деятельность людей и явления природы, объяснялись «волей богов».

В Древней Греции первые исторические повествования в прозе относятся ко второй половине VI в. до н. э. и связаны с деятельностью так называемых логографов — авторов письменных сочинений, которые свою деятельность называли словом *ιτορια*, что означает «расспрашивание», «исследование». Наиболее известными среди них были Кадм Милетский, Гекатей Милетский, Харон Лампсакский, Гелланик Милетский, Ксанф и др. Известно пять источников возникновения ионийской историографии: эпические поэмы, народные новеллы, генеалогически-мифологические рассказы, погодные хроники и описания путешествий². Неумение отделить историю от мифологии — характерная черта всех логографов. Другой их чертой является сочетание стихийно-материалистических взглядов на мир с религиозными и мифологическими воззрениями.

Сочинения логографов содержат уже первые, хотя и отрывочные сведения о военных событиях. Так, в связи с историей Лампсака Харон в своей «Лампсакской хронике» излагает и события греко-персидской войны, а Гелланик Милетский в «Аттиде», т. е. истории Аттики, сообщает о Пелопоннесской войне.

Более широкое освещение военных событий, главным образом относящихся к греко-персидским войнам, дано в «Истории» Геродота (род. между 490—480 — ум. между 430—424 до н. э.). Его отличают от логографов такие черты, как историчность, грандиозность и единство темы. Логографы занимались преимущест-

² См.: Лурье С. Я. Очерки по истории античной науки. Греция эпохи расцвета. М.—Л., 1947, с. 51.

венно мифическим периодом; у Геродота же, хотя он и делает экскурсы в эту область, главная тема все же чисто историческая — борьба греков с персами, причем он излагает историю не одного города или народа, а тесно связанную историю эллинов и варваров, Европы и Востока. Это, очевидно, и дало основание Цицерону назвать Геродота «отцом истории». Собственно говоря, о цели создания именно исторического труда, прежде всего труда об истории греко-персидских войн и их причинах, говорит и сам автор. Эта задача сформулирована уже в первых строках его «Истории»: «Геродот из Галикарнаса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом»³.

В труде Геродота история еще не выделена в качестве самостоятельного повествования. В его «Истории» содержатся сведения по естествознанию, литературе, географии, этнографии. Поэтому Геродота считают также и отцом географии и этнографии. Заслугой его является стремление провести различие между историческими фактами и вымыслом и дать им определенное объяснение. Он сумел преодолеть наивный рационализм своих предшественников — логографов — и нередко с этих позиций дает объяснение различных мифов⁴. Однако в объяснении общеисторических и военно-исторических событий и фактов «отец истории» не придерживался какого-то строго определенного мировоззренческого принципа. Много места в его объяснениях военных событий и других явлений общественной жизни и природы занимают ссылки на божественную волю. Он допускает непосредственные вмешательства божества в дела и судьбы отдельных людей и целых народов, говорит о завистливости и гневе божества как причине войн и многих несчастий людей⁵.

Религиозное мировоззрение Геродота занимает доминирующее положение в его объяснениях исторических событий. Он часто говорит о том, что при помощи оракулов, различных предзнаменований и сновидений боги якобы сообщают людям свою волю.

События истории и явления природы объясняются Геродотом также и посредством предопределения, влечения судьбы, роком, который он ставит выше всего. Анализ «Истории» Геродота показывает, что именно непрекаемость слепого рока, по его мнению, есть основной закон истории. И не случайно вся его книга построена в сущности как ряд иллюстраций этого положения.

³ Геродот. История. Л., 1972, с. 11.

⁴ Там же, с. 12, 26—27, 198 и др.

⁵ Там же, с. 171—172, 386—387, 437.

В этом и заключается суть религиозно-нравственных воззрений Геродота.

Однако Геродот был видным представителем своего времени, деятелем греческого просвещения V в. до н. э. Поэтому он искренне стремился и к поиску истины, основанной на фактах.

«Мой долг, — писал он, — передавать все, что рассказывают, но, конечно, верить всему я не обязан. И этому правилу я буду следовать во всем моем историческом труде»⁶. Вот почему в случаях, где это возможно, Геродот дает рациональные объяснения фактам и явлениям. Поэтому мы вправе отметить, что в мировоззрении Геродота иногда проявляются и отдельные элементы стихийного материализма. В «Истории» Геродота приводятся случаи, где объяснение событий основано на политическом опыте, на анализе реальных исторических и географических данных. Можно предположить, что это связано по крайней мере с двумя обстоятельствами: 1) его личными наблюдениями общественных и природных явлений во время многочисленных путешествий и проживания в передовых по тому времени городах, в частности в Афинах; 2) знакомством с достижениями современного ему естествознания и взглядами некоторых философов, в частности Фалеса⁷.

В мировоззрении Геродота важно отметить его политические симпатии и взгляды. Из анализа его труда видно, что он был последовательным сторонником Афин и придерживался главным образом афинской точки зрения как на современные ему процессы и события в Элладе, так в особенности на причины и события греко-персидских войн. Геродот прямо указывает, что именно афиняне явились спасителями Эллады, «ибо ход событий зависел исключительно от того, на чью сторону склонятся афиняне. Но так как афиняне выбрали свободу Эллады, то они вселили мужество к сопротивлению всем остальным эллинам...»⁸.

Греко-персидские войны Геродот считает своеобразным кульминационным пунктом в длинной цепи столкновений эллинов с варварами. При этом войны со стороны греков он оправдывает и показывает их военное и политическое превосходство над персами.

Подводя итоги краткого анализа исторических и социологических взглядов «отца истории», следует отметить, что он положил начало изложению военной истории в рамках общей истории, сочетая это с освещением географии и этнографии многих народов. Это были первые шаги в описании военно-исторических событий и фактов в относительно стройной и последовательной форме.

⁶ Там же, с. 353.

⁷ Там же, с. 34, 64.

⁸ Там же, с. 349.

Существенный шаг в исследовании военной истории Древней Греции был сделан Фукидидом (около 460—400 гг. до н. э.) — военным деятелем и историком античного мира. Он положил начало формированию научных военно-исторических знаний. Фукидид видит главную задачу в «отыскании истины»⁹, сознательно и последовательно решает ее. Ему чужды взгляды поэтов, приукрашивающих и преувеличивающих события прошлого, и предостерегает от доверия к «прозаикам», «сложившим свои рассказы в заботе не столько об истине, сколько о приятном впечатлении для слуха... Пусть знают,— писал он,— что события мною восстановлены с помощью наиболее достоверных свидетельств, настолько полно, насколько это позволяет древность их... Быть может изложение мое, чуждое басен, покажется менее приятным для слуха; зато его сочтут достаточно полезным все те, которые пожелаю иметь ясное представление о минувшем...»¹⁰. Этим правилом руководствуется исследователь при освещении истории Древней Греции, прежде всего истории Пелопоннесской войны.

Решить такую сложную задачу, как «отыскание истины», можно было лишь при условии смелого и решительного отказа от метода, которым столь широко пользовались логографы и Геродот, метода рационализации мифов. Так, если Геродот исход Гроанской войны связывает с вмешательством сверхъестественных сил, роком и т. п., Фукидид объясняет его естественным следствием сложившихся в Пелопоннесе политических отношений и соотношения сил борющихся сторон. Он считает, что «из-за скудости провианта эллины выступили с меньшим войском, таким только, какое, по их расчетам, могло содержаться во время войны на взятые средства. По прибытии к Трое эллины одержали победу в сражении,— это несомненно, потому что иначе они не могли бы возвести укрепления подле своей стоянки. Однако и под Троей эллины, очевидно, употребили в дело не все свое войско, а стали заниматься земледелием в Херсонесе и разбоем, по недостатку средств к жизни. Главным образом вследствие этой раздробленности эллинов троянцы и могли оказывать им сопротивление в течение десяти лет, каждый раз будучи равносильны остающимся на месте неприятелям»¹¹.

Фукидид и в последующем изложении ни словом не обмолвился о вмешательстве богов в события войны — это отвечало его мировоззрению и стремлению к поиску истины.

Другой пример. В поражениях персов Геродот усматривал действие божества, карающего людское высокомерие и наказывающего оскорбление святыни. Фукидид же указывал, что «персы по-

терпели неудачу главным образом по собственной вине... вследствие собственных их ошибок»¹². И далее: афиняне одержали победу благодаря превосходству их военного искусства и энергичным действиям¹³.

Подобно тому как Демокрит впервые отказался от разного рода теологических объяснений явлений природы, положив в основу своих исследований принцип причинности, Фукидид, как показано выше, отверг объяснения событий общественной жизни указанием на вмешательство в них различных сверхъестественных сил, на провидение и рок и первым из историков избрал принцип поиска естественных причин исторических событий.

Он впервые придал огромное значение методам критической проверки тех сведений, которые использовались им для реконструкции событий военной истории. Он отделял достоверные факты от вымысла и стремился проникнуть во внутренние причинно-следственные отношения, вскрыть действительные причины излагаемых событий. Поставив задачу дать объективное и достоверное изложение событий Пелопоннесской войны, Фукидид использовал документальные материалы — тексты договоров, надписи, вещественные памятники, а также свидетельства очевидцев и личные наблюдения. Успехи Фукидида как военного историка объясняются его глубокими знаниями военного дела: он был активным участником Пелопоннесской войны, командовал афинской эскадрой у берегов Фракии. Способствовало этому также хорошее образование и знакомство с современными философскими и естественнонаучными знаниями, с учениями Анаксагора, Гиппократы, а также старших софистов: Протагора, Горгия, Антифонта. Фукидид особенно многим обязан своему учителю Анаксагору — представителю материалистического направления, — который вслед за Эмпедоклом признавал движение и качественное многообразие мира и выдвинул учение о разуме как движущей силе бытия. Но он считал разум не началом, которое противоположно материи, а чем-то вроде некоего вещества, единственно которому и свойственно движение.

На мировоззрение Фукидида сильное воздействие оказала также его близость к выдающемуся политическому деятелю Афин Периклу и его окружению, которое составляли Сократ, трагик Софокл, архитектор Гипподам, философ Зенон, последние были убеждены в совместимости коллективной морали демократического государства Афин с интересами отдельного гражданина. Эту точку зрения Фукидид выразил в воспроизведенной им речи выдающегося деятеля демократических Афин Перикла, которую тот произнес над прахом афинских воинов, павших в Пелопоннес-

⁹ Фукидид. История, т. I. М., 1915, с. 15.

¹⁰ Там же, с. 15—16.

¹¹ Там же, с. 10.

¹² Фукидид. Указ. соч., т. I, с. 44.

¹³ Там же, с. 45—49.

ской войне. Перикл говорил о преимуществах афинского государственного строя, который называется «демократическим потому, что он зиждется не на меньшинстве, а на большинстве их (граждан. — *Авт.*). По отношению к частным интересам законы наши представляют равноправие для всех...»¹⁴.

Не без влияния Анаксагора и софистов Фукидид решительным образом устранил из своего труда о войнах все мифическое, божественное и для объяснения всех военных событий стремился найти естественные причины и свойственные людям мотивы и цели их действий и поступков. И в этом отношении Фукидид делает значительный шаг вперед по сравнению с Геродотом.

Мировоззрение Фукидида находилось в тесной связи с его верой в силу человеческого ума при неизменности свойств человеческой природы. С этим связано и его убеждение в повторяемости событий и применимости к ним тех обобщений и выводов, которые он делает относительно Пелопоннесской войны.

Взглядам Фукидида была присуща идея причинности. Он стремился раскрыть причины событий, которые излагал, делал попытку отличить основные причины от случайных обстоятельств. Так, события в Эпидамне и Потидее, жалобы Мегары и Эгины, по мнению Фукидида, являлись лишь поводами и предлогами к войне. Подлинная причина заключалась в возвышении могущества Афин, возбуждавшего зависть и страх у других полисов, прежде всего Спарты, Коринфа и их союзников. «Афиняне, — писал Фукидид, — своим усилением стали внушать опасение лакедемонянам и тем вынудили их начать войну»¹⁵. Как бы подводя итог описанию событий, предшествовавших войне, он отмечал: «Большинство эллинов было раздражено против афинян: одни потому, что желали избавиться от их владычества, другие из страха попасть под это владычество»¹⁶.

Фукидид был убежден в том, что одинаковые причины и условия вызывают и одинаковые следствия. На этом основании он делал своеобразные исторические обобщения, заключающие в себе немалый философский опыт.

Оценивая «Историю» Фукидида в целом, следует подчеркнуть, что она по праву считается вершиной в античной историографии. И хотя он был современником Геродота, его творчество несравненно выше «отца истории», пронизано философскими воззрениями эпохи античного просвещения.

Взаимовлияние философии и истории рельефно отразилось и во взглядах Ксенофонта (430—355/354 гг. до н. э.) — древнегреческого историка, философа и военного деятеля.

Принадлежность к крупнобюрократической аристократической среде и традиционное аристократическое воспитание, участие в военных и политических событиях того времени, знакомство и дружба со спартанским царем Агесилаем способствовали укреплению в Ксенофонте проспартанских настроений и формированию его взглядов на военную историю. Все это особенно ярко проявилось в трудах «Агесилая», «Греческая история» и «Лакедемонская полития».

В работах «Анабасис», «Греческая история», «Киропедия», в книгах «О всадническом искусстве», «Об обязанностях гишарха» и других с позиций наивного материализма им рассматривались вопросы о функциях и качествах военачальника, о построениях войск, выборе момента для удара по противнику, о роли кавалерии и пехоты, об обучении и воспитании войск. «Стратег, — писал Ксенофонт, — должен обладать способностью готовить все, что нужно для войны... должен быть изобретательным, энергичным, заботливым, выносливым, находчивым... осторожным и отважным в нападении; и вообще, чтобы быть хорошим стратегом, надо обладать качествами как природными, так и приобретенными учением»¹⁷. Он высказал идеи о зависимости боевого построения и действия войск от таких объективных условий, как время суток, рельеф местности, состояние дорог, соотношение сил сражающихся сторон, и пришел к выводу об обусловленности решений стратегов и действий войск боевой обстановкой.

Реакционные политические взгляды Ксенофонта, его близость к Агесилаю и другим вождям Спарты не могли не сказаться на освещении им событий общественной жизни, прежде всего военной истории. Свою «Греческую историю» он пытался представить как продолжение «Истории» Фукидида, начав излагать события с того периода (411 г. до н. э.), на котором остановился последний. Однако как историк Ксенофонт стоит несравненно ниже двух своих предшественников — Геродота и Фукидида. Ксенофонт не ставил себе задачи «отыскания истины», не стремился проникнуть в глубь явлений, понять их внутренние связи и причины. Элементы стихийного материализма при освещении Ксенофонтом вопросов военного искусства, характеристике в отдельных местах факторов побед и поражений затеваются его субъективно-идеалистическими воззрениями при описании истории войн и политической жизни в античной Греции.

Ксенофонт довольно свободно обращался с фактами, выпячивая удобные и замалчивая другие, хотя в действительности они могли иметь решающее значение. Здесь явно проявился субъективизм автора, преднамеренно искажавшего историю в угоду оп-

¹⁴ Фукидид. Указ. соч., т. I, с. 120.

¹⁵ Там же, с. 17.

¹⁶ Там же, с. 102.

¹⁷ Ксенофонт. Сократические сочинения. Л., 1935, с. 94.

ределенной, заранее избранной концепции. Так, если в первой части «Греческой истории» Ксенофонт дал относительно объективное изложение событий, то во второй явно обнаружилось его пристрастие к Спарте и враждебное отношение к Фивам. Историю Греции он превратил по существу в историю Спарты. Здесь много и красочно описывались даже незначительные и второстепенные военные действия спартацев, особенно Агесилая, и умалчивались или упоминались вскользь события первостепенной важности для всей Греции. Это относится прежде всего к вопросу о создании Второго афинского союза, победе Конона при Книде. Рассказывая о битве при Левктрах, он не упомянул имени Эпаминонда, не называл он его и при описании первого похода фиванцев в Пелопоннес и нападении их на Спарту; впервые имя Эпаминонда встречается лишь в связи с его третьим походом в Пелопоннес и его действиями в Ахайе¹⁸⁻²⁰. Его описание битвы при Левктрах было самым слабым местом во всей «Греческой истории». Вместе с тем следует отметить, что как военный деятель Ксенофонт не мог не придавать решающего значения военной тактике в сражениях и тем не менее он не упомянул ни словом о превосходстве тактики Эпаминонда и пытался объяснить поражение стечением случайных обстоятельств, неблагоприятных для Спарты²¹.

Шагом назад по сравнению с «Историей» Фукидида являются положения «Греческой истории», в которых Ксенофонт, признавал непосредственное вмешательство божества в ход событий. Так, по его мнению, бог передал лакедемонян в руки их врагов, и те «имели возможность убивать направо и налево, ибо божество предоставило им случай, на который они никогда не могли надеяться»²². И еще: «Можно привести как из истории греков, так и из истории варваров много примеров того, что боги не оставляют без возмездия творящих безбожные и богопротивные дела»²³. Объяснение военно-исторических событий волей, гневом или вмешательством божества в их ход и исход у Ксенофонта встречается довольно часто²⁴.

Трудами Ксенофонта заканчивается классический период развития греческой историографии, в том числе военной. Многие гражданские и военные историки более позднего времени, включая период Римской империи, широко использовали сочинения Геродота, Фукидида и Ксенофонта как образцы для подражания и как исторические источники. Все три историка значительную

часть своих трудов посвятили описанию событий военной истории.

Военно-исторические взгляды Геродота, Фукидида, Ксенофонта и других античных греческих историков формировались и развивались, как это было сказано выше, в русле определенных мировоззренческих концепций и в ряде случаев прямо и непосредственно смыкались с определенными философскими позициями. Вместе с тем общеисторическая и военно-историческая мысль в свою очередь имела определенное влияние на развитие социально-политических воззрений древнегреческих философов, в частности Платона и Аристотеля.

Показателен в этом отношении труд Аристотеля «Афинская полития». Аристотель при создании этой работы опирался на сочинения Геродота, Фукидида, Ксенофонта и Эфора. «Историей» Геродота Аристотель пользовался при написании тех преимущественно разделов, где речь идет о Писистрате и Клисфене²⁵.

Таким образом, сочинения древнегреческих философов обогащались данными историографии, в том числе военной, а материалистическая и идеалистическая философия оказывала существенное влияние на характер и тенденции ее развития.

Важную роль в дальнейшем накоплении военно-исторических знаний сыграл древнегреческий историк Полибий (около 200 г. — около 120 г. до н. э.). Его «Всеобщая история» в 40 книгах (из них полностью сохранились лишь первые 5) являет собой практически первую попытку изложения во взаимной связи истории Греции, Македонии, Малой Азии, Сирии, Египта, Карфагена и Рима. Факты политической жизни и военной истории этих государств излагались им по принципу синхронности. Свою «Историю» он называет прагматической, т. е. деловой, имеющей задачу «дать людям любознательным непреходящие уроки и наставления правдивою записью деяний и речей... принести пользу любознательным читателям правдою повествования»²⁶. Отсюда и конкретная цель его труда: «каким образом, когда и почему все известные части земли попали под власть римлян»²⁷ в течение столь короткого времени (в течение 53 лет). Считая историю наставницей жизни, он полагал, что описывать военные события вправе лишь тот, кто имеет личный военный опыт и обладает знанием военных и государственных дел, географии и т. д.

В качестве исходного периода изложения событий он берет 140-ю Олимпиаду (220 г. до н. э.) и за начало своей «Истории»

¹⁸⁻²⁰ См.: Ксенофонт. Греческая история. Л., 1935, с. 161—162, 174—176.

²¹ См.: там же, с. XI.

²² Там же, с. 86.

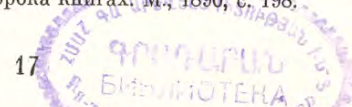
²³ Там же, с. 123.

²⁴ Там же, с. 95, 150, 196, 198—199.

²⁵ Бузескул В. «Афинская полития» Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в. Харьков, 1895, с. 199—235.

²⁶ Полибий. Всеобщая история. В сорока книгах. М., 1890, с. 198.

²⁷ Там же, с. 243.

Полибий принимает «войны союзническую (Греции.— Авт.), аннибалову и сверх того войну за Койлесирю»²⁸. И это не случайно, ибо эти события совершались отдельно, имели свои собственные цели и не были связаны друг с другом. В последующем же все важные военно-политические события как бы сливаются в нечто целое — италийские и ливийские события переплетаются с азиатскими и эллинскими и ведут к общему концу — подчинению римскому владычеству всего Средиземноморья. В этом Полибий видит естественный, закономерный процесс исторического развития и отмечает, что «особенность нашей истории и достойная удивления черта нашего времени состоит в следующем: почти все события мира судьба направила насильственно в одну сторону и подчинила их одной и той же цели»²⁹.

Историк доказывал, что «римляне не случайно и бессознательно, как думают о том некоторые эллины, но с верным расчетом и по изощрению своих сил в столь многочисленных и важных битвах, не только возымели смелую мысль о подчинении и покорении мира, но и осуществили ее»³⁰. Именно поэтому он стремится не к простому описанию, а к объяснению событий, раскрытию их причин и взаимосвязи в ходе завоевания римлянами мирового господства. Причем признание им важности выяснения причин событий вытекало из его убеждения в прагматическом характере исторического исследования, поучительности истории. «По нашему мнению,— писал Полибий,— необходимейшие части истории те, в которых излагаются последствия событий, сопутствующие им обстоятельства и особенно причины их»³¹. Историк связывал поучительность истории и выяснение причин событий с непрерывным поиском истины, ибо «история обращается в бесполезное разглагольствование, раз она лишена истины»³².

Однако, говоря о причинности событий и высказывая предположения о закономерном ходе истории, Полибий наряду со стихийно-материалистическими высказывает и сугубо идеалистические взгляды на причины и ход исторических событий. Особенно это проявляется в его представлениях, кстати, довольно непоследовательных, о роли судьбы в истории общества, якобы направляющей события к определенной цели. Так, объясняя, почему он избрал 140-ю Олимпиаду в качестве начального этапа истории для своего повествования, Полибий отмечал, что тогда «сама судьба придала совершенно новый вид всей обитаемой земле» и в связи с повсеместно происшедшими в то время переменами пра-

²⁸ Полибий. Указ. соч., с. 243.

²⁹ Там же, с. 15.

³⁰ Там же, с. 85.

³¹ Там же, с. 276.

³² Там же, с. 26.

вителей «должно было наступить и новое положение дел»³³. К судьбе он относился неодинаково, то считая ее могущественной и неотвратимой³⁴, то совершенно отвергая ее роль в общественной жизни³⁵. Веру в богов Полибий признавал полезной, как средство для обуздания толпы.

Особенно важное значение историк придавал государственному устройству, в известной мере абсолютизируя его роль. Так, успехи римлян в завоевании мирового господства он в значительной степени объяснял их государственным устройством. Его взгляды на роль государственного строя сложились под влиянием знакомства с учениями Платона и Аристотеля. Весьма сильное влияние на его мировоззрение оказала стоическая школа.

Одним из выдающихся историков Древнего Рима был Саллюстий (86—35 гг. до н. э.), видный общественный деятель, сторонник Цезаря. Он написал три исторических сочинения: «Заговор Катилины», «Югуртинская война» и «Истории», в которых видное место занимают военно-исторические проблемы.

На формирование социально-политических взглядов Саллюстия оказали влияние историко-философские работы древнегреческих мыслителей, в особенности учение Платона. Есть основания предполагать, что периодизация римской истории, ее трехчленное деление, данное в работе «Заговор Катилины», заимствована в общих чертах у Платона. Причины упадка современного ему римского государства Саллюстий видел в нравственном разложении нобилитета.

Политическим идеалом Саллюстия был рабовладельческий умеренно-демократический полис, который должен выражать интересы средних и мелких собственников из числа римских граждан. Саллюстий дал идеологическое обоснование названного государственного устройства как идеального и открыто обвинил своего политического врага — нобилитет — в корыстолюбии и честолюбии, развращенности и безнравственности, приведших римское общество к гибели. Цель написания истории Югуртинской войны для Саллюстия вполне конкретная: показать истоки борьбы против нобилитета, обличить его злокозненность. В историческом экскурсе «Югуртинской войны» римская история излагается как история борьбы между плебсом и нобилитетом.

Для военной истории несомненный интерес представляют труды Юлия Цезаря (102 или 100 — 15.III.44 г. до н. э.) — римского государственного и политического деятеля, полководца и военного писателя. Особенно ценными для военной истории являются его «Записки о галльской войне» и «Записки о гражданской войне».

³³ Там же, с. 406.

³⁴ Там же, с. 15—17, 141—142, 179—180, 213.

³⁵ Там же, с. 85, 178.

Не будучи тщательным и тем более фундаментальным военно-историческим исследованием, они вместе с тем представляют собой яркий и правдивый, особенно в отношении к галльским воинам, рассказ непосредственного участника военных событий. «Записки о галльской войне» — единственное более или менее полное освещение этой стороны военной и политической жизни Рима I в. до н. э. Более субъективными являются «Записки о гражданской войне». И это связано с тем, что в данном случае Цезарь стремился убедить своих сограждан в своей невинности в развязывании гражданской войны, которая, по его мнению, была ему навязана. Тем не менее труды Юлия Цезаря, особенно его «Записки о галльской войне», представляют собой большой вклад в развитие античной военно-исторической мысли: в них дается синтетический обзор истории определенного периода в жизни древних римлян и других народов, позволяющий судить о их военной истории.

Одним из историков, обративших внимание на классовую борьбу в Риме как на фактор исторического процесса, был Аппиан (II в.). Он написал «Римскую историю» в 24 книгах, в которой изложил историю Рима от его основания до первых десятилетий II в. Описание дано по крупнейшим военным столкновениям, военные события излагаются строго по фактам.

К. Маркс писал о «Гражданских войнах» Аппиана (книги 13—17-я) в письме к Ф. Энгельсу: «...по вечерам читал для отдыха Аппиана о гражданских войнах в Риме в греческом оригинале. Очень ценная книга. Автор — родом из Египта. Шлоссер говорит, что у него «нет души», вероятно потому, что тот старается докопаться до материальной основы этих гражданских войн»³⁶. Ф. Энгельс также дал высокую оценку Аппиану: «Из древних историков, которые описывали борьбу, происходившую в недрах Римской республики, только Аппиан говорит нам ясно и отчетливо, из-за чего она в конечном счете велась: из-за земельной собственности»³⁷.

Для военной истории значительный интерес представляют «Сравнительные жизнеописания» Плутарха (около 46 г. — около 127 г.). При изложении биографий выдающихся исторических лиц Плутарх группировал их попарно; в каждой паре представлены грек и римлянин, между которыми он видел сходство в каком-либо отношении.

Плутарх при отборе персонажей на первый план ставил полнскую Грецию и Римскую республику, причем применительно к последней предпочтение отдавал периоду гражданских войн,

которые в той или иной степени отражены в биографиях Гракхов, Мария, Суллы, Сертория, Лукулла, так называемого «первого триумvirата» в лице Красса, Помпея и Цезаря и его противников — Цицерона, Катона Младшего и Брута.

Будучи идеалистом-эклектиком (он больше всего преклонялся перед Платоном, хотя отдавал дань философам стоической, перипатетической и пифагорейской школ), Плутарх как философ-моралист в основу биографических описаний клал оценочную концепцию «великого человека», рисовал его характер. История, по его мнению, призвана способствовать исправлению нравственности. В биографии Эмилия Павла он пишет: «Глядя в историю, словно в зеркало, я стараюсь изменить к лучшему собственную жизнь и устроить ее по примеру тех, о чьих доблестях рассказываю»³⁸. Отсюда понятно, почему он идеализирует своих героев, опускает многие важные исторические факты или касается их мельком и в то же время нередко акцентирует внимание на мелких фактах и даже анекдотах, если они содержат материал, позволяющий обрисовать характер героя.

Приведенная выше краткая характеристика формирования и развития военно-исторических знаний в рабовладельческом обществе показывает, что они выражали борьбу двух основных направлений в философии — материализма и идеализма. Эта борьба отражалась во взглядах историков на прошлые и современные им военные события, объяснение их причин, их места и роли в общен историческом процессе, на достоверность изложения. Вместе с тем исторические описания в свою очередь оказывали определенное влияние на философские воззрения древних мыслителей. Нередко в одном лице сочетались историк и философ. На формирование относительно достоверных военно-исторических знаний определяющее влияние оказал материализм и стихийная диалектика древних мыслителей. Именно они помогли древним историкам преодолеть мифологическую и религиозную традиции в объяснении явлений природы и общественной жизни. Идеалистические воззрения не позволяли историкам искать естественные причины описываемых событий и поступков людей, что тормозило процесс формирования достоверных военно-исторических знаний.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 30, с. 125—126.

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 312.

³⁸ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В трех томах. Т. I. М., 1961, с. 305.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ВОЗРОЖДЕНИЯ

Возникновение феодальной общественно-экономической формации в различных странах произошло в разное время: в Индии, например, в первые столетия нашей эры, в Закавказье — в IV—VI вв., в Западной Европе — в V—VI вв., в России — IX в. Господствующей идеологией в феодальном обществе была религия. Теологическое мировоззрение господствующих классов вытекало из особенностей феодального строя, имело объективные причины, о которых Ф. Энгельс говорил следующее: «Церковь с ее феодальным землевладением являлась реальной связью между различными странами; своей феодальной организацией церковь давала религиозное освящение светскому государственному строю, основанному на феодальных началах. Духовенство было к тому же единственным образованным классом. Отсюда само собой вытекало, что церковная догма являлась исходным пунктом и основой всякого мышления. Юриспруденция, естествознание, философия — все содержание этих наук приводилось в соответствие с учением церкви»³⁹.

В средневековый период религиозное мировоззрение стало господствующим и в исторической мысли, оно тормозило развитие исторических знаний. Наиболее распространенным объяснением исторических событий и фактов было провиденциалистское, указывающее на то, что ход истории, ее события и процессы predeterminedены божественной волей.

Теоретическим обоснованием теологического понимания истории послужили философские воззрения Августина, прозванного «блаженным» (354—430 гг.). Он считал, что «исторические события зависят от божественного провидения». По его мнению, от пожелания бога зависит даже продолжительность войн, который сокращает или удлиняет их «по своему усмотрению». Вся история в представлении Августина — это сплошная борьба между приверженцами бога, строящими «град божий», с одной стороны, и приверженцами сатаны, строящими «град земной», — с другой. Свою христианско-теологическую систему этот воинствующий проповедник религиозного мракобесия развертывал на основе мистического неоплатонизма. Воззрения Августина возникли на рубеже развала римской рабовладельческой империи и возникновения феодального строя и оказали определяющее влияние на формирование средневековой схоластики, а также дальнейшее

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 495.

«обоснование» «теологического понимания истории» вплоть до эпохи Возрождения. Именно он явился одним из первых теоретиков и пропагандистов теократической системы, обосновавшей главенство церковной (католической) власти над светской. Своими софизмами Августин, как известно, оправдывал рабство, частную собственность, неравенство.

Еще более реакционной оказалась философия истории последователя Августина Фомы Аквинского (1225—1274 гг.). В его трудах выражен основной принцип схоластики: философия — служанка богословия. Он вел активную борьбу со всякими проявлениями материалистических тенденций в схоластике.

Религиозные воззрения Августина и Фомы Аквинского оказали отрицательное, реакционное влияние на освещение исторических событий, в том числе военной истории.

Военно-исторические знания в период средневековья сосредоточивались главным образом в церковных (монастырских) хрониках. Военный историк России XIX в. Н. С. Голицын отмечал, что после падения Римской империи в течение около 1000 лет такого рода хроник во всех государствах Западной Европы накопилось чрезвычайно много. Они составили хотя и обильный материал для военной истории того времени, но сырой и в военном отношении явно неудовлетворительный, поскольку составителями хроник были люди невоенные^{40—41}. Следует отметить, что такого рода хроники, как правило, имели частный, местный характер, излагали события, относящиеся к отдельным городам, княжествам, небольшим регионам. С возникновением в XV в. книгопечатания хроники стали уже издаваться. На их основе началось также исследование и составление общенсторических и военно-исторических работ о средних веках.

Ограниченность религиозного мировоззрения вела к тому, что авторы хроник и летописей выделяли, как правило, лишь внешние связи событий и стремились только к их хронологической последовательности, а события военной истории и природные явления объяснялись чаще всего с позиций провиденциализма и мистики.

Покажем это вкратце на примере накопления военно-исторических знаний на Руси в XII—XVIII вв.

Первоначальной формой освещения военно-исторических событий на Руси были летописи, которые велись при монастырях и княжеских дворах. Классическим памятником первого этапа летописания, когда происходило формирование летописей, является «Повесть временных лет» (начало XII в.)⁴². Этот классический

^{40—41} Голицын Н. С. Всеобщая военная история средних времен, ч. I—II. СПб., 1876, с. XIII—XIV.

⁴² Бескровный Л. Г. Очерки военной историографии России. М., 1962, с. 9.

памятник пронизан идеей обоснования необходимости единства земли русской, самостоятельности русской государственности и культуры. В нем широко освещается история Руси с древнейших времен и до конца XI в.

В «Повести временных лет» важное место занимают вопросы военной истории. Освещение их подчинено вышеупомянутой общеполитической цели. Походы Олега, Игоря и Святослава против хазар, печенегов и византийцев, как утверждает летопись, имели по существу одну и ту же цель — обеспечить независимость русского государства в политическом и экономическом отношениях.

Второй этап летописания связан с усилением феодальной раздробленности на Руси, образованием целого ряда удельных княжеств и междоусобной борьбой за политическое главенство, великокняжеский престол. Этим обусловлено появление различных местных летописей: новгородской, владимирской, суздальской, ростовской, московской, галицко-волынской и т. д. В них освещаются различные события военной истории, связанные с борьбой русского народа против иноземных захватчиков — немцев, шведов, поляков (например, новгородская, псковская и галицко-волынская летописи).

Военно-политические вопросы нашли широкое освещение в «Слове о полку Игореве», «Житии Александра Невского» и «Задонщине» — этих жемчужинах народного творчества XII—XIV вв. В этих повестях не просто прославляются действия того или иного князя, рассказывается о собирании войск, их организации и походах, а ставятся политические цели — призыв к объединению усилий всего русского народа в борьбе за свою свободу, необходимость единства русского народа и объединения отдельных княжеств с укреплением власти великого князя.

С периодом образования и укрепления централизованного русского государства связан третий этап летописания (с конца XIV и до XVII в.). Идея единой державы нашла отражение в «Сказании о князьях Владимирских» и в «Степенной книге». Последняя преследовала цель доказать, что история русского государства связана с историей дома Рюриковичей.

Третий этап русского летописания характеризуется появлением летописных сводов, в которых предпринимаются попытки осмыслить историю всего государства и показать ее связь со всемирным процессом. Наряду с официальными летописями появляются исторические повести, авторы которых пытаются выявить причинно-следственные связи в исторических событиях, в действиях людей. Например, попытки выяснить причины освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. под руководством Богдана Хмельницкого предприняты в казацких летописях XVII—XVIII вв. В них отмечается, что причинами этой войны были

социальное, национальное и религиозное угнетение украинского народа польской шляхтой.

Большой интерес для военной историографии представляют появившиеся в XVI в. воинские повести. Например, «История о Казанском царстве» излагает ход борьбы Русского государства с казанским ханством, раскрывает значение возвращенных исконно русских земель. Последний этап Ливонской войны освещен в «Повести о приходе Стефана Батория под град Псков». Вооруженная борьба русского народа за свободу и независимость отражена в повестях: «Сказание Авраама Палицына», «Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского», «Поэтическая повесть об Азовском осадном сидении», «Историческая повесть о взятии Азова» и другие. Две последние повести имели целью доказать важность взятия Азова.

Возникновение исторической повести означало, что сделан крупный шаг в накоплении и развитии исторических знаний. Ценность исторической повести состоит в том, что в ней факты не просто освещаются, но и объясняются. Борьба русского народа против польско-литовских и шведских захватчиков и другие события начала XVII в. оказали большое влияние на развитие военно-исторической и военно-теоретической мысли в России.

В Западной Европе, как уже отмечалось, в средневековый период наиболее распространенным типом историографических произведений были хроники, содержащие относительно подробное и систематизированное по времени изложение событий и фактов. Особенно это относится к так называемым всемирным или универсальным хроникам. К числу наиболее известных из них относятся «Большая хроника» Исидора Севильского (VII в.), «Хроника» Оттона Фрейзингенского (XII в.) и др. Феодально-церковные хроники довольно подробно освещали многочисленные династические и «рыцарские» войны, крестовые походы и т. п. Характерной чертой этих хроник являлось то, что они настойчиво проводили богословскую концепцию истории в ее официальном церковно-феодальном духе. Все войны рассматривались как проявление божественной воли.

Наряду с церковно-феодальными хрониками, авторами которых, как правило, были монахи, в XIII в. появляются светские хроники. Одной из наиболее известных рыцарских хроник является «Хроника» Ж. Фруассара (XIV в.). Длительная борьба городов с сеньорами оказала влияние на содержание городских хроник, некоторым из них свойственны и антифеодальные тенденции.

В целом западноевропейские средневековые хроники и русские летописи являлись шагом назад по сравнению с античной общей и военной историографией. Военно-исторические и другие события общественной жизни объяснялись главным образом с пози-

ции провиденциализма. События в большинстве случаев рассматривались как проявление извечной борьбы бога и дьявола, неба и ада. Войны и стихийные бедствия объяснялись «божьей волей», «карой за грехи» или же кознями «дьявола», приближением «конца света». И хроники и летописи носили классовые черты: выражали интересы господствующих классов — духовных и светских феодалов.

Вместе с тем в работах отдельных средневековых мыслителей встречаются попытки вскрыть «земные» причины конкретных войн. Так, вопреки распространенным взглядам философов-схоластов, отстаивавших принцип божественной предопределенности человеческих поступков, оправдывавших захватнические войны феодалов и объяснявших причины, ход и исход войн божественной волей, армянский мыслитель Езник Кохбаци (80-е годы IV в. — 60-е годы V в.) в работе «Опровержение сект» высказал идею, что войны ведутся в целях захватов и грабежей: «...убийства происходят не по предопределению рока, а по наущению злой воли захватчика, который, вторгнувшись, алчно разрушает страну, грабят ее достояния и богатства»⁴³⁻⁴⁵. В его труде звучат не христианские мотивы подчинения судьбе, а призывы к борьбе, к активной защите родины.

Социальные противоречия феодального общества нашли свое отражение в средневековой историографии и обусловили возникновение различных оппозиционных официально церковно-феодальному пониманию смысла истории исторических концепций, так называемых средневековых ересей. Так, выражая идеологию масс, борющихся против гнета церковных и светских феодалов, Иахим Флорский (XII в.) выдвинул идею развития общества от рабства к свободе. Причем она утверждала неизбежность гибели как католической церкви, так и феодального государства еще до завершения земной истории людей. Вершиной антифеодальной концепции истории явились идеи Томаса Мюнцера об уничтожении частной собственности и социального неравенства революционным путем.

Коренной поворот в развитии исторической мысли в целом, военно-исторической в частности, наступил с созданием гуманистической историографии эпохи Возрождения, связанной с появлением раннекапиталистических отношений. Этот период положил начало преодолению церковно-феодальной концепции истории. Решающее значение для развития военно-исторической мысли имел разрыв с теологическим объяснением военных событий и других общественных явлений и поиск факторов их объяснения в самой реальной действительности. Представители гуманистической историографии пытались вскрыть законы исторического раз-

⁴³⁻⁴⁵ Цит. по кн.: История философии в СССР, т. I. М., 1968, с. 396—397.

вития и увидели его движущую силу в политической борьбе партий и социальных групп. Это был поистине поворот в историографии, приведший к прогрессивному развитию общей и военной историографии.

Наиболее видным представителем историографии эпохи Возрождения был Никколо Макьявелли (1469—1527 гг.), один из первых мыслителей нового времени, которые, как отмечал К. Маркс, «стали рассматривать государство человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта, а не из теологии»⁴⁶⁻⁴⁷. Ф. Энгельс во введении к «Диалектике природы» писал: «Макиавелли был государственным деятелем, историком, поэтом и, кроме того, первым достойным упоминания военным писателем нового времени»⁴⁸.

Для Макьявелли, как и для других деятелей эпохи Возрождения, философские взгляды периода античности были живительным источником для размышлений. Он был хорошо знаком с трудами Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Аристотеля, Плутарха, Тита Ливия, Тацита, Цицерона, Цезаря, Светония и других историков, философов, политических и военных деятелей Древней Греции и Рима. Макьявелли относился к античным писателям как политик-теоретик и практик. Он был реалистом и в своем стремлении видеть идеи античных мыслителей претворенными в жизнь, исходил из конкретных условий своего времени. Его философско-социологические выводы и концепция истории основаны на сочетании опыта древних с опытом современников. «...Главным у Макьявелли является не признание, а установление нового, не известного ни античным писателям, ни мыслителям Средневековья закона: исторический процесс, смена форм государств происходит не по желанию или фантазии людей, а под влиянием непреложных жизненных обстоятельств, под воздействием «действительного хода вещей, а не воображаемого»⁴⁹.

В работах, особенно «Государь», «История Флоренции», «Рассуждения по поводу первой декады Т. Ливия», Макьявелли выдвинул свою теорию государства. Его лучшей формой он считал республику. Но анализ итальянской действительности (постоянная вражда и столкновения итальянских государств, а также нападения иноземцев) побудил его сделать вывод о том, что объединение Италии в единое государство и его защита от внешних врагов возможны при условии сильной и неограниченной власти — диктатуры государя. Политические взгляды Макьявелли, выступавшего идеологом зарождающейся буржуазии, проникнуты духом патрио-

⁴⁶⁻⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 111.

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 346.

⁴⁹ Макьявелли Никколо. История Флоренции. Л., 1973, с. 367 (приложения).

тизма, идеей необходимости национального объединения Италии. Решающей силой такого объединения он считал армию.

Характерной чертой мировоззрения Макьявелли является признание исторической закономерности, ее поиск, стремление к выявлению объективных причинно-следственных связей в описываемых событиях общей и военной истории. Он решительный противник теологии. Движущей силой истории Макьявелли считал политическую борьбу. Так, в предисловии к «Истории Флоренции» он писал: «Общеизвестно, что в Риме после изгнания царей возникли раздоры между нобилиями и плебсом, и не утихали они до самой гибели Римского государства. Так было и в Афинах, и во всех других процветавших в те времена государствах. Но во Флоренции раздоры возникали сперва среди нобилей, затем между нобилиями и пополами и, наконец, между пополами и плебсом»⁵⁰.

В описании событий военной истории и в решении вопросов военной теории и практики Макьявелли проявил гибкость мышления, а в некоторых случаях обнаруживал и стихийно-материалистический подход.

Макьявелли много внимания уделял истории и теории военного искусства, посвятил этим вопросам специальную работу «О военном искусстве». Он явился одним из тех, кто пробудил интерес к вопросам теории и истории военного искусства, к изучению истории войн и военного дела.

Им высказан ряд плодотворных идей о значении экономического фактора в войне, о важности тесной связи действующей армии с тылом своей страны, о комплектовании и обучении армии, о правилах ведения войны и условиях, обеспечивающих достижение победы, и т. д. «Люди, оружие, деньги и хлеб, — писал он, — вот жизненная сила войны»⁵¹.

Вместе с тем нельзя не отметить и реакционных сторон в деятельности и творчестве Макьявелли. Говоря о государственных интересах, он считал допустимыми любые средства — насилие, убийства, предательства, обман и т. п. Известно его враждебное отношение к полупролетарским массам Флоренции, что особенно проявилось в описании восстания Чомпи в 1378 г. в «Истории Флоренции». Известны и другие реакционные аспекты его деятельности и творчества.

Младший современник Макьявелли Франческо Гвиччардини (1483—1540 гг.) также внес заметный вклад в развитие философско-социологических вопросов общей и военной историографии. Научная и практическая деятельность Гвиччардини представляет наглядный пример тесной взаимосвязи и взаимовлияния фило-

⁵⁰ Макьявелли Никколо. История Флоренции, с. 10.

⁵¹ Макьявелли Никколо. О военном искусстве. М., 1939, с. 210.

софских знаний, истории, права, этики, политики и военного дела. Обобщая свои глубокие познания в области истории и права, а также личный опыт дипломатической, политической и военной деятельности, он написал в 1529 г. знаменитые «Заметки политические и гражданские», в которых в форме афоризмов изложил свое философско-социологическое и этическое кредо. Эти «Заметки» были евангелием итальянской буржуазии в течение всего времени господства феодальной реакции и считались ею как «золотые предписания»⁵². Философско-социологические идеи этой работы затем были положены в основу главного произведения Гвиччардини — четырехтомной «Истории Италии», опубликованной после смерти автора в 1561—1564 гг. Вопросы военной истории Италии за период с 1492 по 1534 г. органически связаны с политической и отчасти экономической историей. Гвиччардини впервые создал историю не одного из многих итальянских государств, а всей страны как единого целого.

Как сын эпохи Возрождения, Гвиччардини искал объяснение исторических событий, в том числе войн, не в божестве и мистике, а в реальной действительности, в деятельности людей, прежде всего политических и военных руководителей. Эгоистические побуждения людей, стремление к власти, обогащению и самосохранению, по мнению мыслителя, являются движущими силами истории. Он дал яркую характеристику политических и военных деятелей рассматриваемого периода истории итальянских государств, стремясь в первую очередь раскрыть психологические побуждения их действий.

Исходным пунктом его философии истории является определенное понимание человеческой природы. В отличие от Макьявелли, считавшего, что люди от природы злы и порочны, Гвиччардини принял за аксиому тезис тех гуманистов, которые утверждали, что по своей естественной природе люди более склонны к добру, чем к злу.

Однако он не относится к тем философам-гуманистам, которые идеализировали человека и, исходя из этого, рассматривали войны как результат исторических недоразумений, возникших вследствие непонимания людьми своей истинной природы, утверждая, что достаточно просветить правителей и законодателей и войны исчезнут, наступит всеобщий, вечный мир. Флорентийский мыслитель считал, что между идеальной природой человека и его реальным поведением в обществе находятся такие мощные побудительные силы, как интерес, стремление к личной пользе и выгодам. Только государство, являясь выражением разума, сдерживает антиобщественные побуждения индивидуумов при помощи

⁵² Гвиччардини Ф. Соч. М., 1934, с. 8.

насилия и поощрений. Эту точку зрения Гвиччардини облек в следующую формулу: «Человек от природы склонен к добру, и добро нравится больше, чем зло, если только зло не принесит наслаждение и выгоды; однако природа человеческая хрупка, соблазны же зла бесконечны, и люди легко отступают от природной склонности ради интереса. Поэтому не ради насилия, а для удержания людей в верности их природе изыскивали мудрые законодатели для них шпоры и узду, то есть награду и наказание...»⁵³.

Наилучшим государственным устройством Гвиччардини считал аристократическую республику. Рассматривая армию как необходимое орудие государства, а войны как естественное следствие существования государств, он решительно осуждал народные восстания, в том числе знаменитое восстание Чомпи в 1378 г., с описания которого начинается его «История Италии». Показательно, что Гвиччардини уже на ранней стадии развития буржуазии являлся выразителем буржуазной идеологии (своейственной более поздним эпохам), что проявлялось в его ненависти к массам.

Весьма характерно отношение Гвиччардини к религии — идеологической основе морального духа армии того времени. Подобно многим мыслителям-гуманистам он был равнодушен к религии и в объяснении исторических событий обычно обходился без теологической аргументации. Вместе с тем он подчеркивал огромное значение религиозной веры для использования народных масс в интересах политики и ведения войны. Размышляя о причинах беспримерного упорства жителей Флоренции, которые в течение семи месяцев выдерживали осаду соединенной армии папы римского и императора Священной римской империи, Гвиччардини делал следующее религиозно-философское обобщение: «Если люди благочестивые говорят, что, кто имеет веру, творит великие дела, и если сказано в евангелии, — кто имеет веру, тот может двигать горы и т. д., то это потому, что вера дает упорство»⁵⁴.

В исторических работах Гвиччардини выступает прежде всего как трезвый, расчетливый политик. Военные действия он рассматривал через призму политики и решительно осуждал цели нереальные, основанные на отвлеченных доктринах или ожидании благоприятной случайности. Однако его прагматизм и утилитаризм приобретал ярко выраженную индивидуалистическую окраску. Он рассматривал политическую борьбу и военные конфликты в истории Италии с менее широких позиций, чем Макьявелли, не раскрывал причин и закономерностей общественных явлений и самые крупные исторические события склонен был объяснять мелкими и случайными, по преимуществу психологическими при-

⁵³ Гвиччардини Ф. Соч., с. 180.

⁵⁴ Там же, с. 107.

чинами. Правда, в исторических работах он больше, чем Макьявелли и другие историки-гуманисты, уделял внимание экономической стороне жизни Италии. Вопросы военной истории он рассматривал в связи с политической и отчасти экономической историей.

Гвиччардини в отличие от большинства историков его времени широко использовал для написания своих трудов документальные источники, доступные ему как политическому, дипломатическому и военному деятелю. Его «История Италии» долгое время считалась образцовым произведением и главным источником по политической и военной истории Италии конца XV — первой половины XVI в. Известный русский военный историк Н. С. Голицын писал, что этот труд Гвиччардини — «главный и лучший источник истории войн в Италии»⁵⁵. Работы Гвиччардини оказали большое влияние на историков, философов и социологов нового времени.

Заслуга Макьявелли, Гвиччардини и других историков и мыслителей эпохи Возрождения состоит в разрыве со средневековой схоластикой и феодально-церковной концепцией истории и в коренном повороте исторической мысли на путь рационализма и реализма. Своими трудами они расчищали почву для последующего формирования военной истории как науки.

⁵⁵ Голицын Н. С. Всеобщая военная история средних времен, ч. III. СПб., 1878, с. 12.

СТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

XVI — первая половина XIX в. были периодом становления и развития военной истории как относительно самостоятельной науки. На формирование и развитие военно-исторических знаний и их взаимодействие с философией решающее влияние оказывали социально-экономические, политические и духовные процессы эпохи разложения и гибели феодальной общественно-экономической формации, зарождения и утверждения капиталистического общества. Противоречия между быстро развивавшимися буржуазными и загнивавшими феодальными производственными отношениями, обострение классовой борьбы между феодалами, буржуазией и трудящимися массами, возникновение наций и национальных государств, многочисленные войны, мощные политические и духовные движения — Реформация, Возрождение, Просвещение, первые буржуазные революции, быстрое развитие естественных и общественных наук и все более усиливавшаяся их дифференциация — таковы наиболее важные из этих процессов.

ФИЛОСОФСКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОФОРМЛЕНИЯ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ В САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ НАУКУ

Развитие военно-исторических знаний в XVI—XVIII вв. было неразрывно связано с борьбой между буржуазной и феодально-средневековой идеологиями. Феодальное религиозно-мистическое мировоззрение было в то время главным препятствием на пути познания законов природы и общества, в частности научного подхода к исследованию проблем военной истории. Преодоление провиденциализма, снимавшего проблемы причинности, внутренней связи и закономерности событий и сводившего задачи историка к изложению фактов и религиозно-теологическому морализированию, стало настоящей потребностью развития исторического познания, превращения его в науку. В решении этой проблемы определенную роль сыграла буржуазная по своему классовому характеру социально-философская и историческая мысль эпохи Возрождения и Просвещения.

Буржуазная социальная философия и философия истории развивались в целом в русле идеализма. Материалистическая философия, получившая значительное развитие и распространение в XVII—XVIII вв., особенно в Англии, Франции, Италии и Голландии, правильно решала основной философский вопрос только во взглядах на природу; в понимании же общества она стояла на идеалистических позициях. Материализм того времени носил механистический, метафизический характер, ему была не доступна диалектическая концепция развития. Тем не менее буржуазная философско-социологическая мысль того времени выдвинула ряд прогрессивных и плодотворных положений, идей и теорий, способствовавших развитию исторических, в том числе военно-исторических знаний, высвобождению их из-под влияния абсолютно антинаучного религиозного мировоззрения. Этому способствовало то, что в рамках идеалистического понимания истории постепенно развивался диалектический метод, пробивали себе дорогу идеи историзма, социального прогресса, причинности, необходимости, закономерности и единства исторического процесса; у некоторых буржуазных мыслителей XVIII — первой половины XIX в. возникали материалистические догадки о важной роли географической и социальной среды в развитии общества, о существовании классов и классовой борьбы. Философы XVII—XVIII вв. и первой половины XIX в. внесли значительный вклад в разработку общенаучных методов познания: анализа и синтеза, индукции и дедукции и т. д. Эти методы использовали и военные историки. В исторические исследования постепенно внедрялся сравнительно-исторический метод.

Философы и философски мыслящие историки эпохи Возрождения нанесли ощутимые удары богословскому провиденциализму и подвергли критике примитивные теологические концепции, из которых исходили авторы средневековых хроник. В противовес провиденциализму мыслители XVII—XVIII вв. выдвинули и обосновали рационалистическое понимание истории. Однако полностью преодолеть провиденциалистское понимание истории с позиций идеалистического и метафизического мировоззрения было невозможно, и элементы провиденциализма или его рецидивы всегда оставались в буржуазной историографии, в том числе военной.

Столь же непосредственно развивалась борьба против примитивного описательства, характерного для средневековых хроник. Передовые буржуазные философы начиная с Ф. Бэкона и Г. Галлея, убедительно доказывали необходимость тесного союза опыта и рассудка, единства эмпирического и теоретического познания, описаний фактов и их объяснения. Развитие военного дела постоянно ставило перед историками задачу обобщения военно-исторического опыта для развития военной теории, которая находилась на исключительно низком уровне и отставала от воен-

ной практики, особенно в эпоху, когда резко возросла численность армий, войны получили больший размах, а огнестрельное оружие стало важным фактором вооруженной борьбы. Военная историография приобретала первостепенное значение, и правители, военачальники начали уделять ей огромное внимание, нередко принимая непосредственное участие в ее развитии. Однако господство метафизического метода создало серьезные трудности для развития военно-исторических исследований. Отрицательное влияние метафизики проявлялось прежде всего в ориентации военных историков относительно предмета исследования и в отношении к военно-историческому наследству. Философы, а вслед за ними и другие мыслители эпохи Возрождения рассматривали средневековье как мрачную и совершенно бесплодную эпоху, видели в нем лишь попятное движение, не замечая прогресса в производстве и общественных отношениях, постепенно подготовивших взлет искусства, науки, философии в XVI—XVIII вв. В то же время они идеализировали общественные отношения и культуру Древней Греции и Рима. Такое же нигилистическое отношение к опыту средневековья и идеализация античности характерны и для военных писателей XVI—XVII вв. Несмотря на то что развитие производительных сил и изобретение пороха вызвали существенные изменения в материальной базе ведения войны, военные историки и теоретики усиленно изучали опыт ведения войны в Древнем Риме и Греции и, игнорируя военный опыт эпохи средневековья, не уделяли внимания даже ближайшему военно-историческому прошлому, когда началось применение огнестрельного оружия.

В центре внимания военных историков эпохи Возрождения находились военные походы Александра Македонского, Ганнибала и особенно Юлия Цезаря. В XVI и XVII вв. было написано множество «комментариев» на труды Ю. Цезаря, Тита Ливия, Полибия, Ксенофонта и других античных авторов. Эти работы сыграли определенную роль в развитии военно-теоретических и исторических знаний в новое время, имели значение для практики военного дела. Военные деятели первой буржуазной революции в Нидерландах и освободительной войны голландцев против испанской феодальной монархии (1565—1609 гг.), в частности Вильгельм Оранский, придавали первостепенное значение полководческому искусству античности, всемерно поощряли военно-исторические исследования опыта древних и использование его в разработке новых способов вооруженной борьбы, соответствовавших духу времени.

На смену исключительному вниманию к культуре и историческому опыту античности, характерному для философии, науки и искусства эпохи Возрождения, особенно раннего, с конца XVI в. все более настойчиво пробивает себе дорогу стремление

философов, а вслед за ними и историков к непосредственному изучению и обобщению социального опыта современности и ближайшего прошлого. В XVII в. появляется значительное количество военно-исторических работ, в которых описывался и обобщался опыт войн ближайшего прошлого. Поток этой литературы заметно возрос после Нидерландской революции и Тридцатилетней войны (1618—1648 гг.). Однако научный уровень военно-исторических работ был весьма невысоким. Это были главным образом мемуары полководцев и других военачальников. В XVII—XVIII вв. мемуары пользовались большим спросом, особенно если авторы были крупными военными и политическими деятелями. Эти труды служили основным и часто наиболее достоверным из общедоступных источников изучения войн той эпохи. Официальные документы по истории этих войн держались тогда в строгом секрете. Хотя многие войны XVII—XVIII вв. длились, как правило, долгие годы и даже десятилетия, военные действия практически развертывались лишь поздней весной и продолжались до осени. Затем войска располагались на зимние квартиры, и военачальники имели достаточно времени для подведения итогов летней кампании и составления мемуарных записок по дневникам или просто по памяти. Авторы мемуаров давали объяснения своим действиям и оценку действиям противника.

В этих трудах так или иначе отражался дух философии того времени, характерные черты ее влияния на военно-исторические исследования. Прежде всего бросается в глаза идеалистический подход к освещению событий и процессов военной истории. Причины войн все еще часто усматривались в конечном счете в воле бога, «провидения», а непосредственно — в борьбе между «истинными» и «неистинными» религиозными верованиями. Это — объективно-идеалистический подход религиозного толка. Все большее распространение получали и субъективно-идеалистические, волюнтаристские воззрения на войну, согласно которым это общественное явление порождается якобы лишь в результате ошибок или же дурных намерений правителей, государственных и военных деятелей. Ход и исход войн, причины побед и поражений военные историки рассматривали главным образом с субъективно-идеалистических позиций, видели их в талантах или бесталанности полководцев, военачальников, правителей, деятельность которых находилась в центре внимания исследователей и популяризаторов.

Субъективно-идеалистический подход, с одной стороны, способствовал популярности мемуаров как одного из самых типичных жанров военно-исторической литературы рассматриваемого периода, а с другой — был доведен до крайности именно этим жанром. В центре внимания авторов мемуаров оказывались лишь те события, в которых они непосредственно участвовали, независимо от того, являлись они действительно важными или же не-

важными, несущественными для военно-исторического процесса. Субъективизм, преднамеренное или непреднамеренное искажение фактов, лезть в адрес вышестоящих начальников, стремление представить в выгодном свете свои действия и очернить действия недругов — все это значительно снижало научную ценность такой литературы. Тем не менее именно среди мемуаров XVI—XVII вв. и первой половины XVIII в. появились отдельные труды, относящиеся к лучшим образцам военно-исторической литературы, написанной военными специалистами. Это прежде всего мемуары выдающихся полководцев того времени — французских маршалов Тюренна, Конде, Виллара¹, австрийских фельдмаршалов Монтекуколи и Евгения Савойского². Однако и эти работы носят следы влияния идеализма и метафизики. Поучительность этих работ для военной практики и теории снижалась тем, что они были опубликованы спустя многие годы, а то и десятилетия после смерти авторов.

Военные историки особо отмечают военно-историческую и теоретическую ценность трудов Тюренна и Монтекуколи. О мемуарах Тюренна немецкий военный историограф Йенс пишет: «Автор коротко и просто рассказывает о военных событиях за полуторадесятилетие с 1643 г. по 1659 г. При этом он стремится со всей ясностью и доскональностью разобрать все совершенные им ошибки, и его труд отличается такой правдивостью и добросовестностью, какие находят свое подобие, может быть, лишь в исторических трудах Фридриха Великого и являются полной противоположностью манере освещения истории Наполеоном. Везде заметны скромность и хладнокровие, везде — благородная сдержанность, даже там, где речь идет о подлинно великих достижениях. Хронологический порядок событий обуславливает ход изложения, только местами автор чувствует потребность резюмировать руководящее начало своего образа действий в общих положениях. Вместе с тем везде его изложение представляет собой не только освещение фактов самих по себе, но также их обоснование, и это обстоятельство делает мемуары Тюренна так необычайно поучительными; но, безусловно, лишь в историческом смысле, так как стратегия осмотрительности, в которой Тюренн имел такие великие достижения, в наше время, время народных армий и стремительных ударов, вряд ли может найти подражателей»³.

¹ Mémoires sur la guerre, tirés des originaux de Mr. de Turenne. Paris, 1738; Mémoires pour servir à l'histoire de Louis de Bourbon, prince de Conde. Cologne, 1693; Mémoires du duc de Villar etc., 3 vol. La Haye, 1736.

² Montecuccoli. Commentarii bellici cum puncto artes bellicae systemate. Wien, 1718; Idem. Memoria della guerra ed istruzione d'un generale. Venezia, 1726; Eugène de Savoie. Mémoires écrits par lui-même. Weimar 1810 et Paris, 1811.

³ Jähns M. Geschichte der Kriegswissenschaften, vornehmlich in Deutschland, Abt. 2. München — Leipzig, 1890, S. 1157.

В этой оценке военно-исторического труда Тюренна верно отмечены его положительные стороны: стремление к обобщениям, к ясности, правдивости и доказательности. В этом сказывалось благотворное влияние передовой для того времени философии, прежде всего идей и методов Р. Декарта — крупнейшего французского философа первой половины XVII в., родоначальника рационализма. Однако рассмотрение Тюренном войны, военных действий не выходило за рамки безраздельно господствовавшего в ту эпоху идеалистического и метафизического взгляда на историю. Военные действия описывались французским полководцем в отрыве от экономических и социально-политических процессов. Прямое влияние интуитивизма Декарта чувствуется в оценке Тюренном качеств полководца, подчеркивании интуитивного характера его решений и действий.

Из всех полководцев и крупных военачальников XVI — первой половины XVIII в. больше всех занимался военно-историческими и военно-теоретическими исследованиями Р. Монтекуколи (1609—1680 гг.). Итальянец по происхождению, он служил в австрийской армии, достигнув высших воинских чинов и должностей. Имея огромный полководческий опыт, в том числе в области успешных военных действий против армий прославленных французских полководцев Тюренна и Конде, Монтекуколи много трудился над тем, чтобы обобщить его в своих работах. Он написал (главным образом на итальянском языке) около двух десятков военно-исторических произведений. Но наиболее известный его труд, переведенный на многие языки, в том числе на русский⁴, носит прежде всего военно-теоретический характер. Материал военной истории, хотя и преобладает в этом труде, имеет подсобное, прикладное значение. Монтекуколи применил так называемый апликационный метод изложения военной теории: в первой части труда изложил общетеоретические положения о войне, ее подготовке и ведении в виде кратких формулировок; во второй части дал конкретно-историческую характеристику военных действий на примере австро-турецкой войны 1661—1664 гг., в третьей части он пояснил общетеоретические положения, сформулированные в первой части, конкретно-историческими примерами⁵. Таким образом, даже в самой структуре труда мы находим своеобразную попытку одновременного применения исторического и логического методов исследования и изложения,

⁴ Записки Раймунда графа Монтекуколи или главные правила военной науки вообще, кн. 1—3. М., 1760.

⁵ Таков порядок книг (частей) в авторском оригинале, написанном на итальянском языке, и во всех изданиях, вышедших в Италии; в немецком, французском, русском переводах этот порядок изменен: третья и вторая книги (части) поменялись местами.

попытку добиться единства абстрактного и конкретного, теории и истории.

В работах Монтекуколи в определенной мере проявилась общая черта, характерная для военно-исторических работ, написанных военными специалистами рассматриваемой эпохи, — узковоенный и утилитарный подход к военной истории, неспособность поставить и рассмотреть ее проблемы в более широком, философско-социологическом и политическом плане. У Монтекуколи эта черта выступает все же не столь обнаженно, как в трудах его коллег: оказался огромный государственный опыт австрийского полководца как главы высшего, так называемого придворного, военного совета и фактического военного министра, производившего реорганизацию австрийской армии. Тем не менее и он не улавливал тесной связи войны и военного дела с политикой, экономикой, другими сторонами общественной жизни; во всяком случае эта связь не находит своего теоретического отражения в его трудах.

Война рассматривалась Монтекуколи как действие двух различными способами воюющих армий, стремящихся к достижению победы. Он писал о необходимости заблаговременной подготовки к войне, но она состоит, по его мнению, лишь «в сборе людей, артиллерии, багажа и денег»⁶.

Отсутствие широкого, философско-политического взгляда на войну и узкопрофессиональный подход к военному делу приводили к тому, что полководцы временами как бы «забывали», во имя чего ведется вооруженная борьба, и рассматривали свои действия как своего рода искусство фехтования. Военные историки XVII—XVIII вв. считали высшим достижением полководческого искусства умение маневрировать войсками, добываясь победы без боя. Из их поля зрения ускользала зависимость войны от политики.

Для превращения военно-исторических знаний в науку необходимы были такие философско-исторические концепции и методология, которые позволили бы рассматривать войну и военное дело, их историю не обособленно, а в органическом единстве и взаимодействии с другими сторонами общественной жизни, особенно с политикой. Развитие философской и общен исторической мысли в новое время постепенно подготавливало такой синтез. Решающую роль в его осуществлении сыграли те философы и историки, которые в своих трудах разрабатывали философско-социологические проблемы войны и стремились применить их к освещению военной истории.

Проблемы, поднятые мыслителями эпохи Возрождения, особенно Макьявелли и Гвиччардини, получили дальнейшую разработку

⁶ Записки Раймунда графа Монтекуколи или главные правила военной науки вообще, с. 2.

в трудах философов, юристов, историков и военных теоретиков. В первой половине XVII в. появился ряд крупных работ, в которых закладывались основы буржуазного философско-правового взгляда на войну. Первые работы по военному праву вышли еще во второй половине XVI в.: Перино Беллиса «Военные и война» (Венеция, 1558), Бальтазара Айола «О праве войны и военных учреждений» (Лёвен/Нидерланды, 1582), Альберико Джентили «Право войны» (Антверпен, 1589). В XVII в. было издано более сотни работ по военно-правовым и военно-философским вопросам, написанных юристами, философами и военными специалистами. Типичной является книга Иоганна Неймайра фон унд цу Рамсла «О войне»⁷. Этот фундаментальный для того времени труд написан под впечатлением грабежей, насилий, ужасов Тридцатилетней войны, вызвавшей опустошения многих городов и районов Центральной Европы. Считая, что войны неизбежны, Неймайр фон Рамсла призывал правителей сделать все возможное, чтобы ограничить их губительные последствия, договориться вести войны «гуманно».

Среди множества книг подобного рода наибольший резонанс в XVII—XVIII вв. имел трактат «О праве войны и мира», написанный знаменитым голландским ученым-юристом, философом, историком и политическим деятелем Гуго Гроцием (1583—1645 гг.). Гроций является основоположником науки международного права, и его работы в этой области сохранили свое значение и поныне. Книга «О праве войны и мира» появилась в 1625 г., в разгар Тридцатилетней войны. В отличие от многих других подобных трудов Гроций в своей книге сумел выйти за рамки военно-юридических и международно-правовых вопросов, разработав относительно прогрессивные буржуазные философско-социологические теории происхождения государства, права и войны, положения о справедливых и несправедливых войнах, о соотношении войны и права, войны и мира.

В противовес традиционным феодально-теологическим представлениям о государстве и праве как божественном установлении Гроций развил естественно-правовую теорию, согласно которой источником государства и права является естественная природа человека, а именно его стремление к разумному общению. Государство определяется в трактате как «совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы»⁸. Война, по Гроцию, возникает из природы человека и из природы созданного им государства.

⁷ J. W. Neymayr von und zu Ramsla. Vom Krieg. Jena, 1641, 992 S.

⁸ Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1956, с. 74.

Определение войны голландский мыслитель дал в широком и узком смысле. В широком смысле «война есть состояние борьбы силою»⁹, т. е. способ разрешения разногласий, споров посредством применения силы¹⁰. В зависимости от сторон, участвующих в войне, она может быть, по Гроцию, «частной» (ее ведут лица, не являющиеся носителями государственной власти), «публичной» (ее ведут органы государственной власти) или же «смешанной», которая соединяет в себе элементы публичной и частной войны. В трактате речь идет главным образом о «публичной» войне, т. е. войне между суверенными государствами, и слово «война» в нем употребляется преимущественно применительно к такому виду борьбы. Гроций писал, что, хотя «язык не противится употреблению слова «война» в... более широком смысле», «однако ничто не препятствует нам присваивать название войны исключительно только вооруженному столкновению государств, поскольку, несомненно, родовое название сообщается нередко также тому или иному виду, в особенности же такому, который имеет какое-нибудь особое преимущество перед другими видами»¹¹.

В эпоху империализма, когда буржуазия превратилась в контрреволюционный класс, ее идеологи стали признавать правомерными войны лишь между суверенными государствами, отрицая право народа на революцию, восстание. Гроций как идеолог буржуазии, только что свершившей революцию, признал, хотя и с оговорками, это право. Введение им понятий «частной» и «смешанной» войн теоретически создавало возможность для признания законности таких революционных войн. Он считал правильным мнение, что «война ведется против тех, кого невозможно принудить к чему-нибудь в судебном порядке»¹².

Гроций подверг критике пацифистский взгляд на войну, в частности идеи своего знаменитого соотечественника Эразма Роттердамского, провозгласившего, что война противоречит человеческой природе, являясь источником всех бед и зол, а потому любая война должна быть воспрещена. «Война... — писал Э. Роттердамский, — противна всему сущему: война — первопричина всех бед и зол, бездонный океан, поглощающий все без различия. Из-за войны все цветущее загнивает, все здоровое гибнет, все прочное рушится, все прекрасное и полезное уничтожается, все сладкое становится горьким»¹³. Горций считал, что такие люди «мыслят так с тем расчетом, как это обычно делает-

ся, чтобы отклонением в одну сторону оттолкнуть вещь в противоположную сторону и тем самым привести ее в надлежащее положение»¹⁴. Однако «самая эта попытка чрезмерного отклонения в противоположную сторону зачастую не только не способствует, но даже препятствует достижению цели, поскольку беспрепятственное обнаружение явной крайности подрывает доверие даже к таким суждениям, которые совершенно истинны. Поэтому излечение от обеих крайностей, по-видимому, нельзя искать ни во всеобщем запрете, ни в дозволении на все»¹⁵.

Гроций исходил из того, что наряду с несправедливыми существуют войны справедливые. Однако критерий оценки характера войны он пытался найти в естественной и общественной природе людей и обусловленном ими праве.

Существует бесчисленное множество побуждений, приводящих к вооруженным конфликтам, ибо «нет такого спора, из-за которого не могла бы возгореться война»¹⁶. Однако, писал Гроций, надо проводить различие между причинами «оправдательными» и «побудительными». Первые часто являлись лишь предложениями, создающими ложную видимость справедливости войны¹⁷, о чем свидетельствуют многочисленные примеры из истории войн. «Так, в войне Александра (Македонского. — Авт.) против Дария «предлогом» было отмщение обид, нанесенных грекам персами; «причиной» же была жажда славы, власти, богатства, чему сопутствовала великая надежда на легкую осуществимость предприятия, возникшая в связи с походами Ксенофонта и Агесилая. «Предлогом» Второй Пунической войны был спор из-за Сагунта, «причиной» же — досада карфагенян на соглашения, которые римляне исторгали у них в неблагоприятных обстоятельствах, и вместе с тем подъем духа после удачного оборота дел в Испании»¹⁸.

Справедливой войной голландский мыслитель называл такую, которая заслуживает одобрения со стороны естественного и международного права, а именно войну, являющуюся ответом на правонарушение. Подробно рассматривая многообразные виды правонарушений, он сводил их, во-первых, к таким, которые угрожают безопасности, жизни и самому существованию народа, и, во-вторых, к тем, которые покушаются на достоинство народа и имущество частных лиц¹⁹. «Каковы же причины войны незаконные, несправедливые, возможно, — писал он, — до некоторой степени

⁹ Гроций Г. О праве войны и мира, с. 68.

¹⁰ Там же, с. 67—68.

¹¹ Там же, с. 68.

¹² Там же, с. 50.

¹³ Трактаты о вечном мире. М., 1963, с. 40.

¹⁴ Гроций Г. О праве войны и мира, с. 52.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, с. 67.

¹⁷ Там же, с. 526—528.

¹⁸ Там же, с. 526.

¹⁹ Там же, с. 184—525.

убедиться на основании справедливых причин, выясненных нами до сих пор. Ибо кривое познается путем сравнения с прямым»²⁰. К несправедливым войнам он относил всякого рода нападения на другие государства и народы, преследующие эгоистические соображения своей пользы и угрожающие покорением, порабощением, захватом плодородных земель и иных богатств²¹. К этому же виду Гроций относил войны с целью установления мирового господства.

Гроций не считал справедливой причиной войны и «неопределенный страх» перед возрастающей мощью соседей. «Ибо для того, чтобы самозащита была справедливой, она должна быть необходимой, что имеет место не иначе как при условии, если не только явно существует угроза мощи, но мы знаем и о соответствующем намерении соседа с той степенью достоверности, которая возможна в области нравственности»²². Эта формулировка безусловно уязвима, и она неоднократно использовалась агрессором, оправдывавшим нападения на другие государства якобы возникшей с их стороны неминуемой угрозой. Однако Гроций, учитывая великие бедствия, которые приносит война, советовал отдавать предпочтение миру, если имеются малейшие сомнения относительно справедливого характера назревающей войны. Вместе с тем он призывал «не предпринимать войны безрассудно, даже по справедливым причинам». Теоретическое рассмотрение вопроса о справедливых войнах еще не дает основания считать, что «если налицо имеется достаточное право, то следует немедленно же предпринимать войну, или что это, по крайней мере, всегда дозволено. Ибо на самом деле, совсем напротив, в большинстве случаев гораздо благочестивее и правильнее не воспользоваться своим правом». «Редко причина возникновения войны такова, что ее или невозможно, или не должно избежать...»²³.

Если все же войны не удалось избежать, ее следует вести не иначе, как «соблюдая границы права и добросовестности» и стремясь к «миру как своей конечной цели»²⁴. Гроций уделил большое внимание вопросу о правовых нормах ведения войны. Многие из положений, сформулированных им в книге, нашли свое закрепление в различных международных договорах и конвенциях, в частности в Гаагских конвенциях 1899 и 1907 гг., Женевских конвенциях 1929 и 1949 гг., Уставе ООН и т. п.

При всех его достоинствах труд Гроция о войне и мире носит на себе печать ограниченности буржуазного мировоззрения эпохи

²⁰ Гроций Г. О праве войны и мира, с. 528.

²¹ Там же, с. 528—533.

²² Там же, с. 528.

²³ Там же, с. 547, 553.

²⁴ Там же, с. 50, 67.

ранних антифеодальных революций. Рассматриваемые в нем проблемы решались с точки зрения метафизического представления о неизменности человеческой природы и идеалистического взгляда на разум как определяющую силу истории общества. В его учение вплетены теологические привески: он часто ссылаясь на Библию, рассматривая ее сказания и мифы как действительные исторические факты, признавал существование некоего «божественного права», считая, однако, что «естественное право» не зависит ни от произвола людей, ни от воли бога и «сохраняет силу даже в том случае, если допустить... что бога нет или что он не печется о делах человеческих»²⁵.

В работах Гроция, как и в произведениях Макьявелли и Гвичардини, четко прослеживается взаимодействие философии с конкретными науками, в том числе военной историей. В первых своих научных работах, например «О праве добычи» (1604—1605 гг.), «О свободном море» (1609 г.), Гроций выступал прежде всего как юрист-международник, обосновывавший право голландской буржуазии на свободное мореплавание и торговлю с заокеанскими землями. Однако уже здесь формулировались основы его философско-исторической концепции, получившей развитие в последующих трудах. В этих первых работах содержится большой материал по истории нидерландской революции и непосредственно по военной истории. В 1610 г. Гроций опубликовал книгу «О происхождении и строе Батавской республики», в которой освещена история образования голландского государства в ходе освободительной войны против Испании. Однако для развития военно-исторических знаний и становления военной истории как науки важнейшее значение имели не столько военно-исторические труды Гроция, сколько его философско-правовая концепция войны и мира, оказавшая огромное влияние на разработку проблем военной философии и военной истории буржуазными философами и учеными XVII—XVIII вв. и позже.

Развитие военной философско-исторической мысли в Англии в XVII—XVIII вв. было непосредственно связано с идеологической борьбой в период буржуазной революции, закончившейся в 1688 г. компромиссом между буржуазией и дворянством, и стремлением этих классов обосновать особую роль Великобритании как господствующей морской и колониальной державы. Характерно, что в ответ на трактат Г. Гроция «О свободном море» в Англии уже в 1635 г. был опубликован трактат Селдена «Закрытое море», в котором развивалась прямо противоположная политико-юридическая концепция по вопросу о морском торговом и военном праве. Многие английские философы, даже из числа прогрессивных во взглядах на природу и на некоторые общие проблемы истории

²⁵ Там же, с. 46—47.

общества, развивали весьма реакционные и агрессивные великодержавные концепции.

Так, Френсис Бэкон (1561—1626 гг.), «настоящий родоначальник *английского материализма* и всей *современной экспериментирующей науки*...»²⁶, ратовал за активную морскую и колониальную политику, не останавливающуюся перед международными конфликтами и войнами. Он утверждал, будто «народ не может развивать своего богатства иначе, как за счет другого народа...»²⁷, и рассматривал войну как необходимое упражнение «политического тела», т. е. государства, считая, что мирное время приводит к упадку мужества и порче прав²⁸. Эти взгляды на войну были положены в основу освещения Бэконом проблем истории Англии, в том числе ее военной истории. Ф. Бэкон был не только философом, но и историком. Его труд по истории Англии, опубликованный в 1719 г., является одним из важнейших источников изучения английской военной истории средневековья и XVI—XVII вв.²⁹ Философские и исторические взгляды Ф. Бэкона оказали значительное влияние на английских буржуазных мыслителей и историков. Оправдание войн и колониальной экспансии в духе вышеуказанных тезисов Бэкона стало типичным для английских военных историков XVIII, XIX и даже XX в., в том числе таких крупных, как Д. Фортескью, Д. Корбетт, Л. Дикинсон, Ф. Коломб, Д. Фуллер.

Томас Гоббс (1588—1679 гг.) — продолжатель основанной Бэконом материалистической школы в философии, атеист. Его учение о государстве, праве, войне и мире базируется на естественноправовой концепции, как и учение Гроция, но во многих пунктах существенно отличается от него. Не стремление к общению, а страх человека порождает, по Гоббсу, государство и гражданское общество. До возникновения государства люди находились в «естественном состоянии», когда «человек человеку — волк». Эгоистическая природа людей и их взаимное недоверие друг к другу порождали постоянную вражду и делали жизнь людей невыносимой. Страх перед взаимным истреблением заставил людей заключить общественный договор, отказавшись от своих суверенных прав в пользу государства. Однако те же причины, которые в «естественном состоянии» порождали «войну всех против всех»³⁰, порождают войны между государствами с момента их возникновения. Эти причины, по Гоббсу, коренятся в природе людей. Он писал: «...Мы находим в природе человека три основ-

ные причины войны: во-первых, соперничество, во-вторых, недоверие, в-третьих, любовь к славе. Первая причина заставляет людей нападать друг на друга в целях наживы, вторая — в целях собственной безопасности, а третья — из соображений чести»³¹.

Гоббса отличали весьма консервативные взгляды по социально-политическим вопросам. Он много писал о желательности мира, но речь шла у него главным образом о гражданском мире внутри государства. Он стремился обосновать необходимость ничем не ограниченной, абсолютной власти государства над подданными и решительно выступал против права народа на восстание³². Вместе с тем Гоббс считал правомерным, что наряду с торговым обменом «недостающие в стране продукты могут быть доставлены из-за границы также путем справедливой войны...»³³. Предвосхищая Т. Р. Мальтуса, учение которого до сих пор широко используется идеологами милитаризма для обоснования и оправдания агрессивных войн, Гоббс выдвинул следующую аргументацию для обоснования колониальной экспансии и войны: «Если же масса бедных, но сильных людей продолжает расти, то они должны быть переселены в еще недостаточно заселенные страны, где они, однако, не должны истребить тех обитателей, которых они здесь находят, а лишь заставить их потесниться... А когда весь мир окажется перенаселенным, тогда остается как самое последнее средство война, которая заботится о всяком человеке, давая ему победу или смерть»³⁴.

Гоббс оказал большое влияние на всеобщую и военную историю прежде всего своим социальным учением, которое занимает в его философии преобладающее место. Буржуазные военные идеологи использовали и используют его учение о природе и причинах войн. Вплоть до наших дней используется учение Гоббса о «злой» природе людей как коренной причине войн. Например, в книге известного английского военного историка Лиддел Гарта по истории первой мировой войны мы находим почти буквальное воспроизведение мыслей Гоббса о страхе, недоверии, стремлении к славе и соперничестве как основных причинах возникновения войны³⁵.

Критику социологического учения Гоббса с буржуазно-либеральных позиций дал продолжатель материалистической традиции в английской философии Джон Локк (1632—1704 гг.). Позиция этого английского просветителя по вопросам войны и мира ближе

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 142.

²⁷ Бэкон (Ф. Бэкон). Собр. соч., т. II. СПб., 1874, с. 355.

²⁸ История философии, т. I. М., 1957, с. 371.

²⁹ См.: Голицын Н. С. Всеобщая военная история среднего времени, ч. III. СПб., 1878, с. 9.

³⁰ Гоббс Т. Левиафан. М., 1936, с. 115.

³¹ Там же, с. 114.

³² Там же, с. 129, 245—254.

³³ Там же, с. 196.

³⁴ Там же, с. 263.

³⁵ См.: Лиддел Гарт. Правда о войне 1914—1918 годов. М., 1935, с. 4—27.

к концепции Гроция, чем Гоббса. Локк решительно осуждал несправедливую войну, под какой бы личиной она ни выступала. Справедливой он признавал лишь войну в ответ на агрессию, а также восстание народа против монарха-узурпатора, несоблюдающего принципы «естественного права» и тем самым нарушающего «договор», будто бы лежащий в основе происхождения государственной власти. «Отсюда совершенно очевидно, — писал он в труде «О государственном правлении», — что тот, кто побеждает в несправедливой войне, не может благодаря этому приобрести право на покорность и повиновение побежденного»³⁶. Даже победитель в справедливой войне «обладает деспотическим правом над личностью всех, кто фактически помогал вести войну против него и участвовал в ней, и имеет право на возмещение понесенного им ущерба и издержек за счет их труда и имений, не ущемляя права кого-либо другого. Над остальной частью народа, если там были люди, которые не соглашались на войну, а также над детьми самих пленников, равно как и над владениями тех и других, он не имеет никакой власти...»³⁷.

Философско-социологические теории Локка оказали огромное влияние на французских просветителей XVIII в.: Вольтера, Монтескье, Руссо, Кондорсе, Тюрго, Дидро, Гельвеция, Гольбаха и др. Уже в XVI—XVII вв. во Франции развивались идеи, сходные с рассмотренными выше. Но здесь резче, чем в других странах, звучало в этот период осуждение религиозной нетерпимости, как одной из причин, ввергавших страну в длительные и опустошительные междоусобные войны. В книге Л'Опитала «О цели войны и мира» (1570 г.) обосновывалась идея торжества разума над религиозным фанатизмом и суевием. «Необходимо, — писал автор, — оставить в покое умы и совесть людей, так как на них нельзя повлиять мечом и огнем, а только властвующим над душами разумом»³⁸. Крупнейший французский политический мыслитель и социолог XVI в. Жан Боден (1530—1596 гг.), выражавший интересы нарождавшейся буржуазии, выступил в защиту свободы совести и обосновывал абсолютную монархию как орудие борьбы против феодального партикуляризма и панацею от смут и внутренних военных потрясений. Его отношение к внешним войнам двойственно: с одной стороны, он показывал преимущество мира для процветания государства, развития торговли, науки и искусства, но вместе с тем рассматривал внешние войны как естественное следствие абсолютного суверенитета го-

³⁶ Локк Д. Избранные философские произведения в двух томах, т. II, М., 1960, с. 101—102.

³⁷ Там же, с. 110.

³⁸ Цит. по: Виндельбанд В. История древней философии с приложением истории философии средних веков и эпохи Возрождения. СПб., 1908, с. 374.

сударства и важное средство его укрепления. Значительно более радикальную позицию в отношении к войне занимал французский мыслитель Эмерик Крюсе, который в своем труде «Новый Киней...» (1623 г.) резко осуждал несправедливые войны и признавал законной только оборону страны от неспровоцированного вторжения неприятеля.

В XVIII в. Франция стала центром буржуазно-просветительской и революционной антифеодальной мысли, которая вобрала в себя идеи и теории английских, голландских и итальянских буржуазных идеологов и, развив их, в свою очередь оказывала огромное, все более возрастающее влияние на другие страны Европы и Америки. Французские просветители XVIII в. пошли дальше своих предшественников в осуждении феодально-династических войн, но причины войн они усматривали главным образом в невежестве, заблуждениях, религиозном фанатизме людей, считая, что устранение пороков феодального общества и развитие просвещения позволит людям избежать ужасов взаимного истребления.

Одним из новых моментов во взглядах на войну явилась попытка некоторых французских просветителей связать причины возникновения войн с государственным строем. В своем главном произведении «О духе законов» Ш. Монтескье писал: «Дух монархии — война и расширение территории, дух республики — мир и умеренность»³⁹. В господстве деспотизма он видел главную причину войн. Вопросам военной истории он отвел значительное место в своих исторических работах, в частности в книге «Рассуждения о причинах величия римлян и их упадка».

Жан Жак Руссо (1712—1778 гг.) сделал попытку связать вопрос о происхождении государства и войны с возникновением частной собственности и социального неравенства. Он решительно выступал против тех просветителей (например, против Вольтера), которые стояли на позициях «просвещенного абсолютизма», рассчитывая в своих планах буржуазного преобразования общества на добрую волю «просвещенных» монархов, вроде Фридриха II или Екатерины II. В работе «Суждение о вечном мире» (1761 г.) Руссо писал: «Легко... понять, что войны и завоевания, с одной стороны, и прогресс деспотизма — с другой, взаимно действуют друг другу... Государь, который ввергает свою судьбу превратностям войны, сознает, что он рискует, однако, это производит на него меньшее впечатление, чем помыслы о выгодах, которые он предвкушает...»⁴⁰.

Взгляды мыслителей-гуманистов и просветителей на войну оказали огромное влияние на военно-исторические работы XVII—XVIII вв. В соответствии с ними военные историки все чаще пы-

³⁹ Монтескье Ш. Избр. произв. М., 1955, с. 270.

⁴⁰ Трактаты о вечном мире, с. 141.

тались дать не теологическое, а земное, «естественное» объяснение причин и характера войн. Хотя учение о «естественном праве» не могло служить подлинно научной основой для решения вопроса о причинах и характере войн, сама постановка этого вопроса имела немаловажное значение для исторической науки. Попытка лучших представителей философской мысли того времени провести различие между справедливыми и несправедливыми войнами и почти единодушное осуждение просветителями захватнических, разбойничьих войн создавало, с одной стороны, теоретические основания для исследования войн, а с другой — заставляло апологетов милитаризма и агрессии искать различные «аргументы» для оправдания политики и войн своих сюзеренов. Исследуя и описывая войны, историки, даже из числа военных специалистов, уже не могли не учитывать связи войны с различными сторонами общественной жизни. Постепенно определялась связь войны с политикой государств, их правительств, хотя эта политика и ее влияние на подготовку, возникновение и ход войны трактовались весьма примитивно. Политика рассматривалась чаще всего как результат воли монарха и интриг придворных, ее сущность и движущие силы сводились к династическим интересам монархий.

Учение о «естественном праве» оказалось неспособным дать критерий для определения характера войн. Историки и юристы вели бесконечные и почти бесплодные споры по вопросу о том, какой из воюющих сторон следует отдать предпочтение с точки зрения справедливости и законности: каждая из враждующих династий считала свое дело правым и старалась обосновать это ссылками на генеалогию и другими «аргументами».

Для формирования научных элементов в методологии общей и военной историографии большое значение имели выдвинутые французскими просветителями идеи закономерности и прогресса в истории. Однако они вносились из философии в историю вместе с идеалистическими представлениями о разуме и просвещении как главных двигателях исторического прогресса и натуралистическими теориями, преувеличивавшими роль географической среды и других природных условий в общественной жизни.

В перенесении идей французской и английской просветительской философии в историческую науку выдающуюся роль сыграл Франсуа Мари Вольтер (1694—1778 гг.). Будучи одновременно крупнейшим философом и историком, он первым из мыслителей выдвинул задачу разработки философии истории и написал на эту тему ряд трудов: «Философия истории» (1765), «Пирронизм в истории» (1769), «Размышление об истории» и др. В исторических полотнах «История царствования Людовика XIV и Людовика XV», «История Российской империи в царствование Петра Великого» и в особенности в «Истории Карла XII, короля швед-

ского» и «Истории войны 1741 г.» Вольтер непосредственно рассматривал вопросы военной истории, а ее события освещал в широком социальном плане, тесно связывая их с политикой, а также с экономическим и культурным развитием. В работе «Опыт о всеобщей истории и о нравах и духе народов» он выдвинул идею закономерного прогрессивного развития человеческого общества и стремился провести ее в своих конкретно-исторических исследованиях. Историю как науку Вольтер считал немислимой без достоверных источников. В своих трудах использовал обширный фактический материал. Вместе с тем он выступал против простого хронологического перечисления исторических фактов и утверждал необходимость их объяснения в духе определенной философско-исторической концепции. Вольтер призывал историков отказаться от исключительного внимания к правителям и полководцам. Однако сам он не вполне следовал этой установке и идеализировал исторические личности, в особенности Генриха IV, Людовика XIV, Петра I и Фридриха II.

Итак, рассмотренные выше теории буржуазных мыслителей XVI—XVIII вв. составили ту главную философско-социологическую основу, на которую опирались военные историки при рассмотрении вопросов возникновения исторически конкретных войн, их характера, роли и места среди других общественных явлений, а также вопросов истории армий, военного искусства и других военно-исторических проблем. Эта буржуазная мировоззренческая основа сочеталась с более или менее значительными элементами феодально-клерикального мировоззрения и методологии, между которыми шла непрерывная борьба.

ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФИИ НА РАЗВИТИЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Развитие военно-философских и исторических знаний в XVI, XVII вв. и первой половине XVIII в. подготовило выделение военной истории в самостоятельную отрасль научных знаний. В первой половине XVIII в. появились зрелые военно-исторические труды, оказавшие заметное влияние на практику военного дела. Это прежде всего фундаментальные работы французских военных историков и теоретиков А. Фекьера и Ж.-Ш. Фолара.

Основной труд Антуана Фекьера (1648—1711 гг.) носит типичное для того времени название «Мемуары о войне». Изданный в 1725 г. в сокращенном виде в трех томах⁴¹, а затем в 1731 г.

⁴¹ Mémoires sur la guerre e'crits par Feuquières pour l'instruction de son fils. Paris, 1725.

в четырех томах, эта работа затем была переведена на многие европейские языки и неоднократно переиздавалась во Франции. Фекьер, один из выдающихся генералов Франции второй половины XVII в., опираясь на свой большой опыт, дал в этом исследовании критический анализ войн, которые Франция почти непрерывно вела при Людовике XIV, а также обстоятельно изложил наиболее передовые по тому времени взгляды по широкому кругу вопросов военного дела. Однако цельного исследования военной истории этого периода Фекьер не дал.

Жак-Шарль де Фолар (1669—1752 гг.) использовал историю, подобно Фекьеру, как фон для изложения собственного учения о войне и военном искусстве. Фолар известен прежде всего как теоретик по вопросам военного искусства, выступивший против господствовавшей в XVIII в. линейной тактики и противопоставивший ей тактику колонн, которая была полвека спустя успешно осуществлена Наполеоном на практике. В своем крупнейшем труде, шеститомной «Истории Полибия»⁴², Фолар дал подробнейший комментарий к сочинениям знаменитого историка и, причудливо перемежая древнюю и новейшую историю, изложил свои взгляды на военное искусство.

Влияние философии на Фолара и Фекьера сказалось по-разному. Фолар, следуя традициям и духу философии раннего Возрождения, учился мудрости у многих античных авторов. Идя по следам военно-исторических событий, описанных Полибием, он искал ключ к решению тактических проблем современности. Фекьер, напротив, твердо стоял на почве современной военной истории. В его сочинениях проглядывает критический дух новейшей для той эпохи философии Просвещения, которая не считалась ни с какими официальными авторитетами и привлекала к суду разума и бога, и королей, и законодателей, и полководцев.

При оценке формирования военной истории как науки и ее философских проблем заслуживает внимания литературная деятельность Фридриха II (1712—1786 гг.). В его трудах содержится освещение социально-философских, исторических и военных вопросов; связь военной истории с философией выступает в них более непосредственно и заметно, чем у многих других военных историков. Фридрих II в своих трудах использовал идеи и теории французских и английских просветителей, но главным образом тех, которые стояли на позициях «просвещенного абсолютизма». В течение сорока с лишним лет он переписывался с Вольтером, которому часто пересылал свои рукописи на отзыв и подготовку к изданию. Он был связан и с некоторыми другими французскими просветителями, отрицательно отзывался о работах

⁴² J. Ch. de Folard. Histoire de Polybe. Paris, 1727—1730.

тех из них, кто решительно выступал против идеологии и практики «просвещенного абсолютизма», прежде всего против провозвестника французской революции Ж.-Ж. Руссо, непримиримого материалиста и атеиста П. Гольбаха, убежденного антимилитариста и пацифиста Ш.-И. Сен-Пьера.

На развитие военной истории Фридрих II оказал воздействие и как военный писатель, и как государственный и военный деятель. Он приложил много сил для развития идеологии и практики милитаризма в Пруссии и превратил это некогда небольшое государство в одну из крупных военных держав с самой мощной в 50—80 годы XVIII в. армией в Западной Европе.

Фридрих II стремился оправдать свою захватническую политику и вероломство при освещении причин войн. Вместе с тем при описании хода военных действий он придерживался фактов и проявлял известную сдержанность в оценке своих личных заслуг. Такой подход объясняется критическим характером усвоенной им рационалистической философии, а также вполне определенной «дидактической» целью, которую он ставил в своих военно-исторических исследованиях: извлечь уроки из прошлого для подготовки и осуществления новых агрессивных акций.

В трудах Фридриха II довольно ясно просматривается связь военных событий с политическими, зависимость армии, ее побед и поражений от материально-технического снабжения и состояния экономики страны. Однако рациональный с точки зрения теории подход к некоторым проблемам тесно связан с его реакционно-милитаристской идеологией.

В «Истории Семилетней войны» прусский король стремился обосновать идею превентивной войны⁴³, которая затем стала основополагающей и вошла в военные доктрины Германии XIX в. и особенно в XX в., в значительной мере определяя способ развязывания германским империализмом первой и второй мировых войн.

Политическая, военная и историческая деятельность Фридриха II оказала определенное влияние на формирование и развитие некоторых черт философии в Германии, в первую очередь таких, как идеализация прусского государства, абсолютизация и воспевание роли войн в истории, юнкерско-прусское понимание «долга» в философии морали и права, признание абсолютного примата интересов (феодално-юнкерского, а затем юнкерско-буржуазного) государства над интересами личности. Фридрих II является родоначальником идеологии прусско-германского милитаризма. Он был поднят на щит реакционными и милитаристскими кругами Германии XIX—XX вв.

⁴³ Friedrich II. Geschichte des Siebenjährigen Krieges. Ausgewählte Werke Friedrich's des Grossen, Bd II. Würzburg, 1874, S. 48, 62—63.

Значительное влияние на становление военной истории как науки оказал Генрих Ллойд (1729—1783 гг.). Его главный труд посвящен истории Семилетней войны⁴⁴. Работа осталась незаконченной, при жизни автора был опубликован только первый том, освещающий первые два года войны, в посмертном издании появился еще один том, составленный из рукописей. В 1780 г. Ллойд написал также введение к исследованию, которое имеет самостоятельное значение и неоднократно публиковалось отдельно под названием «Военные и политические мемуары генерала Ллойда»⁴⁵. При описании истории Семилетней войны Ллойд использовал свой опыт участия в войне.

Работы Ллойда носят отпечаток влияния философии английских и французских просветителей, материалистического сенсуализма Локка, географизма Монтеस्कье, геометризма, свойственного многим метафизическим материалистам XVII—XVIII вв. Ллойд считал, что важнейшими предметами в полководческой науке являются топография и география и что, если всесторонне изучить все географические и топографические данные, «можно рассчитать все операции с геометрической точностью и вести постоянно войну, не будучи вынужденным вступать в бой»⁴⁶. Но не этот и подобные ему курьезы определяют ценность его трудов, а то, что в них специально поставлен вопрос о связи войны с политикой, о влиянии государственного строя на ход и исход войны. Ллойд впервые употребил понятие «философия войны», относя к нему все то, что связано с моральным состоянием войск. «Философию войны» он считал высшей и труднейшей частью военного искусства, ибо она предполагает глубокое знание природы человека, источника его страстей и должна разрабатывать для полководца способы воздействия на морально-психологическое состояние личного состава⁴⁷.

Ллойд подчеркивал первостепенное значение военно-исторических знаний для развития военной теории и обучения военному делу. Он разделял всех военных писателей на «дидактических» и «исторических», причем последних считал еще более полезными, чем первых, особенно если историки сами, подобно Ксенофону, Полибию, Цезарю и Ашиану, были не только свидетелями, но и участниками военных подвигов. Изучение военной истории рассматривалось им как лучший и наиболее действенный способ изучения военного искусства.

⁴⁴ *Lloyd H.* The History of the Late War in Germany, 2 vol. London, 1776, 1781.

⁴⁵ Стратегия в трудах военных классиков, т. I. М., 1924, с. 23—52.

⁴⁶ Там же, с. 38.

⁴⁷ См.: Всеобщая военная история новых времен. Под ред. Н. С. Голицына, ч. III, с. 342—343.

Развитие военно-исторических знаний в XVIII в. постепенно подводило к оформлению их в относительно самостоятельную науку. Уже к 80-м годам этого столетия была накоплена обширная литература по истории войн и военному делу. В отличие от XVI, XVII и первой половины XVIII в., когда военно-исторические проблемы рассматривались почти исключительно в мемуарных и общенсторических трудах, в конце XVIII в. имелось немало специальных работ по военной истории.

Начался процесс дифференциации военно-исторических знаний, появились отдельные исследования по истории военного искусства⁴⁸, истории армий и военного дела в различных странах⁴⁹. Однако по-прежнему преобладала литература по истории войн, в которой рассматривались также и другие вопросы военной истории.

Решающая роль в завершении процесса превращения военно-исторических знаний в относительно самостоятельную науку принадлежит французской буржуазной революции 1789—1793 гг., которая привела к глубоким преобразованиям в военном деле и дала мощный импульс для развития всех отраслей военного знания. «Как внутри страны,— писал В. И. Ленин,— французский революционный народ тогда впервые проявил невиданный в течение столетий максимум революционной энергии, так и в войне конца XVIII в. он проявил такое же гигантское революционное творчество, пересоздав всю систему стратегии, порвав все старые законы и обычаи войны и создав, вместо старых войск, новое, революционное, народное войско и новое ведение войны»⁵⁰. Даже противники революционной Франции вынуждены были после ряда сокрушительных поражений перестраивать феодальную военную систему, приводя ее в соответствие с требованиями времени.

Несравненно более высокий уровень военного дела позволил по-новому взглянуть на военную историю. Этому способствовали также дальнейшее развитие философии, разработка диалектического метода в немецкой классической философии конца XVIII — начала XIX в. Развивая идеалистическую диалектику, Кант, Фихте, Шеллинг и Гегель опирались на достижения предшествующей философии, новые данные науки и исторический опыт буржуазного развития Европы. Бурная динамика французской

⁴⁸ *Beansobre.* Commentaires sur la défense des places d'Aeneas le tacticum, le tableau militaire des Grecs et les écoles militaires des Anciens. Paris, 1757; *Siegfried.* Versuch über die Geschichte der Kriegskunst. Gotha, 1776—1777.

⁴⁹ *Laurentius.* Beiträge zur Geschichte des deutschen Kriegswesens. Gotha, 1758; *Hennert K. W.* Von der Kavallerie in den ältesten Zeiten. Berlin, 1774; *Geschichte der Befestigungskunst und Beschreibung der alten Kriegsmaschinen.* Breslau, 1773.

⁵⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 79—80.

буржуазной революции со всей очевидностью обнаружила несостоятельность метафизического взгляда на общество, и в частности на войну и военное дело.

Новый, по преимуществу диалектический подход к военной истории в наибольшей мере проявился в работах немецкого военного историка и теоретика К. Клаузевица (1780—1831 гг.). Основной военно-теоретический труд Клаузевица «О войне», изданный посмертно, являлся итогом его работы в области военной истории. Изучив свыше 130 военных походов с 1566 по 1815 г., Клаузевиц написал работы о Тридцатилетней войне, о походах Густава-Адольфа в 1630—1632 гг., о войнах XVIII в. Но основное внимание его приковывали войны революционной Франции и походы Наполеона⁵⁴. Он стремился проанализировать причины побед и поражений французских войск и армий антифранцузских коалиций.

В работах Клаузевица видное место занимала проблема взаимосвязи войны и политики, которая интенсивно разрабатывалась в работах ряда военных историков и теоретиков того времени. Так, в работе «Швейцарский поход Суворова 1799 г.», являющейся вторым томом книги «Поход 1799 г. в Италии и Швейцарии», Клаузевиц показывает сложный характер политических взаимоотношений между участниками антифранцузской коалиции — Англией, Австрией и Россией, который оказал решающее влияние на разработку стратегического плана войны на итальянском, швейцарском и нидерландском театрах войны. Стремление рассматривать взаимосвязь войны и политики лежало в основе исследовательской деятельности многих других крупных военных историков и теоретиков конца XVIII — начала XIX в.: австрийского эрцгерцога Карла (1771—1847 гг.), французского, а с 1813 г. русского генерала Жюмани (1779—1869 гг.), а также Наполеона, Гримоара, Бюлова, Шарнхорста, Массенбаха, Спориша и др.

Труды Клаузевица, Жюмани, эрцгерцога Карла, Наполеона и многих других военных историков, написанные в конце XVIII — начале XIX в., по своему научному уровню стоят значительно выше военно-исторических трудов предшествующих десятилетий, а тем более столетий. Это объясняется большей глубиной и более высокой степенью теоретического, философского обобщения, достигнутого здесь. Прежде всего это относится к тем произведениям, к которым диалектика была применена сознательно и последовательно, хотя и на идеалистической основе. В. И. Ленин

⁵⁴ На русском языке изданы следующие военно-исторические труды К. Клаузевица: *Итальянский поход Наполеона Бонапарта 1796 г.* (М., 1939); *Поход 1799 г. в Италии и Швейцарии*, ч. 1—2 (М., 1938—1939); 1806 год (М., 1938); 1812 год (М., 1937).

отмечал, что идеи Клаузевица по вопросам военной истории были оплодотворены Гегелем⁵².

Исторические работы Клаузевица и ряда других его современников и выводы из них явились одним из источников формирования буржуазной военной науки.

В конце XVIII — первой половине XIX в. значительно расширилась география военно-исторических исследований. Эти исследования все более интенсивно развивались во многих странах Европы, а также в ряде стран Америки и Азии.

В Польше, например, историческая наука достигла в этот период относительно высокого уровня развития. Сильное влияние на нее оказала философия польского и французского Просвещения. Так, виднейший представитель польской историографии второй половины XVIII в. А. Нарушевич (1733—1796 гг.) в своем крупнейшем труде «История польского народа»⁵³ дал трактовку событий и процессов, в том числе военно-исторических, с позиции рационалистического понимания истории. В первой половине XIX в. в польской общей и военной историографии развернулась борьба между революционно-демократическим и консервативно-монархическим направлениями. В центре внимания польских военных историков находились исследования войн Польши с соседями, выяснение причин ослабления польского государства и потери им своей независимости. Большое внимание уделялось также исследованию польских восстаний 1794 и 1830—1831 гг., анализу причин их поражения. Изучению и научному освещению этих вопросов в значительной степени способствовали работы главы революционно-романтической школы польской историографии И. Лелевеля (1786—1861 гг.) и революционного демократа Э. Дембовского (1822—1846 гг.).

В США военная историография зарождалась в ходе национально-освободительной, буржуазной по своему характеру революции, вылившейся в войну за независимость 1775—1783 гг. Освещение истории этой войны было главной темой исследований американских историков вплоть до гражданской войны 1861—1865 гг. В мировоззренческо-методологическом плане труды американских историков войны за независимость носят на себе отпечаток борьбы между буржуазно-просветительскими и провиденциалистскими концепциями. Американские просветители В. Франклин, Т. Джефферсон, Т. Пейн, опираясь на идеи английских и французских философов-просветителей, в том числе теорию договорного происхождения государства и верховной власти, стремились обосновать справедливость и законность революционно-освободительной борьбы североамериканских колоний про-

⁵² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 224.

⁵³ Naruszewicz A. Historia narodu polskiego, t. 1—7. Warszawa, 1780—1824.

тив метрополии указанием на бесчисленные нарушения английской монархией и колониальными властями «общественного договора». Сторонники провиденциалистского взгляда на историю связывали войну за независимость с «божественной волей», якобы выделившей американскую нацию как «избранную» и направившей ее по более совершенному пути, чем другие народы. Так, один из крупных американских историков, Д. Банкрофт, бывший одно время морским министром США, в десятитомном труде «История Соединенных Штатов» проводил мысль, что в соответствии с «божественным планом» именно на поселенцев-пуритан, воплотивших в себе «дух свободы», возложена миссия возглавить борьбу американской нации за свободу и независимость. С позиции провиденциализма выступали многие другие американские историки, особенно представители ранней «романтической школы», изображавшие войну за независимость в романтическом ореоле. Идея «божественной предопределенности» американской истории, «избранности» американской нации и поныне используется наиболее реакционными и агрессивными кругами США для обоснования своих претензий на мировое господство.

Процесс выделения военной истории в самостоятельную науку начался раньше во Франции, в Пруссии, России, Англии, Австро-Венгрии; в других государствах, как, например, США, он начался и завершился на многие десятилетия позже. В ряде стран процесс выделения военной истории не завершился и до настоящего времени.

В конце XVIII — первой половине XIX в. в США, в некоторых других странах было сравнительно мало историков, специализирующихся на исследовании только военно-исторических проблем. Эти проблемы все еще разрабатывались главным образом в рамках всеобщей истории или истории данной страны.

Собственно военно-исторические проблемы разрабатывали в рассматриваемый период по преимуществу военные специалисты, в особенности военные теоретики, которые и определили понимание предмета военно-исторической науки и ее функций. В центре внимания военных специалистов, военных теоретиков и собственно военных историков были проблемы истории военного искусства, вооруженных сил и военной техники. История войн их интересовала главным образом лишь в связи с этими проблемами. В широком плане история войн освещалась по преимуществу в трудах по всеобщей истории и истории отдельных стран. Военные историки подробно рассматривали историю отдельных войн, кампаний, сражений, концентрируя внимание на планах противоборствующих сторон, замыслах и действиях полководцев, организации и способах боевого применения армий, флотов, соединений и частей.

В конце XVIII и в XIX в. усилилась специализация военных историков. Появились обобщающие труды, в том числе по истории военного искусства, среди которых выделялась «История военного искусства со времени первого применения в войне пороха до конца 18 века», написанная И. Г. Хойером⁵⁴. С философской точки зрения работа примечательна тем, что, последовательно рассматривая прогрессивное развитие военного искусства от примитивных форм XIV—XVI вв. до конца XVIII в., автор в основу процесса положил развитие военной техники, и прежде всего огнестрельного оружия. Трудов по истории вооруженных сил, видов и родов оружия появилось довольно много, но они носили описательный характер, степень обобщения, теоретический уровень (не говоря уже о философском) были весьма низкими. В первой половине XIX в. появились также отдельные труды по истории военной техники, военной науки и военной историографии.

При определении задач и назначения военно-исторической науки военными писателями конца XVIII — первой половины XIX в. подчеркивалась прежде всего ее прикладная функция: военная история должна была служить источником развития военной теории, важным средством обучения офицеров и формирования полководческих качеств у высшего командного состава. «Из всех теорий военного искусства, — писал Жюмини, — единственно разумной является такая, которая... основана на изучении военной истории...».⁵⁵ Генерал Хойер подчеркивал, что только изучение войн всей предшествующей военной истории дает возможность выводить правила и принципы ведения войны. «Критическое изучение истории является поэтому высшей необходимостью для офицера, изучающего принципы военных наук, это заменяет ему опыт, который он не всегда имеет возможность приобрести даже в длительной войне»⁵⁶.

Об идеологической функции военной истории в то время почти не упоминалось, хотя она приобретала все большее значение по мере возрастания масштаба войн, их разрушительности и все более активного участия в них широких народных масс.

В конце XVIII — начале XIX в. военные историки в несравненно большей мере уделяли внимание анализу соотношения объективных и субъективных факторов в военно-историческом процессе, выяснили роль политики в нем.

⁵⁴ Hoyer J. G. Geschichte der Kriegskunst seit der ersten Anwendung des Schiesspulvers zum Kriegsgebrauch bis an das Ende des 18. Jahrhunderts. Göttingen, 1797.

⁵⁵ Жюмини Г. Очерки военного искусства, т. I. М., 1939, с. 23.

⁵⁶ Hoyer J. G. Literatur der Kriegswissenschaften und Kriegsgeschichte. Berlin, 1832, S. 12.

В военно-исторических трудах конца XVIII — первой половины XIX в. эти вопросы получили несравненно более широкое и многообразное освещение, чем в XVI—XVII вв. В рамках общего для всех историков в конечном счете идеалистического подхода наблюдались различия во взглядах и концепциях. Если отдельные военные историки (Г. Д. Бюлов, Г. Ллойд, эрцгерцог Карл, Вентурини и др.) преувеличивали роль некоторых объективных, по преимуществу природных, факторов и ограничивали творческую деятельность военачальников, полководцев, то большинство абсолютизировало роль полководцев в войне, рассматривая ход и исход вооруженной борьбы с точки зрения решений и действий военачальников, их таланта, воли, гениальных стратегических и тактических находок или ошибок. Более широкий социальный подход к оценке войн с точки зрения политики проявлялся при анализе причин возникновения войн. Непосредственные причины военные историки стали выводить преимущественно из политики держав, хотя сущность политики по-прежнему трактовалась идеалистически как выражение разума государства и общих интересов народа. Наиболее характерно это проявилось в понимании Тридцатилетней войны.

Здесь следует подчеркнуть, что в это время прогресс в области взаимосвязи военной истории и философии все более переплетается с реакционными, милитаристскими политическими выводами и концепциями. Так, применение идеалистической диалектики к анализу философских проблем войны нанесло удар наивным взглядам гуманистов и просветителей XVI—XVIII вв. на войну и вместе с тем было использовано для оправдания всех войн.

Гегель, Клаузевиц и другие буржуазные идеологи считали войны необходимым и даже желательным социальным явлением. В «Философии права» Гегель писал: «Высокое назначение войны» состоит в том, что она «...предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем паче вечного мира»⁵⁷.

Гегель, Клаузевиц и другие буржуазные философы, историки и военные теоретики⁵⁸ стали на путь апологии войн, дав пищу для пропаганды войны и милитаризма со стороны самых реакционных, агрессивных сил буржуазного общества.

Таким образом, новая буржуазная философия, развивавшаяся в конце XVIII в. и первой половине XIX в. оказывала весьма противоречивое влияние на военно-историческую науку. С одной

стороны, «рациональное зерно» этой философии — диалектика, хотя и идеалистическая, помогала более глубокому осмысливанию военно-исторического процесса, что в немалой степени способствовало выделению военной истории в самостоятельную отрасль знания и установлению более тесного взаимодействия между военной историей и военной теорией. С другой стороны, усилившиеся идеалистические и социально-апологетические тенденции в буржуазной философии того времени прямо или косвенно влияли на формирование в военной истории различных милитаристских концепций, реакционное содержание которых все более усиливалось на протяжении XIX и XX вв.

⁵⁷ Буржуазные идеологи XIX—XX вв. использовали лишь наиболее слабые стороны учений просветителей и гуманистов, в особенности стремление выводить корни войны из человеческой природы.

⁵⁸ Гегель. Соч., т. VII. М., 1937, с. 344.

МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЕ ИДЕИ В РУССКОЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XIX—НАЧАЛА XX В.

Борьба между материализмом и идеализмом в области философии обуславливала и развитие русской военно-исторической мысли. Особенно заметным это стало во второй половине XIX в. Военно-историческая мысль, будучи составной частью общественно-политической мысли, развивалась в XIX — начале XX в. под непосредственным воздействием основных течений последней. Это воздействие в свою очередь зависело от ряда социально-экономических, военно-политических и мировоззренческо-идеологических факторов. На характер, направленность, масштабы и темпы военно-исторических исследований влияли такие крупные военно-политические события XIX — начала XX в., как Отечественная война 1812 г., Крымская, русско-турецкая, русско-японская и другие войны.

РУССКАЯ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ДОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА (начало XIX в.— 1861 г.)

Буржуазная революция во Франции в конце XVIII в. возвестила миру о победе новой, капиталистической формации. Победы республиканской Франции и идеи самой Великой французской революции воодушевляли прогрессивные силы Европы, в том числе России. Однако изменение характера войн Франции, их превращение из справедливых, освободительных в начальный период Республики в несправедливые, захватнические вызвали ответную отрицательную реакцию общественных сил Европы. Это затронуло и Россию, где поднялась волна антифранцузских настроений и патриотических тенденций, особенно в связи с наполеоновскими войнами в начале XIX в. Тем не менее идеи свободы и равенства народа, провозглашенные французской революцией, нашли своих сторонников и в царской России.

В недрах самодержавно-феодального строя России начали вырывать капиталистические отношения. В начале XIX в. страна переживала начало промышленного переворота. Заметным было проникновение товарно-денежных отношений и в сельское хозяйство, хотя здесь особенно сильным было влияние крупных земле-

владельцев-помещиков. Несмотря на предпринимаемые царизмом меры сдерживания, новые, капиталистические отношения пробивали себе дорогу в стране.

Являясь тормозом на пути развития новых общественно-экономических отношений, феодально-крепостнический строй России оказывал отрицательное влияние и на развитие общественно-политической и военной мысли в стране. Царизм силился направить общественно-политическую мысль на защиту существующего строя. Тем не менее в стране распространялись свободолюбивые идеи. Успехам борьбы нового со старым способствовали революционные процессы в странах Европы второй половины XVIII в. и крестьянская война под руководством Е. И. Пугачева, подорвавшая в известной степени устойчивость крепостнического строя в России и способствовавшая процессу его дальнейшего разложения и кризису в середине XIX в.

Существенное влияние на военно-историческую мысль начала XIX в. оказали военные события этого периода. После поражений под Аустерлицем в 1805 г. и Прейсиш-Эйлау в 1807 г. царское правительство вынуждено было уделить внимание развитию военного искусства, для чего важно было изучить опыт войн, особенно войн с Турцией, Персией, Швецией и наполеоновской Францией в начале XIX в. Это стимулировало военно-исторические исследования, но вместе с тем это еще больше обострило борьбу между прогрессивным и реакционным направлениями в области военной теории и истории. Эта борьба, начавшаяся еще до 1812 г., особенно обострилась после Отечественной войны и освободительных походов русской армии в 1813 г.

«Военный журнал», созданный в 1810 г., и появившиеся вскоре различные военные общества, существовавшие непродолжительное время, боролись за создание научных основ военной истории, пропагандировали среди офицеров передовые военные взгляды русских полководцев, способствовали патриотическому подъему и росту национального самосознания.

В начале века медленно, но неуклонно завоевывали все более прочные позиции научные методы в военно-исторических исследованиях, активизировалась работа по созданию архивов и привлечению документов при написании военно-исторических трудов. О возросшем интересе военных историков к документальной базе и научным методам исследования свидетельствует ряд работ, опубликованных в первом и втором десятилетиях XIX столетия. Попытка критического подхода к освещению боевых действий в период похода корпуса Римского-Корсакова в Швейцарию в 1799 г. была предпринята в сочинении М. С. Вистицкого «Подробное описание расположений, действий и движений корпуса императорских российских войск под командою генерала Римского-Корсакова в Швейцарии» (М., 1803). Еще больший интерес с

точки зрения научных основ исследования представляют труды П. А. Чуйкевича «Рассуждение о войне 1812 года» (СПб., 1813) и Д. И. Ахшарумова «Описание войны 1812 года» (СПб., 1819). Особая заслуга последнего заключается в том, что он привлек внимание исследователей к необходимости всестороннего учета при анализе действий борющихся сторон не только военной, но и социально-экономической обстановки. Удачно применив метод сравнительного анализа и проведя параллели между Отечественной войной и войной Франции против Испании, он правильно оценил войну Франции как несправедливую, захватническую.

Усиление борьбы крестьян против помещиков после Отечественной войны явилось ярким выражением кризиса крепостного строя, вынуждавшего царизм искать пути выхода из него посредством некоторых реформ. Эта борьба в значительной мере способствовала распространению в стране, и особенно среди офицерства и интеллигенции, освободительных идей. Восстание 14 декабря 1825 г. явилось первым открытым выступлением с оружием в руках против самодержавия и феодально-крепостнического строя, за освобождение всего народа. Именно декабристы «разбудили» передовую русскую военную мысль, дали толчок научной трактовке событий военного прошлого, побудили историков к научному анализу и объективному освещению военной истории. Декабристы подвергли критике официальную феодально-монархическую историографию, выражавшую интересы самодержавия и феодализма, и разработали новую историческую концепцию, считая ее одним из важнейших средств политической борьбы. Взгляды декабристов на развитие русского военного искусства как самостоятельный процесс, связанный с экономическим развитием России, легли в основу нового, буржуазного направления в военно-исторической науке¹.

Декабристы И. Г. Бурцов и Ф. Н. Глинка, руководившие «Военным журналом», превратили его в трибуну пропаганды героического прошлого русского народа.

Являясь поборниками самообразования офицеров, декабристы организовывали кружки по изучению философии. Однако философские взгляды декабристов не были однородными. Большинство из них (И. Д. Якушкин, П. И. Борисов, Н. А. Крюков, В. Ф. Раевский, И. И. Горбачевский, А. П. Барятинский и др.) были материалистами во взглядах на природу и человеческое познание. Декабристы П. И. Пестель, К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев, Н. И. Тургенев и некоторые другие колебались между материализмом и идеализмом, атеизмом и религией, хотя в ряде вопросов стояли ближе к материализму, критиковали мистицизм

¹ См.: Бескровный Л. Г. Очерки военной историографии России. М., 1962, с. 96.

и церковь. Е. П. Оболенский, П. С. Бобрищев-Пушкин и значительная часть других декабристов были людьми верующими и придерживались идеалистических взглядов.

Элементы материалистического подхода к изучению явлений войны и военного дела позволили многим декабристам дать в основном верную трактовку вопросов военной истории и теории. Их заслуга заключается прежде всего в том, что они по существу впервые обратили внимание широкой общественности, и прежде всего офицерских кругов, на самобытный характер развития русского военного искусства, на огромный вклад русских полководцев, в частности Петра I, Румянцева, Суворова, Кутузова и других, в разработку новых способов и форм ведения войны и военных действий. С этих позиций они разоблачали разного рода фальсификации военной истории России, показывали героизм русского народа в борьбе с иностранными захватчиками, боролись за русское военное искусство, отвечавшее требованиям войны и уровню развития производства того времени.

Декабристы стремились осмыслить грандиозные военные события начала века, найти им правильное объяснение. Такое объяснение они нашли, установив связь войны с политикой. Поставив вопрос о связи военной организации с общественным устройством, декабристы обосновали вывод о необходимости замены устаревшей феодально-самодержавной военной организации России более прогрессивной — буржуазной.

Как верно подчеркнул Л. Г. Бескровный, «военной историей декабристы занимались прежде всего в целях политической борьбы. Они не имели возможности создать капитальные труды, но и то, что было ими сделано, позволяет говорить о целой военно-исторической школе»². Не будет преувеличением утверждение, что с деятельностью декабристов, влиянием их философских и исторических воззрений на передовых русских военных историков связано оформление военной истории в отрасль научных знаний. Об этом свидетельствуют понимание декабристами и трактовка ими задач и функций военной истории.

Задачу всеобщей и военной истории декабристы видели в том, чтобы находить скрытые закономерности развития общества и военного дела. От истории ждали указаний на истоки развернувшихся грандиозных событий и объяснения смысла совершившихся крутых общественных перемен. Подчеркивая закономерный характер исторического процесса, декабрист Д. И. Завалишин писал: «Нет сомнения, что история должна управляться такими же непреложными законами, какими управляются явления мира вещественного в своих проявлениях в пространстве»³.

² Там же, с. 72.

³ Завалишин Д. И. Записки декабриста. М., 1905, с. 321.

Задачи и функции истории декабрист М. С. Лунин понимал так: «История нужна не только для любопытства и умозрений, но путеводит нас в высокой области политики»⁴.

Декабристы выразили прогрессивную тогда философскую концепцию движущих сил военной истории, творцов истории, которыми считали народные массы. Так, критикуя реакционно-монархические концепции исторического процесса Н. М. Карамзина, декабрист Н. М. Муравьев писал, что «история принадлежит народам», а не царям и потому ее нельзя сводить к генеалогии царского двора⁵. Более того, Н. М. Муравьев поднялся до понимания закономерности истории, говоря, что «тогда даже, когда мы воображаем, что действуем по произволу, и тогда мы повинемся прошедшему — дополняем то, что сделано, делаем то, что требует от нас общее мнение... идем, куда влекут нас происшествия»⁶. Эту мысль он распространил на понимание военной истории, тесно связывая вопросы войны и политики и показывая зависимость стратегии от политики. Например, описывая ход военных действий в Северной Италии, он отмечал, что Франция побеждала тем, что вводила вместо поверженных монархий новые формы общественных отношений — республиканские.

Выдвинув положение, что война как общественное явление подчиняется определенным социальным закономерностям, декабрист Ф. Н. Глинка писал: «Война есть наука... Не слепой случай, но правила науки сей суть единственные указатели пути, ведущего к победам и славе»⁷. Говоря о роли военной истории и назначении военных историков, он выдвинул ряд положений, относившихся, в частности, к историографам Отечественной войны 1812 г. «Сочинитель истории (1812 года), — писал он, — должен быть: воин, самовидец и, всего более, должен быть он русский»⁸, потому что «чужеземец со всею доброю волею не может так хорошо знать историю русскую, так упоиться духом великих предков россиян, так дорого ценить знаменитые деяния времен протекших и так живо чувствовать обиды и восхищаться славою времен настоящих!»⁹.

Для формирования военно-исторической науки важное значение имело понимание принципов и методов военно-исторического исследования. В этом плане также весьма важный вклад внесли декабристы. Так, подчеркивая необходимость создания оте-

⁴ Лунин М. С. Сочинения и письма. Пг., 1923, с. 82.

⁵ Муравьев Н. М. Об «Истории» Карамзина. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. I, М., 1951, с. 333.

⁶ Очерки истории исторической науки, т. I, М., 1955, с. 291.

⁷ Глинка Ф. Краткое начертание военного журнала. СПб., 1816, с. 4.

⁸ Глинка Ф. Рассуждения о необходимости иметь историков Отечественной войны 1812 г. — Сын Отечества, 1816, ч. 27, № 4, с. 146.

⁹ Там же, с. 148.

чественной военной историографии, Н. М. Муравьев писал: «Недостаток хороших исторических книг особенно чувствителен для военных, беспрестанно поучающихся в истории браней. Россия имела Румянцевых, Суворовых, Кутузовых, но дела их не описаны — они как бы достояние чужого народа»¹⁰. Для создания подлинных военно-исторических трудов первейшим требованием, по его мнению, должно быть точное и честное изложение фактов. Высокие дела, отмечал он, требуют только прямого и ясного изложения. Поэтому военный историк должен представлять положение дел таким, каким оно было¹¹.

Среди декабристов были не только люди, увлекавшиеся всеобщей и военной историей в интересах обоснования своих политических и философских взглядов, но и считавшие военную историю своим призванием и долгом. К ним относится прежде всего капитан-лейтенант Н. А. Бестужев, состоявший с 1819 по 1824 г. помощником директора Балтийских маяков и начальником Морского музея. Он носил официальное звание «историографа русского флота» и взял на себя труд написать историю русского флота. Его труд «Опыт истории русского флота» не был закончен, но во «Введении» Н. А. Бестужев показал развитие морского дела в России с древних времен и провел мысль о том, что русский флот был создан Петром I не на пустом месте, а на традициях широко развитого мореходства в Древней Руси. Этим он внес существенный вклад в воспитание военных моряков на глубоких традициях русского народа, до этого всячески замалчивавшихся и искажавшихся историками.

Труды по истории войска Донского написал декабрист В. Д. Сухоруков¹². А. О. Корнилович создал ряд ценных работ по истории России XVII—XVIII вв.¹³ Будучи профессионально-историком А. О. Корнилович высказал глубокие суждения об историческом источниковедении. В своих работах он подчеркивал важность установления достоверности исторических документов, настаивал на их критической оценке, необходимости выяснения, когда, кем и при каких обстоятельствах они создавались и т. п.¹⁴

Историческим взглядам декабристов свойственна особенность всех революционных деятелей — тесная связь истории с современностью. Эта связь проявлялась, как уже отмечалось, прежде всего

¹⁰ Муравьев Н. М. Рассуждение о жизнеописаниях Суворова. — Сын Отечества, 1816, ч. 27, № 6, с. 218.

¹¹ Там же, с. 220.

¹² Сухоруков В. Д. Общежитие донских казаков в XVII—XVIII столетиях. — Русская старина. СПб., 1824; *Он же*. Историческое описание земли войска Донского, т. 1—2. Новочеркасск, 1867—1872.

¹³ См.: Корнилович А. О. Сочинения и письма. М. — Л., 1957.

¹⁴ См.: Сын Отечества, 1823, ч. 87, № 28, с. 133.

при изучении истории для понимания причин происходящих военных и политических событий конца XVIII — начала XIX в., при обосновании политических идеалов и концепций революционных преобразований в России, при совершенствовании военной организации России и разработке теоретических проблем военной науки.

Усилия И. Г. Бурцева, Н. А. Бестужева, Ф. Н. Глинки, А. О. Корниловича, Н. М. Муравьева и других декабристов, несмотря на различия в философских и исторических воззрениях, обогатили военно-историческую мысль. Плодотворной была их борьба против официальной военно-исторической мысли, имевшей во второй четверти XIX в. особенно сильно выраженный охранительный характер и потому всячески поощряемой царским правительством и направляемой на восхваление монархизма, полководческих «заслуг» царей, на борьбу с прогрессивной мыслью в военной историографии и военной теории.

Если в первой четверти XIX в. доминирующее положение занимала прогрессивная военно-историческая мысль, выразителями которой были декабристы, то во второй четверти, после разгрома декабристов, ключевые позиции в военной историографии оказались у представителей официальной школы. Это был сложный период, в начале которого была почти десятилетняя пауза в развитии военно-исторической мысли, наступившая после появления в начале 1827 г. в «Военном журнале» объявления о том, что впредь военно-исторические материалы будут публиковаться «без критических рассуждений»¹⁵. Под влиянием материалистических идей и взглядов революционных демократов Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова возобновилась затем борьба прогрессивного направления в военной историографии против официальной школы. Поэтому вторую четверть века неправильно было бы считать периодом полного затухания прогрессивной мысли в области военной истории и теории и абсолютным господством официальной дворянско-монархической школы.

Одним из представителей официальной школы военно-исторической мысли первой половины XIX в. был монархист-реакционер, убежденный противник декабристов Д. П. Бутурлин. Он известен как душитель прогрессивной мысли и ярый проповедник монархических идей в военной историографии. Свою задачу он видел в том, чтобы прославлять «великие» деяния русских монархов. Придерживаясь концепции, что главной движущей силой истории является сильная личность, под которой подразумевал прежде всего личность монарха, он в описании войны 1812 г. главную роль отводил Александру I, тогда как Кутузов представ-

лен им лишь простым исполнителем воли царя¹⁶. Причины этой войны он сводил к честолюбивым стремлениям Наполеона Бонапарта, отрицал народный характер Отечественной войны и важную роль в ней партизанского движения.

Ту же задачу, что и Бутурлин, выполнял и А. И. Михайловский-Данилевский. Пытаясь превознести роль русского монарха в войне 1812—1815 гг., он тенденциозно подбирал факты и отказался от широко применяемого в то время критического метода исторического исследования. «Критическая военная история, — откровенничал он, — не была моею целью»¹⁷. Рассматривая вопрос о движущих силах истории, он считал, что военную историю творят лишь те, кто стоит во главе государства. Именно с таких позиций Михайловский-Данилевский освещал внешнеполитические отношения России и Франции в 1807—1812 гг. и войну 1812 г.

В «Описании Отечественной войны в 1812 году» использованы документальные материалы, к которым допускались лишь придворные историографы. После «высочайшего рассмотрения» и одобрения царем труд был издан. Ясно, что такое одобрение работа могла получить лишь при условии ее соответствия идеологии самодержавного строя. Николай I сам взялся редактировать этот труд, в результате чего из него были исключены разделы о настроениях русских войск, об отражении в сознании народа Бородинского сражения, устранили материалы, благоприятно характеризующие Кутузова, особо выделены места, подчеркивавшие «верноподданнический» характер народного движения и «выдающуюся» роль императора. Кампанию 1814 г. Михайловский-Данилевский рассматривал как продолжение освободительного похода 1813 г., а императора Александра I называл «единодушно признанным современниками освободителем Европы»¹⁸.

Возникшая «теория официальной народности» всячески поощрялась правительством и усилиями таких верных слуг самодержавия, как Уваров, Погодин, Шевырев, Булгарин и другие, была подкреплена идеалистической философией Шеллинга и превращена в идеологическое оружие реакции в ее борьбе с передовой общественной мыслью России. Реакционные концепции официальной историографии, сформированные на основе этой «теории», встретили решительный протест со стороны прогрессивной исторической мысли. Важную роль в борьбе с официальной историографией, в разоблачении ее реакционной сущности и охранительно-самодержавной направленности сыграли русские революционные демократы.

¹⁶ См.: *Бескровный Л. Г.* Очерки военной историографии России, с. 99—100.

¹⁷ *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны в 1812 году, ч. I. СПб., 1839, с. XV.

¹⁸ См.: *Бескровный Л. Г.* Очерки военной историографии России, с. 133.

¹⁵ Военный журнал, 1827, № 1, с. VI.

В 30—50-е годы XIX в. произошло значительное углубление кризиса феодально-крепостнического строя в России и его военной системы. Даже правящие круги убеждались в том, что без отмены крепостного права нельзя выйти из кризиса, что без этого невозможно осуществить и перестройку армии, столь необходимую для укрепления царской власти и сохранения господствующего положения эксплуататорских классов. Главное заключалось в поисках наиболее безболезненных для них путей выхода из кризиса, достигшего своей высшей точки в результате поражения царизма в Крымской войне 1853—1856 гг. Это не могло не отразиться и на русской военно-исторической мысли дореформенного периода.

В условиях кризиса крепостнического строя в русской общественной мысли усилились антикрепостнические, антисамодержавные, революционные тенденции. Большой популярностью в 40—50-х годах XIX в. пользовались идеи и взгляды великих революционных демократов Белинского, Герцена, Чернышевского. Связь с военными кругами позволяла им быть в курсе развития передовых идей в русской армии и способствовала распространению революционно-демократических идей среди офицеров.

Свои взгляды на историю Белинский излагал главным образом в рецензиях на исторические труды и в годичных обзорах русской литературы, связывая их с политическими задачами русской революционной демократии. В рецензиях на такие труды, как «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» И. Голикова (1841 г.), «История Петра Великого» В. Бергмана (1841 г.), «История Малороссии» Н. Маркевича (1843 г.), «Руководство к познанию новой истории для средних учебных заведений» С. Смарагдова (1844 г.), «История консульства и империи» Тьера (1845 г.) и многих других, Белинский высказывал мысли по различным вопросам военной истории.

Так, он признавал идею исторической закономерности, решающую роль народа в истории, считая, что борьба противоположных сил движет развитие общества, отмечал роль материальных потребностей людей в общественном развитии, хотя и не дошел до признания того, что в основе этого развития и борьбы масс лежит материальное производство. Распространяя диалектику на толкование явлений общественной жизни, он, в частности, писал: «Нет предела развитию человечества, и никогда человечество не скажет себе: стой, довольно, дальше идти некуда!.. Жизнь только в движении; в покое — смерть»¹⁹.

Будучи революционером-демократом, Белинский не мог не дать ответа на такие вопросы, волновавшие широкую общественность, как причины, порождавшие войны, условия, определявшие

победы и поражения в них, роль народных масс и полководцев и ряд других. Белинский решительно осуждал историков, которые сводили историю общества к описанию войн, сражений, деятельности царей и полководцев, уходили от раскрытия деятельности народа и закономерностей общественного развития, избегали социального анализа войн.

Дальше декабристов, стремившихся уяснить различия в характере войн в зависимости от их целей, пошел Белинский. Он различал войны освободительные и захватнические. В рецензии на книгу Тьера «История консульства и империи» он осуждал захватнические войны Наполеона I и считал справедливыми войны народов за национальную независимость. Главными условиями, определяющими ход и исход войны, он считал могущество народного духа, материальное богатство страны, уровень развития военного искусства, военной науки и дарования полководца. Белинский ставил вопрос о необходимости воспитания в народе высокого морального духа. О великом русском народе он писал: «Дух народный всегда был велик и могущ, что доказывает и быстрая централизация Московского царства, и мамаевское побоище, и свержение татарского ига, и завоевание темного Казанского царства, и возрождение России, подобно фениксу, из собственного пепла в годину междуцарствия»²⁰. Особенно высоко он оценивал моральный дух русского народа в Отечественной войне 1812 г., которую считал великой освободительной войной, породившей мощный патриотический подъем, ставший важнейшим источником победы.

Белинский в основном верно решал такой важнейший философский вопрос военной истории, как место и роль войны в эпохе, в развитии человеческого общества. Он решительно становился на позиции поддержки войны освободительной, отмечал ее прогрессивную роль в истории общества. В одной из статей, посвященных сочинениям Пушкина, он писал: «Можно сказать без преувеличения, что Россия больше прожила и дальше шагнула от 1812 года до настоящей минуты, нежели от царствования Петра до 1812 года. С одной стороны 12-й год, потрясший всю Россию из конца в конец, пробудил ее спящие силы и открыл ей новые, дотоле неизвестные источники сил, чувством общей опасности сплотил в одну огромную массу косневшие в чувстве разъединенных интересов частные воли, возбудил народное сознание и народную гордость и всем этим способствовал зарождению публичности, как началу общественного мнения; кроме того, 12-й год нанес сильный удар коснеющей старине... С другой стороны, вся Россия в лице своего победоносного войска лицом к лицу увиделась с Европою, пройдя по ней путем побед и торже-

¹⁹ Белинский В. Г. Избр. филос. соч., т. 2. М., 1948, с. 146.

²⁰ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 13-ти томах, т. V. М., 1955, с. 134—135.

ства»²¹. Тем самым В. Г. Белинский указал на историческую роль справедливой войны, ее влияние на развитие прогрессивных движений.

Белинский по существу был первым русским мыслителем, остро поставившим перед историками и писателями вопрос о глубоко научном изучении и реалистическом освещении военной истории, решительно осудившим тех, кто пытался упрощенно излагать факты, не объяснив их с философско-социологических позиций. Он резко выступил против фальсификации военно-исторических событий, неправильного освещения героического прошлого русского народа.

Философские и исторические взгляды Белинского, особенно последнего периода его жизни, оказали большое влияние на развитие русской военной мысли, в том числе военно-исторической науки. Под влиянием его взглядов находились многие военные историки и теоретики, в частности Д. А. Милютин, Ф. И. Горемыкин, А. И. Астафьев и др. А. И. Астафьев писал: «Пока не окончились философские прения, какой лучший образ исследования истины в науках — априори или апостериори, мы примем мысли Белинского... за истину и будем руководствоваться ими в создании идеала армии и в исследовании точного значения сущности военной науки»²². Военно-исторические и философские взгляды Белинского явились важнейшей вехой в развитии русской военной-исторической мысли.

Развитие военно-исторической мысли в России в середине и второй половине XIX в. связано также с именем А. И. Герцена, который, по оценке В. И. Ленина, «вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом»²³.

Для исторических и социологических взглядов Герцена характерно стремление найти закономерности исторического развития в объективных условиях общественной жизни. Он считал, что в основе общественного развития лежат противоречия между привилегированным и угнетенным классами и конфликты между личностью и средой. Однако в определении классовых различий он исходил не из их отношений к средствам производства, а из их имущественного положения в обществе. Он проводил, хотя и не всегда последовательно, «идею борьбы классов (нередко отождествляя их с сословиями), доказывал неотвратимость революции и ее победы над тиранией эксплуататорских классов»²⁴. Резко критикуя буржуазное общество и мечтая о переходе к социализму, Герцен движущую силу этого перехода усматривал в крестьян-

²¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 446—447.

²² Астафьев А. И. О современном военном искусстве, ч. 2. СПб., 1861, с. 61.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 256.

²⁴ История философии, т. II, с. 299.

ской общине. Движущей силой истории он считал народ. Его взгляды на исторические судьбы народа, на жизнь русского народа послужили основой для народнической концепции русской истории.

Много внимания Герцен уделял военной истории, особенно истории Отечественной войны 1812 г., считая, что именно «с 1812 года начинается наша новая история и кончается старая история Запада»²⁵. Причину войны он усматривал в завоевательной политике Наполеона I, его стремлении к мировому господству²⁶. Отечественную войну 1812 г. Герцен оценивал как справедливую борьбу русского народа за сохранение своей национальной независимости и как освободительную не только для России, но и для всей Европы. Эта война явилась крупнейшим событием мировой истории. Не царизм, а именно русский народ помог освободиться Европе от наполеоновского ига. Как историк движения декабристов Герцен усматривал его непосредственную связь с Отечественной войной 1812 г.

Интерес Герцена к вопросам военной истории не случаен. Он объясняется тем, что армия, по его убеждению, должна сыграть важную роль в борьбе за новое общество. В статьях «Что нужно народу?» и «Что надо делать войску?» и других материалах, опубликованных на страницах «Колокола», Герцен и Огарев вели революционную пропаганду за сближение народа и войска, их совместную борьбу против царского самодержавия.

Передовые офицеры русской армии, в том числе военные историки, проявляли интерес к деятельности и трудам революционных демократов, в частности Герцена. С ним были связаны офицеры Н. Н. Обручев, П. Л. Лавров, С. Сераковский, А. А. Потемня, Я. Домбровский, Н. А. Шевелев, Н. Я. и М. Я. Ростовцевы, генерал Охотников и многие другие, через которых редактор «Колокола» получал важные материалы для публикации. Н. В. Шелгунов в воспоминаниях писал: «Чем секретнее была мера или распоряжение, тем более вероятно, что о ней уже будет напечатано в «Колоколе»»²⁷.

Исключительно важное место в революционной русской историографии принадлежит Н. Г. Чернышевскому. Велик его вклад и в военно-историческую науку²⁸. Основной период деятельности Чернышевского как философа-материалиста, историка, вождя русских революционных демократов 60—70-х годов приходился

²⁵ Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем, т. XVII. Пг., 1919.

²⁶ Там же, т. V, с. 193.

²⁷ Шелгунов Н. В. Воспоминания. М.— Пг., 1923, с. 157.

²⁸ Об этом имеются специальные исследования, в частности: *Макеев Н.* Чернышевский Н. Г.— редактор «Военного сборника». М., 1950; *Таубин Р. А.* Н. Г. Чернышевский о некоторых вопросах военной истории.— Военно-исторический журнал, 1960, № 8.

на предреформенные и большей частью послереформенные годы. Но военными вопросами, в том числе военно-историческими, он много занимался в 50-х годах, особенно в период его деятельности на посту редактора «Военного сборника». В эти годы он сблизился со многими передовыми офицерами и оказал влияние на их исследования событий военной истории.

Н. Г. Чернышевский был выдающимся, разносторонне одаренным ученым и революционным деятелем. По оценке В. И. Ленина, он «сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классово-борьбы. Он резко проводил ту линию разоблачений измен либерализма, которая донныне ненавистна кадетам и ликвидаторам»²⁹.

В. И. Ленин считал Чернышевского одним из выдающихся предшественников русской социал-демократии, идейным вдохновителем революционно-демократического движения в России, который «умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»³⁰.

Отмечая цельность и глубину философских взглядов Чернышевского, ставшего классическим представителем домарковского материализма в России, В. И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» писал: «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников. Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса»³¹.

Главная черта исторических взглядов Чернышевского — революционность. История развивается, учил он, революционным путем. Но путь этот тяжел и тернист. «Исторический путь, — писал он, — не тротуар Невского проспекта; он идет целиком через поля, то пыльные, то грязные, то через болота, то через дебри. Кто боится быть покрыт пылью и выпачкаться сапоги, тот не принимайся за общественную деятельность»³².

В трудах Чернышевского содержатся глубокие, критические суждения по вопросам военной истории и теории. В оценке войн, их характера и роли в жизни общества проявился диалектический метод Чернышевского. Войны революционной Франции

1792—1794 гг., отмечал он, были направлены против феодальной реакции, они по своему характеру были полезными для французского народа, справедливыми и прогрессивными. Что же касается войн последующего двадцатилетия, то они в связи с приходом к власти крупной буржуазии превратились в несправедливые и захватнические, ибо были направлены не на защиту революции, а против свободы и независимости народов Европы. Давая оценку социальным последствиям захватнических войн Франции, Чернышевский отмечал, что «если бы та сумма труда и капитала, которая потрачена была в эти годы Европою на войну, употреблена была на земледелие, то Европа была бы вдвое богаче, нежели теперь»³³. Всесторонне проанализировав международное значение поражения Наполеона в России, Чернышевский пришел к выводу, что Наполеона погубил поход 1812 г.³⁴, что разгром лучших его войск в России позволил народам Европы сбросить наполеоновское иго и восстановить свою независимость.

Большое внимание Чернышевский уделил истории Крымской войны, причины которой он видел в интересах правящих кругов Европы; среди них на первое место он выдвинул интересы клики Наполеона III. «Ясно было, — писал Чернышевский, — что люди, которым нужно было дать Франции роль тигрицы, прежде всех других занятий порекомендуют ей посчитаться с той медведицею, которая когда-то прогнала ее, полузамерзшую в нашем климате, через всю Европу на ее родину за Рейн»³⁵. Другой причиной, по его мнению, было столкновение интересов Англии, Франции, Австрии и России в борьбе за раздел Балкан. В рецензии на книгу «Восточная война, ее причины и последствия» Чернышевский четко раскрыл зависимость Турции от своих корыстолюбивых союзников, воспользовавшихся войной с целью ее закабаления: «Это уже не война между Россиею и Турциею с ее союзниками, какою представлялась она полтора года тому назад, а война между Россиею и двумя западными державами, которые оттеснили Турцию во второй план и на военном, и на дипломатическом поприще... В настоящую минуту Турция продолжает ее против собственной воли, по приказанию своих союзников, которые из союзников сделались властелинами слабой державы»³⁶. Тем самым в оценке причин Крымской войны Чернышевский был на голову выше буржуазных военных историков, усматривавших их в спорах о святых местах и в ошибках царей и дипломатов.

Оценивая историческое значение Крымской войны для судеб России, ее последующего развития, Чернышевский считал, что

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 175.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 384.

³² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 16-ти томах, т. 7. М., 1950, с. 923.

³³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 4. М., 1949, с. 484.

³⁴ Там же, с. 765.

³⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 10. М., 1951, с. 196.

³⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 2. М., 1949, с. 729.

главной причиной поражения России явилась отсталость ее политического, экономического и социального строя. «Крымская война, — подчеркивал он, — сделала необходимостью освобождение крестьян. Связь этих двух факторов такова: военные неудачи обнаружили для всех слоев общества несостоятельность того порядка вещей, в котором оно жило до войны... Открылась надобность изменить неудовлетворительное устройство. Самою заметною чертою его считалось тогда крепостное право»³⁷.

О разложении крепостничества и самодержавия, ярко проявившемся в ходе войны, говорилось в статьях «Военного сборника» (в частности, в № 1, 2 и 4 за 1858 г.). Чернышевский считал, что поражение самодержавия в Крымской войне поставило в качестве первоочередных задач отмену крепостного права и уничтожение всех остатков крепостничества, осуществление всесторонних демократических преобразований в стране. В «Письмах без адреса» он писал: «Англо-французы (как мы тогда называли союзников) прорвали небольшую прореху в нашем платье, и мы думали на первый раз, что надобно только починить ее; но, начав штопать, мы постепенно замечали ветхость материи на всех местах, до которых приходилось нам дотрагиваться; и вот вы видите теперь, милостивый государь, что все общество начинает высказывать потребность одеться с ног до головы в новое: штопать оно не хочет»³⁸.

Как диалектик и материалист Чернышевский в оценке войн придерживался принципа конкретности истины. Спрашивая: «Пагубна или благотворна война?», он писал: «Вообще нельзя ответить на это решительным образом; надобно знать, о какой войне идет дело, все зависит от обстоятельств, времени и места»³⁹. Он считал захватнические войны глубоко несправедливыми. Чернышевский отмечал: «Всякая война, имеющая целью завоевания или перевес над другими нациями, не только безнравственна и бесчеловечна, но также положительно невыгодна и вредна для народа, какими бы громкими успехами ни сопровождалась, к каким бы выгодным, по-видимому, результатам ни приводила»⁴⁰.

В работах Чернышевского, его правках статей других авторов в качестве редактора «Военного сборника» (1858 г.) содержится немало идей и суждений относительно роли масс и полководцев в войне, влияния объективных и субъективных факторов на ход и исход войны. Особенно ценными являются его мысли о необходимости учитывать социально-политические условия воюющих стран, моральный дух населения и армии при анализе истории

³⁷ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 10, с. 94.

³⁸ Там же, с. 96.

³⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 2, с. 187.

⁴⁰ Чернышевский Н. Г. Собр. соч. В 10-ти томах, т. III. СПб., 1906, с. 152.

войн. К оценке личности в истории он подходил с классовых позиций, отмечая, что «оно (лицо. — Авт.) — представитель того класса, к которому принадлежит в политическом или — как вам угодно, назовем это — в социальном, в общественном отношении...»⁴¹. Именно с этих позиций и следует, по его убеждению, оценивать роль личности в истории, ибо личность не может противостоять классу, она должна служить ему.

Работы Чернышевского практически завершили оформление передового, революционно-демократического направления в русской военной историографии.

К сожалению, к концу этого периода в военной историографии ключевые позиции заняло официальное направление, для которого характерным было преследование утилитарных, прагматических целей — подготовка офицерских кадров и воспитание вооруженных сил в верноподданническом духе. Исторические труды и учебные пособия представителей этого направления носили описательный характер, с явным креном в сторону освещения решающей роли в войне великой личности, прежде всего царей

РАЗВИТИЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в. (1861—1917 гг.)

Важнейшее значение для развития военно-исторической науки России в рассматриваемый период имели кризис крепостнической системы и возникновение революционной ситуации в середине 50-х годов, поражение царского самодержавия в Крымской войне. В этих условиях царское правительство вынуждено было пойти на отмену крепостного права в 1861 г. Возникли возможности для более быстрого развития капиталистических отношений в городе и деревне, а также необходимые условия для осуществления военных реформ в 60—70-х годах, что обеспечило превращение русской армии и флота в массовую вооруженную силу буржуазного типа.

Развитие капитализма в России привело к появлению на исторической арене рабочего класса. Борьба пролетариата против эксплуататоров приобретала все более широкий размах. Обманутые реформой 1861 г. беднейшее крестьянство все чаще восставало против остатков крепостничества и эксплуатации сельских мелких и средних буржуа. Тем самым оно становилось союзником пролетариата в борьбе за революционное переустройство общест-

⁴¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II. М., 1939, с. 672.

ва. В стране возникали тайные революционно-демократические кружки. Идеи революционных демократов Белинского, Герцена, Огарева, Чернышевского, Добролюбова были широко восприняты революционерами-разночинцами 60—70-х годов.

Появление на исторической арене пролетариата создало благоприятную почву для борьбы с утопическим социализмом и утверждения идеологии марксизма. В Россию все больше проникали идеи К. Маркса и Ф. Энгельса. Переведенный на русский язык в конце 60-х годов «Капитал» К. Маркса стал известен и среди многих офицеров. «Бывший участник революционного кружка Михайловского артиллерийского училища Ф. Фомин на допросе по делу «193-х» сказал, что после прочтения нескольких запрещенных книг, а также «Капитала» Маркса и «Положения рабочего класса в России» Флеровского у него появилось убеждение в необходимости изменения положения рабочего класса»⁴². Этот и многие другие факты свидетельствуют, что знакомство с работами К. Маркса и Ф. Энгельса не проходило бесследно, что революционные идеи основоположников научного коммунизма находили отклик в сердцах прогрессивно настроенных офицеров. Особенно усилился этот процесс в конце XIX в. с появлением марксистских кружков, с возникновением социал-демократической партии, возглавившей под руководством В. И. Ленина революционную борьбу пролетариата и беднейшего крестьянства.

Эти изменения и сдвиги в социально-политической жизни страны затронули и военно-историческую мысль, сказались на характере, содержании и направленности военно-исторических исследований. Во-первых, усилилась борьба прогрессивного, демократического направления, представленного общенародными и военно-историческими воззрениями Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Шелгунова, Писарева, а в конце XIX — начале XX в. — взглядами марксистов-ленинцев против официального направления, выражавшего взгляды реакции. Во-вторых, усилилось стремление официальных политических и военных кругов использовать военную историю в качестве средства идеологической обработки населения и армии в духе великодержавного шовинизма и буржуазного национализма, ненависти к неравноправным национальным меньшинствам, не имевшим по существу доступа к военной службе, воспитания войск в духе преданности царизму. В-третьих, военная история использовалась правящими кругами для изучения боевого опыта прошлых войн в интересах пропаганды «исключительного» полководческого «дарования» русских царей и внедрения опыта войн в практику подготовки войск.

Борьба прогрессивных и реакционных тенденций в общей и военной историографии России этих лет не была простым ее про-

должением в дореформенный период. Под влиянием объективных условий изменения произошли во взглядах представителей и официального дворянского, и либерально-буржуазного, и революционно-демократического направлений в общей и военной историографии.

Одним из видных представителей официальной военной историографии, выражавшей интересы дворянского направления, был М. И. Богданович (1805—1882 гг.). Он стремился придать военной историографии прикладной характер в двух отношениях: в обосновании незыблемости царского самодержавия и в подчинении военной истории принятой военно-теоретической точке зрения.

Богданович абсолютизировал роль русских самодержцев, изображал их вершителями судеб народов, которые, по его мнению, есть лишь толпа, «неизменная в вере к богу, преданности к царям»⁴³. Представители этого направления историографии рассматривали дворянство организующей силой в Отечественной войне 1812 г.⁴⁴

Крупным представителем либерального направления в военной историографии был видный военный деятель, теоретик и историк Д. А. Милютин (1816—1912 гг.). Он выступил в роли идеолога русской буржуазии, проповедника и организатора буржуазных реформ в военной области в рамках самодержавия. «Либералы, — писал В. И. Ленин, — были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков. Либералы ограничиваются поэтому «борьбой за реформы», «борьбой за права», т. е. дележом власти между крепостниками и буржуазией»⁴⁵. Эта оценка В. И. Ленина может быть полностью отнесена к характеристике деятельности Милютина как военного теоретика, историка и общественного деятеля.

Мировоззренческие взгляды Милютина не были однозначными и последовательными. Если в начале своей научной и общественной деятельности он был сторонником умеренного либерализма с некоторыми оттенками демократизма, особенно в период его сотрудничества с Чернышевским, то в пореформенный период он стал противником революционных идей и взглядов. Об этом свидетельствуют его дневниковые заметки, приказы и циркуляры. В секретном циркуляре, разосланном командирам частей, военный министр Милютин указывал: «В некоторых частях войск об-

⁴³ Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года, т. 3. СПб., 1860, с. 408.

⁴⁴ См.: Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года, т. 2, с. 177.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 175.

⁴² Мещеряков Г. П. Русская военная мысль в XIX в. М., 1973, с. 163—164.

наружены преступные покушения молодых офицеров к сближению с нижними чинами, к внушению им противозаконных и ложных понятий, совращению их с пути долга и верности... Тайная революционная партия истощает все способы, чтобы распространить свою пагубную пропаганду во всех частях России, и ныне обратила особенно напряженное внимание на военное сословие... Закрывание воскресных школ было первою мерою, принятою мною с высочайшего соизволения для предохранения войск от угрожавшей опасности. Но за этой мерою должны следовать многие другие, зависящие уже от ближайших начальников»⁴⁶.

Как либерал и сторонник реформистского направления изменений общественной жизни Милютин боролся против революции, которую считал «слепым фанатизмом» «бессмысленной толпы», и доказывал, что «единственно возможным путем общественного развития России, естественно в интересах господствующих буржуазно-помещичьих кругов, являются «благоразумные» реформы. Выступая с позиций идеализма и отрицая закономерность и необходимость революционного решения социальных проблем России середины XIX в., он писал: «Я понимаю один род социальных революций, те, которые совершены спокойно, обдуманно в головах людей, способных понимать истинные пользы народа, но всякая революция, которая дышит фанатизмом, революция насильственная, народная не ведет к улучшению общества потому, что она только разрушает, ничего вновь не создавая»⁴⁷. На формирование либерально-буржуазных взглядов Милютина на общую и военную историю России большое влияние оказали исторические концепции С. М. Соловьева, который придерживался гегелевской идеалистической философии истории.

Милютин широко использовал в своих работах документы. Особенно это проявилось в его пятитомном труде «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году»⁴⁸ и вызывало благожелательные отклики современников.

В военно-исторических работах Милютина содержится ряд высказываний мировоззренческого и методологического характера, свидетельствующих о его близости к государственной исторической школе. На военную историю он смотрел с позитивистских позиций. Военный историк, по его мнению, должен «строго ограничиваться повествованием о событиях, устраяя всякие суждения о них».

Милютин признавал влияние политики на весь ход войны и вооруженной борьбы. Придерживаясь концепции о том, что воен-

ные силы государства нельзя ограничивать качествами одной лишь армии, он отмечал существенное влияние на ход и исход войны политических, нравственных и материальных средств⁴⁹. Говоря об источниках моральных качеств войск, Милютин был сторонником тех, кто учитывал влияние на них общественного и государственного строя. Выступая за ликвидацию остатков крепостничества в армии, он стремился к проведению военных реформ.

В 80-х годах определились два течения в официальной военно-исторической науке России — «академическая школа» и «русская школа». Хотя и с различных позиций, но решали они в конечном счете общую задачу, направленную на укрепление существующего строя внутри страны и его внешнеполитических позиций. Главные вопросы, по которым велась острая борьба между представителями этих школ, были: предмет, метод, характер и направленность военно-исторических исследований, их военно-прикладной и воспитательной функций.

«Академисты» во главе с Леером в конце XIX в. занимали господствующее положение в военной теории и историографии. Находясь под влиянием позитивизма и метафизики, они пытались выработать «положительную» военную науку, в которой историей была уготована роль обоснования «вечных» и «неизменных» принципов военного искусства.

Будучи убежденным и последовательным идеалистом, Г. А. Леер считал, что «все исходит из идеи, которая одна только творит и направляет»⁵⁰. Поэтому задачу военной истории он видел в том, чтобы «воссоздать факт... возвести факт в идею, которой самый факт служит внешним выражением»⁵¹. По Лееру история имеет дело только с частными явлениями и отдельными фактами. «Главная задача истории, — писал он, — сводится лишь к объяснению отдельных «мертвых фактов»»⁵². Исследователь должен уметь лишь отбирать нужные ему факты для обоснования своих положений, «вечных истин», «неизменных принципов». Он делал вывод о том, что «каждая новая война служит только новым подтверждением старых, но всем давно и хорошо известных истин. В каждой новой войне стратегия и тактика принимают только, так сказать, новую физиономию, сущность же дела остается неизменною»⁵³. Этой задачей определялся и предложенный им критико-исторический метод. Суть метода состоит в обобщении военного опыта и нахождении стратегических и тактических об-

⁴⁹ Милютин Д. А. Суворов.— Отечественные записки, 1839, т. 3, № 4, с. 24.
⁵⁰ Леер Г. А. Коренные вопросы. СПб., 1897, с. 4.

⁵¹ Леер Г. А. Метод военных наук (стратегия, тактика и военной истории). СПб., 1894, с. 66.

⁵² Там же.

⁵³ Леер Г. А. Публичные лекции о войне 1870 г. между Францией и Германиею до Седана включительно. СПб., 1871, с. 237.

⁴⁶ Цит. по кн.: Бескровный Л. Г. Очерки военной историографии России, с. 156.

⁴⁷ ГБЛ. Отдел рукописей, ф. Милютина, к. 2, д. 2, л. 73.

⁴⁸ Милютин Д. А. История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г., т. 1. СПб., 1852, с. XII.

разцов, в которых проявляются «вечные» и «неизменные» принципы военного искусства. Такой метафизический метод, применяемый и другими «академистами» (П. О. Бобровским, П. А. Гейсманом), вел к произвольному выхватыванию отдельных фактов, к фальсификации истории.

Являясь ярыми проповедниками критико-исторического метода, «академисты» решительно выступали против диалектического метода в военной историографии, даже основанного на идеализме, поскольку он, мол, ведет лишь к игре словами, оперированию отвлеченными понятиями. Леер, в частности, призывал «обуздать это столь нежелательное вторжение диалектики... и положить конец той интеллектуальной анархии, которая может довести до отчаяния ум человеческий»⁵⁴.

Характерной особенностью методологии академистов была недооценка национального фактора в эволюционных процессах военного дела, вытекавшая из концепции всемирного единства происходящих в них изменений. Отсюда и их преклонение перед иностранным военным опытом, стремление к его заимствованию и пренебрежительное отношение к роли русской военной истории. Необходимость «заимствований» наиболее активно проповедовал П. О. Бобровский, связывая их с признанием «вечности и неизменности» принципов военного искусства. Он писал, что «заимствование от иностранцев есть вечно повторяющееся явление во всемирной истории: это факт всеобщий и неотвратимый»⁵⁵.

Леер, как известно, выступал в качестве апологета военного искусства Наполеона, не видя ничего достойного внимания в творчестве русских полководцев. Это был явный шаг назад.

Придерживаясь позиций субъективного идеализма, «академисты» рассматривали историю военного искусства по существу как проявление «духовной» стороны в деятельности полководцев, выдающихся личностей, опирающихся на «вечные» и «неизменные» принципы и правила. Они признавали развитие лишь материальной стороны военного дела (оружия, организационной структуры и состава войск и т. д.), метафизически отрывая от нее «духовную» сторону. «Будучи идеалистами,— отмечает советский историк В. Дьяков,— они не могли, разумеется, понять, что не только вооружение, состав и организация войск, но и само военное искусство определяются в конечном счете современными им социально-экономическими условиями. Свой излюбленный тезис о связи между уровнем цивилизации и состоянием военного дела они применяли только к его материальной стороне. Что касается «духовной» стороны военного дела, то они фактически считали ее

⁵⁴ Леер Г. А. Метод военных наук, с. 64.

⁵⁵ Бобровский П. О. Военное право в России при Петре Великом, ч. II, вып. I. СПб., 1882, с. 3—4.

независимой от исторических условий и способной изменять эти условия по своему произволу»⁵⁶.

Военные теоретики и историки, представляющие «русскую школу», в противоположность «академистам» настойчиво призывали к изучению отечественной военной истории, выявлению самобытности в развитии русского военного искусства.

Теоретические основы «русской школы» также включали в себя взгляды М. И. Драгомирова на историю человечества как вечную борьбу двух абстрактных начал: «Воли» и «Ума», на неизменность свойств человека, рассматриваемого вне времени и пространства, его высказывания о роли и значении национального характера. Будучи идеалистом, он отводил решающую роль в развитии военного искусства только гению полководцев, а мужество и героизм русских солдат считал следствием «расовых особенностей русского простого человека...»⁵⁷.

Основателем «русской школы» в военной историографии явился Д. Ф. Масловский, выступивший против не критического подхода к иностранному военному опыту и преклонения перед западноевропейскими военными авторитетами. Он одним из первых не только подчеркивал самобытность отечественного военного искусства, но и страстно призывал к изучению русской военной истории по подлинным документам.

Д. Ф. Масловский, решительно отбросив версии о «заимствовании» иностранного военного опыта, доказывал, что русское военное искусство развивалось самобытно и по своему уровню в равных исторических условиях не уступало западноевропейскому. Однако он был субъективным идеалистом и считал, что в основе изменений в военном искусстве лежат субъективные факторы: развитие идей, деятельность великих полководцев. Пытаясь раскрыть причины военно-исторических событий, он искал их в духовной деятельности людей, оставляя по существу вне поля зрения объективные материальные процессы. Большую роль Д. Ф. Масловский сыграл в разработке вопросов методики изучения и использования исторических источников, принципов и археографических приемов подготовки и публикации сборников документов. Он подчеркивал, что «успех и достоинство исследования, конечно, зависят не столько от количества, сколько от качества собранного материала и от критического к нему отношения»⁵⁸.

⁵⁶ Дьяков В. Об особенностях развития русской военно-исторической мысли, с. 66.

⁵⁷ Драгомиров М. И. Одиннадцать лет. 1895—1905 гг. Сборник оригинальных и переводных статей, кн. I. СПб., 1909, с. 3.

⁵⁸ Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России, вып. 2. СПб., 1894, с. X.

Такие видные представители «русской школы» в военной историографии, как А. З. Мышлаевский, Н. Ф. Дубровин, С. И. Елагин и другие, много внимания уделяли дальнейшей разработке вопросов методики научного исследования военно-исторических документов, военной археографии. Продвинулись вперед в сравнении с основателем школы по целому ряду мировоззренческих и методологических вопросов военной истории А. К. Пузыревский, А. З. Мышлаевский, Н. П. Михневич и другие представители этой школы. Оставаясь в целом на позициях идеализма, они решительно выступили против метафизики и догматических выводов «академистов». Так, А. К. Пузыревский, А. З. Мышлаевский и Н. Ф. Дубровин рассматривали развитие военного искусства уже в зависимости от эпохи, материального фактора, условий жизни народа, отмечали роль народных масс в войне. Их взглядам на военную историю была присуща идея закономерности. Они подчеркивали не только важность достоверных фактов для достижения истинных знаний о военном прошлом, но и обязательность рассмотрения их в связи друг с другом.

Выступая против «вечных» и «неизменных» принципов военного искусства «академистов», А. К. Пузыревский отмечал, что принципы полезны как научные обобщения, но они имеют условное значение в зависимости от обстоятельств. При этом он считал, что развитие военного искусства совершается на материальной основе, а принципы есть лишь обобщение этих фактов. Для того чтобы умело пользоваться принципами, необходимо изучать образцовые действия. Он писал: «В истории военного искусства нет эпохи, которая бы не имела научного значения; времена наибольшего упадка военного искусства так же поучительны, как и времена широкого развития всех его элементов; только изучая те и другие можно уяснить причины, способствовавшие развитию военного искусства или его падению. Рыцарская тактика, рыцарский способ ведения войны, конечно, не могут иметь для нас непосредственного практического значения (как и вообще любой отдельный факт, вырванный из области военной истории), но как фазис в развитии военного дела, они имеют свое совершенно определенное место и подлежат тщательному исследованию»⁵⁹. Приступая к изучению причин и законов развития военного искусства, по его мнению, «нет никакой надобности описывать всех войн, всех военных учреждений; бесполезно изучать последовательное развитие военного искусства у каждого народа или государства. Масса фактов и мелочей не только не уяснила бы дела, а, напротив, затемнила бы его. Достаточно и вполне целесообразно исследовать лишь те события, те учреждения и идеи, которые ука-

⁵⁹ Пузыревский А. История военного искусства в средние века. V—XVI столетия, ч. I. СПб., 1884, с. III.

зывают общий путь развития военного искусства. Тот народ, то государство, которые являются наиболее полными выразителями военного искусства данной эпохи, и становятся предметом исследования; тоже следует сказать и о военных операциях; только те из них представляют интерес, с нашей точки зрения, в которых наиболее полно проявилось искусство рассматриваемой эпохи»⁶⁰.

Понимание причинной зависимости развития военного искусства от общественно-экономических условий, их влияния на организацию и вооружение войск, способы ведения военных действий для того времени были в русской военно-исторической науке целым открытием. Конечно, это еще не было материалистическим пониманием истории, ибо процессы, связанные с развитием производительных сил и определяющие ход истории, остались еще не понятыми. Тем не менее можно считать, что в конце XIX в. в русскую военную историографию официального направления проникли стихийно-материалистические идеи.

Материалистические тенденции в военной историографии проявлялись и в другом. Развивая мысль Масловского о значении документальной основы для научного познания военного прошлого и требуя точного установления фактов, А. З. Мышлаевский писал, что «единственно правильный путь для дальнейшего восстановления забытых фактов из истории военного искусства — путь архивных розысков»⁶¹. Только конкретные факты, изложенные в их связи между собой, могут учитывать все условия, определявшие ход изучаемых событий и процессов, и дать истинную их картину. «При описании событий,— отмечал он,— считаю себя обязанным быть вполне объективным, соблюдать историческую правду, не уклоняясь ни в сторону излишнего порицания, ни в сторону нетерпимой в науке тенденциозности на ложнопатриотической подкладке»⁶². В своих произведениях Мышлаевский стремился следовать этому принципу, внося большой вклад в освещение военной истории России. В попытках Мышлаевского найти истоки развития военного дела не в государстве, а в народе в определенной мере проявлялось стремление выявить его объективные закономерности.

Материалистические тенденции в поисках объективных предпосылок развития военного дела характерны и для такого видного представителя «русской школы», как Н. Ф. Дубровин. Он считал, что развитие военного дела осуществляется по определенным законам. «Для изменения, например, строя военного,— писал он,—

⁶⁰ Пузыревский А. Указ. соч., с. IV.

⁶¹ Мышлаевский А. З. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712—1714 гг. СПб., 1896, с. VI.

⁶² Там же, с. XVII.

необходимо, чтобы среди войск были готовые элементы, из которых можно было бы создавать новые формы»⁶³. К числу таких элементов он относил человека, оружие, различные средства борьбы. Говоря об изменениях материальных средств, он все же оставался на идеалистических позициях, поскольку сам это изменение трактовал как развитие идей.

В понимании роли народных масс и личности в военном деле он поднялся намного выше своих коллег. Дубровин утверждал, что в войне решающая роль принадлежит не отдельной, пусть даже выдающейся личности, а народным массам. «Как бы велик ни был гений, он не в состоянии переменить общее движение в ту или иную сторону, если в самом обществе нет стремлений к этому. Личности, выдающиеся своими дарованиями и влиянием, могут задержать на некоторое время или ускорить ход исторического движения, но остановить его или переменить направление по своему произволу они не в состоянии»⁶⁴. Он отмечал, что война требует полного напряжения всех сил народа — нравственных, физических и экономических⁶⁵. В этой связи он высоко оценивал значение морального духа армии и народа, указывал на его влияние на ход и исход войны. Дубровин подчеркивал, что в 1812 г. именно народ спас Россию. Он восторгался героизмом русских солдат в ходе Крымской войны. «Каждый, изучающий историю Крымской войны, — писал он, — будет удивлен не обилием стратегических соображений, но обилием героев, проявивших удивительную стойкость и энергию»⁶⁶.

Дубровин пытался выяснить в своих трудах, посвященных истории войн, их причины и указывал на связь войны и политики, подчеркивая главенствующую роль последней в определении стратегических планов.

На рубеже XIX и XX столетий произошло сближение, а в период революции 1905—1907 гг. и после ее поражения — фактическое слияние дворянского и буржуазного направлений в единую официальную военную историографию.

Роль своеобразного примирителя двух вышеуказанных школ сыграл Н. П. Михневич. Он стремился сгладить противоречия между ними с целью создания единой официальной концепции отечественной военной истории. По своим взглядам он был сторонником позитивизма, в духе которого и пытался доказать, что война есть проявление в жизни человеческого общества всемир-

⁶³ Дубровин Н. А. В. Суворов среди преобразователей екатерининской армии. СПб., 1886, с. V.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников (1812—1815 гг.). СПб., 1882, с. III.

⁶⁶ Дубровин Н. История Крымской войны и обороны Севастополя, т. I. СПб., 1900, с. XV.

ного закона борьбы за существование, определяющего развитие всего органического мира. Михневич стремился объяснить сущность войны и в этом плане отмечал зависимость успехов на войне от внутренней политики, полной гармонии между политикой и стратегией, политикой и военным управлением, зависящих в свою очередь от внутренней организации государства⁶⁷. Он считал, что «сильная монархия — лучшая форма правления в интересах войны»⁶⁸. В этой связи и периодизацию отечественной военной истории Михневич дал по царствованиям монархов. В развитии военного искусства определяющую роль он отводил лишь полководцам.

А. К. Байов — другой представитель официальной военной историографии — убежденный противник материализма, сторонник взглядов В. О. Ключевского, которого считал своим учителем в области истории. Он подчеркивал прямую связь военной истории с общей историей и считал, что без знакомства с последней военный историк не может успешно решать стоящие перед ним задачи⁶⁹. В методологическом отношении Байов пытался совместить взгляды русской и академической школ. «В истории военного искусства, — писал он, — должен быть применен метод критико-исторический при точном восстановлении фактической стороны событий и при тщательном учете всех условий, среди которых совершались эти события»⁷⁰. Факторами развития военного дела он считал человека и технику, но в самом развитии военного искусства отрицал революционные скачки и придерживался эволюционной концепции, утверждая, что «военное искусство революций не знает. Оно лишь эволюционирует...»⁷¹. Во взглядах на военное искусство он разделял, хотя и непоследовательно, точку зрения о вечности и неизменности его принципов. Главной движущей силой военной истории Байов считал выдающиеся личности, подразумевая под ними царей и полководцев. Ему не чужда была и концепция «заимствований» академистов. Вместе с тем он подчеркивал и необходимость глубокого знания боевого прошлого русского народа, без чего военная история не может выполнить ни военно-патриотической функции, ни задачи воспитания народа и армии, как писал он, в духе преданности царскому самодержавию.

Таким образом, вторая половина XIX — начало XX в. были важным периодом развития русской военно-исторической науки.

⁶⁷ Михневич Н. П. Стратегия, т. I. СПб., 1911, с. 93, 100, 101.

⁶⁸ Там же, с. 106.

⁶⁹ См.: Байов А. К. Значение В. О. Ключевского для русской военно-исторической науки. — Известия императорской Николаевской военной академии, 1911, № 21, с. 908—909.

⁷⁰ Байов А. К. История военного искусства, как наука. СПб., 1912, с. 114.

⁷¹ Там же, с. 135.

Дворянское и буржуазно-либеральное направления на рубеже столетий слились в единую официальную концепцию военной истории. Официальная военная историография явилась выражением кризиса военно-исторической мысли, базировавшейся на позитивистской и неокантианской философии и методологии истории. Под влиянием материалистической философии и революционной борьбы трудящихся масс среди военных историков, прежде всего видных представителей «русской школы», возникли некоторые материалистические тенденции, которые, хотя и не получили широкого распространения, оказали влияние на развитие военно-исторической мысли. Выход военной историографии России из кризисного состояния мог быть осуществлен только с позиций материалистического понимания истории, на основе марксистско-ленинской методологии.

Глава четвертая

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ БУРЖУАЗНОЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX—XX В.

Возникновение марксизма-ленинизма означало преодоление, отрицание буржуазного обществензнания, которое активно защищало капиталистический общественный строй.

Основной фронт буржуазной идеологии во всех развитых странах поворачивался против рабочего класса и его научной, марксистской идеологии.

По мере превращения буржуазии в контрреволюционный класс она все более отказывалась от лучших идей и традиций просветительской и диалектико-идеалистической философии. В области общественных, исторических наук, отмечал Ф. Энгельс, «вместе с классической философией совсем исчез старый дух ни перед чем не останавливающегося теоретического исследования»¹. Идеализм установил свое безраздельное господство в буржуазной философии второй половины XIX в. и в XX в.

Реакционность буржуазной идеологии, философии и историографии значительно усилилась с переходом капитализма в монополистическую стадию. С наступлением общего кризиса капитализма в результате обострения всех противоречий империализма и победы Великой Октябрьской социалистической революции наступил и кризис буржуазной идеологии. Неизмеримо возросли ее антинаучность и реакционность.

Все это самым отрицательным образом сказалось на состоянии и философско-теоретическом уровне буржуазной военно-исторической науки. Ее развитие во второй половине XIX в. и особенно в XX в. идет главным образом вширь — по линии накопления новых фактов и их описания в военно-исторических трудах, количество которых все более возрастает. Происходит также обогащение новыми техническими приемами и в целом улучшение техники военно-исторических исследований. Вместе с тем философско-теоретический и общеметодологический уровень все более отстает от уровня эмпирических исследований и тем более от того уровня, который достигнут марксистско-ленинской военно-исторической наукой.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 316—317.

ВЛИЯНИЕ БУРЖУАЗНЫХ
ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
КОНЦЕПЦИЙ XIX—XX вв.
НА ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКУЮ НАУКУ

Буржуазные военные историки впитывали и перерабатывали в соответствии со спецификой своей науки те философские и социологические учения, которые получили распространение и в наибольшей мере отвечали потребностям милитаризма. Наибольшее воздействие на буржуазную военную историографию оказали позитивизм и волюнтаристско-иррационалистические течения буржуазной философии и социологии.

Родоначальник позитивистской философии и социологии Огюст Конт (1798—1857 гг.) пытался сформулировать принципы «совершенно новой» философии и социологии, основанные на «положительном знании». Его апелляция к фактам, эмпирическому материалу как фундаменту научного исследования, признание прогресса в истории и закономерности социальной структуры и социального развития оказали в известной мере положительное влияние на буржуазную социологию и историческую науку. Вместе с тем эти идеи были связаны у позитивистов с идеалистическим и натуралистическим подходом к общественным явлениям и отрицанием возможности проникновения в их сущность.

Прогресс общества Конт считал простым продолжением процесса развития в органической природе, а факторами прогресса объявлял природные условия, рост населения, изменения в разделении труда. Основные импульсы и направление прогресса дает, по его мнению, человеческий дух; сначала изменяются идеи, затем нравы людей и, наконец, изменяются общественные, в том числе политические и военные институты. Пытаясь уйти от субъективного идеализма, он ввел в свое объяснение «механики» развития общества действие на него закона инерции, закона равенства действия и противодействия, принцип связи движения и равновесия. В этом состоит такая характерная черта позитивизма, как сочетание идеализма с грубым натурализмом и механицизмом, неправомерное распространение на общество законов природы. В своем развитии общество, по Конту, проходит три стадии: военную, переходную и научно-промышленную, которым соответствуют теологическая, метафизическая и позитивная стадии развития ума. Рассматривая научно-промышленную стадию, т. е. капитализм, как закономерный итог и вершину развития общества, он утверждал, что роль военной и переходной стадий заключалась в подготовке условий для развития индустрии: «Материальная эволюция общества долго требовала преобладания военного строя:

только под его покровительством могла развиваться промышленность»².

Конт отмечал тесную взаимосвязь между военным режимом, с одной стороны, и господством военного духа и религиозного мировоззрения — с другой. При этом в ходе эволюции человеческого общества происходила, по его мнению, постепенная замена наступательной военной организации оборонительной, а затем — все большее подчинение военного духа промышленному, замена теологического и метафизического мышления научным. Период наполеоновских войн он рассматривал как досадный рецидив военной стадии развития общества. С переходом общества в научно-промышленную стадию основная историческая задача военной деятельности, считал Конт, уже выполнена. Тем не менее его «позитивная» философия «оправдывает назначение армии для поддержания материального порядка»³, т. е. капиталистического строя. В этой концепции отражался взгляд на войну и армию либеральной буржуазии в эпоху относительно «мирного», домонополистического развития капитализма.

Идеолог английской буржуазии Герберт Спенсер (1820—1903 гг.) развивал позитивистскую философию и социологию непосредственно в период перехода капитализма в стадию империализма. В основном повторяя учение Конта о военном и промышленном типах организации общества, Спенсер ввел в социологию позитивизма ряд новых элементов, которые усиливают ее реакционную и агрессивную направленность. Он разработал вульгарно-эволюционистское понимание развития — наиболее характерную форму метафизики в буржуазной философии и социологии второй половины XIX—XX в. Эволюцию человеческой истории он трактовал как процесс концентрации, оправдывая таким образом колониальную экспансию английского империализма; движущей силой общественного развития считал «борьбу за существование» и отбор более жизнеспособных индивидов и наций. Спенсер является основоположником органической школы социологии, уподоблявшей общество биологическому организму и распространявшей на социальную жизнь биологические закономерности. Эта школа и родственные ей «социал-дарвинизм», расово-антропологическая школа и другие антинаучные биологические теории общества непосредственно использовались идеологами милитаризма, в том числе многими военными историками, для оправдания агрессивных войн, обоснования империалистической военной политики.

Эволюция позитивизма в эпоху империализма заключалась в том, что он приобретал все более реакционный и антинаучный

² Социология Конта в изложении Ригولاжа. С приложением двух вступительных лекций Конта в «Курс положительной философии». Пер. с франц. СПб., 1898, с. 111.

³ Там же, с. 349.

характер. В конце XIX и в начале XX в. появилась новая форма позитивизма — махизм (эмпириокритицизм), уничтожающая критика которого была дана В. И. Лениным в книге «Материализм и эмпириокритицизм» (1909 г.). Со второго десятилетия XX в. и вплоть до наших дней возникают различные варианты неопозитивизма — логический позитивизм, лингвистическая философия и другие, которые абсолютизируют методы конкретных наук (математической логики, лингвистики) и с этих позиций пытаются интерпретировать методологические проблемы других наук, в том числе исторической.

Привлекая внимание ученых к фактам и в известной мере способствуя накоплению фактических знаний и развитию конкретных наук на эмпирическом уровне, позитивистская философия в то же время объявляет принципиально непознаваемой сущность бытия, природы и общества, полагает неразрешимыми и другие традиционные философские вопросы. Такой подход к науке вполне соответствует интересам буржуазии. Поэтому вопросы о сущности войны как социального явления, о коренных причинах и закономерностях ее возникновения и многие другие философские проблемы войны, армии, военной науки с точки зрения позитивизма являются «псевдопроблемами», не достойными внимания исследователей. Закрывая путь научному познанию этих вопросов, позитивисты тем самым открывают дорогу для их антинаучного «освещения», отвечающего классовым интересам реакционеров.

Особая активность и высшая степень антинаучности и рациональности присуща представителям волюнтаристско-иррационалистической философии. Соглашаясь с позитивистами в том, что философские вопросы невозможно познать при помощи науки, разума и логики, потому что они по своей природе будто бы иррациональны, неразумны, эти философы заявляют, что «особым» путем, при помощи интуиции, чувственного созерцания, воли, инстинкта или же посредством божественного «откровения», в их действительную природу все же можно проникнуть некоторым лицам, обладающим сверхъестественным даром. К таким лицам, перед которыми открывается недоступная для обычного разума подоснова бытия, философы-иррационалисты причисляют, естественно, прежде всего себя. Они, уподобляясь пророкам, изрекают «истины», не считая нужным и возможным их логически доказывать.

Родоначальником волюнтаристического иррационализма является немецкий философ Артур Шопенгауэр (1788—1860 гг.), объявивший иррациональную волю абсолютным началом и внутренней сущностью мира как целого и любого частного явления природы и общества. Но наиболее характерное выражение эта философия получила в учении Фридриха Ницше (1844—1900 гг.), который расшифровывал понятие иррациональной воли как «воля

к власти». Движущей силой мира, писал он в работе «Воля к власти», является «некоторая внутренняя воля, которую я называю «волей к власти», т. е. ненасытное стремление к проявлению власти или применение власти, пользование властью как творческий инстинкт и т. д.»⁴ «Воля к власти», утверждал Ницше, лежит в основе того, что физики называют «силой»⁵, она внутренне присуща всему неорганическому и особенно органическому миру: «...Сама жизнь есть желание власти»⁶.

Эти положения Ницше положил в основу своего учения о человеке, познании, обществе и войне. Рассуждая о психологических основах поведения человека в обществе, он утверждал: «...Воля к власти есть примитивная форма аффекта... все иные аффекты только ее видоизменения»⁷. Волевые качества человека он ставил гораздо выше его разума. Разум — всего лишь слуга «воли к власти»; он помогает ориентироваться в жизни, овладеть жизненно необходимыми вещами, но созданные им научные понятия, категории и законы являются фикциями, полезными выдумками. Решающую роль в познании «текучей» и «хаотичной» действительности играет не разум, а инстинкт и интуиция.

Высшим типом человека Ницше объявил «сверхчеловека» — сильную личность, одержимую волей к власти. Войну он рассматривал как неизбежное следствие и проявление воли к власти и господству. В его учении нашло свое философское выражение вступление германского империализма в борьбу за европейскую и мировую гегемонию.

Ницше бил в набат по поводу «изнеживающего», по его мнению, влияния цивилизации на людей и призывал к большой и жестокой войне как единственному средству, которое еще может «спасти» Европу: «Нам неведомы иные средства, которые могли бы так же сильно и верно, как всякая великая война, внушить слабейшим народам такую грубую походную энергию, такую глубокую безличную ненависть, такое хладнокровие убийцы со спокойной совестью, такой общий организованный пыл в уничтожении врага, такое гордое равнодушие к великим потерям, к своей собственной жизни и к жизни близких, такой глухой, подобный землетрясению, трепет души... Такое высокообразованное и поэтому неизбежно вялое человечество, как современное европейское человечество, нуждается не только вообще в войне, но даже в величайшей и ужаснейшей войне — т. е. во временном возврате к варварству»⁸.

⁴ Ницше Ф. Полн. собр. соч., т. IX. СПб., 1910, с. 298.

⁵ См. там же.

⁶ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. М., 1901, с. 25.

⁷ Ницше Ф. Полн. собр. соч., т. IX, с. 337.

⁸ Ницше Ф. Полн. собр. соч., т. III, с. 277.

В сочинениях Ницше содержатся самые различные «обоснования» неизбежности и желательности войн: социал-дарвинистские, культурно-этические, расистские, квазидialeктические и многие другие. Они легли в основу одного из самых реакционных явлений в культурной жизни Европы и особенно Германии первых десятилетий XX в. Оно представляло собой продукт приспособления отдельных сторон и идей философии Ницше, с одной стороны, к потребностям национализма и милитаризма, получивших законченное выражение в фашизме, а с другой стороны — к декадентскому эстетству начала века. На первый план в ницшеанстве выступали моральный релятивизм, человеконенавистнические идеи, волюнтаризм, идеи сильной личности, расизм и антисемитизм, получившие глубокую и обстоятельную критику в трудах марксистов. В них отмечались антинаучный и реакционный характер ницшеанства, его опасность как идеологии, которую могут использовать и использовали откровенные реакционеры и фашисты.

Ницше был одним из духовных вождей крайне реакционного и агрессивного «пангерманизма» и оказывал влияние на милитаристскую литературу. Крупнейший идеолог германского милитаризма фельдмаршал Шлиффен «был внимательным читателем Ницше и много занимался философией, особенно в последние годы своей жизни»⁹⁻¹². Военно-исторические труды Шлиффена, как и многих других военных историков германского империализма, носят на себе печать влияния волюнтаристско-иррационалистической философии вообще, Ницше в особенности.

Наиболее популярным представителем волюнтаристско-иррационалистической линии в «философии жизни» в 20-х годах XX в. был О. Шпенглер (1880—1936 гг.). Милитаристская сущность его философии ярко выражена в формуле: «Война есть вечная форма высшего человеческого бытия, и государства существуют ради войны»¹³.

Волюнтаризм и иррационализм достигли своего апогея в немецко-фашистской «философии», в которой были использованы в крайне огрубленном виде наиболее реакционные положения «философии жизни», особенно ницшеанский культ «силы», «воли» и войны. Все это сочеталось с человеконенавистнической расовой «теорией», социал-дарвинизмом, геополитикой, ярким антикоммунизмом и служило теоретической основой нацистской военной историографии.

Наряду с волюнтаристско-иррационалистической и позитивистской формами идеализма в буржуазной философии второй по-

ловины XIX и в XX в. существовало и существует множество других философских школ и течений, которые в той или иной мере сочетают в себе черты и элементы рассмотренных двух наиболее характерных форм и течений. Так, американский прагматизм является разновидностью позитивизма, но с сильно выраженными чертами волюнтаризма и иррационализма. Философия А. Бергсона (1859—1941 гг.), оказавшая большое влияние на философско-социологическую и историческую мысль Франции и ряда других стран, весьма близка к немецкой «философии жизни», но в ней особо подчеркнута роль интуиции как иррациональной формы постижения действительности.

На методологию буржуазной общей и военной историографии эпохи империализма значительное влияние оказала также неокантианская философия. Она занимает своеобразное положение между позитивизмом и иррационализмом, не примыкая непосредственно ни к первому, ни ко второму; вместе с тем она в своих выводах и в приложении к исторической науке подводит, с одной стороны, к обоснованию эмпиризма — этого «конька» позитивистской философии, а с другой — к признанию алогической интуиции единственным способом постижения «общего» в историческом процессе, что характерно для иррационализма.

Преимущественное влияние той или иной разновидности идеализма на военную историографию каждой крупной капиталистической страны обуславливалось главным образом особенностями развития капитализма и милитаризма в данной стране, соотношением классовых сил, характером политики и военной доктрины правящих кругов.

Наиболее характерно это проявилось в цитадели милитаризма в Европе — в Германии, в Пруссии. По экономической и военной мощи германский империализм занимал первое место в Европе и поставил своей целью передел мира в свою пользу. Переплетение интересов и тесный союз между немецким монополистическим капиталом, юнкерством и прусским милитаризмом еще более усиливали агрессивный характер германского империализма, сыгравшего ведущую роль в развязывании двух мировых войн.

Военно-историческая наука была поставлена на службу агрессивной политике германского империализма, должна была подвести историческую базу под его авантюристические планы борьбы за мировое господство. Милитаристы кайзеровской, а затем фашистской Германии стремились найти в истории рецепты победы над превосходящим по своим материальным и людским ресурсам противником. Это обусловило особую тягу германских милитаристов, в том числе и военных историков, к волюнтаристско-иррационалистической философии при решении общих проблем войны. При исследовании немецкими военными историками и теоретиками оперативно-тактических и других военно-технических вопро-

⁹⁻¹² Wehrwissenschaftliche Rundschau, 1957, N 4, S. 39.

¹³ Шпенглер О. Пруссачество и социализм. Пг., 1922, с. 46.

сов использовался достаточно надежный научно-технический аппарат. Но, разумеется, ни позитивизм, ни тем более волюнтаризм и иррационализм не могли способствовать верному познанию закономерностей военно-исторического развития, раскрытию диалектической взаимосвязи между войной, политикой, экономикой, идеологией и другими сторонами развития общества. Политика и стратегия германского империализма была порочной, авантюристической, что и было доказано ходом и исходом обеих мировых войн.

Во Франции взаимовлияние философии и военной истории имело свою специфику, которая отчасти обуславливалась поражением во франко-прусской войне 1870—1871 гг. Широкое освещение победоносных войн Франции XVII — начала XVIII в., и особенно войн первой французской республики и наполеоновских походов, имело целью возродить воинственный дух французского народа, его готовность к войне с Германией. Пропаганда войны, милитаризма, шовинизма приняла большой размах и находила отражение в философии, социологии и военной истории. Теоретики расизма французские социологи Ж. А. Гобино (1816—1882 гг.) и Ж. В. Лапуж (1854—1936 гг.) рассматривали историю как арену борьбы рас. Но главным «властителем дум» французской империалистической буржуазии стал упомянутый уже Анри Бергсон. В его философии понятие «жизненный порыв» играет ту же роль, что «воля к власти» у Ницше. Научному мышлению французский иррационалист противопоставлял интуицию, как «инстинктивную» форму познания, раскрывающую самые глубокие тайны жизни. Для Бергсона характерен биологический подход к обществу. Утверждая, что сама природа создала человеку такие условия жизни, которые делают войну неизбежной, он определял жизнеспособность каждого общества его способностью вести войну¹⁴.

Философия Бергсона оказала пагубное влияние на французскую военно-историческую и военно-теоретическую мысль.

Французский военный историк Ж. де Пьерфэ писал, что «к 1914 г. Франция обладала Генеральным штабом, который можно назвать в полном смысле слова бергсонизмом». Автор считал, что французская военная доктрина того времени, сводившаяся к «идее наступления во что бы то ни стало», была по своему духу бергсонизмской и мистической¹⁵. Абсолютизация интуиции, воли и принижение разума приводило, как показывал Пьерфэ, к такому взгляду: «Вождь, обладающий волей к победе, должен отдаться полностью, телом и душой, этому высокому порыву, дол-

жен настолько проникнуться им, чтобы ощущать его в себе, как некоторый инстинкт, должен передать этот порыв войскам и устремиться вперед, не ослабляя своего натиска размышлениями, не взвешивая всех за и против... Иметь в себе «изюминку» — это значит повиноваться жизненному порыву, видеть мир глазами интуиции»¹⁶. Стремление ничем не ослаблять у военачальников и войск «волю к наступлению» доходило, свидетельствовал французский военный историк, до того, что «некоторые доктринеры вообще отказывались от рассмотрения иных форм боевой тактики, кроме простого и ясного «вперед»...»¹⁷. На основе французского военного устава 1913 г. «войска приучались только к движению вперед, к отчаянному штыковому удару»¹⁸.

Бергсонизм, ницшеизм и другие идеалистические, в особенности волюнтаристско-иррационалистические, философские учения способствовали распространению среди военных историков и теоретиков капиталистических стран взглядов на военное искусство как на плод вдохновения полководцев, а также недооценке объективных факторов развития военного дела. Опыт первой мировой войны убедительно доказал несостоятельность таких взглядов.

После этой войны влияние бергсонизма на французскую военную мысль заметно упало и, напротив, возросло влияние позитивизма. Французские военные историки и теоретики тщательно изучали опыт мировой войны, широко используя его в формировании военной доктрины и строительстве вооруженных сил. Однако позитивистский подход к этому опыту привел их к абсолютизации позиционных форм военных действий, недооценке маневренных форм и той роли, какую должны были сыграть бронетанковые силы и авиация в изменении характера вооруженной борьбы. Это явилось одной из причин разгрома французской армии в мае — июне 1940 г.

Военно-историческая наука в Англии развивалась в значительной мере на философско-социологической основе позитивизма Спенсера, а с 20-х годов XX в. также и логического позитивизма и неореализма. Англия стала родиной не только великого учения Дарвина о происхождении и развитии видов живой природы, но и антинаучного применения его к истории общества, получившего название «социал-дарвинизм». Утверждая, что борьба за существование и естественный отбор являются законами развития всего живого, в том числе человека и общества, социал-дарвинисты оправдывали войны как естественное и необходимое явление. Спенсер считал борьбу за существование людей и рас,

¹⁴ См.: Чанышев А. Н. Философия Бергсона. М., 1960, с. 52.

¹⁵ Де Пьерфэ Ж. Плутарх солгал. Очерки из истории мировой войны. Пер. с франц. М., 1926, с. 32, 33—34.

¹⁶ Там же, с. 34.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, с. 44.

в результате которой выживают наиболее приспособленные, основным законом развития общества. Социал-дарвинизм, тесно сомкнувшись с расизмом и мальтузианством, широко использовался для оправдания милитаризма, колониализма, классового и национального гнета.

Еще одна из социологических основ милитаризма — геополитика — получила «путевку в жизнь» в Германии от Ф. Ратцеля (1844—1904 гг.) и в Англии от Х. Д. Маккиндера (1861—1947 гг.). Маккиндер изложил свое учение о «географической основе истории», согласно которому географическое положение государства является определяющим фактором его существования и развития. Из этого учения Маккиндер делал выводы для внешней и военной политики Великобритании: всеми мерами противодействовать преимуществу в Европе и Азии любой крупной державы и обеспечить безраздельное господство английского военно-морского флота над океанами и морями.

Опираясь на философско-социологические теории, английские военные историки стремились ссылкой на опыт всей военной истории обосновать основные положения военной доктрины Великобритании: использование мощного военно-морского флота для уничтожения флотов и блокады противника; использование союзников как своей «шпаги» для борьбы на сухопутных театрах военных действий и ограниченное применение своих экспедиционных войск для их поддержки и обеспечения интересов английского империализма. Значительное влияние на английскую военную историографию оказали теории «морской силы» американца А. Мэхена и английского адмирала Ф. Колумба, опубликовавшего в 1891 г. книгу «Морская война, ее руководящие принципы и практика в историческом обозрении».

На военно-историческую науку США заметное влияние оказывала позитивистская философия и социология в виде учения Г. Спенсера и О. Конта, а с начала XX в. — прагматизм. Значительное распространение в американской общественной мысли получили натуралистические (географические, биологические, энергетические) и психологические социологические теории, на которые опирались военные историки и военные теоретики. Крупнейший американский военный историк А. Т. Мэхен являлся вместе с тем родоначальником американской разновидности геополитики, ставшей теоретическим стержнем его концепции о решающей роли «морской силы» в истории. Эта концепция, рассматривавшая морскую силу в качестве главного средства достижения и удержания мирового могущества, была положена с конца XIX в. в основу военной доктрины США и оказала значительное влияние на военно-морскую политику и строительство флота Англии, Германии, Японии, Италии и ряда других капиталистических государств.

В американской общей и военной историографии уже с конца XIX в. появились концепции, обосновывавшие притязания американского империализма на мировое господство. Так, в труде американского историка Б. Адамса «Экономическое превосходство Америки» (1900 г.) проводилась мысль, что конечная цель США — «занять место, которое когда-то занимала Англия»¹⁹. После первой мировой войны эти притязания усилились и приняли более конкретную форму. В ходе второй мировой войны и особенно после ее окончания американский империализм открыто взял курс на установление мировой гегемонии, и это нашло свое выражение в существенной перестройке военной доктрины и военной историографии. Идея «морской силы» была дополнена идеями ведущей роли военно-воздушных и сухопутных сил; армия и флот США развивались на основе доктрины «сбалансированных сил». Военно-исторические исследования в США в послевоенные годы приобрели несравненно более широкий размах, чем до второй мировой войны. Американская военная историография стала претендовать на лидерство в капиталистическом мире.

Характеризуя воздействие философии на военную историографию, необходимо отметить, что в буржуазной философии XIX—XX вв. широкое распространение получил агностицизм, оказавший пагубное влияние на историческую и другие науки. Агностицистский и по существу нигилистический взгляд на историческую науку выразил еще А. Шопенгауэр, который в книге «Мир — как воля и представление» писал: «Предмет истории — всегда собственно единичное, индивидуальный факт»; ее материалом является «единичное в своей неповторимости и случайности... мимолетные сплетения подвижного, как облака при ветре, человеческого мира, который часто полностью преобразуется в результате ничтожного случая»²⁰.

Из этого немецкий философ делал вывод, что история не может считаться наукой, поскольку она не дает знания общего, повторяющегося, закономерного в общественной жизни.

Эти скептические рассуждения вслед за Шопенгауэром неоднократно повторяли буржуазные историки, в частности англичанин Дж. М. Тревельян в книге «Клио — муза истории»²¹. Западногерманский историк Г. Кюпперс-Зонненберг высказывал самые скептические мысли о познавательных возможностях военной истории. «Можно, — писал он, — точно установить только историческую дату начала второй мировой войны. Корни ее теряются в

¹⁹ Adams B. America's Economic Supremacy. N. Y., 1947, p. 175.

²⁰ Schopenhauer A. Die Welt als Wille und Vorstellung, Bd. II. Leipzig, 1940, S. 519.

²¹ См.: Историография нового времени стран Европы и Америки. М., 1967, с. 445.

темноте, в мрачной первопричине животной природы людей и в скрытой за кулисами политической кабинетной дипломатии»²².

С агностицизмом тесно связан философский релятивизм, который в приложении к истории принял такую крайнюю форму, как презентизм. Развернутое философское обоснование исторического релятивизма дал лидер итальянского неогегельянства Бенедетто Кроче (1866—1952). Кроче исходил из правильных посылок о том, что познание прошлого связано с современностью и служит ему. Однако как идеалист он утверждал, что исторические факты суть не что иное, как творение духа, который «всегда современен», ибо, кроме духа, ничего не существует. В исследовательской работе историка, по его мнению, проявляется деятельность духа, который под влиянием современных интересов и побуждений создает исторический образ. Исторические документы, хроники, памятники, раскопки и т. д. лишь помогают историку оживить прошлое в своем сознании, вызвать соответствующие образы в интересах современности, для удовлетворения определенных потребностей. «Практическая потребность, на которую опирается любое историческое суждение,— писал Кроче,— придает истории черты «современной истории», так как она всегда (независимо от того, к каким древним временам относятся хронологические факты) касается современных потребностей, современного положения»²³.

С этой точки зрения для Кроче не существует разделения фактов на исторические и неисторические. Он отмечал: «Так как факт является историческим лишь постольку, поскольку он мыслится, и так как вне мысли ничего не существует, вопрос о том, какие факты являются историческими, а какие неисторическими, совершенно лишен смысла»²⁴.

Так идеалистически обосновывал Кроче основной тезис презентизма (от англ. present — настоящее) — любая история современна, ибо представляет собой лишь проецирование в прошлое мыслей и чаяний историка, подсказанных ему современностью.

Из этого следует, что историческая наука целиком релятивна в смысле отрицания наличия в ней не только абсолютной, но и любой (т. е. и относительной) объективной истины. Согласно презентизму истина выражает не отношение познания к объективной исторической действительности, а отношение познания к познающему субъекту (историку), к его интересам, чувствам, переживаниям и побуждениям, к интересам той социальной группы, с позиций которой он выступает.

²² Militärpolitisches Forum, 1954, N 11, S. 39.

²³ Croce B. Die Geschichte als Gedanke und als Tat, 1944, S. 41.

²⁴ Croce B. Theory and History of Historiography, 1921, p. 108.

Презентизм получил особенно большое распространение в США, где он нашел горячих приверженцев в лице главы философской школы прагматизма Д. Дьюи (1859—1952) и таких крупных историков, как Ч. Бирд, К. Беккер, К. Рид, Г. Барнес. В последние годы он проник также и в английскую, западногерманскую и французскую историографию, в том числе и военную.

Однако большинство буржуазных военных и гражданских историков предпочитают свои фальсификаторские приемы и методы прикрывать фиговым листком объективизма. Почти каждый буржуазный военный историк стремится внушить читателю представление о своей работе как объективной, беспристрастной, правдивой. Теоретик объективизма Л. Ранке утверждал, что объективность исторического исследования обеспечивается тщательным изучением официальных источников и их филологической критикой. Военный историк Г. Дельбрюк дополнял метод филологической критики методом критики источников по существу, т. е. выяснением их соответствия военно-исторической действительности. Но обеспечивают ли эти и многие другие методические приемы подлинную объективность исторического исследования? Конечно, нет, ибо она зависит не только от использования этих приемов эмпирической обработки материала, но и от характера его интерпретации, обобщения, оценок, выводов, а на этом уровне исследования особенно велика роль научной методологии.

Такой методологией в современных условиях является марксистско-ленинская. Не принимая этой методологии и сознательно или неосознанно оценивая исторические факты и события с позиции эксплуататорского класса, буржуазные военные историки дают искаженное отображение процесса военной истории даже тогда, когда искренне стремятся к истине и когда практические потребности милитаризма заставляют искать достоверное отображение действительности.

Наиболее характерно это проявляется в понимании буржуазными историками объективных законов общественного развития: одни отвергают их, а другие дают извращенное понимание их природы, сущности и содержания. Наиболее яркими представителями первой точки зрения выступили в конце XIX в. неокантианцы В. Виндельбанд и Г. Риккерт. «Так как в понятие закона,— писал Риккерт,— входит лишь только то, что всегда можно рассматривать таким образом, как будто бы оно повторялось любое число раз, то поэтому понятие исторического развития и понятие закона взаимно исключают друг друга»²⁵. Исходя из этого они философски обосновывали уже давно практикуемый историками-эмпириками описательный метод изложения истории, полу-

²⁵ Риккерт Г. Философия истории. СПб., 1908, с. 36.

чивший особенно широкое распространение, после того как были разработаны приемы отбора и критики источников.

Представители другой точки зрения на исторические законы, например позитивисты XIX в.— О. Конт, Г. Спенсер и их последователи,— признавали закономерность общественного развития, но неправомерно переносили на общество законы биологии, психологии, механики, физики. И поныне многие буржуазные социологи и историки пытаются интерпретировать социальные законы в терминах естественных наук и кибернетики. Все эти тенденции находят свое выражение в военно-исторической науке.

Буржуазные военные историки, разумеется, стремятся обобщить опыт военного прошлого, извлечь уроки, открыть повторяющиеся связи, условия и приемы ведения вооруженной борьбы, которые обеспечивали успех. Они используют понятие «принципы военного искусства», нередко используют понятие «закон», причем понятие «закон» обычно отождествляют с понятием «принцип». Распространено мнение, что военачальник волен свободно выбирать и использовать эти «законы». Шлиффен, например, писал: «...Всякий, желающий достигнуть решающей победы, должен становиться над законами стратегии, должен взвешивать, какие из них он может в данном случае нарушить и какие в своем дерзновенном стремлении может использовать»²⁶. Он утверждал, что фельдмаршал Г. Мольтке «нарушал почти все... законы», которые «наука и ученые установили с течением времени», и тем не менее всегда добивался победы²⁷. Такой субъективистский, волюнтаристический подход к «законам» и принципам военного искусства особенно характерен был для немецких буржуазных военных теоретиков и историков. Абсолютизируя волю полководца, они тем самым недооценивали значение объективных факторов и условий, что приводило к авантюризму, проявившемуся в политике и стратегии германского империализма в обеих мировых войнах.

Для английских и американских буржуазных военных историков и теоретиков характерен несколько иной подход к закономерностям вооруженной борьбы. Например, Мэхен писал, что принципы военного искусства коренятся «в самой природе вещей». «Война имеет такие принципы: их существование раскрывается изучением прошлого, которое доказывает неизменность их от века до века в истории успехов и неудач. Условия и виды оружия меняются; но для того чтобы преодолеть одни и успешно управлять другими, нужно с почтением относиться к постоянным наставлениям истории в области тактики на поле сражения и в

той, более широкой области военных операций, которая называется «стратегией»²⁸.

Описывая историю войн на море, Мэхен придавал огромное значение личным качествам флотоводцев в достижении побед, но и здесь он подробно анализировал объективные факторы и в конечном счете в них видел решающие предпосылки успеха или неудач военных действий. В общем и целом для американской военной истории, теории и военной доктрины характерно подчеркивание решающей роли объективных, в том числе природных, экономических и военно-технических, факторов и отведение несравненно меньшей роли субъективным факторам, чем это имело место в военной историографии и доктрине империалистической Германии. Это обуславливалось, конечно, не только и даже не столько влиянием тех или иных философско-социологических теорий, сколько объективными условиями борьбы за мировое господство германского и американского империализма.

Влияние философии на военную историографию проявилось и в решении вопроса о предмете военной истории как науки и ее месте в научном познании вообще. Здесь прежде всего необходимо отметить, что наиболее заметно проявился позитивистски-утилитаристский подход в понимании предмета и задач военно-исторической науки. В связи с развитием милитаризма генеральные штабы крупных капиталистических держав уделяли развитию этой науки огромное внимание, и руководство научным исследованием в этой области брали непосредственно в свои руки. Это прежде всего относится к прусско-германскому генеральному штабу, в котором уже в 1816 г. был создан сектор военно-исторического исследования, преобразованный затем в отдел. В 1896 г. в германском генеральном штабе было создано уже два военно-исторических отдела. Начальники генштаба фельдмаршалы Г. Мольтке, А. Вальдерзее и А. Шлиффен направляли военно-историческую работу в генштабе и войсках, участвовали в ней и принимали меры к тому, чтобы приватные военные историки следовали основным военно-историческим концепциям, разработанным генеральным штабом. В американской, английской и отчасти французской военных историографиях такой строгой унификации и централизации не придерживались; в военно-исторических исследованиях, особенно по истории войн, здесь принимали участие гражданские историки, концепции которых были многообразны и нередко отличались от официально принятых военными ведомствами. Однако и официальная и неофициальная буржуазная военная историография всегда служила одному хозяину — господствующему эксплуататорскому классу, который рассматривал предмет

²⁶ Шлиффен А. Капны. М., 1938, с. 377.

²⁷ Там же, с. 376.

²⁸ Мэхен А. Т. Влияние морской силы на историю, 1660—1783, т. 1. СПб., 1897, с. 5—6.

и задачи этой науки с точки зрения своих классовых интересов. Утилитарно-прагматический подход к данному вопросу обусловлен именно этими интересами, получившими свое теоретическое обоснование в позитивистской философии, в особенности в такой ее разновидности, как прагматизм.

Буржуазные военные историки и теоретики обычно подчеркивали первостепенную роль военной истории в развитии военной теории и формировании полководческого искусства. Фельдмаршал Шлиффен в 1910 г. говорил, что если в прошлом полководцы и командиры имели возможность изучать военное дело и приобретать полководческий опыт непосредственно на поле боя, то «теперь, в эпоху массовых армий и длительных периодов мира, этот метод неприменим и не может быть заменен посещением учебных плацов и маневренных полей. Нам приходится теперь уходить в прошлое и искать опыта, в котором нам отказывает современность, в тех событиях, которые происходили недавно или очень давно»²⁹. «Перед каждым, кто хочет стать полководцем, лежит книга, называемая «военная история»... в основе ее лежит познание того, как все произошло, как должно было произойти и как будет происходить в дальнейшем»³⁰.

Среди буржуазных военных деятелей были и такие, которые недооценивали значение военной истории, пытаясь вывести принципы военного искусства умозрительным путем или же целиком полагаясь на свой личный опыт командования войсками. Французский военный теоретик и историк Ф. Фош в книге «О принципах войны» решительно выступил против подобных взглядов. Военная история, доказывал он, должна быть положена в основу изучения и развития военной теории. Фош ссылаясь на авторитет французского генерала Пейкера, писавшего, что чем больше армии недостает боевого опыта, тем важнее для обучения войск прибегать к военной истории. В мирное время она становится единственным средством для изучения войны и разработки принципов военного искусства³¹.

Успешные действия противника во франко-прусской войне 1870—1871 гг. Фош объяснял тем, что командный состав прусской армии формировался на изучении военной истории. «В книге истории, тщательно анализированной», Шарнгорст, Клаузевиц, Виллизен, заложившие основы военно-исторического метода подготовки командного состава, «изучали армию, войска в движении и действии с их потребностями, страстями, слабостями, преданностью долгу, с их качествами всех видов»³².

²⁹ Шлиффен А. Канны, с. 382.

³⁰ Там же.

³¹ Фош Ф. О принципах войны. Пер. с франц. Пг., 1919, с. 12.

³² Там же, с. 10.

Фош предъявлял серьезные претензии к тем французским военным историкам, теоретикам и практикам, которые относились к урокам истории «с плеча, на манер истории Александра Дюма. Видели только серию подвигов необычайных, необъясненных и необъяснимых, если не допустить существование таинственных причин, зависящих от Провидения или Судьбы, вроде непостижимого гения Императора или даже его счастливой звезды. В подобных случаях изучение приводило к фетишизму или фатализму, к отрицанию работы, к убеждению в бесполезности интеллектуальной культуры, к лениности ума»³³.

Критиковавшийся Фошем мистический волюнтаристско-иррационалистический взгляд на военную историю был распространен не только во Франции, но и в Германии и в других капиталистических странах. Военные историки, придерживавшиеся такого взгляда, были особенно далеки от научной интерпретации событий прошлого и извлечения из них уроков на будущее.

Взгляд на историю как на средство решения практических вопросов в интересах глобальной экспансии американского и английского империализма рельефно выражается в уже упоминавшихся работах Коломба и Мэхена. Коломб стремился написать книгу не просто по истории боевых действий на море, которыми так богата военная история Великобритании, он пытался обобщить опыт прошлого «со стратегической и тактической точек зрения» и доказать, что раскрытые им «основные законы морской войны», действовавшие в прошлом, «безусловно господствовали бы и во всякой морской войне, какая могла бы возникнуть, и что в подготовке и предсказании хода последней на эти законы можно было положиться вполне»³⁴.

Выступивший в печати одновременно с Коломбом А. Мэхен особо подчеркивал значение изучения военной истории для обоснования роли «морской силы» в истории и извлечения опыта из военно-морской истории для развития военной науки, формирования военной доктрины США и воспитания военных кадров. «Исследование военной истории прошлого... — писал он, — существенное средство для воспитания правильных представлений о войне и для искусного ведения ее в будущем... Если многие из условий войны изменяются с прогрессом в орудиях ее, то в школе истории имеются некоторые уроки, которые остаются постоянными и, имея поэтому универсальное приложение, могут быть возведены в общие принципы. Изучение морской истории прошлого является поучительным еще и потому, что оно иллюстрирует общие принципы морской войны, независимо от больших перемен в ору-

³³ Там же, с. 9.

³⁴ Коломб. Морская война. Ее основные принципы и опыт. Историческое исследование. Пер. с англ. М.—Л., 1940, с. 6—7.

дних ведения ее, порожденных научными успехами последнего полувека и применением пара как движущей силы»³⁵. Всем содержанием своего исследования военно-морской истории Великобритании, Франции, Испании, Голландии и эскурсам в историю от Пунических войн между Карфагеном и Римом до Гражданской войны в США Мэхен стремился обосновать притязания американского империализма на мировое господство.

В эпоху империализма военно-исторические исследования усиленно использовались в военной науке, военных доктринах и в практике военного строительства. Так, в статье западногерманского военного историка, бывшего сотрудника германского генштаба Ноона «Военное исследование и исторический смысл. К истории военной историографии» важная роль исторического подхода в военном исследовании обосновывалась тем, что предмет исследования — война является процессом, который нельзя изучать экспериментально, ее можно исследовать только в процессе реальной вооруженной борьбы. «Для военной науки это означает, — писал Ноон, — что каждое ее исследование как в общественнонаучном, так и в естественнонаучном (техническом. — *Авт.*) аспекте имеет своей предпосылкой исторический подход со стороны исследователя. Только исторический подход может обеспечить необходимую связь между исследователем и предметом исследования... Материал для всех военных исследований, касающихся военных действий и событий, подготавливается военно-историческим исследованием и поставляется военной историографией»³⁶. Автор делал вывод, что, несмотря на существенные изменения в средствах ведения войны, «военная историография образует фундамент современных военных исследований»³⁷.

В книге профессора Г. Блейни «Причины войны» критикуются те, кто недооценивает роль исторической науки. «В каждом поколении, — писал он, — на протяжении двух с половиной столетий многие люди считали, что их эпоха уникальна и что вряд ли многое можно почерпнуть из прошлого. Но их утверждения были ошибочны»³⁸.

Высказанные упомянутыми буржуазными историками и военными деятелями мысли не лишены интереса. Однако их следует рассматривать в свете характерного для них узкоутилитарного, по существу прагматического, позитивистского подхода к военно-исторической науке. А такой подход неизбежно ведет к подчинению деятельности историков интересам правящих кругов, обоснованию их военно-доктринальных концепций.

Кроме того, буржуазные военные историки обычно предпочитают умалчивать об идеологической направленности военной историографии, стремятся скрыть, затушевать классовую направленность своих трудов. «Откровения» бывают редки. Так, Л. Рендулич подчеркивал, что «история может своим авторитетом особенно действительно подкрепить пропаганду»³⁹.

Решая идеологические задачи, буржуазные военные историки в полной мере используют арсенал всех средств одурманивания масс, в том числе многообразные философско-социологические теории, пропагандирующие самые реакционные и антинаучные идеи. В этом особенно откровенно выступает их неприглядная роль в «воспитании» народа и личного состава армий капиталистических стран в духе милитаризма, шовинизма, расизма, антикоммунизма.

Идеологическая направленность буржуазной военной историографии проявляется и в том, что она включает в свое содержание искаженные исторические факты и односторонние теоретические положения. Это неизбежно ведет к искаженному отображению военной истории, превращению ее в иллюстрацию априорных идей и концепций; к сужению предмета военной истории как науки и к одностороннему развитию официальной военной мысли.

Так случилось, например, с Г. Дельбрюком, автором фундаментального труда по истории военного искусства. Его многотомная «История военного искусства в рамках политической истории» (пятый, шестой и седьмой тома изложены с согласия Дельбрюка его учеником и продолжателем Э. Даниэльсом) содержит многие свойственные буржуазным историкам методологические пороки и погрешности. Но подвергнут он был критике за теорию о двух видах стратегии — «сокрушения» и «измора». Если в стратегии «сокрушения» полководец стремится к решительному сражению как единственному средству достижения победы, то, применяя стратегию «измора», он варьирует свои действия между двумя «полосами» — сражением и «бескровным» маневрированием. В глазах германского генерального штаба «грехопадение» автора «Истории военного искусства» состояло в том, что он позволил себе выступить против концепции «молниеносной» войны и обосновывал правомерность и эффективность при определенных условиях иных и даже противоположных ей способов ведения войны. История войн XX в. показала, что при всех недостатках концепция Дельбрюка соответствовала более широкому взгляду на проблемы стратегии, чем стержневая концепция германского генерального штаба.

Унификация и вместе с тем фашизация военно-исторической мысли достигли своего апогея в период «третьего рейха». Военная

³⁵ Мэхен А. Т. Влияние морской силы на историю, 1660—1783, т. 1, с. 1.

³⁶ Wehrwissenschaftliche Rundschau, 1958, N 4, S. 30.

³⁷ Ibid., S. 31.

³⁸ Blainey G. The Causes of War. London, 1973, p. IX.

³⁹ Rendulic L. Gefährliche Grenzen der Politik. Salzburg, 1954, S. 265.

история заново переписывалась в духе фашистской военной идеологии, составной частью которой наряду с доктриной «тотальной» и «молниеносной» войны стали идеи расизма, геополитики, антикоммунизма, борьбы за «жизненное пространство» и за завоевание мирового господства. Фашистские военные историки разработали свое понимание предмета военной истории. Военная историография рассматривалась нацистами как составная часть более широкой «науки» — «оборонной истории» (*Die Wehrgeschichte*), в которую они включали также истории военной геополитики, военной философии, военной экономики, военного права и теоретической военной политики⁴⁰. Такое расширение предмета военной историографии отражало курс на подчинение ее фашистскому мировоззрению и милитаризацию всех общественных наук. Фашистская философия рассматривала всемирную историю как историю войн, как непрерывную борьбу рас и наций за «жизненное пространство» и исходя из этого считала военную историю основным содержанием всеобщей истории. Логически это приводило к выводу, что не военная историография — всего лишь специфическая отрасль всеобщей истории, а, наоборот, эта последняя является всего лишь расширением, более развернутым изложением военно-политической истории. Против такой фашистско-милитаристской трактовки предмета военной истории, ее соотношения с всеобщей историей выступили не только многие историки нефашистских стран, но и в послевоенный период западногерманские историки либерально-критического и умеренно-консервативного направлений.

В послевоенной буржуазной литературе выделяются следующие точки зрения на военно-историческую науку. Одни военные историки считают необходимым сохранить традиционный взгляд на военную историю как «служанку» военной науки. Другие придерживаются точки зрения Г. Дельбрюка и многих других немецких, французских и особенно английских и американских историков, считавших военную историю частью, отраслью всеобщей истории⁴¹. К этой группе ученых относятся прежде всего историки, занимающиеся в области не только военной, но и политической, дипломатической истории.

Эта точка зрения становится в последнее десятилетие все более распространенной среди буржуазных ученых. В капиталистических странах она исходит из необходимости сохранить «лучшие» традиции буржуазной науки прошлого, но вместе с тем считает, что пришла пора преодолеть традиционный утилитарно-

прагматический взгляд на задачи военно-исторической науки, как не соответствующий современным требованиям, вытекающим из «радикальных изменений в военном деле»⁴². Военная история рассматривается как отраслевая дисциплина всеобщей истории, использующая все выработанные последней приемы исследования. Она обладает определенной самостоятельностью и вместе с тем связана как с всеобщей историей, так и с военной наукой. Военно-историческая наука относится к всеобщей истории, поясняет западногерманский военный историк А. Ветт, так же как относится к ней экономическая история, социальная история, история права, история церкви и т. п.⁴³ Однако в отличие от традиционного акцента в военной истории на изучении истории войн и военного искусства главным объектом исследования теперь считаются «вооруженные силы как инструмент государственной власти», а история военного искусства и другие традиционные проблемы военной истории должны изучаться лишь в связи с историей вооруженных сил, их видов и родов войск, как проявление их действия в вооруженной борьбе.

Сторонники рассматриваемой точки зрения на предмет военной истории подчеркивают, что в отличие от былой традиции историю вооруженных сил следует исследовать ныне в широком социальном плане, в связи с политической, экономической и социальной жизнью общества; большое внимание нужно уделять анализу «социологической структуры» военной организации, социальных отношений в военной среде, места и роли офицерского корпуса как важнейшего носителя военной системы⁴⁴. Из такого понимания предмета логически вытекает ориентировка военных историков на использование методов современной буржуазной социологии, в том числе структурно-функционального анализа.

Рассмотренная выше эволюция в понимании предмета, функций военно-исторической науки отражает сохранение в своем содержании войны как главного объекта исследования.

⁴⁰ См.: *Oestreich G. Vom Wesen der Wehrgeschichte.* — In: *Historische Zeitschrift*, Bd. 162. München — Berlin, 1940, S. 234.

⁴¹ См.: *Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории*, т. I. М., 1936, с. 33—41.

⁴² См.: *Wehrkunde*, 1960, N 9, S. 608—612.

⁴³ См.: *Aus Politik und Zeitgeschichte*, 1974, N 7, S. 8—9.

⁴⁴ См.: *Militärgeschichtliche Mitteilungen*, 1967, N 1, S. 23—29.

КРИТИКА БУРЖУАЗНЫХ
ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ
НА ВОЙНУ

Теоретической основой, стержнем исследований и описаний буржуазными историками войн является теория насилия. Согласно этой теории, насилие, в особенности вооруженное, войны являются главной движущей силой истории человечества. Особенно активно и последовательно пропагандировалась эта теория в германской буржуазной историографии эпохи империализма. Уже основоположник и глава школы «немецкого историзма» Леопольд фон Ранке (1795—1886) выступал как апологет политики силы. Сама природа государств, считал он, толкает их к борьбе за господство, к захватническим войнам. Такие войны он оценивал положительно, утверждая, что они содействуют «гармоническому развитию» наций, побуждают их ко все новым усилиям в различных областях общественной жизни, в том числе в развитии культуры. В грубой силе он усматривал проявление «духовной сущности наций», ее «изначальный гений». С этих позиций им освещается история Европы с XVI в., основным содержанием которой в его трудах являются войны и дипломатия⁴⁵.

Не удивительно, что реакционные военные историки часто ссылались и ссылаются на Ранке как на непререкаемый авторитет в суждениях о войне. Так, Х. Ф. Маурер в качестве эпиграфа в своей книге «Решающие битвы мировой истории» поставил тезис Ранке о войне как о «назначении человечества». Основная идея книги сформулирована в предисловии: «С тех пор как существует история, история народов решалась в битвах... Конечно, верно, что война несет с собой много ужасов; но... ужаснее, чем война, поражение, с необходимостью следующее за недостаточной подготовкой к войне...»⁴⁶.

В наше время буржуазные военные историки и теоретики охотно цитируют Ранке и других адептов теории о решающей роли войн в истории. Например, В. Пихт в книге «О сущности войны и военной сущности немцев» пишет, что при исследовании войны «необходимо исходить из основополагающего и неоспоримого факта, что, по словам Ранке, ход мировой истории определяется нападением и обороной. Вооруженная борьба есть процесс, который немисливо исключить ни из одного этапа на пути, который до сих пор прошло человечество»⁴⁷.

⁴⁵ См.: Историография нового времени стран Европы и Америки, с. 298.

⁴⁶ Maurer Ch. F. Entscheidungsschlachten der Weltgeschichte. Leipzig, 1882, S. V.

⁴⁷ Picht W. Vom Wesen des Krieges und vom Kriegswesen der Deutschen. Stuttgart, 1952, S. 29.

В первой половине XX в. наиболее активными пропагандистами идеалистической теории насилия были историки пангерманского и фашистского толка. Но и более умеренные и даже либеральные буржуазные историки отдавали дань этой теории, стремясь при этом ее как-то «облагородить» и подвести более солидную философскую базу, чем нищезанятство и «философия жизни». Так, признанный в 20—50-х годах лидер школы «немецкого историзма» Ф. Мейнеке (1882—1954) в качестве главного апостола философии силы и насилия объявляет Гегеля. «Никем,— писал он,— не была набросана столь смелая метафизика силы, как Гегелем,— кажется, вряд ли можно рассматривать национальную политику силы с более высокой и нравственной точки зрения, больше *sub specie aeternitatis* (под знаком вечности), чем это сделал Гегель». И далее: «Абсолютное право силы государства целиком вытекает из гегелевского учения об абсолютном духе, ибо чем больше сила данного государства, тем больше доля его участия в «абсолютном праве всемирного духа»⁴⁸.

С позиции идеалистической теории решающей роли силы и вооруженного насилия в истории выступали многие крупнейшие военные историки и теоретики второй половины XIX—XX в.

Д. Фуллер рассматривал войну как «господствующий фактор» истории и утверждал, что «война доминирует над всеми видами человеческой деятельности»⁴⁹.

Теория насилия являлась не только концентрированным выражением буржуазно-милитаристского понимания роли войны в истории, но и оказывала решающее влияние на буржуазные концепции происхождения и сущности войны.

Военные историки как Германии, так и других капиталистических стран постепенно усваивали положения К. Клаузевица о связи войны с политикой. Так, французский маршал Фош в своем мемуарном военно-историческом труде о первой мировой войне писал: «Тесная связь политики и ведения войны настолько непреложная истина, что второе может быть прежде всего только продолжением первой»⁵⁰. Однако ненаучный, внеклассовый и идеалистический подход к политике не позволял буржуазным идеологам последнего столетия, как, впрочем, и Клаузевицу, раскрыть глубокую сущность войны, ее социально-экономические корни и классовую природу, что крайне отрицательно сказывалось на освещении буржуазными историками причин, социального характера и роли конкретных войн.

В немецкой военной историографии со второй половины XIX в. и вплоть до первой мировой войны, да и в дальнейшем, особо

⁴⁸ Meinecke F. Die Idee der Staatsreson. München — Berlin, 1924, S. 456.

⁴⁹ Цит. по кн.: Марксизм-ленинизм о войне и армии. М., 1968, с. 59.

⁵⁰ Фош Ф. Воспоминания (война 1914—1918 гг.). Пер. с франц. М., 1939, с. 30.

авторитетными считались суждения о войне фельдмаршала Г. фон Мольтке (1800—1891), который более тридцати лет возглавлял прусский (в 1871—1888 гг. имперский германский) генеральный штаб, направлял работу его военно-исторических отделов и сам лично занимался военной историей и теорией. Мольтке признавал политическую природу войны в том смысле, что без нее будто бы просто невозможно «уравновешивать многократно перекрещивающиеся интересы наций, улаживать их ссоры»⁵¹.

Отмечая влияние политики на возникновение войны, определение ее целей и выработку условий мира, Мольтке, однако, резко ограничивал ее вмешательство в ведение вооруженной борьбы. Он писал: «Политика прибегает к войне для достижения своих целей: она оказывает решительное действие на ее начало и ее конец и оставляет за собой право повышать свои требования во время самого хода войны, или же довольствоваться меньшим результатом. При такой неопределенности стратегия всегда может направлять свои стремления лишь на самую высокую цель, которую вообще можно достигнуть при имеющихся средствах. Таким путем стратегия лучше всего работает на руку политики, для целей последней; в ведении своих действий стратегия остается вполне независимой от политики»⁵².

Мольтке считал, что «политика не должна вмешиваться в операции», что «полководец никогда не должен руководствоваться одними политическими соображениями, а на первый план должен ставить военный успех»⁵³.

Идеалистическое понимание политики логически вело к использованию самых антинаучных и реакционных философско-социологических концепций войны. По Мольтке, война в конечном счете имеет божественное происхождение: она есть «звено в божественном мировом порядке»⁵⁴. Такой откровенно теологический подход к войне получил довольно широкое распространение в буржуазной военной историографии конца XIX—XX вв. В этом находило выражение усиление реакционности буржуазной идеологии в эпоху империализма, стремление приспособить к новым условиям самые антинаучные, обскурантистские средневековые концепции войны, которые соединялись с модными в XIX—XX вв. теориями.

Получили широкое распространение и другие реакционные теории войны, и в первую очередь биологические теории войны, особенно социал-дарвинизм. В духе социал-дарвинизма была

⁵¹ Gesammelte Schriften und Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Grafen Helmut von Moltke, Bd. 5. Berlin, 1892, S. 200.

⁵² Стратегия в трудах военных классиков, т. II. М., 1926, с. 176—177.

⁵³ Мольтке. Военные поучения. М., 1938, с. 9.

⁵⁴ Gesammelte Schriften und Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Grafen Helmut von Moltke, Bd. 5, S. 194.

написана книга «Влияние культуры на войну и военную технику»⁵⁵. Ее автор, генерал-майор Рейхенау, поставил цель доказать, что война является разновидностью борьбы за существование, и потому она вечна, как вечны природа и законы ее развития. Эта и подобные концепции находили отражение в трудах буржуазных военных историков.

Наиболее систематизированное и развернутое изложение биологической, по преимуществу социал-дарвинистской, концепции войны дано в книге голландца Р. Штейнметца «Философия войны». В этом весьма типичном для милитаристской идеологии эпохи империализма труде Штейнметц, стремясь к обобщениям и выводам о возникновении и развитии войны как общественного явления, игнорировал специфику человеческого общества, неправомерно переносил на общество биологические закономерности. Война, утверждал Штейнметц, возникла и развивалась в процессе возникновения человека и образования человеческого общества. Главным качеством, способствовавшим превращению наших предков в человека, он признавал агрессивность, которая обеспечивала победу в борьбе за существование. При этом «было весьма, и даже неизмеримо, полезно то, что вследствие своей агрессивности первобытный человек оказался вынужденным вступить в борьбу не только с животными, но и с себе подобными». «... Не будь первобытный человек агрессивным, он не развился бы из своего животноподобного состояния»⁵⁶.

Рассматривая войну как главную движущую силу развития человеческого общества в прошлом, настоящем и необозримом будущем, Штейнметц особенно выделял ее роль в создании, укреплении и возвышении государств, в создании «хорошей организации» в обществе и в стимулировании напряжения всех сил людей и государств. «Никакая победа над природой,— писал он,— не может в такой мере вдохновить человека к крайнему напряжению всех сил, как мысль о победе над человеком»⁵⁷.

Аналогичные выше рассмотренным концепциям войн использовали и военные историки Франции, Англии, США и других капиталистических стран. Так, американский военный теоретик и историк С. Люс писал о войне: «В политическом мире, как и в природе, инерция и застой означают смерть, активность и соперничество враждебных сил означают жизнь»⁵⁸. Исходя из такой аналогии между природой и обществом он утверждал, что война является «предопределением бога, стимулирует творческую дея-

⁵⁵ См.: *Reichenau von*. Einflüss der Kultur auf Krieg und Kriegsrüstungen. Berlin, 1897.

⁵⁶ *Штейнметц Р.* Философия войны. Пг., 1915, с. 25, 28.

⁵⁷ Там же, с. 36.

⁵⁸ *Luce S.* The Benefits of War. NAR, 1891, p. 273.

тельность народа и представляет величайшее средство человеческого прогресса»⁵⁹.

Получив широкое распространение в период превращения до-монопольистического капитализма в монопольистический и в эпоху безраздельного господства во всем мире империализма, эти концепции затем претерпели некоторые изменения, связанные с наступлением общего кризиса капитализма. После первой мировой войны, особенно с возникновением фашистских режимов в ряде капиталистических стран, резко возросла роль наиболее реакционных и агрессивных концепций войны: расово-шовинистических, геополитических, социал-дарвинистских, волюнтаристско-иррационалистических. От этого научный уровень большеинства буржуазных философско-исторических исследований стал еще ниже. В частности, это относится к двухтомному труду швейцарца Г. Штегемана «Война»⁶⁰, получившему восторженные отзывы в фашистско-милитаристской печати. Рассматривая войну как разгул необузданного насилия, в котором хороши любые средства для достижения ее целей, Штегеман делал упор на иррациональную и притом «демоническую» сущность вооруженной борьбы.

О «демонической природе» войны писали многие военные историки и теоретики «третьего рейха», в том числе упомянутый выше В. Пихт⁶¹, который продолжал развивать и пропагандировать иррационалистический взгляд на войну и после краха фашизма. Под «демонией» понималась некая иррациональная витальная сила, побуждающая людей к постоянной и беспощадной борьбе с себе подобными. Ссылками на «демонию» как на зло, которое «творит добро», фашисты пытались дать «философское» оправдание всем своим чудовищным деяниям в войне за европейское и мировое господство.

Теория насилия, биологические (социал-дарвинистские, органицистские), географические (геополитические), расистские, психологические, волюнтаристические, иррационалистические, социально-этические концепции нашли свое место в фашистской, особенно германской, военной доктрине. При этом взято из них было все то, что подкрепляло фашистскую военную идеологию. Поэтому в фашистской интерпретации эти концепции приобрели до крайности циничный, человеконенавистнический смысл.

Генерал Э. Людендорф — автор теории «тотальной войны» — в своих многочисленных военно-исторических и теоретических трудах, изданных в период между первой и второй мировыми войнами, стремился доказать, что соотношение между политикой и войной в новое время существенно изменилось. Он заявлял,

⁵⁹ Luce S. Op. cit., p. 273.

⁶⁰ Stegemann F. Der Krieg, Bd. I—II. Berlin — Leipzig, 1939—1940.

⁶¹ См.: Picht W. Die Wandlungen des Kämpfers. Berlin, 1938.

что политика, как и война, должна принять тотальный характер, целиком и полностью поставив себя на службу подготовки и ведения войны. По его мнению, война имеет примат над политикой, и «политика должна служить ведению войны»⁶².

В полном соответствии с этой концепцией журнал «Дейче вер» писал: «Мир следует подчинить требованиям войны. Война есть тайный повелитель нашего столетия, мир означает только простое перемирие между двумя войнами»⁶³.

Политические и военные лидеры нацистской Германии, а вслед за ними и военные историки не только восприняли формулу Людендорфа о соотношении войны и политики, но и вложили в нее еще более агрессивное содержание. Еще в 1929 г. в программном заявлении национал-социалистической партии о военной политике говорилось, что борьба между людьми и нациями за существование — всеобщая необходимость, и потому «в действительности нет никакого различия между миром и войной»⁶⁴. Взгляды Гитлера, Кейтеля, Йодля на политику и войну сводились, по свидетельству западногерманского военного историка В. Гёрлица, к тому, что «политика в сущности всегда есть война»⁶⁵.

Военные историки и теоретики Франции, Англии, США, как правило, избегали однозвучных, яро-агрессивных и человеконенавистнических суждений о войне. Но пропаганда теории насилия была характерна и для военно-философских концепций названных государств. Например, американский военный идеолог А. Мэхэн и другие накануне мировой войны рассматривали войну как один из наиболее эффективных способов борьбы против социализма. Мэхэн проповедовал, что война есть «истинное противоядие» против социализма, и открыто выступал за усиление вооружений. Прекращение гонки вооружений, по его мнению, могло привести к «социалистическому сообществу государств, в котором силы индивидуальной инициативы государств и людей и величайшие достижения цивилизации» исчезнут, а народы будут деморализованы «потоком социалистических мероприятий»⁶⁶⁻⁶⁷.

Французские и английские военные историки обычно не столь категорично и откровенно пропагандировали идею вечности и неотвратимости войн. Они нередко критиковали излюбленный и традиционный тезис германских милитаристов: «сила превыше пра-

⁶² Ludendorff E. Der totale Krieg. München, 1935, S. 10.

⁶³ Цит. по кн.: Schüdelkopf E. Das Heer und die Republik. Hannover — Frankfurt a. M., 1955, S. 267.

⁶⁴ Ibid., S. 281.

⁶⁵ Görlitz W. Der deutsche Generalstab. Frankfurt a. M., 1950, S. 265.

⁶⁶⁻⁶⁷ Mahan A. T. The Interest of the United States in Sea Power, Present and Future. Boston, 1897, p. 122; Armaments and Arbitration, p. 13; Livesey W. E. Mahan on Sea Power, University of Oklahoma Press, 1947, pp. 264, 265.

ва», отстаивая таким образом «права» колониальных держав, неизбежность их завоеваний и территориальных приобретений. Апология «права» сочеталась у военных историков Англии, Франции, США с апологией «силы». Характерно заключение Фуллера в книге об опыте применения танков в первой мировой войне. Вывод из приведенных им исторических примеров сводится к тому, что «войны будут ограничены не словами, трактатами или лигами наций, а оружием — лигами танков, аэропланов и подводных лодок, которые сделают сопротивление безнадежным или возмездие настолько ужасным, что нации подумают не раз, прежде чем решиться на войну»⁶⁸.

Поражение стран фашистского блока во второй мировой войне, крах идеологии фашизма не привели к исчезновению агрессивных и реакционных концепций по вопросам происхождения, сущности и общественной роли войн. Урон понесли главным образом те концепции, которые больше всего были скомпрометированы непосредственной связью со специфической фашистской идеологией: расизм в его вульгарно-биологической форме, социал-дарвинизм, немецкий вариант геополитики. Но и они в подновленном виде продолжали использоваться милитаристами как в Западной Германии, так и в ряде других капиталистических стран. В неофашизме они находят своего главного носителя.

После второй мировой войны главной силой империализма и милитаризма стали США. В эту страну переместился и центр империалистической идеологии войны. Влияние американской империалистической философии войны стало заметным в других капиталистических странах. С созданием империалистических военных блоков, направленных против Советского Союза и других социалистических стран, происходит и определенная интеграция империалистических военных доктрин, острие которых теперь направлено главным образом против стран социалистического содружества, а также против революционного, освободительного движения. Ядром буржуазной военной идеологии становится антикоммунизм; в его духе происходит перестройка традиционных буржуазных философско-социологических учений о войне.

Важнейшей философско-социологической основой империалистических военных доктрин по-прежнему остается теория насилия. Она используется для подкрепления «политики силы», которая возводится в ранг официальной доктрины империализма, особенно американского. Американские военные историки и теоретики нередко откровенно пропагандируют идею завоевания Соединенными Штатами мирового господства. Генерал Брэдли писал:

«Бесспорно, что наша судьба — господствовать над миром»⁶⁹. В первые послевоенные десятилетия эта идея находила определенную поддержку и у некоторых военных идеологов других капиталистических государств. Д. Фуллер, например, в книге «Вооружения и история» утверждал, что в послевоенном мире существуют только две перспективы — «либо мир советский, либо мир американский» и что решение этого вопроса «зависит главным образом от вооружений», поскольку именно вооружения «являются основным судьей в век силы»⁷⁰.

Теория насилия лежит в основе доктрины «политического реализма», оказывающей вплоть до наших дней огромное влияние на формирование внешней и военной политики США. Эта доктрина с 50-х годов нашего века разрабатывалась видными американскими политическими и военными идеологами, прежде всего Центром по исследованию внешней и военной политики США при Чикагском университете во главе с его руководителем Г. Моргентау. Историки и теоретики в области международных отношений, военной политики и стратегии: Д. Кеннан, А. Шлезингер-младший, Р. Страус-Хюпе, С. Поссоли, А. Тойнби, генерал М. Тэйлор, Г. Киссинджер, Герман Кан, генерал-лейтенант в отставке Д. Гэвин и другие относятся к числу приверженцев доктрины «политического реализма»⁷¹. Определяющим фактором общественно-исторического развития сторонники этой доктрины считают борьбу за власть, силу, господство, которая обуславливается-де самой «человеческой природой». «Стремление людей к власти... — утверждает Моргентау, — это всепроникающий факт, отражающий самую сущность человеческого существования»⁷². Стремление к власти и господству он «обнаруживает» даже у животных.

Говоря о силе как решающем факторе политических отношений между государствами, «политические реалисты» имеют в виду прежде всего основной инструмент войны — армию. С этих позиций они оправдывают гонку вооружения, проводимую империалистическими державами, причем ложно утверждают, будто она является ответом на «вызов коммунизма». Всецело поддерживая распространяемый антикоммунистами миф о «советской угрозе», они пытаются обосновать его экскурсами в историю, в том числе в военную историю нашей страны, неправомерно отождествляя при этом внешнюю и внутреннюю политику Советского государства с политикой русского царизма.

Идентичные или же близкие к американской доктрине «политического реализма» идеи разрабатываются и пропагандируются в

⁶⁸ Фуллер Дж. Танки в великой войне 1914—1918 гг. Пер. с англ. М., 1923, с. 262.

⁶⁹ Bradley O. A. Soldier's Story. N. Y., 1951, p. 230.

⁷⁰ Fuller J. F. G. Armament and History, 1945, N 4, p. 188.

⁷¹ См.: Каренин А. Философия политического насилия. М., 1971, с. 3—7.

⁷² Там же, с. 19.

других империалистических государствах: в Англии, например в трудах историка Карра и военного историка и теоретика А. Бьюкена, во Франции — социолога Р. Арона и военного теоретика Боффа. В Западной Германии теория насилия имеет особенно давние и глубоко укоренившиеся традиции, которые развиваются в различных учениях, в том числе неоницшеанского и экзистенциалистского толка. Эти учения широко используются в качестве теоретической основы при освещении проблем военной истории, особенно таких, как история войн и вооруженных сил.

Теория насилия ныне широко используется для оправдания существования империалистических военных блоков. На этой теоретической основе создается интегрированная милитаристская идеология, в которой используются как новые, так и старые, традиционные буржуазные концепции войн. Один из типичнейших идеологов и военных теоретиков НАТО Ф. Микше писал: «Война всегда была явлением, так тесно связанным с жизнью человека, что ее можно считать почти необходимостью, биологическим законом»⁷³.

В этом плане написана книга Г. фон Готтберга «Большая книга бундесвера. От древнегерманских войск к интегрированным вооруженным силам»⁷⁴, которая используется в ФРГ как настольная книга солдат бундесвера по военной истории. Готтберг начинает описание военно-исторических событий с 20 000 г. до н. э., тем самым стараясь убедить читателя в древнейших исторических корнях войны, ее извечности⁷⁵. Красочно описывая, можно сказать смагуя описание различных битв и сражений германских войск, автор более или менее завуалированно проводит мысль, что именно они определяли ход истории. Опираясь на опыт всей германской военной истории, Готтберг высказывает мысль о необходимости военной интеграции Запада (т. е. главных стран империализма) и о западногерманском бундесвере как важнейшей составной части вооруженных сил НАТО.

Рассмотрим некоторые труды буржуазных военных историков XIX—XX вв., особенно характерные в плане применения буржуазных философско-социологических теорий войн к исследованию причин возникновения конкретно-исторических вооруженных конфликтов.

Влияние философии позитивизма и натуралистического направления в социологии во второй половине XIX в. особенно ярко проявилось в труде американского ученого Д. В. Дрэпера «История Североамериканской междоусобной войны. Природа и

жизнь Америки и их отношения к происхождению войны». Автор исследует причины возникновения Гражданской войны в США вскоре после ее окончания и использует большой фактический материал. Как приверженец позитивистской философии О. Конта он стремится придерживаться фактов и исследовать войну «беспристрастно». При этом в отличие от историков, ограничивающихся эмпирическим описанием событий, Дрэпер — философствующий военный историк. Он стремится вскрыть глубокие корни войны, доказать закономерность ее возникновения. В духе раннего позитивизма отвергаются им взгляды тех, кто считал Гражданскую войну случайным явлением, «неожиданным результатом политических страстей и фанатизма данной минуты». Напротив, он исходит из того, что эта «война вела свое начало от таких событий, которые произошли гораздо ранее, чем родились главнейшие ее деятели. Она подготовлялась и шла верными, неизбежными шагами к своему осуществлению»⁷⁶.

В отличие от многих других буржуазных историков, усматривавших причины войны во второстепенных событиях, ошибках или страстях тех или иных деятелей, Дрэпер показывает, что непосредственной причиной ее была борьба между Севером и Югом по вопросу о рабстве: интересы промышленно развитого Севера противоречили интересам рабовладельцев Юга и «рабство сделалось политическим камнем преткновения»⁷⁷. В какой-то мере автором учитываются социально-экономические факторы и классовые противоречия в ряду причин Гражданской войны, но не в них он видит коренные причины, источники ее, а в природных, географических, особенно климатических различиях между Севером и Югом страны. Дрэпер стремится доказать, что уже первые переселенцы в Америку различались между собой по расовому и классово-политическому признаку: на Юге поселились выходцы из аристократических, привилегированных семей средиземноморской расы, а на Севере — представители германской расы, склонные к политической свободе и свободному труду. Дальнейшее усиление различий между ними, утверждает историк, «можно рассматривать без сомнения как плод климатических условий континента. Германские характеристические черты северного населения усугубились благодаря климату; а южное население обнаружило мало-помалу те свойства, которыми отличаются нации, обитающие по южному берегу Средиземного моря. Самосознательная демократия, осуществляемая идеями индивидуализма, была климатическим следствием на Севере; аристократия, основанная на чувст-

⁷³ Микше Ф. О. Атомное оружие и армии. М., 1956, с. 234.

⁷⁴ Gottberg H. Das grosse Buch der Bundeswehr. Vom Germanenheer zu den integrierten Streitkräften. Reutlingen, 1970.

⁷⁵ Ibid., S. 7—14.

⁷⁶ Дрэпер Д. В. История Североамериканской междоусобной войны. Природа и жизнь Америки и их отношения к происхождению войны. СПб., 1872, с. 3, 4.

⁷⁷ Там же, с. 286, 287.

ве личной независимости и рабстве, была климатическим следствием на Юге; при этом последняя аристократия вполне походила на аристократию, встречаемую между геркулесовыми столбами и берегами Инда, отличаясь высокомерием к друзьям, жестокостью к врагам и способностью быстро забывать все европейские политические идеи»⁷⁸.

Существенные особенности климата, почвы, береговой линии, рек, рельефа и других географических условий Юга страны определили, по Дрэперу, характер его экономики, основанной на труде негров-рабов, политические устремления и идеологию рабовладельцев; географические условия Северных штатов, напротив, способствовали развитию существенно отличных от Южных штатов отношений в экономике, иных политических идей и устремлений.

Абсолютизация природных условий, географического фактора в развитии общества и возникновении войны сочетается у Дрэпера со столь же неверной трактовкой происхождения и роли идей, оказавших влияние на возникновение Гражданской войны в США, ее ход и исход. Здесь натурализм сочетается у автора с идеализмом в трактовке причин войны. Общественно-политическое развитие в стране он рассматривает под углом зрения борьбы между противоположными идеями: централизации и сепаратизма («разделения»), свободы личности («индивидуализма») и апологии рабовладения, рабства. Преувеличивая роль идей в развитии общества, он дает ошибочную трактовку их происхождения. Идея отделения Южных штатов от Северных и образования ими самостоятельного государства выводится в конечном счете из географических условий, а идея централизации, укрепления центральных государственных органов американского государства вытекает, по Дрэперу, из всеобщего закона концентрации, который будто бы действует в растительном и животном мире, а также в человеческом обществе⁷⁹.

Эклектическое идеалистическое и натуралистическое мировоззрение Дрэпера существенно ограничивало возможности глубокого и подлинно научного освещения причин войны. Однако использование Дрэпером огромного фактического материала, в том числе архивного, сделало в свое время выход книги заметным событием в американской историографии. Работа проникнута идеями буржуазного демократизма, верой в безграничные возможности науки в познании исторических событий, в прогресс в истории, понимаемый в духе позитивизма того времени как постепенный, эволюционный процесс. Анализируя факты, автор подходил к пониманию важной роли материальных интересов

⁷⁸ Дрэпер Д. В. Указ. соч., с. 10—11.

⁷⁹ Там же, с. 226—229.

классов в возникновении Гражданской войны и попытался проанализировать отношение различных социальных слоев американского общества к назревавшему военному конфликту, их роль в возникновении войны. Но если классовая структура рабовладельческого общества Юга была раскрыта достаточно основательно для буржуазного ученого, то при анализе социальной структуры Севера автор игнорировал основное классовое противоречие буржуазного общества — противоречие между буржуазией и пролетариатом. В целом книга Дрэпера является типичной для либерального буржуазного военного историка предимпериалистической эпохи и вместе с тем выделяется ярко выраженным философско-социологическим подходом к освещению вопроса о причинах возникновения конкретной войны. Географический подход к объяснению общественно-исторических явлений при жизни Дрэпера (1811—1882 гг.) еще не выродился в реакционнейшее учение — геополитику, с позиции которой в эпоху империализма выступили такие апологеты агрессивной политики и войны, как К. Гаусгофер, Н. Спикмен, Дж. Киффер и др.

В XX в. буржуазные военные историки основное внимание уделяли изучению истории первой и второй мировых войн. Методологический и теоретический подход к исследованию и изложению вопроса о происхождении этих войн определялся социальным заказом господствующих классов капиталистических стран — избежать правдивого раскрытия коренных причин, глубоких источников их возникновения, отвлечь внимание читателей от того факта, что эти войны порождены всей системой империализма, обелить правящие круги «своих» государств, в наиболее выгодном свете представить их внешнюю и военную политику. В этих целях военные историки использовали и используют самые различные философско-исторические и социологические концепции, основанные на идеалистическом и вульгарно-натуралистическом подходе к объяснению общественных явлений.

Известный английский военный историк Лиддел Гарт в книге «Правда о войне 1914—1918 гг.» следующим образом сформулировал свою концепцию происхождения первой мировой войны: «Основные причины конфликта можно сформулировать тремя словами: страх, голод, честолюбие. Вне этого «международные инциденты», имевшие место между 1871 и 1914 годами, являются только симптомами»⁸⁰. Так лаконично излагается им соединение психологического, мальтузианского и волюнтаристского понимания причин войны. Но превалирует психологический подход. Для маститого историка и теоретика войны важны не столько реальные факторы силы, социально-политические антагонизмы, приведшие к войне, сколько их отражения в психологии

⁸⁰ Лиддел Гарт. Правда о войне 1914—1918 годов. Пер. с англ. М., 1935, с. 4.

социальных групп и отдельных людей — политических и военных лидеров.

Лиддел Гарт, как и многие другие военные историки, являющиеся также военными теоретиками, уклоняется от скрупулезного исследования предыстории войны. Он считает достаточным «обрисовать наиболее значительные вехи в цепи причин, приведших к воспламенению Европы», утверждая, что «цепь эта проходит через структуру союзов, которые Бисмарк создал после 1871 года»⁸¹. Бисмарк, пишет автор, «не был кровожадным» и мыслил союзы «как щит, за которым будет мирно расти его детище — германская империя, на деле же они оказались складом взрывчатых веществ!»⁸². Что же начинало Европу порохом? Оказывается, по Лидделу Гарту, «недоверие и тревога, которые вызывались повсюду» воинственными речами и легкомысленным поведением германского кайзера Вильгельма II. У кайзера, на которого автор возлагает главную ответственность за возникновение войны, в общем-то были «хорошие намерения», но последствия их оказались дурными, и вытекали они из того, что «кайзер слишком любовался и результатами своих действий и самим собой. Он видел себя одетым «в блестящие латы», когда фактически он был одет в рубище. Он доказал лишь то, что, сея раздор, порождает войну»⁸³.

Одной из трагических «ошибок» кайзера и его канцлера Булова автор считает отклонение ими предложения Англии о заключении союзного договора с Германией, причём причину такого поведения Вильгельма II видит главным образом в чувствах взаимной антипатии, возникших у него и английского короля Эдуарда VII. В результате бестактности кайзера, уверяет Лиддел Гарт, Англия бросилась в объятия Франции, сделав возможным создание Антанты в противовес Тройственному союзу (Германии, Австро-Венгрии, Италии). «Новая группировка Европы не давала старого равновесия сил... Различные страны, подгоняемые теперь скорее страхом, чем честолюбием, поспешно увеличивали свои вооружения... задолго до июля 1914 г. страх заслонил разум»⁸⁴.

Автор старается убедить читателей, что, несмотря на все это, политические руководители великих держав стремились мирно разрешить конфликт, обострившийся в связи с убийством в Сараево наследника австро-венгерского престола. Но все их усилия «разбивались о противодействие генералов, стоявших за войну и предсказывавших всевозможные ужасы в случае пренебрежения их техническими советами». «Единственной мыслью генералов в

⁸¹ Лиддел Гарт. Указ. соч., с. 4.

⁸² Там же, с. 4.

⁸³ Там же, с. 10—11.

⁸⁴ Там же, с. 17.

эти критические дни было желание пустить их машины в ход. Стремление к войне и боязнь быть поставленным в неловкое положение взаимно влияли друг на друга... В Австрии генералы могли даже разделить вместе с Берхтольдом тяжелую ответственность и славу быть инициаторами войны. На второе место вышли русские генералы»⁸⁵.

Антисоветизм автора, как и других буржуазных военных историков, находит свое выражение в приписывании России особой вины за возникновение первой мировой войны. Тем самым антикоммунисты стремятся набросить тень на внешнюю политику СССР, которая неправомерно отождествляется с политикой царской России. И здесь суждения Лиддел Гарта излагаются в психологическом ключе. Он указывает на «необычайную смесь самомнения и идеализма, руководивших политикой России и возбуждавших опасения за границы, главным образом среди германских соседей России, смесь, которая была, может быть, наиболее смертоносной составной частью мешанины, приведшей к конечному взрыву»⁸⁶.

Если для военных историков Англии, Франции наиболее характерным было стремление возложить ответственность за возникновение первой мировой войны на Германию, Австро-Венгрию и отчасти на Россию, то немецкие буржуазные военные историки всячески пытались полностью реабилитировать правящие круги Германии и возложить ответственность за войну на страны Антанты, прежде всего на Россию. Позицию немецких историков-реваншистов поддерживали многие военные историки США и отдельные английские и французские историки. Поскольку они подвергали ревизии одну из статей Версальского договора, возлагавшую ответственность за войну на Германию, эта группа историков получила наименование ревизионистов. Однако и ревизионисты, и антантафилы выступали с национал-шовинистических и антикоммунистических позиций. Основоположниками ревизионистского направления выступили: в Германии — известный военный историк Г. Дельбрюк и кайзеровский генерал М. Монжеля, в США — историк С. Б. Фей.

Итоговым трудом Фей по истории первой мировой войны был изданный в 1929 г. двухтомник «Происхождение мировой войны», который представляет интерес с точки зрения выяснения влияния буржуазной философии и социологии на методологию исследования причин войны. Господствовавшая в США в то время позитивистско-прагматическая философия и психологическая школа в социологии оказали заметное влияние на книгу Фей. Как историк-эмпирик автор проделал огромную работу. Однако

⁸⁵ Там же, с. 27.

⁸⁶ Там же, с. 3.

поставив перед собой задачу установить как непосредственные, так и «отдаленные» и «глубокие» причины возникновения первой мировой войны, он ограничивается анализом политических, главным образом дипломатических, акций. Поэтому Фей приходит к выводу, что глубокой причиной мирового пожара была «система союзов», развившаяся в течение 40 лет, последовавших за франко-прусской войной, и разделившая Европу на две враждебные группировки⁸⁷. А так как эта система создавалась определенными людьми, то скрупулезный анализ их личных качеств, психологии находится в центре внимания автора. Он много пишет также о «национальных вождениях», о психологическом действии на население публикаций в прессе, выдержанных в националистическом духе. Учитываются и такие факторы, как рост вооружения великих держав, экономическое соперничество, обострившие вражду между Тройственным союзом и Антантой. «Но представляется весьма сомнительным,— утверждает Фей,— чтобы все эти опасные тенденции действительно привели к войне, если бы не совершилось убийство Франца-Фердинанда. Оно явилось тем фактором, который сплотил элементы, объединенные общей враждой, и определило быструю сложную смену событий, которые завершились мировой войной»⁸⁸. Выдавая повод за непосредственную причину войны, автор особо подчеркивает влияние террористического акта сербских националистов на психологию Вильгельма II, не оказавшего сдерживающего влияния на правительство Австро-Венгрии⁸⁹. Обеляя кайзеровскую Германию, Фей пишет: «Германия не затевала европейской войны. Она не хотела ее и честно и добросовестно, хотя и слишком поздно, прилагала старания к тому, чтобы избежать ее. Она была жертвой своего союза с Австрией и своего собственного безумия»⁹⁰. Главными виновниками войны он объявляет Сербию, Россию и Австро-Венгрию⁹¹.

Такой подход к освещению первой мировой войны лил воду на мельницу германских реваншистов и тех, кто стремился направить их агрессию на восток. Историки-ревизионисты своими трудами помогли реваншистам, и прежде всего гитлеровцам, развернуть демагогическую кампанию вокруг «несправедливостей Версальского договора» и развязать вторую мировую войну. Тем не менее и после второй мировой войны многие буржуазные военные историки, притом не только западногерманские, используют нападки на Версальский договор в интересах милитаризма и ре-

⁸⁷ Фей С. Происхождение войны, т. 1. М., 1934, с. 357.

⁸⁸ Там же, с. 357—358.

⁸⁹ Там же, с. 27—28.

⁹⁰ Там же, с. 354.

⁹¹ См. там же, с. 351—358.

ваншизма. Английский военный историк и теоретик Дж. Фуллер открывает изложение истории второй мировой войны следующим тезисом: «Хотя при изучении главных причин последней, впрочем, как и первой (мировых войн.— Авт.), видно, что нити тянутся через паровые двигатели и биржи к инстинктам первобытного человека, однако непосредственной причиной ее был Версальский договор»⁹². Фуллер не считает, что этот договор был «суров или лишен здравого смысла». Он делает упор на морально-психологическое действие договора, нюансы в выработке и подписании его. Приведенный выше тезис характерен также попыткой буржуазного военного историка связать психо-натуралистическую, инстинктивистскую теорию с современными технико-индустриальными концепциями, при помощи которых буржуазные идеологи пытаются «объяснить» общественные явления, в том числе возникновение войны.

После второй мировой войны буржуазные военные историки используют как традиционные, «классические» буржуазные концепции происхождения и сущности войн, так и новейшие — технико-индустриальные и многие другие. Значительно большее внимание, чем в прошлом, уделяется рассмотрению экономического фактора как одной из причин возникновения войн. Но все это лишь усиливает эклектизм в трудах буржуазных военных историков. Они по-прежнему не дают глубокого, подлинно научного освещения вопросов происхождения сущности, характера и социальной роли исследуемых войн.

Таким образом, эволюция философских концепций, используемых в буржуазной военно-исторической науке, характеризуется усилением их реакционного содержания по мере перехода до-монополистического капитализма в монополистический и государственно-монополистический, наступления и обострения общего кризиса капитализма в эпоху империализма. Реакционные философско-социологические концепции служат теоретической основой фальсификации военной истории в буржуазной историографии.

⁹² Фуллер Дж. Ф. Вторая мировая война 1939—1945 гг. Стратегический и тактический обзор. Пер. с англ. М., 1956, с. 30.

МАРКСИСТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ПОДЛИННО НАУЧНОЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

Появление марксизма было величайшим всемирно-историческим событием во всем идейном развитии человечества. Созданное К. Марксом и Ф. Энгельсом учение произвело глубокий переворот в философии, политической экономии, исторической науке и других общественных науках. Философской основой нового, научного мировоззрения рабочего класса и теоретико-методологической основой исторической и других наук является диалектический и исторический материализм.

Домарксистская философия не могла служить подлинно научным методом познания военно-исторических явлений, поскольку она истолковывала их с позиций идеалистического понимания истории. Развитие военной истории как науки тормозилось значительным влиянием на нее метафизического метода. Отрицательное влияние идеализма и метафизики на военно-историческую науку усугублялось тем, что домарксистская философия претендовала на роль «науки наук» и навязывала ей свои умозрительные, далекие от реальной действительности идеи и схемы, которые выводились из «вечных принципов разума», из «чистого» мышления, якобы независимого от опыта. Идеалисты и метафизики особенно принижали общественные науки, считая, что они не способны проникать в сущность явлений.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МАРКСИЗМА — РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В ФИЛОСОФИИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Создавая новую, подлинно научную философию, основоположники марксизма критически переработали и использовали все достижения философской мысли прошлого. Вместе с тем они подвергли принципиальной критике идеализм и метафизику, все антинаучные и реакционные извращения. Диалектический и исторический материализм коренным образом, качественно отличаются от всей домарксистской философии классовым характером,

социальной ролью, своим предметом, своими основными чертами и содержанием.

К. Маркс и Ф. Энгельс отвергли претензии старой философии на априорное, абсолютное, «всеисчерпывающее» и «сверхнаучное» объяснение картины природы и общества. Как идеологи пролетариата они дали свое понимание роли философии, ее социальных функций. Основоположники марксизма выдвинули на первый план практически-действенный, революционный характер созданной ими философии. Как основа научного мировоззрения пролетариата она имела своей задачей не просто объяснение мира, а его преобразование¹. В противоположность буржуазным философам, которые бессознательно или сознательно маскировали партийный, классовый характер своих учений, основоположники марксизма подчеркивали партийный, действенный, революционный характер созданной ими философии. «Подобно тому, — писал К. Маркс, — как философия находит в пролетариате своё *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии своё *духовное* оружие...»²

Пролетарски-партийный характер марксистской философии обуславливал такую свойственную ей черту, как высшая степень научности, благодаря которой она только и могла служить действительным орудием познания и революционного преобразования мира на коммунистических началах. Эта научность проявилась и в определении самого предмета марксистской философии, что имело большое значение для установления ею правильных взаимоотношений с частными науками, в том числе исторической и военно-исторической.

В противоположность буржуазным философам, стремившимся подмять и принизить естественные и общественные науки, основоположники марксизма рассматривали свою философию как «мировоззрение, которое должно найти себе подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках»³. Основным вопросом философии, подчеркивал Ф. Энгельс, является «вопрос об отношении мышления к бытию»⁴. Материалистическая диалектика определялась им как «наука о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления»⁵.

Из такого понимания предмета марксистской философии логически вытекает ее огромная роль как мировоззренческой и методологической основы всех частных наук, в том числе военно-исторической.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 4.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 428.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 142.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 282.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 145.

Понятия и категории, законы и принципы диалектического и исторического материализма имеют универсальное значение. Каждый исследователь, в том числе военный историк, должен опираться на них и использовать их как инструменты познания, как «узловые пункты», позволяющие правильно ориентироваться в своей деятельности, указывающие общий путь к истине. Выполняя свою методологическую функцию, они не исключают и не заменяют собой специфических методов и методики, присущих военной истории и другим частным наукам, а преломляются в них и действуют через них. Философия в свою очередь опирается на частные науки, обобщает их новые данные, открытия и на основе результатов исследований во всех областях знания создает на каждом этапе развития научного знания картину действительности всеобщих законов бытия и мышления.

Отмечая выдающуюся роль основоположников марксизма в создании научной методологии истории, В. И. Ленин писал: «Люди сами творят свою историю, но чем определяются мотивы людей и именно масс людей, чем вызываются столкновения противоречивых идей и стремлений, какова совокупность всех этих столкновений всей массы человеческих обществ, каковы объективные условия производства материальной жизни, создающие базу всей исторической деятельности людей, каков закон развития этих условий,— на все это обратил внимание Маркс и указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса»⁶.

Классики марксизма-ленинизма указывали, что философия не подменяет собой специальные науки, а является лишь их мировоззренческой и методологической основой, вооружает их общим методом познания, теорией мышления. Диалектико-материалистическое понимание истории, подчеркивал Ф. Энгельс, «есть прежде всего руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства»⁷. Поэтому оно должно «применяться надлежащим образом — в качестве путеводной нити при изучении истории»⁸. Критикуя утверждение Михайловского, будто Маркс претендует в своем учении на объяснение всей предшествующей истории человечества, В. И. Ленин разъясняет, что «материализм в истории никогда не претендовал на то, чтобы все объяснить, а только на то, чтобы указать «единственно научный», по выражению Маркса («Капитал»), прием объяснения истории»⁹.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 58.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 371.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 38, с. 268—269.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 144.

Классики марксизма-ленинизма дали величайшие образцы конкретного использования разработанной ими философской методологии в трудах по истории, в том числе по военной истории. Закладывая основы качественно новой военно-исторической науки, они критически переработали все накопленные до них военно-исторические знания под углом зрения разработанных ими мировоззрения и методологии. Они конкретизировали многие понятия, категории, законы, принципы диалектического и исторического материализма применительно к военной истории и военной теории. Эти философские инструменты познания они органически связали с общен историческими, военно-историческими и военно-научными понятиями и категориями. Так, философская категория сущности конкретизировалась в понятиях: «классовая сущность войны», «классовая сущность армии рабовладельческого (феодалного, капиталистического) общества» и т. п.

Важная особенность марксистской философии, благодаря которой она предстает никогда не устаревающим и не притупляющимся орудием познания и социального преобразования,— это ее творческий характер. История философии знает бесчисленное множество систем и учений, объявлявших их создателями завершенным, законченным и абсолютным знанием о мире, не подлежащим дальнейшему изменению. Но все эти системы не выдерживали испытания временем.

Классики марксизма-ленинизма подходили к созданному ими принципиально новому мировоззрению и методу творчески и решительно выступали против любых попыток догматизации и отрыва их положений и выводов от развивающейся действительности. «Наша теория,— писал Ф. Энгельс,— это теория развития, а не догма, которую надо выучить наизусть и механически повторять»¹⁰.

Создав диалектический и исторический материализм, К. Маркс и Ф. Энгельс в течение всей своей жизни продолжали разрабатывать его, обобщая новейшие данные наук и развивающейся общественной практики. Дальнейшее развитие созданных ими теории и метода продолжили В. И. Ленин и марксистско-ленинские, коммунистические партии. Благодаря этому марксистская теория всегда идет в ногу с жизнью, непрерывно обогащается и развивается, отражая новые явления социальной действительности и прогресс науки. Мировоззренческая и методологическая роль марксистско-ленинской философии для наук, в том числе военно-исторической, все более возрастает.

Ленинский этап развития марксистской философии имеет огромное значение для развития военно-исторической мысли. Если основоположники марксизма создали диалектический и историче-

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 504.

ский материализм на основе обобщения науки, классовой борьбы и всей социальной жизни эпохи домонополистического капитализма, то В. И. Ленин развил все стороны и составные части марксистской философии, а также созданной К. Марксом и Ф. Энгельсом основы новой военно-исторической науки, в существенно изменившихся социальных условиях — в эпоху империализма и социалистических революций, начала строительства социалистического общества в Советском государстве.

Основоположники марксизма показали, что материализм может последовательно научно выполнять свою мировоззренческую и методологическую функцию лишь в том случае, если опирается на диалектику и подкрепляется ею. Они доказали, что только материалистическая диалектика представляет аналог материальной действительности и тем самым метод объяснения происходящих в ней процессов развития, всеобщей связи явлений, переходов от одной области исследования к другой¹¹. Эта всеобщая связь и развитие в природе и обществе отражаются системой законов, категорий, положений диалектики, имеющих важнейшее методологическое значение в исследовании. Энгельс писал, что глубоко ошибаются те ученые, которые думают, что не нуждаются в философских, логико-гносеологических понятиях и категориях. Они «без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические категории...»¹². Категории материалистической диалектики являются важнейшими ступенями познания военно-исторических явлений.

Методологическое значение законов, категорий, принципов материалистической диалектики состоит в том, что, опираясь на весь этот богатейший арсенал научного познания, военный историк имеет возможность раскрыть диалектику военно-исторического процесса во всей его сложности, многообразии и противоречивости. Рассматривая военно-исторические явления и процессы в их взаимосвязи и развитии, исследователь вскрывает конкретные противоречия как движущие силы их развития, перехода количественных изменений в качественные, отрицания отрицания как проявления борьбы нового со старым. Опираясь на диалектические категории, он анализирует взаимодействие между общим и единичным, сущностью и явлением, формой и содержанием, причиной и следствием, необходимостью и случайностью, необходимостью и свободой, возможностью и действительностью в военной истории. Все это позволяет раскрывать объективные закономерности развития военного дела, обогащать и совершенствовать военную науку. Особое значение для военно-исторической науки имеет применение марксистского принципа историзма, который

¹¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 367.

¹² Там же, с. 524.

неразрывно связан со всеми законами и принципами материалистической диалектики и аккумулирует их познавательную роль в этой науке.

Под историзмом классики марксизма-ленинизма понимали принцип научного подхода к объективной действительности как изменяющейся во времени и развивающейся. Он является общим методологическим принципом всех наук.

Принцип историзма имеет исключительно важное значение для общественных наук, особенно исторических. «Самое надежное в вопросе общественной науки... — подчеркивал В. И. Ленин, — это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹³.

Применяя принцип историзма в своих военно-исторических работах, классики марксизма-ленинизма впервые в истории науки глубоко раскрыли причины и сам процесс возникновения войны и армии как общественных явлений, выделили и рассмотрели главные этапы их исторического развития и, опираясь на это, всесторонне и глубоко проанализировали современные им войны, армии и состояние военного дела. Более того, на основании уяснения основных тенденций исторического развития, они дали научно обоснованный прогноз их дальнейшего развития.

Марксистский историзм несовместим с модернизацией истории, когда явления прошлого рассматриваются вне связи с конкретными историческими условиями, в которых они возникли и существовали, и характеризуются только лишь с помощью представлений, понятий и категорий современности без учета понятий, представлений, «духа» и характерных социальных особенностей эпохи, страны и народа, к которым эти явления относятся. В военно-исторических трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленина мы находим яркие примеры применения принципа историзма: умения «вжиться» в изучаемую эпоху, использования характерных для этой эпохи понятий, терминов (например, меч, щит, пилум, таран, виная, гоппит, фаланга, манипула, легион, когорта, филарх, такеларх, стратег, легат, центурион и т. д., характерных для армий рабовладельческой Греции и Рима); рассмотрения фактов, событий, процессов в конкретно-исторических условиях, в прямых и опосредованных связях с другими явлениями, в их развитии; тщательного учета конкретного исторического опыта и его уроков.

Исторический подход к изучаемым явлениям дополняется и органически сочетается в военно-исторических трудах классиков

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

марксизма-ленинизма с логическим методом, при помощи которого на базе фактического материала истории раскрываются закономерности войны и военного дела, закономерности развития вооруженных сил, военного искусства, оружия и боевой техники. При этом исторический метод, предполагающий хронологическую последовательность изложения исторических фактов, преобладает, как правило, в собственно исторической части их трудов, а логический — в теоретических разделах.

Важнейшим выражением всемирно-исторического переворота в философии и исторической науке, совершенного К. Марксом и Ф. Энгельсом, было создание ими материалистического понимания истории — исторического материализма. Благодаря этому впервые в истории человечества была создана подлинная наука об обществе, которой не было до марксизма.

До возникновения марксизма безраздельно господствовало идеалистическое понимание общественной жизни, которое не могло дать научной методологической основы для развития военно-исторических знаний. Все прежние домарковские исторические теории, указывал В. И. Ленин, имели два главных недостатка: «Во-1-х, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-2-х, прежние теории не охватывали как раз действий *масс* населения... Домарковская «социология» и историография в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса»¹⁴.

Сосредоточивая все внимание на идеях человечества, на сознательных мотивах исторической деятельности людей, домарковские философы, социологи и историки останавливались на этом, будучи не в состоянии объяснить происхождение источника идей, мотивов сознательной деятельности людей, источников и движущих сил военно-исторического развития. К. Маркс и Ф. Энгельс впервые в истории открыли источник происхождения общественных идей и учреждений, установив, что общественные отношения, складывающиеся между людьми в процессе производства материальных благ, образуют основу всей их социальной, политической и духовной жизни, в том числе военной истории.

Домарковские социологи и историки не могли вскрыть объективной закономерности в общественном развитии, ее материальной основы и превращали историю, в том числе военную, в хаос разрозненных событий, более или менее случайных дей-

ствий людей, их ошибок и заблуждений. Основоположники марксизма впервые открыли подлинные объективные законы развития общества, поставив изучение истории общества на научную основу. Они создали тем самым теоретическую и методологическую основы для изучения военной истории как закономерного процесса.

Домарковская философия отрицала или же принижала роль народных масс в истории, сводя историю к деятельности отдельных личностей: королей, полководцев, правителей — «героев». В центре внимания военных историков были решения и действия военачальников, которым приписывалось определяющее влияние на ход военно-исторических событий. Открытие Марксом и Энгельсом ведущей силы и основы общественного развития в изменении и развитии способов производства позволило научно раскрыть роль народных масс как главных творцов истории, создающих своим трудом все материальные блага, выступающих в качестве решающего фактора социальных революций и движущей силы военно-исторического развития. Вместе с тем классики марксизма-ленинизма раскрыли действительную и притом важную роль полководцев.

Исключительно большое значение для становления и развития принципиально новой, отличной от буржуазной военно-исторической науки имела разработка марксизмом учения о классах и классовой борьбе. Давая оценку этому учению, его роли в общественной науке и практике, В. И. Ленин в работе «Карл Маркс» писал: «Что стремления одних членов данного общества идут вразрез с стремлениями других, что общественная жизнь полна противоречий, что история показывает нам борьбу между народами и обществами, а также внутри них, а кроме того еще смену периодов революции и реакции, мира и войн, зстоя и быстрого прогресса или упадка, эти факты общеизвестны. Марксизм дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, именно: теорию классовой борьбы. Только изучение совокупности стремлений всех членов данного общества или группы обществ способно привести к научному определению результата этих стремлений. А источником противоречивых стремлений является различие в положении и условия жизни тех *классов*, на которые каждое общество распадается»¹⁵.

Опираясь на богатейший опыт всемирной истории, классики марксизма-ленинизма убедительно доказали, что классовая борьба является движущей силой экономического, политического и духовного развития классово-антагонистических общественно-экономических формаций. «История всех до сих пор существо-

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 57.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 58.

вавших обществ,— пишет Маркс в «Коммунистическом Манифесте» (за исключением истории первобытной общины — добавляет впоследствии Энгельс),— была историей борьбы классов... Со времени великой французской революции,— продолжает и развивает эту мысль основоположников марксизма В. И. Ленин,— европейская история с особой наглядностью вскрывала в ряде стран эту действительную подкладку событий, борьбу классов... А новейшая эпоха... показала еще нагляднее... борьбу классов, как двигатель событий»¹⁶.

В своих трудах по истории войн, вооруженных сил, военного искусства и боевой техники классики марксизма-ленинизма доказали, что важнейшей движущей силой военно-исторических процессов, прогресса в военном деле является развитие производства и непрерывная классовая борьба, возникающая и обостряющаяся на основе экономического развития общества, антагонистических производственных отношений, концентрирующая в себе суть политических и идеологических отношений между классами, нациями и государствами.

Идеологи и вожди пролетариата отмечали и учитывали исключительную сложность и противоречивость исторического процесса. В истории классово-антагонистического общества, ход которой обусловливается противоречиями между производительными силами и производственными отношениями, классовой борьбой, социальными революциями и войнами, нет прямых путей, ход истории извилист. Общее направление развития — поступательное, прогрессивное, но временами в отдельных странах и отдельных сторонах общественной жизни происходит попятное движение. «История,— писал В. И. Ленин,— идет зигзагами и круглыми путями»¹⁷. «История вообще, история революций в частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, разнообразнее, живее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов»¹⁸. Эти ленинские мысли имеют огромную методологическую ценность в области военной истории как науки, в частности для исторического анализа перипетий борьбы между силами мира и силами войны, для раскрытия диалектики милитаризма, сложного и противоречивого характера развития милитаризма в различных странах.

Особой и весьма важной составной частью материалистического понимания истории является марксистско-ленинское философско-социологическое учение о войне и армии. Его создание было одним из существенных выражений революционного переворота в филосо-

фии, совершенного марксизмом. В нем концентрируется мировоззренческая и методологическая мысль марксизма-ленинизма по вопросам войны и военного дела. Учение о войне и армии служит непосредственной теоретической и методологической основой марксистской военно-исторической науки¹⁹.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕШЕНИЯ К. МАРКСОМ И Ф. ЭНГЕЛЬСОМ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Классики марксизма-ленинизма были глубокими знатоками истории, в том числе военной, и принимали непосредственное участие в ее разработке. Они стремились переосмыслить историю в духе созданного ими диалектико-материалистического мировоззрения, и прежде всего материалистического понимания истории. «Всю историю,— писал Ф. Энгельс,— надо изучать заново, надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частноправовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения»²⁰.

К. Маркс и Ф. Энгельс глубоко исследовали основные проблемы исторического развития военного дела и создали марксистскую военно-историческую науку, коренным образом отличающуюся от буржуазной военной историографии.

Роль классиков марксизма в формировании новой, подлинно научной военной истории состояла в том, что они, во-первых, заложили философскую, мировоззренческую и методологическую основу военно-исторической науки; во-вторых, они впервые в истории создали последовательно научное учение о войне и армии, ставшее непосредственной теоретической и методологической основой марксистской военно-исторической науки; в-третьих, опираясь на свое мировоззрение и методологию, они разработали конкретные вопросы истории войн, вооруженных сил, военного искусства, вооружения и военной техники, истории военной науки и военной историографии в неразрывной связи с экономической, политической и духовной историей человечества. Вопросы военной истории освещались ими как в специальных военно-исторических и военно-теоретических трудах, так и в произведениях, посвященных общим вопросам марксистской теории, идеологии и политики.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 58—59.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 82.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 80.

¹⁹ См.: Марксистско-ленинская методология военной истории. М., 1976, с. 31—32; Война и армия. М., 1977, с. 389.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 371.

Марксизм впервые правильно определил роль и место военно-исторических событий в истории общества, их связь с другими сторонами социальной жизни.

Для домарксистской и современной буржуазной историографии характерна абсолютизация политических и военных событий в ходе истории. Ф. Энгельс писал: «Представление, будто громкие политические деяния есть решающее в истории, является столь же древним, как и сама историография... Это представление господствовало во всем прежнем понимании истории...»²¹ Философской основой такого представления является идеализм, в особенности идеалистическая «теория насилия». Абсолютизация роли насилия в истории приводила к тому, что всеобщая история сводилась главным образом к политической истории, а события и процессы военной истории рассматривались вне связи с экономическим, политическим и духовным развитием общества.

Классики марксизма подвергли критике идеалистическую теорию насилия. Этому вопросу Ф. Энгельс посвятил три главы своей книги «Анти-Дюринг». Критикуя Дюринга, утверждавшего, что все экономические явления подлежат объяснению политическими причинами, а именно насилием, Энгельс показал, что «экономическая сторона отношений является в истории более фундаментальной, чем сторона политическая»²². Насилие, продолжал он свою мысль, не есть просто волевой акт, оно требует весьма реальных предпосылок для своего осуществления — известных орудий, оружия, которые должны быть произведены, «а производство оружия, в свою очередь, основывается на производстве вообще, следовательно... на «экономической силе», на «хозяйственном положении», на материальных средствах, находящихся в распоряжении насилия.

Насилие — это в настоящее время армия и военный флот... Ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент степени производства и от средств сообщения»²³.

Отметая, как ненаучные, «представления, будто в истории до сих пор всё сводилось к захвату»²⁴, и раскрывая глубокие социальные корни насилия как «экономической потенции»²⁵, основоположники марксизма отмечали вместе с тем важную, активную роль в историческом процессе надстроечных явлений — государства и его орудия — армии, политики, идеологии. «...Весь великий ход развития, — писал Ф. Энгельс, — происходит в форме взаимо-

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 163.

²² Там же, с. 164.

²³ Там же, с. 170—171.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 74.

²⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 761.

действия (хотя взаимодействующие силы очень неравны: экономическое движение среди них является самым сильным, первоначальным, решающим)... здесь нет ничего абсолютного, а все относительно»²⁶. Именно с этих позиций классики марксизма-ленинизма рассматривали явления и процессы военной истории. Это дало им возможность подлинно научно, глубоко раскрыть важнейшие проблемы истории войны, армии, военного дела.

Домарксистская военно-историческая наука не смогла решить проблему происхождения войны и армии. Более того, она оказалась не в состоянии даже научно поставить эту проблему. Основоположники марксизма впервые научно объяснили причины и условия возникновения этих общественных явлений. Они показали, что война, армия и военное дело возникли на той же социально-исторической основе, что и государство, политика, классовое общественное сознание.

Анализируя социальную структуру первобытного родового общества, классики марксизма показали, что оно не знало социального неравенства, классов, государства и политических отношений. В нем не было и армии как особой военной организации. Для охоты, защиты от нападений диких зверей, захвата и защиты естественных условий существования каждый род, племя имели «самодействующую» вооруженную организацию всего взрослого населения, которая не могла служить орудием угнетения соплеменников или населения других племен. Вооруженные столкновения между племенами, которые Ф. Энгельс иногда называет «войной», имели совершенно иной характер, чем война в классово-антагонистическом обществе. Они не носили политического, классово-антагонистического характера. К. Маркс характеризовал их как особый вид труда, имевшего своей целью захват объективных условий существования, их приобретения и удержания²⁷. Не было тогда и специального оружия для ведения войны: вооруженная борьба между племенами велась орудиями труда, охоты.

В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884 г.) Ф. Энгельс подробно и глубоко анализирует общественно-исторические условия, в которых зарождалась война и армия. На определенном этапе первобытного общества развитие производства привело к появлению частной собственности, социального неравенства, разделения общества на классы, к возникновению эксплуатации человека человеком и классовой борьбы. Это с необходимостью вызвало возникновение государства как аппарата классового господства со всеми его органами на-

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 420—421.

²⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 480.

силы и угнетения. Возникла армия как особая организация вооруженных людей для поддержания господства эксплуататорского класса внутри страны и для осуществления его политики по отношению к другим государствам и народам. Возникает война как способ осуществления политики насильственными средствами, при помощи вооруженной борьбы. Ф. Энгельс конкретно и подробно анализирует этот процесс в период возникновения Афинского государства. «Как развивалось государство,— пишет он,— частью преобразуя органы родового строя, частью вытесняя их путем внедрения новых органов и, в конце концов, полностью заменив их настоящими органами государственной власти; как место подлинного «вооруженного народа», защищавшего себя собственными силами в своих родах, фратриях и племенах, заняла вооруженная «публичная власть», которая была подчинена этим государственным органам, а следовательно, могла быть применена и против народа,— все это, по крайней мере в начальной стадии, мы нигде не можем проследить лучше, чем в Древних Афинах»²⁸. Процесс разложения родового строя, образования антагонистических классов и государства, возникновения армий и войн прослеживается Ф. Энгельсом также у римлян, кельтов и германцев²⁹.

В статьях для «Новой американской энциклопедии», написанных Ф. Энгельсом в содружестве с К. Марксом («Армия», «Пехота», «Кавалерия», «Артиллерия», «Фортификация», «Военно-морской флот», «Сражение», «Атака» и другие, составившие четырнадцатый том сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса), военно-исторический аспект является доминирующим как по содержанию, так и по способу изложения материала. В них дана широкая и цельная картина исторического развития армии, флота, различных родов войск, а также рассматриваются основные этапы истории военного искусства и истории военной техники. При этом конкретный военно-исторический материал осмысливается с позиции диалектического и исторического материализма, делаются глубокие обобщения, раскрываются основные закономерности развития военного дела с древних времен до середины XIX в.

Широкое освещение в трудах основоположников марксизма получила история войн. Они дали принципиальную оценку войнам французской революции и наполеоновским войнам, весьма подробно осветили истории Крымской войны (1853—1856 гг.), Гражданской войны в Америке (1861—1865 гг.), франко-прусской войны (1870—1871 гг.), раскрыли их политический характер, сущность и социально-экономические корни. Весьма важные за-

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 109.

²⁹ См. там же, с. 120—155.

мечания методологического характера были высказаны ими и о других войнах эпохи капитализма, а также феодализма и рабовладельческого общества. Огромное значение для науки имеет крупная военно-историческая работа Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии», написанная в 1850 г. Этот труд является ярким свидетельством превосходства марксистской военно-исторической науки над буржуазной, которая освещала Крестьянскую войну в Германии крайне поверхностно и пыталась представить дело так, будто в ее основе лежали религиозные распри. Ф. Энгельс пошел значительно дальше и глубже тех немногих буржуазных историков, которые отмечали политический характер противоречий, приведших к Крестьянской войне, но не видели их экономических и классовых корней.

Исходя из материалистического понимания истории Ф. Энгельс в труде «Крестьянская война в Германии» анализирует социально-экономическое развитие Германии в XV и начале XVI в., положение и борьбу различных классов в стране. Это позволило раскрыть наиболее глубокие, материальные, классовые корни, причины возникновения этой войны, дать правильную оценку борющимся сторонам, вскрыть причины поражения великого крестьянского восстания.

Соратник К. Маркса дает принципиальную критику буржуазной историографии и всей буржуазной идеологии, которая видела в социальной борьбе, положившей конец феодальному средневековью, одни только яростные богословские перебранки. «По мнению наших отечественных знатоков истории и государственных мудрецов, если бы только люди того времени могли столкнуться между собой относительно небесных вещей, то у них не было бы никаких оснований ссориться из-за земных дел»³⁰. Опровергая это ложное представление, Ф. Энгельс убедительно доказывает, что «и во времена так называемых религиозных войн XVI столетия речь шла прежде всего о весьма определенных материальных классовых интересах; эти войны так же были борьбой классов, как и более поздние внутренние конфликты в Англии и Франции. Если эта классовая борьба протекала тогда под знаком религии, если интересы, нужды и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени»³¹. Соотношение классовых сил в Германии первой четверти XVI в. обусловило ход и исход вооруженной борьбы. В борьбе против восставших крестьян объединились все силы старого, феодального общества, независимо от религиозного вероисповедания. Германия тогда еще не созрела для победы буржуазной революции и

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 7, с. 359—360.

³¹ Там же, с. 360.

тем более для осуществления политической программы предводителя крестьян и городского плебса Томаса Мюнцера, которая, по оценке Энгельса, «была близка к коммунизму»³². Поэтому, несмотря на огромный размах крестьянского восстания и успешные боевые действия отдельных отрядов, особенно возглавляемых Гейсмайером, обладавшим «незаурядным военным дарованием»³³, оно закончилось поражением.

В предисловии ко второму изданию «Крестьянской войны в Германии» Ф. Энгельс писал, что в этой работе стремился «объяснить происхождение Крестьянской войны, позиции различных выступавших в ней партий, политические и религиозные теории, с помощью которых эти партии пытались уяснить себе свои позиции, наконец, самый исход борьбы — как необходимое следствие исторически существовавших условий общественной жизни этих классов; я пытался показать, таким образом, что политический строй Германии того времени, восстания против него, политические и религиозные теории эпохи были не причиной, а результатом той ступени развития, на которой находились тогда в Германии земледелие, промышленность, сухопутные и водные пути, торговля и денежное обращение. Это — единственное материалистическое понимание истории было открыто не мной, а Марксом...»³⁴.

Диалектико-материалистический подход к истории позволил основоположникам марксизма принципиально по-новому осветить и многие другие войны, о которых буржуазные историки собрали значительный фактический материал, но оказались неспособными сделать верные обобщения, оценки и выводы. Более того, подлинно научная методология марксизма позволила идеологам пролетариата с поразительной глубиной освещать современные им войны и предсказывать их ход и исход. Замечательные очерки К. Маркса и Ф. Энгельса о Крымской войне 1853—1856 гг., колониальных войнах Англии, о походах Гарибальди, Гражданской войне в США 1861—1865 гг., австро-прусской войне 1866 г., франко-прусской войне 1870—1871 гг. и другие вошли в золотой фонд марксистско-ленинской военно-исторической литературы, имеют непреходящее методологическое значение для изучения истории войн и других проблем военной истории.

Классики марксизма писали историю некоторых войн нередко непосредственно по следам событий, выступая одновременно и как историки, и как теоретики, и как публицисты. В. И. Ленин отмечал, что «дело публицистов — писать историю современности»³⁵. Несмотря на то что многие факты текущих военных со-

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 371.

³³ Там же, с. 429.

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 413.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 208.

бытий хранились правительствами в глубокой тайне и не были известны в то время, К. Маркс, Ф. Энгельс давали в своих публикациях удивительно верную картину общего хода войны, ее причин, политической сущности, характера, соотношения сил борющихся сторон, ее вероятного исхода, социальных последствий и места войны в данной эпохе. Даже короткие заметки классиков марксизма об этих войнах дают больше действительных знаний о их сущности и характере, чем многотомные исследования буржуазных авторов. Поясним это несколькими примерами.

К. Маркс и Ф. Энгельс с исключительным вниманием следили за ходом событий в Гражданской войне в США. В своих трудах они глубоко раскрыли причины ее возникновения, ход и исход вооруженной борьбы, политические, военно-стратегические, тактические и военно-технические уроки, вытекающие из этой войны. Так, в статье К. Маркса «Гражданская война в Соединенных Штатах», написанной в октябре 1861 г., когда война еще только началась, дается точная оценка причин и характера этой войны. Она возникла вследствие обострения противоречий между рабовладельческой и буржуазной системами производства. «Современная борьба между Югом и Севером, — писал К. Маркс, — есть, следовательно, не что иное, как борьба двух социальных систем — системы рабства и системы свободного труда. Эта борьба вспыхнула потому, что обе системы не могут долее мирно существовать бок о бок на североамериканском континенте. Она может закончиться лишь победой одной из этих систем»³⁶.

К. Маркс убедительно опровергает те версии о причинах и характере войны, которые выдвигались тогда буржуазными публицистами и политиками. Одни говорили, что это просто война из-за тарифа, борьба между покровительственной системой и системой свободной торговли. Другие говорили, что это борьба за насильственное сохранение Союза штатов, что она возникла из-за притязаний Северных штатов на свое верховенство. Эти версии прочно вошли в буржуазную историографию США и поддерживаются наиболее реакционными историками вплоть до наших дней. Поэтому разоблачение их Марксом имело огромное значение в борьбе против реакционной историографии. Прогрессивные историки Гражданской войны в США в 1861—1865 гг. использовали и используют труды К. Маркса и Ф. Энгельса как основополагающие для борьбы против буржуазных фальсификаторов, стремящихся умалить и представить в ложном свете военно-революционные традиции американского народа.

Огромное значение для военно-исторической науки имеют работы основоположников марксизма о франко-прусской войне 1870—1871 гг. В труде К. Маркса «Гражданская война во Фран-

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 355.

ции» и в многочисленных статьях Ф. Энгельса была дана подлинно научная оценка характера франко-прусской войны и подробно освещен ее ход, исход и социальные последствия. Основоположники марксизма показали, как и в силу чего эта вначале в известном смысле «оборонительная» со стороны Германии война превратилась в войну захватническую, направленную против французского народа. Глубоко были раскрыты ими причины поражения бонапартистской Франции. Уже в начале войны Ф. Энгельс писал, что «армия Второй империи до сих пор терпела поражения от самой же Второй империи»³⁷. Прогнивший бонапартистский режим Наполеона III пытался найти выход из внутреннего кризиса монархии на путях военной авантюры. Однако глубокий политический кризис Второй империи, разгул спекуляции и коррупции неизбежно должны были сказаться на боеспособности главной опоры этого режима — армии. Недостатки организации и снабжения армии, бездарность командования, стратегические и тактические ошибки, деморализация войск после первых же неудач — все это было неизбежным результатом морально-политического кризиса бонапартистского режима.

Энгельс подверг критике попытки Наполеона III и его приспешников «объяснить» причины разгрома французской армии и капитуляции в Седане. Эти самооправдания во многом напоминают тезисы современных реакционных буржуазных историков, «объясняющих» причины поражения немецко-фашистского вермахта. Поэтому глубокие и в то же время саркастические замечания Ф. Энгельса звучат весьма актуально и поныне. Например, на ссылки о погодных условиях и неосведомленность о силе противника, как факторы, «помешавшие полету императорского орла навстречу победе», Ф. Энгельс замечает, что «плохая погода была одинаковой для обеих сторон» и что если генералы не имеют необходимых данных о противнике, «то это их собственная вина»³⁸.

Вместе с тем основоположники марксизма решительно осудили варварский способ ведения войны со стороны Пруссии, в особенности зверства и жестокости по отношению к французскому движению сопротивления. «Дело обстоит так, — писал Ф. Энгельс, — что своими зверствами и жестокостями пруссаки не только не подавили народного сопротивления, но удвоили его энергию...»³⁹. Вспыхнула партизанская война против прусско-германских оккупантов. Для оценки значения народной войны против захватчиков Ф. Энгельс обращается к военной истории. Он подчеркивает законность этой формы народного сопротивления

захватчикам и напоминает, что и в Пруссии была в свое время использована эта форма вооруженной борьбы против наполеоновского ига. «Теоретиком движения вольных стрелков, великим философом-франтирером среди них» тогда выступил прусский генерал (впоследствии фельдмаршал) А. Н. фон Гнейзенау⁴⁰, стремившийся обобщить и применить в борьбе против Наполеона I опыт партизанской войны в Испании и в России. Однако прусский король был напуган народным движением сопротивления. «Позволить самому народу вести борьбу без повелений короля было совсем не в прусском духе»⁴¹. Во Франции борьба против немецких оккупантов слилась с борьбой пролетариата против буржуазии, которая стала на путь национального предательства и союза с оккупантами в борьбе против Парижской Коммуны.

Труды основоположников марксизма свидетельствуют не только о влиянии философии диалектического и исторического материализма на созданную ими военно-историческую науку, но и обратном воздействии военной истории на философию. Исследование истории войн, армий, военного дела давало К. Марксу и Ф. Энгельсу богатейший конкретный материал для разработки философско-социологического учения о войне и армии. Положения о происхождении, сущности, социальном характере войны и армии, о войнах справедливых и несправедливых и т. д. были сформулированы ими и получили дальнейшее развитие на основе обобщения огромного эмпирического материала военной истории. Более того, материалистическая диалектика и материалистическое понимание истории развивались и проверялись ими, в частности, в процессе исследования военной истории. В письме по поводу статьи Ф. Энгельса «Армия» К. Маркс писал: «История армии всего нагляднее подтверждает правильность нашего воззрения на связь производительных сил и общественных отношений»⁴². В книге «Анти-Дюринг» Ф. Энгельс ссылается на военно-исторические факты для подтверждения действия законов диалектики и положений исторического материализма⁴³.

Таким образом, основоположники марксизма впервые в истории разработали подлинно научную методологию исследования военной истории. Применив к ее изучению диалектический и исторический материализм, учение о войне и армии, К. Маркс и Ф. Энгельс поставили военно-историческую науку на прочный, подлинно научный мировоззренческий и методологический фундамент, что обеспечило правильное решение коренных проблем военной истории.

⁴⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 208.

⁴¹ Там же, с. 210.

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 154.

⁴³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 131—132, 171—178, 643—644, 655—662

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 21.

³⁸ Там же, с. 164.

³⁹ Там же, с. 188.

Дальнейшая разработка мировоззренческих и методологических основ военной истории принадлежит В. И. Ленину — основоположнику советской военно-исторической науки.

ЛЕНИНСКИЙ ЭТАП МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая эпоху всеобщего революционного обновления — эпоху перехода от капитализма к социализму, в повестку дня поставила вопрос о необходимости создания советской военной организации в интересах защиты первого в мире социалистического государства.

Создание для этой цели вооруженных сил настоятельно требовало широкого изучения военного опыта прошлого и использования его в практике борьбы против иностранной военной интервенции и контрреволюции и в практике военного строительства. Это обусловило становление и развитие советской военно-исторической науки. Она была призвана раскрыть закономерности развития военного искусства с тем, чтобы вооружить советские командные кадры знаниями, необходимыми для использования их в практике строительства Красной Армии, обучения и воспитания войск.

Особое значение для развития советской военно-исторической науки имела деятельность В. И. Ленина, который творчески развил учение марксизма, поднял его на высшую ступень. «Ленин был величайшим ученым в революции и революционером в науке, открывшим новый этап в развитии марксистской теории, обогатившим все составные части марксизма — философию, политическую экономию и научный коммунизм»⁴⁴.

Ленинский этап развития марксистской философии неразрывно связан с революционной борьбой рабочего класса, с созданием и деятельностью большевистской партии — революционного авангарда рабочего класса.

Создание большевистской партии проходило в острой идейно-политической борьбе с оппортунистами различных мастей и оттенков, пытавшихся ревизовать учение К. Маркса и Ф. Энгельса и в извращенном виде навязать его рабочему движению. Поэтому первой задачей была защита революционного учения марксизма. Но она не сводилась только к восстановлению его и очистке от оппортунистических искажений. Задача состояла в

⁴⁴ К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС. М., 1969, с. 6.

том, чтобы, защитив марксистскую теорию, развить ее дальше применительно к изменившимся условиям социальной жизни и революционной борьбы, а также ответить на вопросы, возникшие в связи с новейшими достижениями в естествознании.

Уже в одном из своих первых крупных произведений, в труде «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», В. И. Ленин подверг уничтожающей критике субъективно-идеалистические взгляды либеральных народников и объективизм «легальных марксистов», показал последовательно марксистский подход к анализу российской действительности, всесторонне раскрыл методологическое значение материалистического понимания исторического процесса. Работа внесла существенный вклад в развитие исторического материализма.

Громадное значение для развития марксистской философии имеют такие труды В. И. Ленина, как «Материализм и эмпириокритицизм», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Философские тетради», «Государство и революция», «О значении воинствующего материализма» и многие другие. Важное место в ленинских работах заняли вопросы, связанные с философским осмыслением новейших достижений естествознания, с открытием ряда новых закономерностей общественного развития, с дальнейшей разработкой диалектики как логики и теории познания марксизма, как философского учения о развитии.

С точки зрения военной истории особенно следует отметить вклад В. И. Ленина в развитие марксистского учения о войне и армии, создание им учения о защите социалистического Отечества.

В. И. Ленин, анализируя с позиций диалектического материализма современные ему войны, глубоко вскрыл социально-политическое содержание, сущность, характер и особенности войн эпохи империализма и пролетарских революций. Все это имело важнейшее значение для советской военно-исторической науки.

Вместе с тем В. И. Ленин широко использовал военно-исторический материал для объяснения положений диалектического и исторического материализма. В этой связи весьма примечательным является призыв В. И. Ленина в его философском завещании — статье «О значении воинствующего материализма» — к тому, чтобы развивать диалектику на основе того богатого материала, который дает новейшая история, в том числе война и революция. Он писал: «Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля, мы можем и должны разработывать эту диалектику со всех сторон... комментируя образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция дают необыкновенно мно-

го»⁴⁵. В. И. Ленин лично показал классический образец использования материалов военной истории для объяснения и дальнейшего развития положений диалектического и исторического материализма. Диалектико-материалистический анализ многих войн, особенно русско-японской, первой мировой и гражданской войн, явился основой дальнейшего существенного развития В. И. Лениным марксистского учения о войне и армии. Ему принадлежит великая заслуга в дальнейшем развитии марксистских положений о сущности, характере и роли войн в истории. Особенно большое внимание В. И. Ленин уделяет этим проблемам в период первой мировой войны, когда их правильное понимание приобрело решающее значение для выработки политической стратегии и тактики партии рабочего класса и борьбы против политики и идеологии империалистической буржуазии, против оппортунистических лидеров II Интернационала, изменивших марксизму и скатившихся в болото социал-шовинизма.

Развивая марксистское учение о войне и армии, В. И. Ленин опирается на глубокое знание военной истории. Он был хорошо знаком с такими трудами, как «Стратегия» Блюма, «Военное дело и ведение войны в наше время» Р. Гюнтера, «Основные принципы войны» Фридриха II, «История прусской войны» Г. Мольтке, трудом К. Клаузевица «О войне».

Изучая и используя военно-исторические и военно-теоретические труды буржуазных ученых, В. И. Ленин раскрывал и подвергал критике их порочные мировоззренческие и методологические основы, что имеет огромное методологическое значение для борьбы против буржуазных и ревизионистских фальсификаций военной истории и военной теории в современных условиях.

В лекции «Война и революция» (1917 г.) В. И. Ленин указывает на основной водораздел между марксистским и немарксистским, буржуазным, ревизионистским и обывательским взглядами на войну: «Мне кажется, что главное, что обыкновенно забывают в вопросе о войне, на что обращают недостаточно внимания, главное, из-за чего ведется так много споров... — это забвение основного вопроса о том, какой классовый характер война посит, из-за чего эта война разразилась, какие классы ее ведут, какие исторические и историко-экономические условия ее вызвали»⁴⁶.

Буржуазные историки не просто забывают этот основной вопрос, а, как правило, сознательно обходят его, ибо стремятся скрыть, затушевать непосредственную связь развязываемых господствующими классами капиталистических держав войн с коренными классовыми интересами эксплуататоров, со всем соци-

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 30.

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 77.

ально-экономическим и политическим строем капитализма, империализма. Марксисты, напротив, ставят эти вопросы во главу угла своих исследований войн, их истории.

С позиции диалектики В. И. Ленин вел борьбу против эклектики и софистики в понимании войн. Приемы эклектики и софистики широко использовались оппортунистами II Интернационала с целью маскировки отхода от марксизма в оценке войн, прежде всего первой мировой войны. Эти приемы не менее усердно применяют современные правые и «левые» ревизионисты. Они использовались и используются буржуазными фальсификаторами истории.

Эклектический подход, указывал В. И. Ленин, выражается в попытке связать разнородные явления, соединить несоединимое. «И то, и другое», «с одной стороны, с другой стороны» — вот теоретическая позиция Бухарина. Это и есть эклектицизм — «Диалектика требует всестороннего учета соотношений в их конкретном развитии, а не выдергивания кусочка одного, кусочка другого»⁴⁷. Чтобы выяснить характер войны, писал Владимир Ильич в реферате «Пролетариат и война» (1914 г.), необходимо прежде всего установить, каковы объективные условия и конкретная обстановка данной войны. «Нужно поставить эту войну в ту историческую обстановку, в которой она происходит, и только тогда можно определить свое к ней отношение. Иначе получится не материалистическое, но эклектическое трактование вопроса»⁴⁸.

Эклектический подход к войне со стороны оппортунистов проявлялся в попытке соединить буржуазную и марксистскую точку зрения на войну, в частности, в перенесении оценки К. Марксом и Ф. Энгельсом войн, которые вели буржуазные государства в конце XVIII в. и в доимпериалистический период XIX в., на империалистические войны конца XIX в. и начала XX в., игнорируя существенное изменение исторической обстановки и характера войн.

Эклектика оппортунистов сочеталась с софистикой. В статье «Крах II Интернационала» В. И. Ленин писал: «Прием всех софистов во все времена: брать примеры, заведомо относящиеся к принципиально непохожим случаям...»

Сравнивать «продолжение политики» борьбы с феодализмом и абсолютизмом, политики освобождающейся буржуазии, с «продолжением политики» одряхлевшей, то есть империалистской, то есть ограбившей весь мир и реакционной, в союзе с феодалами давящей пролетариат буржуазии — значит сравнивать аршин с пудами»⁴⁹.

⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 286.

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 27.

⁴⁹ Там же, с. 225—226.

Эти ленинские положения имеют большое значение для борьбы против современных правых и «левых» оппортунистов, которые широко используют приемы софистики и эклектики для борьбы против марксистско-ленинской оценки войн современной эпохи, для ревизии марксистско-ленинского понимания сущности войны, соотношения войны и политики.

В. И. Ленин решительно и неустанно боролся против любых проявлений метафизики в подходе к войнам — не только эклектики, софистики, но и тесно связанного с ними догматизма, антиисторизма. «Войны, — писал он, — вещь архипестрая, разнообразная, сложная. С общим шаблоном подходить нельзя»⁵⁰. Чтобы правильно разобраться в характере данной войны, ее сущности и определить свое отношение к ней, необходимо на основе методологии диалектического и исторического материализма определить ее социальные корни, классово-политическое содержание, особенности, отличие от прежних войн. А для этого исключительно важное значение имеет глубокое раскрытие характера, особенностей данной эпохи, ибо нельзя, учил В. И. Ленин, понять войны, не поняв эпохи⁵¹, в которой она возникла и велась.

В своих трудах В. И. Ленин дал образец анализа фактов и событий военной истории в тесной связи со всей своей политической, военно-организаторской и теоретической деятельностью. Он требовал от историков быть прежде всего активными бойцами партии, ставить историю на службу борьбе в защиту завоеваний социалистической революции, за торжество коммунизма. В. И. Ленин всегда рассматривал исторический опыт как основу для решения практических задач.

О том значении, которое придавал В. И. Ленин опыту военной истории, свидетельствуют его работы и выступления по вопросу о Брестском мире. В суровые годы борьбы против внешней и внутренней контрреволюции основное внимание он уделяет изучению и обобщению опыта первой мировой войны и гражданской войны. Не случайно в Программе партии, принятой VIII съездом РКП(б) в марте 1919 г., записано: «Необходимо самое широкое использование и применение оперативного и технического опыта последней мировой войны»⁵². В письме В. В. Адоратскому в апреле 1920 г. В. И. Ленин не только указывал на необходимость сбора материалов по истории гражданской войны, но и спрашивал, чего не хватает, и «могу ли я помочь достать недостающее?»⁵³.

⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 369.

⁵¹ См. там же, с. 287.

⁵² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 2, М., 1970, с. 46.

⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 176.

Вопросы, связанные с созданием военно-исторических трудов в годы гражданской войны, были предметом обсуждения на заседаниях Высшего Военного Совета. На одном из них были приняты предложения военного руководителя Совета М. Д. Бонч-Бруевича, который в записке от 4 августа 1918 г. предлагал: немедленно приступить к составлению краткого стратегического обзора мировой войны; разработать достаточно полную общую программу описания и исследования всей войны; предусмотреть этой программой необходимость практических выводов⁵⁴.

Важным направлением советской военно-исторической науки в первый период ее становления и развития было изучение боевого опыта мировой войны 1914—1918 гг.⁵⁵ Первым обобщающим фундаментальным трудом, освещающим весь ход мировой войны, был «Стратегический очерк войны 1914—1918 гг.», изданный в семи частях⁵⁶. Хотя в нем освещалась в основном оперативная сторона и не подводились итоги деятельности командования, тем не менее он сыграл положительную роль как первый опыт обобщения истории первой мировой войны. Издан был также ряд монографий по отдельным операциям и кампаниям⁵⁷.

Другим важным направлением военно-исторических исследований являлась история Красной Армии, история вооруженной борьбы первого в мире социалистического государства против внутренней контрреволюции и иностранной военной интервенции. Однако серьезных результатов не было достигнуто из-за отсутствия документальной базы, а также недооценки и непонимания частью военных историков, выходцев из бывшей царской армии, важности опыта гражданской войны для военной науки. Благодаря вниманию и заботе партии этот недостаток был преодолен, и к концу гражданской войны количество и качество военно-исторических работ заметно выросло.

С большим знанием дела были написаны труды С. И. Гусева, С. С. Каменева, Н. И. Подвойского, М. Н. Тухачевского,

⁵⁴ ЦГАСА, ф. 11, оп. 5, д. 1039, л. 29.

⁵⁵ См.: Ростунов И. У истоков советской военной историографии. — Военно-исторический журнал, 1967, № 8.

⁵⁶ Стратегический очерк войны 1914—1918 гг., ч. 1—7. М., 1922—1923.

⁵⁷ Вацетис И. И. Боевые действия в Восточной Пруссии в июле, августе и начале сентября 1914 г. Стратегический очерк. Действия 1-й и 2-й русских армий и 8-й германской армии. М., 1923; Иссерсон Г. Каньы мировой войны (гибель армии Самсонова). М., 1926; Каменский М. И. Гибель 20-го корпуса 8 (21) февраля 1915 года (по архивным материалам штаба 10-й армии). Пг., 1921; Корольков Г. Варшавско-Ивангородская операция. М., 1923; Литвинов А. И. Майский прорыв 9-й армии в 1916 году. Пг., 1923; Радус-Зенкович Л. А. Очерк встречного боя. По опыту Гумбинненской операции в августе 1914 года. Критико-историческое исследование. М., 1920, и др.

Р. П. Эйдемана и др.⁵⁸ Появились работы об опыте строительства и боевой деятельности Красной Армии⁵⁹.

Новый этап развития советской военно-исторической науки начался после окончания гражданской войны. Наступивший мирный период дал возможность приступить к решению задачи философско-методологического вооружения военных историков. Сложившиеся необходимые условия для того, чтобы помочь передвинутой с сторону Советской власти ученым преодолеть идеалистические воззрения и овладеть диалектико-материалистической философией, научить их подходить к анализу военных проблем с позиций марксизма-ленинизма. Решался вопрос и о марксистско-ленинской подготовке военных историков из рабочих и крестьян. Трудности в решении этих задач усугублялись острой идеологической борьбой в стране.

Враждебные социализму силы развернули пропаганду буржуазной идеологии. Они широко применяли фальсификацию, ложь и клевету, отрицали все положительное в историческом прошлом. Нужно было дать решительный отпор и отстоять ленинскую концепцию отношения к культурному наследию прошлого. Важную роль в этом сыграла уже упоминавшаяся работа В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма», опубликованная в марте 1922 г. В ней была поставлена задача отстоять и развить принципы научного марксистского мировоззрения, сделать их господствующими во всех сферах духовной жизни общества. В работе говорилось о необходимости систематической наступательной борьбы с буржуазной идеологией, о необходимости дальнейшего укрепления взаимосвязи марксистской философии с конкретными науками. Деятельность В. И. Ленина, его идейно-

теоретическое и военно-историческое наследие оказали огромное воздействие на идейную направленность советской военно-исторической науки.

Коммунистическая партия, ее Центральный Комитет уделяли огромное внимание развитию и идейному вооружению советской военно-исторической науки. Был принят ряд специальных решений, способствовавших утверждению марксистско-ленинской методологии. Среди них следует отметить решение ЦК РКП(б) от 25 мая 1924 г. о создании Совета по подготовке РККА во главе с М. В. Фрунзе. Одной из задач Совета было содействие развитию военно-теоретической и военно-исторической мысли, установлению единства взглядов и методов подготовки войск и командного состава к ведению современной войны⁶⁰. Выполняя решения ЦК партии, Совет провел большую работу по консолидации военных научных кадров и воспитанию их в духе ленинизма, оживлению всей военно-научной работы, закреплению марксистско-ленинского подхода к военным и военно-историческим исследованиям, аргументированной критике идеалистических и метафизических основ буржуазной военной и военно-исторической науки.

Решению важной для военно-исторической науки задачи по разработке ее методологических основ и более эффективному использованию военно-теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма в исследовании проблем военной истории способствовали речи и труды соратников В. И. Ленина, видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства — М. И. Калинина, С. М. Кирова, Г. К. Орджоникидзе, Я. М. Свердлова, И. В. Сталина, М. В. Фрунзе и др.⁶¹ Многие сделали в этом

⁵⁸ Гусев С. И. Уроки гражданской войны. Харьков, 1921; Фрунзе М. В., Гусев С. И. Реорганизация Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Материалы к X съезду РКП. М., 1921; Каменев С. С. Фронты Красной Армии и Флота. М., 1920; Он же. Очередные военные задачи. Лекции и статьи. М., 1922; Каменев С. С., Циффер Р. С. Основные вопросы современной тактики. М., 1926; Подвойский Н. И. Опыт военно-революционной тактики. М., 1918; Революционная война. Под ред. Н. И. Подвойского. М., 1919; Тухачевский М. Н. Война классов. Статьи 1919—1920 гг. М., 1921; Он же. Красная Армия и милиция. М., 1921; Он же. О пехоте. Сб. ст. Смоленск, 1923; Эйдеман Р. П. Очаги атаманины и бандитизма. Харьков, 1921; Эйдеман Р. П., Меликов В. А. Армия в 1917 году. М.—Л., 1927; Антонов-Овсенко В. А. Записки о гражданской войне, т. 1—4. М., 1924—1933.

⁵⁹ Фрунзе М. В., Единая военная доктрина и Красная Армия. М., 1924; Фрунзе М. В., Гусев С. И. Реорганизация рабоче-крестьянской Красной Армии. Материалы к X съезду РКП. М., 1921; Саблин Ю. Красная Армия в процессе пролетарской революции.— Красная Армия, 1921, № 1—2; Фронты Красной Армии и Флота. Сборник статей к съезду Советов. Под ред. С. С. Каменева. М., 1920; Гражданская война. Материалы по истории Красной Армии, т. 1—3. М., 1923.

⁶⁰ Очерки советской военной историографии. М., 1974, с. 22.

⁶¹ Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти.— Полн. собр. соч., т. 36; Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции.— Полн. собр. соч., т. 33; К истории вопроса о несчастном мире.— Полн. собр. соч., т. 35; Мир или война? — Полн. собр. соч., т. 35; Несчастный мир.— Полн. собр. соч., т. 35; Серьезный урок и серьезная ответственность.— Полн. собр. соч., т. 35; Политический отчет Центрального Комитета 7 марта.— Полн. собр. соч., т. 36; Отчет Центрального Комитета 18 марта [VIII съезд РКП(б), 18—23 марта 1919 г.].— Полн. собр. соч., т. 38; Речь по военному вопросу на VIII съезде РКП(б) 21 марта 1919 года.— Ленинский сборник, т. XXXVII; Калинин М. И. Марксизм и применение его; Марксизм — творчество.— Избранные произведения, т. 2. М., 1960; Киров С. М. Ленин и рабочий класс. Речь на открытии партийного клуба Бакинской организации 22 апреля 1924 г.; Верность ленинскому знамени — ключ к преодолению всех трудностей. Доклад на заседании комфракции съезда председателей уездных, волостных и городских исполкомов 19 января 1926 года. Ленинград.— Избранные статьи и речи (1912—1934). М., 1957; Орджоникидзе Г. К. Год гражданской войны на Северном Кавказе. Доклад в Совет Народных Комиссаров 10 июля 1919 г.; О Красной Армии. Доклад на I Всегрузинском съезде Советов. 3 марта 1922 г.; Ленин и Красная Армия. 23 февраля 1924 г.— Статьи и

отношении выдающийся советский полководец М. В. Фрунзе, который придавал особое значение марксистско-ленинской методологии изучения проблем войны и военного дела. В его трудах содержался марксистский анализ ряда важнейших событий отечественной и зарубежной военной истории. Он призывал систематически изучать труды В. И. Ленина, потому что «изучение ленинизма, этой теории и практики марксизма эпохи пролетарской революции, должно играть такую большую роль в деле чисто военного воспитания»⁶².

Большое внимание уделялось вооружению марксистско-ленинской методологией военных кадров, обучавшихся в военно-учебных заведениях. С этой целью по решению ЦК ВКП(б) в 1932/33 учебном году во всех военных академиях впервые был введен курс «Учение марксизма-ленинизма о войне и армии». Одновременно было начато изучение марксистско-ленинского учения о войне и армии в некоторых вузах, партийных и советских школах. Утверждению марксистско-ленинской методологии в военно-исторической науке способствовало активное участие в разработке и пропаганде военных вопросов видных партийных работников.

В острой борьбе после окончания гражданской войны полную победу над буржуазной идеологией одержала марксистско-ленинская, оказавшая свое влияние на проблематику и содержание военно-исторических исследований. Результаты этих исследований были использованы военной теорией и в практике обучения и воспитания войск.

Так, в связи с разработкой новых уставов и наставлений Красной Армии были достаточно широко и полно использованы опыт военной истории и выводы из нее. 15 января 1925 г. помощник начальника штаба РККА М. Н. Тухачевский в докладной записке в Реввоенсовет СССР указывал на необходимость тесной связи теоретической разработки вопросов стратегии и тактики, подготовки уставов с военно-исторической работой, «которая дает необходимые предпосылки и для этого дела»⁶³.

Здесь же М. Н. Тухачевский высказал мысль о создании особого Управления по исследованию и использованию опыта войны при штабе РККА, которое и было создано в начале 1925 г. Основной задачей сформированного Управления являлось «на-

речи, т. 1. М., 1956; *Свердлов Я. М.* О ратификации Брестского договора.— *Избранные статьи и речи (1917—1919)*. М., 1939; *Фрунзе М. В.* На новых путях. Статьи и доклады. М., 1925; Ленин и Красная Армия. Доклад на торжественном заседании Академии РККА, посвященном годовщине смерти т. Ленина.— В кн.: *Фрунзе М. В.* Избранные произведения. М., 1965.

⁶² *Фрунзе М. В.* Избранные произведения, т. II. М., 1957, с. 176—177.

⁶³ ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 162, л. 546.

учное освещение проблем современного военного дела, выдвинутых на очередь дня опытом прошлых войн»⁶⁴. В состав Управления входили военно-исторический, военно-научный и уставной отделы, объединившие, как отмечал М. Н. Тухачевский, «все вопросы военной литературы, как исторической, так теоретической и уставной»⁶⁵.

В последующем военно-исторические исследования были направлены на обобщение опыта мировой и гражданской войн, теоретическое изыскание в области стратегии и общей тактики, содействовали военно-научной подготовке командного и политического состава армии.

Большую роль в развитии советской военно-исторической науки и ее философско-методологических основ сыграли исследовательские центры, учреждения и организации. В этом отношении показательна деятельность Военно-научного общества при Академии Генерального штаба.

Членами Военно-научного общества являлись преподаватели академии и ее слушатели. Его отделения функционировали в округах, армиях, высших военно-учебных заведениях и других военных организациях. Общество имело своих представителей в Реввоенсовете Республики, в редакциях военных журналов «Война и революция», «Военный вестник». Широкое пополнение рядов общества военнослужащими Красной Армии, преподавателями и слушателями военно-учебных заведений свидетельствовало о большой тяге и глубоком интересе их к военно-историческим и военно-теоретическим знаниям.

Общество изучало опыт первой мировой и гражданской войн и на его основе занималось военно-теоретическими изысканиями, разрабатывало «важнейшие вопросы военной политики, стратегии и тактики»⁶⁶. В области военной истории основными направлениями исследований ВНО были: изучение организационной структуры Красной Армии, ее операций в годы гражданской войны, вооруженных сил наших противников, изучение опыта революционных войн и армий предшествующих эпох и др.

В редакционной статье журнала «Красная Армия» (вестник ВНО) отмечалось, что «учет опыта Красной Армии, систематизация особенностей военного искусства в условиях классовой борьбы на базе теории революционного марксизма является единственным верным путем к разрешению поставленных задач»⁶⁷.

В этой связи необходимо отметить работу исторической секции (позднее — военной истории) и секцию по разработке во-

⁶⁴ ЦГАСА, ф. 24696, оп. 1, д. 75, л. 1.

⁶⁵ ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 162, л. 546.

⁶⁶ ЦГАСА, ф. 7, оп. 5, д. 170, л. 119.

⁶⁷ Военный вестник, 1921, № 1-2, с. 4.

просов методологии и методики военных знаний⁶⁸. Доклад А. М. Зайончковского о методике военно-исторического исследования, сделанный им на заседании секции военной истории 1-го Всесоюзного съезда ВНО, позднее был опубликован в журнале «Война и революция»⁶⁹. Автор показывал связь методики с методологией военной истории и давал советы молодым военным историкам, как следует работать с первоисточниками, анализировать их, обобщать с целью повышения уровня военно-исторических исследований.

В числе работ, посвященных отдельным проблемам методологии военной истории, была и статья А. Трифонова «Анализ, как метод военной истории». В ней раскрывается сущность этого метода, дается по существу его диалектическое толкование. «Задачей исследования,— отмечал автор,— которому собственно и служит анализ, как метод,— является установление зависимости результата от причин, установление степени этой зависимости, другими словами, исследование стремится вскрыть, какая существует закономерность между обусловленным и условным, причиной и следствием»⁷⁰. Автор показывал, как необходимо применять метод анализа к истории ряда конкретных войн.

Свою роль сыграла и книга А. К. Топоркова «Метод военных знаний» (1927 г.). В ней автор дает ряд общих методологических установок, имеющих важное значение для военно-исторической науки.

Несмотря на имевшиеся отдельные недостатки и ошибки в исследованиях, уже в 20-х годах советским военным историкам удалось начать и частично решить ряд узловых проблем истории гражданской и первой мировой войн, освещая их с позиций марксистско-ленинской теории.

Положительную роль в развитии военно-исторической науки, в пропаганде марксистской методологии в изучении истории войн и разработке вопросов военного дела сыграло образование в 1929 г. при Коммунистической академии секции по изучению проблем войны. Она провела большую работу, объединив научные марксистские силы, работавшие над военными проблемами.

В этот период многое сделали для науки кадры военных историков старшего поколения: Е. З. Барсуков, А. М. Зайончковский, А. К. Коленковский, Н. Г. Корсун, В. Ф. Новицкий, Ф. Е. Огородников, А. А. Свечин.

В последующем развитие советской военно-исторической науки проходило в условиях образования очагов войны в Европе и

на Дальнем Востоке. Поэтому военно-историческая наука исследовала современные войны и на этой основе проблемы стратегии, оперативного искусства и тактики. Именно в этот период были изданы работы по стратегии М. Н. Тухачевского («Вопросы современной стратегии»), Б. М. Шапошникова («Мозг армии» и др.), разработан ряд трудов по теории оперативного искусства, теории глубокой операции и глубокого боя, методов прорыва укрепленных полос, в частности работа В. К. Триандафиллова «Характер операций современных армий» и др. Издавалась литература, в которой освещался опыт италио-абиссинской войны 1935—1936 гг., гражданской войны в Испании 1936—1939 гг. и освободительной войны китайского народа против японских захватчиков в 1937—1941 гг. С началом второй мировой войны появляются книги, в которых вскрывался характер начавшейся войны, обобщался ход вооруженной борьбы и развитие военного искусства. Это были марксистские работы, сыгравшие важную роль в подготовке населения и войск Советской Армии к защите социалистического Отечества.

В период Великой Отечественной войны тесная связь советской военно-исторической науки с марксистско-ленинской философией обеспечила ей правильную ориентировку в выборе объектов исследования в целях мобилизации народа на борьбу с врагом. Были подготовлены труды с привлечением документальных источников о разгроме немецко-фашистских войск под Москвой, об обороне Ленинграда, Одессы, Севастополя, на Сталинградской битве и другие.

Наряду с обобщением опыта Великой Отечественной войны в ее ходе советские военные историки разрабатывали также проблемы русской военной истории и гражданской войны в России 1918—1920 гг. Вышел ряд работ о героических подвигах русских войск в борьбе с захватчиками с востока и запада⁷¹, о деятельности русских полководцев и флотоводцев — Александра Невского, Дмитрия Донского, А. Суворова, М. Кутузова, П. Румянцева, П. Нахимова и др.⁷²

⁷¹ *Бахрушин С. В.* Разгром Ливонского ордена в Прибалтике (XVI в.). Ташкент, 1942; Отечественная война 1812 г. Под ред. Е. В. Тарле, А. В. Предтечского, Е. Бочкаревой. Л., 1941; *Тарле Е. В.* Крымская война, т. 1—2. М., 1941—1943; *Милю И. И.* Красная Армия в борьбе с германскими захватчиками в 1918 году. М., 1941; *Ногович Ф. И.* Разгром германской армии в 1918 г. М.—Л., 1941; Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 г. Под ред. И. И. Минца. М., 1942.

⁷² См., например: *Пичета В. И.* Александр Невский. Ташкент, 1942; *Бахрушин С. В.* Дмитрий Донской. Ташкент, 1942; Полководческое искусство А. В. Суворова. М., 1939; *Тарле Е. В.* Михаил Кутузов. Казань, 1941; *Нечкина М. В.* Великий русский полководец Михаил Илларионович Кутузов. М., 1943; *Коробков И. А.* Фельдмаршал П. А. Румянцева-Задунайский. М., 1944; *Тарле Е. В.* Адмирал Нахимов. М., 1941; *Найда С.* Адмирал Нахимов. М., 1945.

⁶⁸ Военный вестник, 1922, № 16-17, с. 181.

⁶⁹ *Зайончковский А.* Методика военно-исторического исследования.— Война и революция, 1925, № 4.

⁷⁰ Военная мысль и революция, 1924, № 8, с. 47.

После окончания Великой Отечественной войны в развитии советской военной истории наступил новый этап. Он характеризуется возросшим взаимодействием философии марксизма и военной истории, решением крупных проблем последней.

Важным условием развития советской военно-исторической науки явилось дальнейшее изучение богатейшего теоретического и военно-исторического наследия К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Большое значение имели подготовленные Институтом военной истории труды «Карл Маркс и военная история» (1969 г.), «Фридрих Энгельс и военная история» (1972 г.) и «В. И. Ленин и военная история» (1973 г.).

Другим условием развития военной истории стала дальнейшая разработка ее марксистско-ленинской методологии. Внимания заслуживают работы, в которых ставятся и решаются коренные проблемы марксистско-ленинской методологии военно-исторического исследования, связанные с ними работы по методологии социального познания⁷³.

В центре внимания советской военно-исторической науки было и остается изучение и обобщение военного опыта защиты социалистического Отечества от попыток империалистических агрессоров вооруженным путем уничтожить завоевания социализма. Советскими исследователями в этом плане проведена большая работа. Ныне, когда созданы крупные труды по истории гражданской и Великой Отечественной войн, накоплен большой документальный материал, имеются все предпосылки к тому, чтобы в анализе и обобщении войн в защиту социалистического Отечества подняться на новую, более высокую ступень.

Одним из основных требований марксистско-ленинской философии в области методологии конкретных наук является обеспечение теснейшего единства теории и практики, глубокое изучение практического опыта, уроков истории. Советская военно-теоретическая мысль всегда опиралась на военно-исторический опыт. Это помогало выработать военно-теоретические концепции, которые наряду с другими факторами определяли исход борьбы с падением, коварным, хорошо подготовленным в военном и экономическом отношении врагом. В Постановлении ЦК КПСС «О 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» отмечается, что в ходе войны «свое превосходство показало советское военное искусство, высокое мастерство в проведении боевых операций продемонстрировали воспитанные Коммунистической партией командные и политические кадры Вооруженных Сил»⁷⁴.

Советская Армия, вооруженная передовой военной теорией, овладевшая всеми средствами, формами и способами борьбы, искусством правильного применения их в различных условиях боевой обстановки, успешно выполнила стоявшие перед ней задачи по разгрому фашистской Германии и милитаристской Японии. Итоги Великой Отечественной войны убедительно свидетельствуют о том, что советская военная наука, опирающаяся на марксистско-ленинское учение о войне и армии, о защите социалистического Отечества, воплотившая в себе все богатство прогрессивной военно-научной мысли, а также военный опыт Советского социалистического государства, оказалась выше буржуазной военной науки фашистской Германии и ее союзников.

Огромное значение для советской военной науки представляет опыт второй мировой войны 1939—1945 гг., так как она по своим масштабам и влиянию на судьбы человечества не имеет себе равных во всемирной истории. Разгром гитлеровской Германии и ее союзников в Европе и Азии имел всемирно-историческое значение и открыл путь многим народам и странам к свободе, независимости и социальному прогрессу.

Война убедительно подтвердила преимущества социалистического общественного и государственного строя, неодолимость социализма.

О минувшей войне написано много книг. Однако многие из них, изданные в буржуазных странах, фальсифицируют историю войны. Буржуазная историография пытается извратить сущность и характер второй мировой войны, ее причины, военно-политические цели воюющих сторон, итоги и уроки войны. Это делается для того, чтобы обелить империализм, снять с него вину за развязывание войны и взвалить ее на Советский Союз, исказить его политику накануне и в ходе войны, принизить вклад советского народа и его Вооруженных Сил в разгром гитлеровской Германии и милитаристской Японии.

В исследовании истории второй мировой войны марксистско-ленинская теория, и прежде всего исторический материализм, позволяют глубоко раскрыть ее причины и социальный характер, основные формы участия народных масс в войне, научно определить решающие факторы победы над фашизмом, рассмотреть важнейшие события войны на всех театрах военных действий в их взаимосвязи, взаимозависимости и хронологической последовательности. Советская военно-историческая наука стремится обосновать важнейшие критерии вклада государств и народов в достижение победы и на этой основе всесторонне осветить решающий вклад в победу Советского Союза и подвергнуть обстоятельной, научно аргументированной критике буржуазные фальсифицирующие версии.

⁷³ См.: Марксистско-ленинская методология военной истории. М., 1976.

⁷⁴ Тридцатилетие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Документы и материалы. М., 1975, с. 4.

В нашей стране уже много сделано по изучению важнейших проблем второй мировой войны. В частности, завершается издание многотомного научного труда «История второй мировой войны 1939—1945». В нем на широкой источниковедческой базе дается глубокий и всесторонний марксистский анализ проблем второй мировой войны.

Важным результатом исследовательской работы, проведенной в процессе подготовки многотомной истории второй мировой войны, является разработка и определение строго научной, опирающейся на законы исторического материализма периодизации второй мировой войны. Буржуазные историки, как известно, уходят от научного решения этой проблемы. Периодизация войны они пытаются подменить надуманным понятием «поворотных пунктов». Так, в ходе Великой Отечественной войны Советского Союза они выделяют только один такой «поворотный пункт» — Сталинградскую битву, тогда как на других театрах войны их насчитывают от 10 до 15. Цель этой фальсификации направлена на то, чтобы принизить главные события, происходившие на советско-германском фронте, и решающий вклад Советского Союза в разгром гитлеровской Германии и в то же время показать, что большинство решающих битв якобы было выиграно вооруженными силами США и Англии.

В основу научной периодизации истории второй мировой войны, сформулированной в первом томе «Истории второй мировой войны 1939—1945»⁷⁵, положены коренные, качественные изменения в ее ходе, характере и классовой сущности, в политике, которую воюющее государство продолжает в иной форме, в военно-политической обстановке и вооруженной борьбе, в соотношении военных, экономических и моральных сил борющихся сторон. Такие изменения являются основой периодизации войны потому, что они носят многосторонний, всеобъемлющий характер в смысле их взаимосвязи на всех театрах военных действий и связи военных событий с событиями политическими, экономическими, дипломатическими, идеологическими. Тщательный анализ всего хода второй мировой войны позволил выделить пять основных периодов. Внутри каждого исторического периода определены отдельные этапы, отражающие изменения в ходе военных действий и в военно-политической обстановке.

Благодаря широкому применению метода исторического материализма советская военно-историческая наука глубоко разработала вопросы генезиса второй мировой войны. Решение этой проблемы представляет не только научный, но и широкий общественный интерес, оно важно в том числе и потому, что буржуазные историки, выполняя социальный заказ своих хозяев, фальсифици-

руют военные события. Особенно активизировали свою деятельность реакционные историки ФРГ, которые стараются оправдать Гитлера и его приспешников, извратить политику Советского Союза накануне войны и т. д.

Проблема происхождения войны в советской военно-исторической науке решается на основе всестороннего изучения предшествовавшей войне политики и ее классово-экономических основ.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что каждую войну надо рассматривать в конкретной исторической обстановке, что для каждой войны необходимо прежде всего определить ее политическое, классовое содержание, проследить историю ее возникновения, глубоко изучить «политику перед войной, политику, ведущую и приведшую к войне»⁷⁶.

На основе изучения и анализа политики империалистических государств советские историки доказали, что вторая мировая война вызрела в течение двух десятилетий. Она вспыхнула внутри капиталистического мира в результате резкого обострения противоречий между капиталистическими странами в силу действия закона неравномерности их развития при империализме. Ответственность за ее возникновение лежит на империализме как на общественной системе, на господствующих классах и правительствах крупнейших империалистических держав.

На основе марксистско-ленинского учения об источниках войн в период борьбы двух противоположных общественных систем историки-марксисты всесторонне показали исторические корни и социальную сущность германского фашизма, раскрыли его агрессивность и опасность для человечества. На основе документов они убедительно раскрыли захватнические планы фашистской Германии и милитаристской Японии и политику западных капиталистических держав.

В трудах советских историков получила обстоятельное и глубокое освещение борьба Советского Союза за обуздание агрессора, показана дальновидная внешняя политика Коммунистической партии и Советского правительства, благодаря которой были разрушены планы монополистического капитала изолировать СССР и создать против него единый фронт империалистических держав.

Глубокое научное освещение нашла в советской военно-исторической литературе проблема политического характера второй мировой войны и его изменения в ходе войны. Война со стороны Германии, Италии и Японии с самого начала и до конца носила захватнический, грабительский империалистический характер. Объяснение Англией и Францией войны фашистской Германии было вынужденным актом, признанием полного банкротства пред-

⁷⁵ История второй мировой войны 1939—1945, т. 1. М., 1973, с. XXV—XXVI.

⁷⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 82.

военной «политики умиротворения». Это позволило сделать вывод, что вторая мировая война началась как империалистическая со стороны фашистской Германии, Англии и Франции. Широкое участие народных масс в войне решающим образом влияло на ее ход. Хотя эта война была империалистической, она тем не менее не исключала справедливого характера сопротивления агрессорам со стороны народных масс. Под давлением народных масс и перед лицом возросшей фашистской опасности, грозившей западным странам национальной катастрофой, их правительства вынуждены были перейти к политике отпора фашистским агрессорам. В ходе ожесточенной борьбы проходил процесс перерастания войны несправедливой со стороны западных держав в справедливую. Однако вплоть до конца войны западные державы не отказались полностью от политики антисоветизма. Империалистическая тенденция лишь отошла на второй план, не исчезнув совсем.

Решающим актом и завершением перерастания войны несправедливой в справедливую явилось вступление в войну Советского Союза, когда рабочий класс и трудящиеся всего мира обрели ясную программу, предусматривающую полный разгром агрессоров и уничтожение фашизма. Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз в корне изменило характер второй мировой войны. Если до этого военная схватка происходила в рамках одной, капиталистической системы, то с этого момента война в своей основе превратилась в острую классовую, а отсюда и бескомпромиссную борьбу двух противоположных общественно-экономических систем — капитализма и социализма.

СССР вел классово-революционную, отечественную войну. Сопадение коренных национальных интересов ряда государств и освободительный характер войны против блока агрессоров стали той цементирующей основой, на которой впервые в истории сложился международный фронт различных социально-политических сил. Советский Союз не только сыграл главную роль в создании антигитлеровской коалиции, но и явился авангардом и решающей силой в борьбе против фашизма.

На основе принципов исторического материализма разработан и тщательно изучен такой вопрос, как характер и содержание движения Сопротивления в оккупированных странах, роль внутренних и внешних сил при освобождении европейских стран от фашистских захватчиков.

Движение Сопротивления явилось закономерным ответом народных масс на фашистскую агрессию и было направлено как против оккупантов, так и против внутренних реакционных кругов, предавших интересы народа и сотрудничавших с завоевателями. Основными предпосылками движения Сопротивления и вооруженных восстаний в оккупированных странах Центральной и Юго-Восточной Европы были объективные внутренние соци-

ально-экономические и политические причины, обусловившие возникновение непосредственной революционной ситуации. Движущими силами восстаний являлся рабочий класс в союзе с крестьянством и демократически настроенной интеллигенцией.

Внешним фактором, обеспечившим победу восстаний в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы, были успехи Советских Вооруженных Сил. При этом они не привносили революцию в эти страны, как пытаются изобразить реакционные буржуазные идеологи. Разгром немецко-фашистских армий и освобождение Советской Армией той или иной страны ускоряли вызревание внутренних предпосылок восстания.

Одной из принципиально важных задач изучения истории второй мировой войны является определение конкретного вклада стран в разгром германского фашизма и японского милитаризма.

Участие в борьбе против фашизма многих государств, по мнению буржуазных историков, затрудняет поиск критериев, на основании которых можно определить реальный вклад отдельных стран в победу над общим врагом. На самом деле они отказываются от определения таких критериев потому, что это приведет к показу решающей роли Советского Союза в разгроме фашистской Германии и милитаристской Японии.

Советские ученые, решая этот вопрос, исходят из диалектико-материалистических принципов всесторонности исследования, выделения главных звеньев исторического процесса и научной оценки его факторов. Характер вклада той или иной страны в победу зависит от политических целей и сущности войны, степени мобилизации сил и средств страны на отпор врагу, степени активности народных масс в войне, результатов политического ущерба, нанесенного противнику в ходе войны. Не менее важное значение имеет размах, напряженность и результаты вооруженной борьбы каждого государства и их влияние на развертывание и ход событий на других театрах войны и военных действий.

Применяя эти критерии, советские историки убедительно доказали, что решающий вклад в достижение победы над врагом внес Советский Союз.

Марксистско-ленинская методология обеспечивает успешное решение многих других научных проблем истории второй мировой войны. Вместе с тем в свете требований КПСС о повышении эффективности и качества всей работы, в том числе и научно-исследовательской, ряд важных проблем истории второй мировой и Великой Отечественной войн требуют дальнейшей глубокой научной разработки.

Победа Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне достигнута благодаря руководящей и направляющей деятельности КПСС. Эта проблема всегда находилась и находится в центре внимания советских военных историков. Дальнейшее ис-

следование военно-организаторской деятельности КПСС, ее идеологической, партийно-политической работы в Советской Армии и Военно-Морском Флоте, деятельности военных советов по руководству войсками, работы командиров, политорганов и партийных организаций по воспитанию советских воинов, исследование роли комсомола в годы войны, опыта КПСС по руководству работой тыла, глубокое раскрытие ее разносторонней деятельности как партии воюющей, сражающейся, изучение массового героизма коммунистов, которые находились на самых ответственных участках, обогатят военно-историческую науку, окажут помощь военной теории и практике в решении задач укрепления обороноспособности Советского государства и могущества его Вооруженных Сил.

Исключительно важное научное и практическое значение имеет всестороннее раскрытие трудового подвига советского рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, снабжавших многомиллионную армию оружием и боевой техникой, продовольствием и обмундированием, без чего немислима победа. Не менее важно всестороннее раскрытие роли советской экономики, коренных проблем советского тыла, связанных с выработанной партией научно обоснованной программой мобилизации всех сил и ресурсов на разгром врага, перестройкой народного хозяйства на военный лад, с влиянием экономических успехов на ход вооруженной борьбы, работой оборонной промышленности, строительства, транспорта и сельского хозяйства, с раскрытием опыта работы по восстановлению в ходе войны разрушенного хозяйства и оказанию материальной помощи народам ряда европейских стран в их борьбе против общего врага.

Существенным вкладом в развитие советской военно-исторической науки несомненно явится дальнейшее глубокое и всестороннее освещение военно-политических итогов и уроков войны. Значимость данной проблемы определяется необходимостью полное раскрыть закономерности победы Советского Союза, его решающий вклад в разгром гитлеровской Германии и ее союзников, показать влияние победы на социально-политические процессы современности.

Одним из главных направлений развития советской военно-исторической науки является исследование истории строительства Вооруженных Сил СССР. Это объясняется не только тем, что обобщенный опыт позволяет сделать выводы для дальнейшего укрепления Советской Армии. Опыт советского военного строительства представляет большой интерес для братских социалистических стран и многих молодых государств Азии, Африки и Латинской Америки.

Исключительно важное значение имеет разработка проблем пролетарского и социалистического интернационализма как одно-

го из важнейших направлений воспитания воинов Вооруженных Сил СССР и армий стран Варшавского Договора. В этой связи представляет интерес разработка проблем, связанных с историей организации и развития вооруженных сил социалистических стран Европы в ходе второй мировой войны и в послевоенное время, объективных закономерностей политического и боевого единства армий социалистических стран, истории создания военно-политической организации стран Варшавского Договора и укрепления военного сотрудничества социалистических государств, проблем боевого содружества братских народов как объективной закономерности военного строительства стран социализма в условиях образования и развития мировой социалистической системы.

Нуждаются в дальнейшем исследовании основные направления и тенденции развития вооруженных сил, военных доктрин и военной науки ведущих капиталистических стран как в годы второй мировой войны, так и в послевоенное время, история милитаризма буржуазных государств и борьба трудящихся за предотвращение военных конфликтов. В центре внимания находится и такой вопрос, как борьба с империалистической военной идеологией и основанными на ней концепциями современных буржуазных военных теоретиков и историков.

После окончания второй мировой войны в мире происходили локальные войны, вооруженные конфликты, изучение которых представляет для советской военно-исторической науки большой интерес.

Важное значение имеет глубокое изучение опыта национально-освободительного движения, современных партизанских действий и тенденций их развития, а также опыта строительства вооруженных сил молодых национальных государств и применявшихся ими форм и методов борьбы за национальную независимость и самостоятельность.

В последние годы буржуазные идеологи усилили фальсификацию военно-исторического прошлого нашей Родины. Советские историки, всесторонне анализируя буржуазные фальсификации, ведут эффективную и действенную борьбу против реакционной буржуазной историографии. В условиях острой идеологической борьбы настоятельно требуется совершенствовать сложившиеся формы, методы и приемы разоблачения буржуазных фальсификаторов истории.

Таковы наиболее важные направления развития советской военно-исторической науки и проблемы, требующие к себе постоянного внимания. При всем их многообразии следует отметить главную задачу, которую решает советская военно-историческая наука: «прежде всего обобщенный военный опыт защиты Советского государства от неоднократных попыток сил агрессии вооруженным путем уничтожить страну социализма, военный опыт побед нашего

народа и армии. Главное в нем не только достоверные факты, но и обобщения, выводы и уроки. Эта часть исследования является наиболее важной, ибо в ней содержатся исторические выводы и практические рекомендации, позволяющие совершенствовать военное дело, предвидеть пути его дальнейшего развития, научно решать вопросы укрепления обороноспособности страны. Военная история здесь тесно смыкается с современностью»⁷⁷.

Органическое единство объективности и коммунистической партийности, вносимое в историческую науку марксистско-ленинским мировоззрением, и прежде всего его философским ядром — диалектическим и историческим материализмом, является основой успешного решения советской военно-исторической наукой ее актуальных задач.

Часть вторая

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ФИЛОСОФИИ И ВОЕННОЙ ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

⁷⁷ Жилин П. А. Проблема военной истории. М., 1975, с. 4.

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ О СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Взаимосвязь философии и военной истории в современных условиях особенно проявляется в той социальной роли, какую играет военно-историческая наука в познании и практической деятельности. И это не случайно, ибо военно-исторические знания не являются плодом какой-то чистой любознательности. Они составляют важнейший компонент кругозора каждого образованного человека. Но военно-исторические знания — это еще и важный фактор познания и практической деятельности партий, классов, народов. Известно, что без знания прошлого, без накопления определенных практических навыков и знаний о прошлом, которые передаются из поколения в поколение, человечество не могло бы развиваться. В исторических знаниях обобщен опыт человечества. Из них люди извлекают полезные для себя уроки и выводы. В речи «Задачи союзов молодежи» на III съезде комсомола В. И. Ленин говорил: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»¹.

Советская военно-историческая наука дает знание о развитии военного дела, о событиях и фактах военного прошлого, о героических подвигах нашего народа. Она вооружает знанием опыта войн в защиту Отечества, опыта военного строительства, служит надежным средством воспитания советского патриотизма и социалистического интернационализма, является верным оружием партии в борьбе по военным вопросам с идейными противниками марксизма-ленинизма.

Военная история как наука, опираясь на единственно научную марксистско-ленинскую мировоззренческую и методологическую основу, играет важную роль также в социальном познании и практике и решает идеологическо-воспитательные задачи.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 305.

МЕСТО И РОЛЬ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ И ПРАКТИКЕ

В современных условиях имеются две прямо противоположные мировоззренческие и методологические основы, на которые опираются исследователи в области военной истории. Существуют марксистская и буржуазная военно-исторические науки, отвечающие двум основным классам современности — пролетариату и буржуазии.

Буржуазная методология военной истории, основанная на идеалистическом мировоззрении и метафизике, не способна обеспечить истинное, адекватное отражение военно-исторической действительности. Различные оттенки идеализма предопределили неспособность буржуазной исторической науки дать научную картину развития военного дела, в частности истории второй мировой войны. Они породили эклектические, субъективистские толкования важнейших проблем минувшей войны.

Является закономерностью тот факт, что чем реакционнее становится буржуазия как класс, тем больше утрачивает она способность к объективному отражению социальной действительности — прошлого и настоящего, правильного предвидения будущего. Буржуазное социальное познание находится в кризисном состоянии и отражает общий кризис капитализма как системы. Отсюда и кризис познавательных способностей ее военно-исторической науки. Корни кризиса были вскрыты впервые К. Марксом и Ф. Энгельсом. В «Немецкой идеологии» они писали: «Чем больше форма общения данного общества, а следовательно и условия господствующего класса развивают свою противоположность по отношению к ушедшим вперед производительным силам, чем больше вследствие этого раскол в самом господствующем классе, как и раскол между ним и подчиненным классом, — тем неправильней становится, конечно, и сознание, первоначально соответствовавшее этой форме общения, т. е. оно перестает быть сознанием, соответствующим этой последней; тем больше прежние традиционные представления этой формы общения, в которых действительные личные интересы и т. д. и т. д. сформулированы в виде всеобщих интересов, опускаются до уровня пустых идеализирующих фраз, сознательной иллюзии, умышленного лицемерия. Но чем больше их лживость разоблачается жизнью, чем больше они теряют свое значение для самого сознания, — тем решительнее они отстаиваются, тем все более лицемерным, моральным и священным становится язык этого образцового общества»².

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 283—284.

В новых условиях этот марксистский вывод получил дальнейшее развитие и конкретизацию. Классовые интересы империалистической буржуазии, которые приходят все в большее противоречие с поступательным ходом истории, углубили и обострили кризис современной буржуазной военно-исторической науки. «Характерными чертами современного кризиса западной историографии являются утрата или деформация предмета исторической науки, стремление оторваться от критерия общественной практики в исторической науке, выработать какую-то «надпартийную» систему методов исследования и его критериев, что на деле ведет к утрате социальной функции исторической науки»³. Названные здесь черты кризиса буржуазной историографии характеризуют и ее военную историографию⁴.

Авторитет марксистской исторической науки, в том числе и военной истории, растет. Неопровержимо подтверждены преимущества ее мировоззренческой основы и методологии, неограниченные возможности союза марксистской философии и советской военно-исторической науки. Советская военно-историческая наука, как и военная история других стран социалистического содружества, служит самому передовому общественному строю, политике защиты социалистического Отечества.

Прежде всего военно-историческая наука изучает закономерности, процессы и факты той стороны общественной жизни, развития общества, которая связана с военной деятельностью государств, классов и политических партий, оценивает и объясняет ее, этим она способствует более правильному познанию закономерностей и тенденций общественного развития и потому выполняет важную социальную функцию. В круг ее задач входит не простое описание событий и фактов, а глубокое и всестороннее раскрытие их закономерных связей с социально-экономической структурой общества и объективными условиями и субъективными факторами, свойственными эпохе, государствам, народам и т. д.^{4а}

В социальном плане познавательная функция военно-исторической науки теснейшим образом связана с коммунистической партийностью, значение которой велико и продолжает усиливаться в настоящее время. Партийный подход к познанию социальных проблем, в том числе и военного прошлого, позволяет военно-исторической науке успешно выполнять свою познавательную функцию. Это в полной мере относится и ко всем ее составным

³ Сахаров А. М., Хромов С. С. XIV Международный конгресс исторических наук.— Вопросы истории, 1976, № 3, с. 23.

⁴ См.: Война, история, идеология. М., 1974, с. 16—36.

^{4а} В этой главе развиваются соответствующие положения, изложенные в книге «Марксистско-ленинская методология военной истории» (М., 1976, гл. I).

частям — истории войн, военного строительства, военного искусства, военной техники, военно-теоретической мысли, истории самой военно-исторической науки (военная историография), военно-историческому источниковедению, а также военной археографии и военной археологии.

В рассматриваемом здесь аспекте особое значение для современности имеет изучение истории войн. Объясняется это прежде всего тем, что каждая война, которая когда-либо произошла, изучается как «продолжение» политики данных, заинтересованных держав — и разных классов внутри них — в данное время»⁵, а это в свою очередь позволяет формировать систему знаний о возникновении, развитии и результатах (итогах) войн в определенных исторических условиях, о роли каждой конкретной войны в истории отдельных государств, развитии общества в целом. Наряду с этим военная история дает революционным партиям, народным массам возможность определить свое отношение к войнам, выработать стратегию и тактику участия в ней и т. п.

Значение имеет анализ причин и механизма возникновения конкретных войн, их политических и военно-стратегических целей, характера, особенностей и т. п. Такой анализ служит не только интересам политики, но и непосредственно военной стратегии. История каждой конкретной войны, особенно история мировых войн, помогает миролюбивым силам вырабатывать меры, направленные к предотвращению новых войн. Это особенно важно теперь, когда речь идет о предотвращении возможной ядерной войны. Научная история второй мировой войны помогает глубоко разбираться в сложных процессах мирового военного кризиса, по достоинству оценивать беспримерную борьбу свободолюбивых народов против реакционных сил империализма, решающий вклад Советского Союза в достижение всемирно-исторической победы; она помогает извлечь необходимые уроки во имя торжества социализма и мира на земле⁶.

Не менее важную роль играет и история военного строительства и вооруженных сил. Этот раздел военно-исторической науки изучает весь комплекс конкретных мероприятий классов, партий, государств по созданию и развитию вооруженных сил, повышению боевой мощи страны, а также историю видов вооруженных сил и родов войск, объединений, соединений и частей (кораблей). Он исследует процессы и закономерности возникновения и развития армий и флотов в определенных исторические периоды и в конкретных государствах, взаимосвязь между видами вооруженных сил и родами войск на различных этапах военного строительства.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 224.

⁶ См.: История второй мировой войны. 1939—1945, т. I. М., 1973, с. XXVIII.

Вырабатывая систему знаний по истории военного строительства и вооруженных сил, военно-историческая наука в познавательном плане способствует более глубокому и всестороннему пониманию всей совокупности социально-политических процессов, ибо природа армии, ее социальный тип, система комплектования всегда определялись и определяются теперь социально-экономическим строем, характером государства, его политикой. Кроме того, история строительства вооруженных сил служит военной доктрине, так как вскрывает принципы создания и укрепления армий конкретных государств, показывает особенности их комплектования, организационной структуры, системы обучения и воспитания, подготовки вооруженных сил к войне.

При изучении истории строительства вооруженных сил социалистических государств особое внимание уделяется руководящей роли коммунистических партий в этом процессе, опыту партийного строительства и партийно-политической работы в вооруженных силах.

В неразрывной органической связи с историей войн и историей вооруженных сил находится и история военного искусства. Познавательное значение этого раздела в социальном познании и социальной практике исключительно велико. История военного искусства исследует возникновение, развитие и смену способов и форм ведения вооруженной борьбы в целом и конкретных военных действий в различных социально-экономических формациях, вскрывает закономерности развития стратегии, оперативного искусства и тактики. Вследствие этого познание и обобщение специфически военного опыта, осмысленное и оцененное через призму марксистско-ленинской философии, служит источником и основой для познания военного искусства в современных войнах, получения необходимых выводов для развития военной науки. Кроме того, история военного искусства выявляет зависимость способов и форм ведения войны от характера и уровня производства, социально-экономической и политической структуры общества, от политики государства и потому становится средством развития общеполитических знаний, а также ряда социальных и экономических наук.

Все возрастающее значение приобретает такой раздел военно-исторической науки, как история военной техники. Его познавательная роль весьма велика, ибо здесь изучается процесс развития техники и вооружения войск, его закономерности и тенденции; раскрывается история возникновения новых идей в области военной техники, характер внедрения нового оружия и техники в войска, их использование в практике боевой подготовки и боевых действий войск, сочетание старых и новых образцов оружия и боевой техники, степень и характер влияния новой техники и оружия на строительство вооруженных сил, военное искусство,

на моральный фактор и т. п. История военной техники показывает развитие военно-технического прогресса и его влияние на все стороны военного дела. Этот раздел военно-исторической науки особенно важен своей прикладной стороной в свете современной научно-технической революции, а также потому, что Советский Союз и другие страны социалистического содружества вынуждены крепить свою оборонную мощь.

Практическое значение военно-исторических знаний для решения современных задач укрепления обороноспособности страны и развития всех сторон военного дела состоит в том, что в них отражен богатейший опыт военной деятельности предшествующих поколений. Добиться успехов в решении задач современной военной практики и теории можно лишь при условии самого тщательного изучения и использования этого опыта. Уместно напомнить известное положение В. И. Ленина о значении исторического опыта. Он говорил: «Нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня, если нам вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов»⁷. Практика показывает, что ни один принципиально важный вопрос развития военного дела не может быть правильно решен без тщательного анализа опыта военной истории. А анализ военно-исторического опыта, правильный в познавательном отношении и заключающий в себе важные выводы для практической деятельности, осуществляется на основе марксистско-ленинской методологии, которая учит, что ни один вопрос военного дела, практический и теоретический, никогда в прошлом и теперь, в частности, не решался и не может решаться без учета исторического опыта. Он является не только той основой, на которой происходит движение вперед, но и источником этого движения, своего рода движущей силой, фактором этого развития.

Внимание военных историков социалистических стран в первую очередь привлекает опыт ведения справедливых, освободительных войн, соответствующие выводы из строительства армий нового типа, армий развивающихся стран и т. п. Это необходимо для теории и практики защиты социалистического Отечества, укрепления оборонной мощи Советского Союза и других стран социалистического содружества.

Причины и способы развязывания войн, характер военного строительства, развитие военной техники и военного искусства в различных исторических условиях неодинаковы. Но, несмотря на то что условия обстановки не могут многократно повторяться, не бывают копией предшествующих этапов развития, история изобилует множеством сходных, типичных для военного дела ситуаций. Изучая опыт прошлого, необходимо отбирать в нем то,

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 205.

что соответствует новым условиям, не утратило своей ценности и способствует извлечению полезных уроков и выводов.

В области стратегии и общих вопросов ведения крупномасштабных военных действий до сих пор не утратили своего значения такие вопросы, как отражение внезапных ударов агрессора, влияние новых образцов оружия на способы и формы вооруженной борьбы, ее ход и характер, на вопросы, связанные с управлением войсками, организацией взаимодействия и т. п.

Громадное значение имеет исследование факторов победы в войнах и вооруженных конфликтах в защиту завоеваний социализма, факторов победы народных армий и вообще патриотических сил в их справедливой борьбе за свободу и независимость своей родины.

Исключительно важна работа по исследованию не только удачного, но и неудачного опыта минувших войн. Правильные выводы из неудачного опыта помогают избежать в практической деятельности ошибок. Необходимо также изучать недостатки, имевшие место и в удачно завершенных войнах и операциях, особенно если они сопровождались чрезмерными издержками.

В союзе с философией и другими общественными науками марксистская военно-историческая наука оказывает непосредственную помощь военной науке и служит важным научным материалом, из которого последняя вырабатывает теоретические и практические рекомендации вооруженным силам. Содержащиеся в советской военно-исторической науке обобщения, уроки и выводы позволяют успешно развивать военную теорию и практику в современных условиях, формулировать научно обоснованные выводы и предложения по совершенствованию обучения и воспитания воинов Советской Армии и Военно-Морского Флота, предвидеть дальнейшие пути и средства развития военного дела, решать многообразные вопросы укрепления обороноспособности Советского государства, всех стран социалистического содружества.

Решение прикладных задач военно-исторической науки на основе марксизма-ленинизма непосредственно служит военной политике государства. Советская военно-историческая наука руководствуется тем, что защита завоеваний социализма является одной из важнейших закономерностей строительства социализма. Защита социализма в современных условиях выступает как система научно обоснованной и тесно взаимосвязанной политической, экономической, идеологической и военной деятельности всех народов и государств социалистического содружества.

Огромна роль марксистско-ленинской философии и по отношению к разделам военно-исторической науки теоретико-познавательного плана. Это: история военно-теоретической мысли, история военно-исторической науки, военно-историческое источниково-

ведение, археография и археология. Содержание этих разделов образуется из результатов исследования истории самого научного познания, истории анализа его важнейших сторон. В силу этого познавательная, а вслед за нею и прикладная роль военно-исторической науки приобретает специфические черты. Это вытекает из природы названных разделов военно-исторической науки.

Для развития военно-исторической науки огромное значение имеет история военно-теоретической мысли. Содержание этого раздела складывается в процессе изучения идей, взглядов в области военной теории, военной стратегии, оперативного искусства и тактики, теории обучения и воспитания войск. Здесь исследуются причины, условия и факторы, влияющие на возникновение военно-научных идей, их разработку, теоретические положения по вопросам подготовки страны, вооруженных сил к войне, характера возможной войны, взглядов на способы и формы ведения военных действий различных масштабов видами вооруженных сил и родами войск, военного строительства.

Другой раздел военно-исторической науки — история военно-исторической науки (военная историография) — также имеет немалые успехи именно потому, что он развивается на основе марксистско-ленинской методологии.

Военная историография изучает закономерности и тенденции развития военно-исторической мысли, процессы накопления знаний о событиях военной истории, методы и источниковедческую базу военно-исторических исследований на различных этапах развития науки; раскрывает пробелы и нерешенные вопросы в исследовании тех или иных событий военного прошлого; выясняет процесс формирования концепций и теорий отдельных военно-исторических событий; борьбу мнений; анализирует выполнение данной наукой ее функций на различных этапах ее развития; изучает организацию научно-исследовательской и издательской работы в области военной истории и подготовки исследовательских кадров. Решение проблем истории военно-исторической науки делает саму науку более зрелой и эффективной.

Большое значение имеет взаимосвязь с философией и такого раздела военно-исторической науки, как военно-историческое источниковедение, ибо оно изучает типы и виды источников познания военной истории, закономерности и особенности их возникновения, отражение в них реальных событий и процессов военного прошлого, методы критического анализа и истолкования документов и памятников военной истории и практического использования их в интересах решения конкретных научных проблем и развития военно-исторической науки.

Марксистско-ленинская философия направляет развитие и военной археографии, которая занимается разработкой принци-

пов, правил и методов отбора и публикации военных документов, прежде всего архивных. Анализируя характер и специфику содержания военных документов, она разрабатывает специальные правила и приемы их подготовки к изданию с учетом точности передачи текста и сохранения особенностей их языка, терминологии и стиля, что обеспечивает правильное истолкование содержания публикуемых документов.

Военная археология позволяет изучать деятельность людей в военной области в прошлом по вещественным памятникам. Тем самым она обеспечивает выполнение познавательной функции военно-исторической науки путем анализа найденных памятников военного прошлого и способствует реконструкции в научных знаниях событий и фактов военной истории.

Воздействие марксистской философии на военную историю как науку стало еще большим в связи с комплексным подходом к воспроизведению событий и фактов военного прошлого. Такой подход особенно важен при изучении опыта войн современной эпохи, прежде всего опыта второй мировой войны и многочисленных локальных войн и военных конфликтов, имевших место после 1945 г.

Марксистско-ленинская философия обеспечивает достижение высокого научно-теоретического уровня разрабатываемых военно-исторических трудов. В этом заключен решающий фактор выполнения военно-исторической наукой и такой задачи познавательного и прикладного характера, как участие в формировании и развитии общей культуры, но в особенности культуры военного мышления, расширении кругозора военных кадров, а также повышении уровня и эффективности обучения и воспитания войск.

Знание военной истории необходимо всем людям. Но особенно оно необходимо военным. Для них данные военной истории не только элемент общей культуры. Профессиональный военный, офицер, изучающий военную историю, испытывает двойного рода воздействие военно-исторической науки: она несет с собой и повышение образованности, культуры и участвует в выработке специфических, профессиональных качеств: умения мыслить четко, экономно, предельно быстро, вырабатывать в себе военную интуицию, в сжатые сроки принимать верные решения, может быть порой и рискованные.

Военно-исторические знания способствуют пониманию глубинных процессов руководства войной, ведения операций, всесторонней оценке решений командования. Изучение опыта минувших войн раскрывает средства, которыми достигалась победа, указывает на причины неудач, помогает понять допущенные ошибки.

Говоря о значении военно-исторических знаний для развития военного мышления офицерских кадров, было бы, однако, неправильно догматически подходить к опыту прошлого. И здесь роль

философии неопределима. Известно, что в прошлом военные деятели не раз подчеркивали важность изучения военной истории, но при этом абсолютизировали ее значение для подготовки офицеров, требовали механического заучивания, запоминания и применения на практике наиболее показательных примеров военной деятельности выдающихся полководцев.

Марксистской диалектике чужды догматизм и метафизика, в том числе и в подходе к использованию опыта военной истории, в вопросах развития мышления военных кадров. Диалектика учит творчески подходить к опыту прошлого и учитывать при этом изменившуюся обстановку в условиях современности.

Изученный и подытоженный на марксистско-ленинской мировоззренческой и методологической основе опыт борьбы народов, революционный опыт побед в войнах в защиту социалистического Отечества, опыт разгрома агрессора используется для защиты социализма. В то же время исторический опыт — не академическое понятие, а могучее оружие в социальных боях. В. И. Ленин говорил, что «опыт минувшей борьбы мы берем как материал, как урок, как подножку, с которой мы должны ступить дальше»⁸.

Пройденное и пережитое народами — это социальный опыт, опыт народов, классов, партий, отдельных личностей. Будучи осознанным, он является фактором, определяющим практическую деятельность людей. Этому способствует военно-историческая наука.

ИДЕОЛОГИЧЕСКО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Идеологическо-воспитательные задачи, решаемые военно-исторической наукой, особенно наглядно и рельефно раскрывают ее принадлежность к определенной социальной группе, классу, показывают зависимость положений и выводов, описания и объяснения фактов и событий от политики и идеологии, от той философской, методологической основы, на которой развивается эта наука. Идеино-воспитательное воздействие военно-исторической науки осуществляется по-разному в буржуазном и социалистическом обществах. Научное знание вкладывает в понятие «воспитание» позитивно-прогрессивный смысл. Поэтому к буржуазному обществу понятие «воспитание» народа может применяться весьма условно. Там все делается для того, чтобы народные массы знали как можно меньше правды о войнах — их причинах, сущности, характере, влиянии на общественное развитие и т. п. Только с большими оговорками можно применять понятие «вос-

⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 239.

против фашистской Германии и ее сателлитов в годы второй мировой войны. Боевой союз советского народа с братскими народами Польши, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Венгрии, Румынии явился настоящей школой боевой солидарности народных армий.

Возникшее в сражениях за дело Великого Октября, за освобождение от фашистского ига, боевое братство Советских Вооруженных Сил и армий стран социалистического содружества, закрепленное Варшавским Договором 1955 г., ныне стало надежным оплотом мира и безопасности народов.

Военно-историческая наука является орудием борьбы с буржуазной идеологией. Она активно участвует в разоблачении фальсификаторов военной истории. На современном этапе, как подчеркнул на XXV съезде КПСС тов. Л. И. Брежнев, «идейное противоборство двух систем становится более активным, империалистическая пропаганда — более изощренной»⁹.

Идеологи империализма в своей борьбе против стран социализма, и прежде всего Советского Союза, извращая события и факты, стремятся фальсифицировать историю в своих корыстных классовых интересах.

На социально-классовую подоплеку буржуазной фальсификации истории указывал Ф. Энгельс: «Буржуазия все превращает в товар, а, следовательно, также и историю. В силу самой ее природы, в силу условий ее существования ей свойственно фальсифицировать всякий товар: фальсифицировала она также и историю. Ведь лучше всего оплачивается то историческое сочинение, в котором фальсификация истории наиболее соответствует интересам буржуазии»¹⁰.

Развивая мысль Энгельса о социально-классовых корнях буржуазной фальсификации истории, В. И. Ленин писал: «Когда идейное влияние буржуазии на рабочих падает, подрывается, слабеет, буржуазия *везде и всегда* прибегала и будет прибегать к самой отчаянной лжи и клевете»¹¹.

Буржуазная фальсификация истории, в том числе военной, «запрограммирована» самим капиталистическим строем.

Анализ работ современных буржуазных военных историков полностью подтверждает правоту основоположников марксизма-ленинизма в их оценке буржуазной общей и военной историографии. Выработанные ими принципы борьбы с буржуазной идеологией позволяют военно-исторической науке правильно и целеустремленно решать свои задачи в этой области.

Буржуазная историография войн, особенно истории второй

мировой войны, извращает характер войны, ее причины и итоги. Это делается для того, чтобы идейно оправдать подготовку империалистов к новой мировой войне, подрывать международный авторитет Советского Союза, сыгравшего главную роль в победе над фашизмом и милитаризмом.

Извращая социальную природу, функции, назначение и историю Советских Вооруженных Сил, буржуазные идеологи стремятся доказать, что Советские Вооруженные Силы созданы якобы для агрессии, для насаждения силой «коммунистических режимов», и тем самым пытаются обосновать «законность» милитаристской агрессивной политики империализма.

Буржуазная военная история преследует и другие цели: оправдание гитлеровского генерального штаба и вермахта, превознесение заслуг американско-английских войск в годы второй мировой войны, обоснование политики сколачивания военных блоков, особенно НАТО, и т. п.

Опираясь на марксистско-ленинскую философию, ее мировоззренческие, методологические принципы, военно-историческая наука Советского Союза и других социалистических стран ведет принципиальное, аргументированное наступление на буржуазную военную историю. Она умело разоблачает классовые и гносеологические истоки и методы искажения истины в буржуазной военной историографии, показывает ненаучность ее методологии, на конкретном фактическом материале убедительно разоблачает реакционные взгляды буржуазных историков и мемуаристов, фальсифицирующих важнейшие события военной истории, особенно новейшего времени, показывает методологическую несостоятельность и реакционную направленность буржуазных теоретических концепций, применяемых для преднамеренного извращения событий и фактов военной истории¹². «В борьбе двух мировоззрений, — подчеркивает Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев, — не может быть места нейтралитету и компромиссам. Здесь нужна высокая политическая бдительность, активная, оперативная и убедительная пропагандистская работа, своевременный отпор враждебным идеологическим диверсиям»¹³.

¹² Анализ и марксистская критика подобного рода работ дана, в частности, в следующих книгах: Война, история, идеология. М., 1974; Военная история — фронт идеологической борьбы. М., 1972; Вторая мировая война и современность. М., 1972; *Епишев А. А.* Идеологическая борьба по военным вопросам. М., 1975; *Жилин П. А.* Проблемы военной истории. М., 1975; *Коротков Г. И.* Критика буржуазных фальсификаторов военной истории. М., 1970; *Мерцалов А. Н.* Западногерманские историки и мемуаристы о второй мировой войне. М., 1967; *Резцов Г. Н.* Правда и вымысел о второй мировой войне. М., 1970; *Ржешевский О. А.* Война и история. М., 1976; *Салов В. И.* Историзм и современная буржуазная историография. М., 1977; *Яковлев А. Н.* Идеология американской «империи». М., 1967, и др.

¹³ Материалы XXV съезда КПСС, с. 74.

⁹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 74.

¹⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 524.

¹¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 352.

Особое значение приобретает своевременное и убедительное разоблачение буржуазной военной истории, которая все шире применяется реакционными силами для идеологической обработки населения в духе гегемонистских устремлений империализма, реваншизма, милитаризма, расизма и т. п. Препарированный и фальсифицированный военно-исторический опыт служит средством стимулирования гонки вооружений, обострения международной обстановки.

Буржуазная военная история особенно часто используется для обоснования агрессивных военно-политических концепций и военных доктрин США, Англии и т. д. По существу на военную историографию империалистические идеологи и политики смотрят как на источник и основу современных военных взглядов и теорий. Они с большой охотой привлекают военных историков для выработки политики правительств, для разработки агрессивных планов, направленных против социализма и национально-освободительного движения.

Ведя борьбу с буржуазной военной историографией, необходимо учитывать, что в последнее время буржуазная военная историография стала более гибкой и изворотливой, и в то же время, включив в себя реакционные социологические взгляды, стала еще более антиисторичной и антинаучной, более реакционной. Успехи советской военно-исторической науки в борьбе с буржуазной объясняются тем, что она служит справедливой, революционной политике и опирается на последовательно научную мировоззренческую и методологическую основу. Сила марксистской военной истории в том, что при рассмотрении и анализе военно-исторических событий она смотрит на них с позиции рабочего класса, с позиции стран социализма, а это является верным компасом для правильного и объективного освещения истории. Наступление на военно-историческом участке идеологической борьбы ведется путем создания проникнутых духом коммунистической партийности подлинно научных трудов, в которых смело ставятся и решаются важные и актуальные проблемы военной истории вообще, истории войн современной эпохи в особенности.

Глава седьмая

ПРОБЛЕМА ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Реальны ли факты и события, ушедшие в прошлое, применима ли к ним эта категория и что дает она нам для познания исторических явлений? Правильно ли говорить, что прошлое обладает достоинством реальности, а если да, то каковы формы его существования? Все эти вопросы решаются в военной истории через призму основного вопроса философии.

Отражение объективной действительности в сознании человека составляет содержание процесса его познавательной деятельности. Что же представляет собой объект военно-исторического исследования и возможно ли его адекватное отражение в наших знаниях — вопрос, на который военный историк отвечает в зависимости от разделяемого им философского мировоззрения. Существенной стороной ответа на этот вопрос является раскрытие понятия военно-исторической реальности.

Правильность ответа на поставленные вопросы зависит от мировоззрения военного историка. То или иное мировоззрение всегда лежало в основе решения проблемы исторической реальности и ее познаваемости, т. е. специфического предомления основного вопроса философии применительно к военной истории. Материализм и идеализм давали и дают на него диаметрально противоположные ответы. Диалектический материализм стоит на точке зрения познаваемости мира, объектом же познания является не мираж, а реальность. Поэтому марксистская философия отстаивает принцип реальности исторического материала.

СУЩНОСТЬ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Военно-историческая реальность — понятие емкое, ибо деятельность людей в военной области исключительно многогранна. Она тесно связана со всеми сторонами общественной жизни и охватывает многообразную деятельность людей в военной области, которая действительно имела место в прошлом в ее самых разнообразных формах: строительство вооруженных сил, их обучение и воспитание, производство оружия, военной тех-

ники и снаряжения, ведение войн, развитие военного искусства и т. п.

Вместе с тем было бы неверно сводить военно-историческую реальность к прошлой военной практике. Нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что совершившиеся военные события могут оказывать (и нередко довольно долго) влияние (как положительное, так и отрицательное) на последующие события, на материальные и духовные процессы общественной жизни и практически содержаться в них в виде реальных последствий. Однако реальность современная и историческая различаются степенью своей полноты и отношением к понятию наличного бытия. Понятие «бытие» шире понятия «существование», оно охватывает все то, что было в прошлом, существует сейчас и может перейти в будущее. Настоящее есть высшая степень полноты реальности.

События военного прошлого также обладают различной степенью реальности. Эта степень выражается в характере и силе их влияния на современную общественную жизнь и военное дело, что в свою очередь в определенной мере зависит от той временной дистанции, которая отделяет прошлые события от современности. Военное искусство Кутузова продолжает «жить» и сегодня, но степень его влияния на современное военное искусство несравненно меньше, чем на военное искусство периода первой мировой войны. Степень влияния социально-политических итогов войн также зависит от их исторической дистанции. Степень реальности войн прошлого (далекого и близкого) с точки зрения «живучести» в современных социальных процессах находится в зависимости от их бывшего размаха, масштабности, от того, насколько глубоко они в свое время затронули общественную жизнь, от характера и силы внесенных в нее изменений.

Военно-историческая реальность всегда связана с характером социальной деятельности людей в военной области, определяется общественно-политическими интересами и целями. Политические интересы классов определяют направление и характер их военной деятельности; в зависимости от классовой позиции она может быть прогрессивной или реакционной.

Революционные классы стремились использовать военное дело, военную теорию и практику в интересах прогрессивного развития общества, завоевания политической власти, осуществления (или обеспечения) прогрессивных социально-политических и экономических преобразований, защиты завоеваний революции и национальной независимости от посягательств внутренней и внешней реакции. Реакционные классы используют военное дело для подавления революционного движения народных масс внутри страны, завоевания и порабощения других народов, подавления национально-освободительного движения народов.

Военно-историческая реальность включает материальную и духовную деятельность людей в военной области. Материальная деятельность людей, военная практика составляет основу реальности.

Военная практика, как и всякая другая практическая деятельность людей, представляет собой единство объективного и субъективного. Субъективной ее стороной является целеполагающая деятельность человека¹. Свои практические действия человек подчиняет какой-то заранее определенной цели, оказывающей свое влияние на характер и способ его деятельности. Цели, преследуемые человеком в ходе его практической деятельности, имеют объективную обусловленность: они «порождены объективным миром и предполагают его, — находят его как данное, наличное»².

Объективные условия военной практики составляют: объект, на который направлена деятельность людей (в вооруженной борьбе это — прежде всего противник), процесс их взаимодействия с объектом и материальные средства, используемые людьми для достижения поставленных перед собой целей. К объективным условиям военной практики относятся также законы военной деятельности, не зависящие от воли и желания людей. Военачальники не могут их отменить, но, сообразуясь с объективными условиями, с обстановкой, они учитывают и используют их для достижения победы над противником.

С категорией «военная практика» тесно связана категория «военно-исторический опыт». Термины «практика» и «опыт» зачастую употребляют как синонимы, обозначающие практическую деятельность человека. Однако военно-исторический опыт и военная практика в действительности совпадают неполностью. Категория «военная практика» отражает весь процесс деятельности людей в военной области. Категория «военно-исторический опыт» — определенный результат этой деятельности, нечто уже относительно завершенное, достигнутое. Категория «военно-исторический опыт», совпадая с категорией «военная практика» в главном — в активном, целеполагающем воздействии субъекта на объект, означает отражение результатов этого воздействия в виде знаний, умений и навыков. Эта категория отражает степень, характер и особенности овладения объективными закономерностями развития военного дела, достигнутые людьми на соответствующих этапах его развития в мирное и военное время. Она отражает такие факты военной практики, которые свидетельствуют о возникновении новых явлений в военном деле, напри-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 170.

² Там же, с. 171.

мер, возникновение новых организационных форм в строительстве вооруженных сил, новых приемов и способов ведения вооруженной борьбы и т. п. (положительный опыт), в обнаружении уже устаревших сторон военных явлений, например неэффективных способов действий войск и т. п.

Военно-историческая и теоретическая мысль изучает и положительный и отрицательный опыт, извлекает из него уроки и выводы и вырабатывает соответствующие рекомендации.

Объективной основой накопления военно-исторического опыта является военная практика. Говоря словами Ф. Энгельса, «мы делаем нашу историю сами, но, во-первых, мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях... Во-вторых, история делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая — историческое событие»³.

Военная практика диалектически противоречива, имеет объективную и субъективную стороны. Столь же противоречивы военно-исторические события, факты, процессы. Военно-историческая реальность раскрывается через выяснение диалектики субъекта и объекта. Во взаимосвязи объективного и субъективного в военно-исторических событиях, фактах, процессах определяющую роль играет объективное. Однако на разных уровнях военной деятельности его роль неодинакова. В войне между государствами и коалициями объективным будет весь комплекс материальных условий и экономических отношений борющихся сторон, законы войны. Непосредственно в вооруженной борьбе для каждой стороны объективным будет противник с присущими ему силами, средствами, положением, планами и действиями, сама сложившаяся обстановка, включая местность, метеословия, время года и суток, замысел вышестоящего командования и полученную боевую задачу, свои наличные силы и средства, их боевые возможности, силы и возможности соседей.

Субъектом в войне выступают действующие массы, классы, политические партии, преследующие определенные интересы и цели в войне. В вооруженной борьбе субъектом является и отдельный военнослужащий и подразделения, части и т. д., действия которых объединены общими задачами и целями.

Каждое военно-историческое событие имеет свои конкретные, только ему присущие объективные и субъективные стороны.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 395.

Здесь в конечном счете определяющим является объективная сторона, а в конкретных случаях формы взаимосвязи ее с субъективной бывают многообразными. Это зависит от характера и степени соответствия этих сторон друг другу. Много зависит от самого субъекта военной истории, его подготовленности и умения правильно анализировать объективные факторы и условия обстановки и соответственно им верно определять цели действий, средства и способы их достижения⁴.

В связи с тем, что степень реальности военно-исторических событий зависит от времени, представители идеалистической философии, прежде всего позитивисты, дают методологические установки, отрицающие историческую реальность. Они считают, что «единственной реальностью является настоящее»⁵.

С отрицанием реальности исторических событий связаны философско-исторические концепции априоризма, релятивизма и субъективизма. Ставя на первое место не объективную реальность, а мысль, идею, авторы буржуазных философских концепций истории дают перевернутое толкование природы военно-исторических фактов и тем самым ограничивают или вовсе отрицают самую возможность достижения истины в познании событий и фактов истории. Так, современный французский социолог Р. Арон исторические факты считает субъективной конструкцией исследователя. Он пишет: «Битва, увиденная историком... является реальностью только в его сознании»⁶. Эту точку зрения буржуазные историки пытались проповедовать с трибуны XIII (1970 г.) и XIV (1975 г.) международных конгрессов исторических наук. Итальянский историк Э. Сестан утверждает, что факт, событие «не являются реальностью сами по себе. Это продукт нашего мозга... Факт, о котором ни один человеческий мозг не имеет представления, не является совершившимся...»⁷.

При таком подходе к истолкованию природы военно-исторического факта, когда на первое место ставится не объективное событие военной истории, его реальность, а лишь идея, мысль о нем, под сомнение ставится по существу и сама возможность познания военной истории, объективно верная реконструкция ее событий. Извращенное толкование природы фактов, составляющих ткань военно-исторической реальности, служит одним из гносеологических корней фальсификации военной истории.

Подлинно научное толкование природы военно-исторических фактов, их сущности дает только марксистско-ленинская мето-

⁴ См.: Марксистско-ленинская методология военной истории. М., 1976, с. 184—192.

⁵ Рейхенбах Г. Направление времени. М., 1962, с. 12.

⁶ Aron R. Introduction to the Philosophy of History. An Essay on the Limits of Historical Objectivity. Boston, 1964, p. 113, 118.

⁷ Сестан Э. История событий и история структур. М., 1970, с. 5.

дология военной истории. Исходным положением в данном случае является признание объективности содержания военно-исторических фактов, т. е. признание того, что своим источником они имеют реальную действительность — практическую деятельность людей в военной области.

Правильное истолкование категории «военно-историческая реальность» неотделимо от понятия «историческое время». Военно-историческая реальность, формы ее конкретного бытия всегда существуют в определенном историческом времени и пространстве. Фиксация пространственно-временных рамок бытия явлений есть лучшее подтверждение его реальности. Разработка этих категорий как в методологии всеобщей, так и в военной истории этих категорий представляет огромный интерес.

С пониманием категории «военно-историческое время», его основных черт и функций в процессе исследования военно-исторической реальности связана целая цепочка вопросов, имеющих важное мировоззренческое и методологическое значение для военно-исторической науки. К ним можно отнести вопросы о том, каковы объективные критерии определения временных отношений в военной истории, т. е. какова природа и структура категории «время» применительно к военной истории как объективному процессу, с одной стороны, и развития военно-исторических знаний — с другой.

Категория «историческое время» всегда привлекала к себе внимание историков, философов, социологов. Этот вопрос занимал древнегреческих и древнеримских историков, а в средние века — идеологов христианства. Античные историки Геродот, Фукидид, Полибий, освещавшие военно-исторические события, не только видели свою цель в изложении того, что им известно о том или ином событии, но и определяли их временные рамки.

Освещение событий общей и военной истории требовало находить такой отправной пункт, который послужил бы «точкой отсчета». Возникает вопрос об историческом времени. Характерными способами его решения было выделение определенного полиса (а если шире — географического региона) и отсчет времени от олимпийских игр. Так возникает региональная (ограниченная) хронология как выражение исторического времени. Однако уже для Полибия и других древних историков характерным становится не только диахронный (последовательный по времени) подход к освещению событий, но и синхронный. Такой подход понадобился, в частности, Полибию для показа всех тех событий, которые совершались одновременно и, по его убеждению, объективно способствовали быстрому росту могущества Рима, его влиянию на судьбы других народов Средиземноморья и объясняли возникновение Римской империи. Для древнегреческих и древнеримских историков в целом присуща связь стихийной идеи

развития общества с их пониманием исторического времени как последовательной смены событий.

В средние века попытку сформулировать концепцию исторического времени предпринял Джамбаттиста Вико. Он вывел общий принцип, согласно которому для всех народов характерны три стадии развития: век богов, век героев, век людей. По его мнению, Египет, Греция и Рим прошли все эти стадии и после падения Римской империи человечество вновь оказалось в стадии «века богов», после чего в период средневековья наступил «век героев», который сменяется цивилизованным «веком людей». Хотя в отличие от эвangelьской концепции времени теория Вико не отрицает изменений и развития в истории человечества, все же она представляет ее в виде вечного круговорота.

Решить проблему исторического времени с идеалистических позиций оказалось совершенно невозможно. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры. Даже Гегель, который, по словам Ф. Энгельса, «впервые представил весь природный, исторический и духовный мир в виде процесса, т. е. в непрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии, и сделал попытку раскрыть внутреннюю связь этого движения и развития»⁸, решил эту проблему в духе своей идеалистической системы, в перевернутом виде. Однако «его историческая заслуга, — пишет далее Ф. Энгельс, — состояла в том, что он поставил ее»⁹.

Другие исследователи-идеалисты, например Конт и Шпенглер, также пытались решить проблему исторического времени в отрыве от реального общеисторического процесса. В основу периодизации истории Конт положил идеалистическую концепцию о трех ступенях развития способа мышления, которые, по его мнению, накладывают отпечаток на все социальные отношения и процессы, а каждому из них соответствует и определенная историческая эпоха. Такими способами мышления являются: теологический, абстрактный и позитивный. С помощью первого способа события истории объяснялись вмешательством сверхъестественных сил; второго — посредством различных абстрактных идей, субстанций и т. п.; третьего — объяснение истории относилось лишь к новейшему времени. Исходя из этой концепции, Конт не видел единства исторического процесса и полагал возможным лишь отдельные культурно-исторические периоды, существующие как замкнутые в себе и параллельные друг другу.

О. Шпенглер, основываясь на своей иррационалистически-мифологической концепции, утверждал, что всемирная история как таковая не существует. Понять же ту или иную историческую эпоху можно, лишь постигнув сущность феномена «великих

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 23.

⁹ Там же.

культур», история которых «представляет полную аналогию с историей отдельного человека, животного, дерева или цветка»¹⁰ и «переживает возрасты отдельного человека: детство, юность, возмужалость и старость»¹¹. Поэтому он делал вывод, что исторические эпохи рождаются, развиваются, стареют и умирают по циклу, равному примерно одной тысяче лет. Такая трактовка исторического времени фактически означала концепцию круговорота в истории и была отходом от историзма в объяснении всемирной истории и истории отдельных стран и народов.

Этот краткий экскурс в историю вопроса показывает, что с позиций идеализма и теологии проблема реальности времени не могла быть решена, ибо рассмотренные концепции по существу означали отрицание самого процесса исторического развития человечества, представляли историю либо как бег по кругу, либо как замкнутую логическую систему. Подлинно научное решение этой проблемы исторического времени стало возможным только на основе материалистического понимания истории, учения об общественно-экономических формациях.

Указание на закономерный естественноисторический характер общественного развития, протекающего в ходе эволюции и смены общественно-экономических формаций, дает ключ к правильному пониманию содержания категории исторического времени. Объективным содержанием военно-исторического времени является развитие военно-исторической реальности во всем ее многообразии. На основе учета объективного содержания исторического времени определяется значимость и хронологические рамки каждого исторического события.

Марксизм указывает, что формы проявления закономерностей общественного развития весьма разнообразны и зависят от конкретно-исторических условий. Отсюда вытекает и требование конкретности в подходе к анализу и оценке исторических явлений, его времени. «Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса,— писал В. И. Ленин,— является постановка его в *определенные* исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране (например, о национальной программе для данной страны), учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи»¹².

Понятие военно-исторического времени отражает необходимую последовательность фаз развития военно-исторической реальности. Военно-историческое время обладает признаками объективности, необратимости, последовательности и всеобщности.

С точки зрения всеобщности военная история есть взаимосвязанная цепь возникновения и функционирования военных событий и процессов, их исчезновения или перехода в другие состояния. Военная история — процесс развития военного дела, военной практики, мирные и немирные формы которых взаимосвязаны и взаимообусловлены. Этот процесс складывается из отдельных, но взаимосвязанных событий, каждое из которых характеризуется таким признаком, как длительность существования. В различные фазы своего бытия событие может иметь различный пространственный размах, разную степень влияния на ход истории, неодинаковую напряженность, темпы и т. п. Учет таких объективных показателей служит основанием для выделения определенных периодов в развитии военно-исторического процесса и его событий.

В этой связи необходимо отметить неправомочность отождествления исторического времени с простой хронологической последовательностью событий или их фаз, что характерно для буржуазной историографии с ее периодизацией всеобщей истории «по векам», «по королям», «по династиям», «по войнам», «по политическим режимам» и т. п.

Военно-историческое время характеризуется особой мерой плотности и спецификой с точки зрения точности количественного исчисления. Здесь нередко решающее значение имеют часы и минуты потому, что от их верного учета и использования в конкретной боевой и военно-политической обстановке, от своевременности принятия решения и его выполнения успех зависит в большей степени, чем во многих других исторических процессах. Учет высокой плотности военно-исторического времени — это особая сторона специфики военно-исторических исследований.

Важное значение имеет учет фактора времени и для объективно верного освещения не только отдельных военных эпизодов, но и военно-исторического события в целом и совокупности, цепи событий.

В военной истории время обладает различной степенью плотности для различных событий и даже периодов внутри одного события. Более емким, насыщенным и уплотненным будет время событий и процессов, имеющих место в ходе войны, по сравнению с военными событиями мирного времени. Но даже в пределах одного периода войны события на разных ее участках будут характеризоваться неодинаковой степенью емкости, насыщенности во времени. В качестве примера можно назвать события на советско-германском фронте как исключительно плотные и напряженные по сравнению с событиями на других фронтах второй мировой войны.

Особой плотностью и емкостью отличается время тех событий, которые знаменуют собой ключевые, переломные, кульмина-

¹⁰ Шпенглер О. Закат Европы, т. I. М.— Пг., 1923, с. 111.

¹¹ Там же, с. 114.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 263—264.

ционные пункты войны, например Московская, Сталинградская и Курская битвы в ходе второй мировой войны.

Естественно, военно-историческое время не есть прямая линия поступательного развития. Оно характеризуется бесконечными перерывами постепенности, скачками. Причем это характерно для всех отраслей военной истории — истории войн, военного искусства, военного строительства, военной техники, развития военной науки и т. д. В военной истории бывают и такие периоды, о которых применительно ко всеобщей истории К. Маркс говорил, что это «история без событий»¹³⁻¹⁴. Причем это относится не только к мирному времени, но и к военному. Убедительным примером последнего с точки зрения развития вооруженной борьбы является период так называемой «сгранной войны» в начале второй мировой войны.

Характеристика военно-исторического времени в его глобальном масштабе будет неполной, если не проследить его рамки и связи с современностью. Военно-историческое время берет начало с появления антагонистических классов, армий и войн как специфических насильственных средств достижения политических целей этих классов. Что касается «конечной» грани военно-исторического времени «последнего» военного события, то она находится в непрерывном движении, как и понятие современности. Понятие сегодняшнего дня, данного времени, данной минуты «современной войны» и т. п. постоянно обновляется с естественным течением жизни общества.

Раскрытие содержания понятия «военно-историческое время» в гносеологическом отношении означает не что иное, как установление характера движения и развития объекта военно-исторического исследования, границ его длительности, синхронности с другими событиями. С этим связаны интерпретация закономерностей развития этого объекта, его периодизация, а также решение вопроса отбора единиц временных измерений, позволяющих наиболее верно реконструировать военное прошлое и выработать выводы и рекомендации для будущего.

ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЗНАНИЯ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

От мировоззренческой основы военно-исторической науки зависит и ответ на вопрос о познаваемости и методе познания событий и фактов военной истории, т. е. всего того, что в настоящий момент непосредственно не существует.

¹³⁻¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 142.

Ответ на этот вопрос с позиций буржуазно-идеалистического и марксистского материалистического мировоззрений будет в корне различным. В противоположность идеализму, полагающему, что историк не столько познает прошлое, сколько сам творит его, диалектико-материалистическое мировоззрение дает положительный ответ на вопрос о познаваемости прошлого, выступает теорией и методологией познания.

Методологическое значение философского материализма К. Маркса и Ф. Энгельса особо подчеркивал В. И. Ленин, указывая, что благодаря этому открытию человечество получило великое оружие познания и преобразования мира. Диалектический материализм утверждает, что спекуляции буржуазных авторов на том, что события военного прошлого непосредственно не даны исследователю, а потому, дескать, и не познаваемы, лишены объективной основы. Марксизм-ленинизм исходит из того, что все явления, факты, процессы объективного мира познаваемы. В военной, как и всеобщей, истории реальные факты, события и процессы отражены в массе различных документов, памятников истории. При критическом их анализе они служат источником познания военного прошлого. Источником же они служат именно потому, что в них так или иначе отражена, запечатлена военная практика прошлого, прежде всего материальная деятельность людей в военной области. Задача исследователя состоит в том, чтобы установить все то, что может быть признано объективной информацией о военно-исторической реальности, и на этой основе воссоздать ее события. Это исключительно сложная, но вполне осуществимая задача.

В многочисленных работах классики марксизма-ленинизма дали классический образец применения диалектико-материалистического мировоззрения в качестве метода научного объяснения событий истории.

Огромное методологическое значение марксистского философского материализма в утверждении познаваемости военно-исторического процесса раскрывается в том, что его законы и категории отражают наиболее общие, существенные и необходимые связи и отношения всей объективной действительности, следовательно, и военной истории. В силу своего всеобщего характера они служат методологическим средством ориентировки в исходном эмпирическом материале, в исследовании закономерностей, действующих в военно-исторической области.

Закон единства и борьбы противоположностей ориентирует военного историка на выяснение тех конкретных противоречий, которые явились источником возникновения и развития исследуемого процесса, объективной основой его самодвижения, на раскрытие противоречий, лежащих в основе закономерного развития организации войск, военной техники и военного искусства.

Закон перехода количества в качество и обратно позволяет исследователю правильно определить характер развития изучаемого явления на основе прослеживания конкретных изменений в его количественной и качественной определенности. На основании этого исследуется количество и качество войск, соотношение сил воюющих сторон в изучаемой войне, кампании, операции, в бою и тем самым глубже уясняются причины побед или поражений.

Закон отрицания отрицания ориентирует военных историков на поиски конкретных направлений, тенденций в развитии организации войск, военной техники, способов и форм ведения войны и вооруженной борьбы. Он позволяет понять диалектический характер связи между новым и старым на протяжении всей истории развития военного дела и тем самым определить отношение настоящего к военному опыту прошлого, определить, что из него представляет интерес для военной науки и может быть использовано в современных условиях. Этот закон показывает поступательный характер развития военного дела, неодолимость нового, которое является не простым («зряшным») отрицанием, а диалектическим, с удержанием положительного из предшествующего развития.

Однако основные законы диалектики не служат готовой «отмычкой» для проникновения в сущность военно-исторических событий, они ориентируют исследователя на раскрытие тех глубинных взаимосвязей, изучение которых обеспечивает основу для решения конкретных вопросов данной науки, применения ее категориального аппарата в правильном направлении. В этом усматривается необходимость глубокого исследования методологического значения законов диалектики для военно-исторической науки.

Логико-методологические функции в познании военного прошлого выполняют также и категории материалистической диалектики. Будучи предельно широкими понятиями, отражающими наиболее общие и важные связи и отношения объективной действительности, категории материалистической диалектики также служат методом познания конкретных явлений. Их применение в определенной взаимосвязи и последовательности обеспечивает научность исследования на всех его этапах.

Умелое применение законов и категорий диалектики для познания военной истории обеспечивает всесторонний и глубокий анализ всей совокупности фактов, раскрытие их содержания, сущности, причин и следствий, позволяет определить место отдельного явления в системе других явлений, изучить тенденции его развития.

Важнейшее значение для военно-исторической науки имеет марксистско-ленинская, диалектико-материалистическая теория

познания. Она указывает путь достижения истины при исследовании военно-исторических событий, ориентирует историка на анализ соотношения абсолютного и относительного в истине, ее конкретности, позволяет видеть критерий этой истины в соответствии наших знаний реальному объективно-историческому процессу. Теория познания подчеркивает важную роль принципа единства теории и практики, учит видеть определяющую роль практики по отношению к теории и вместе с тем активную роль теории по отношению к практике. Она раскрывает формы и методы научного исследования, их соотношение.

Военно-историческая наука использует также категории марксистской социологии: общественно-экономическую формацию, способ материального производства, базис, надстройку, идеологию, общественную психологию, общественный класс, государство, социальную революцию, войну, вооруженные силы и др. Исследуя ту или иную конкретную войну, военный историк обязательно будет исходить из определяющего влияния способа производства на политику тех общественных классов, продолжением которой явилась война, на расстановку классовых сил воюющих сторон, формы государственного устройства, характер господствующей идеологии в той или другой воюющей стране, отношение народных масс к этой войне, на уровень материального производства и развития военной техники воюющих государств и т. п.

Основные положения исторического материализма дают возможность представить историю общества взаимосвязанной сетью закономерных фактов. Они позволяют исследовать общие закономерности исторического процесса, его сущность и на этой основе глубже раскрывать конкретное их проявление. Опираясь на положения исторического материализма, историк выясняет механизм действия социологических законов в определенный исторический период в их конкретном многообразии.

Это означает, что и исследователь военной истории, оперируя категориями исторического материализма, использует их, во-первых, в качестве принципа для отбора фактического материала; во-вторых, в качестве средств анализа, средств расчленения изучаемого явления на такие стороны, которые отражаются соответствующими социологическими категориями; в-третьих, в качестве принципа и средства описания и объяснения как отдельных фактов, относящихся к изучаемому явлению, так и явления в целом.

Военно-историческая наука опирается на категории и положения марксистско-ленинского учения о войне и армии. С одной стороны, военно-историческая наука непосредственно оперирует этими категориями, а с другой — они служат ей определенными методами, средствами отбора и анализа фактического материала. Марксистско-ленинская теория происхождения и сущности армии

и войны, положения о социальном характере и типах войн, о зависимости вооружения, состава, организации, стратегии и тактики вооруженных сил от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения, положения о непосредственной связи развития военного дела с революционной сменой общественно-экономических формаций, о разложении и упадке военной организации классово-антагонистического общества под влиянием роста его противоречий — эти конкретные положения марксистско-ленинского учения о войне и армии являются важнейшими методологическими принципами советской военно-исторической науки.

Таким образом, основные законы и категории диалектики, положения и категории марксистско-ленинской философии дают фундаментальную основу военно-исторической науке для определения объективного критерия отбора, анализа и оценки военно-исторических фактов и событий. Они служат необходимым и надежным инструментом познания военной истории, имеют основополагающее методологическое значение. При этом используемые в военно-историческом исследовании положения марксистско-ленинской философии наполняются конкретным содержанием и выступают в специфически присущей военно-исторической науке форме.

Процесс военно-исторического исследования в каждом конкретном случае характеризуется помимо общих черт, присущих всякому научному познанию, также и весьма специфическими особенностями, обусловленными природой, содержанием исследуемых событий. Диалектический метод дает общие идеи, установки и направление познавательному процессу, указывает на общие методологические принципы, применение которых обеспечивает успех в изучении этих событий. В силу общности своей объективной основы диалектический метод не может раскрыть всей специфики конкретного процесса исследования и потому не подменяет собою других, более частных, методов познания. Более того, в каждом конкретном случае сила общенаучных и частных методов познания коренится прежде всего в их соответствии всеобщему методу, в их опоре на принципы, законы и установки диалектико-материалистического метода. Его принципы всеобщности и конкретности ориентируют исследователя на использование частных научных методов и приемов в их тесной взаимной связи, предполагают их. Вместе с тем, и это главное, он составляет научную основу, базу для разработки и применения конкретных методов исследования.

Исходя из познаваемости событий прошлого, которая вполне осуществима при объективном подходе к исследованию источников самого различного характера, диалектико-материалистический метод учитывает всю сложность такого исследования, при кото-

ром неприменима проверка путем непосредственного наблюдения события, постановки эксперимента, идентичного его повторения и т. п. Он учитывает также и тот факт, что сам источник (документы, летописи, мемуары и т. п.) может носить характер субъективного искажения, имевшего место факта и даже сознательной фальсификации.

Марксистско-ленинская методология различает факты реальной действительности и факты-знания. В первом случае факт рассматривается как одно из звеньев в общей цепи реального исторического процесса; во втором — определенная форма знания о событиях и процессах прошлого. Факт действительности становится научным историческим фактом лишь при условии, если его реальность установлена на основе анализа исторических источников.

В научных исторических фактах прошлое воспроизводится на основе достоверных источников — письменных документов, вещественных памятников, свидетельств очевидцев исторических событий и т. п. Словом, между реальными событиями прошлого и научными знаниями о них имеется посредник — исторические источники. Поэтому для установления истины принципиально важное значение имеет правильный подход к изучению исторических источников.

Марксистско-ленинская теория познания в определении природы и сущности исторического источника исходит из генетического принципа, т. е. учитывает конкретные исторические условия его возникновения. Этот принцип дает основание рассматривать военно-исторические источники как результат и продукт деятельности людей в военной области, которые определенным образом фиксируются в виде вещественных, письменных, этнографических и других памятников. Последние органически связаны с конкретными общественно-историческими условиями и до того, как стать источниками изучения военного прошлого, выполняли определенные функции (например, оружие поражало противника, боевые приказы нацеливали людей на определенные действия, карты отражали положение войск и план боя и т. п.). В них отражены явления и факты реальной военной действительности. Генетический принцип позволяет более правильно оценить содержащуюся в источнике информацию о событиях и фактах военного прошлого.

Так, марксистско-ленинская теория отражения утверждает независимое от человека существование военно-исторической реальности, которая, воздействуя на его сознание, отражается им и тем самым выступает первопричиной возникновения разнообразных следов, свидетельств военной деятельности людей, могущих послужить источниками достоверного познания военной истории. Вместе с тем она учитывает и особенности субъективного момента в процессе отражения.

Дело в том, что деятельность людей в военной области отражается в исторических источниках также людьми, обладающими определенным уровнем сознания, социальным положением и преследовавшими определенные цели. Это накладывает известный отпечаток на характер освещения ими объективных фактов. Поэтому, анализируя документ, необходимо выявить степень объективности восприятия событий автором источника, обусловленную его мировоззрением, классовым положением, уровнем культурного развития, а также той обстановкой, в которой составлялся источник, и целями его составителя (например, стремление умалить свою или чью-то вину за определенный ход событий или, наоборот, возвеличить какие-то заслуги и т. д. и т. п.).

Объективную сторону источников, а следовательно, и установленных на их основе научных военно-исторических фактов составляет информация о реальных событиях, причинах и закономерностях их возникновения, развития и исхода, о различных аспектах этих событий, т. е. все те сведения, которые верно, неискаженно отражают действительность и зафиксированы в источниках. Например, вторая мировая война как реальное военно-историческое событие была обусловлена рядом причин, вытекающих из самой сущности империализма, из раздражающих его противоречий. Как следствие этих причин она представляет собой событие, охватывающее огромное количество реальных связей, связей, сторон, относящихся к области экономической, идеологической, политической, дипломатической и собственно военной. Последняя в свою очередь охватывает организацию, состояние, обученность войск и их действия на театрах войны, связь фронта и тыла страны и многое другое. Будучи отраженными и зафиксированными в многочисленных исторических источниках, эти моменты составляют содержание военно-исторических фактов, их объективный аспект.

Но, как известно, одни и те же события далеко не одинаково воспринимаются людьми, классовые и национальные интересы которых различны. Этим, в частности, и объясняется умаление многими буржуазными историками значения одних операций на фронтах второй мировой войны и необоснованное, чрезмерное восхваление тех операций, роль которых для хода и исхода второй мировой войны в действительности была не столь значительной.

Таким образом, диалектико-материалистическое мировоззрение является надежной основой научного решения проблемы познаваемости военной истории, средством единственно верного анализа и оценки многообразных военно-исторических событий и фактов.

Глава восьмая

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

В соответствии с основными положениями марксистско-ленинской философии военно-историческая наука рассматривает свои объекты с точки зрения не только их реальности и познаваемости, но и движения, развития. Концепция развития относится к числу основополагающих в материалистической диалектике.

В настоящее время концепцию развития признают не только марксисты. Существуют и недиалектические, метафизические взгляды на развитие, широко представленные в буржуазных военно-исторических трудах. Поэтому, рассматривая вопросы применения диалектической концепции развития в советской военно-исторической науке, необходимо видеть ее коренное, качественное отличие от метафизической, понимать, что именно эти отличия позволяют ей быть подлинно научной основой постижения истины в области военной истории.

ЗНАЧЕНИЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ДЛЯ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Подлинно научная диалектико-материалистическая концепция развития разработана К. Марксом и Ф. Энгельсом, развита В. И. Лениным, марксистско-ленинскими партиями. Основоположники марксизма создали общую теорию процесса развития и одновременно творчески ее применили к истории общества, включая и его военную историю. «... Все общественные порядки, сменяющие друг друга в ходе истории,— отмечает Ф. Энгельс,— представляют собой лишь преходящие ступени бесконечного развития человеческого общества от низшей ступени к высшей»¹.

Сущность диалектико-материалистической концепции развития раскрывается классиками марксизма-ленинизма через такие понятия, как «движение», «изменение», «развитие», «прогресс», которые определенным образом отличаются друг от друга, так

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 275.

как не всякое изменение и не всякий процесс может характеризоваться как развитие.

Развитие представляет собой высший тип движения, изменения материи и сознания; это — переход от одного качественного состояния к другому, от старого к новому. Развитие — не всякое изменение, а изменение качественное, связанное с преобразованиями во внутреннем строении объекта, в его структуре, представляющее собой совокупность функционально связанных между собой элементов, связей и зависимостей: «развитие заведомо не есть простой, всеобщий и вечный *рост, увеличение* (respective уменьшение) etc.»².

Диалектическая концепция считает источником развития становление и разрешение противоречий, борьбу нового со старым, борьбу противоречивых, взаимоисключающих, противоположных тенденций, свойственных природе, обществу и духовной жизни. «Развитие есть «борьба» противоположностей»³.

В этом состоит принципиальное отличие диалектической концепции развития от метафизической.

Характеризуя противоположность двух концепций развития, диалектической и метафизической, В. И. Ленин отмечал: «Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, и развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними).

При первой концепции движения остается в тени *само* движение, его *двигательная* сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится *во вне* — бог, субъект, etc.). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание *источника* «само» движения.

Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая — жизненна. *Только* вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового»⁴.

Диалектико-материалистическая концепция развития имеет большое значение для научного познания военной истории, решения ее проблем. Она вооружает историка правильным методологическим подходом к пониманию сложности и противоречивости военно-исторических процессов.

Например, проблема толкования процесса военной истории в целом. Можно с уверенностью утверждать, что без концепции

развития нельзя верно осмыслить и оценить историю конкретных войн, связанных с ними фактов, событий, историю вооруженных сил, оружия, боевой техники, военного искусства.

Из рассмотренного выше положения о том, что развитие есть единство и борьба противоположностей, вытекает важнейшее требование: чтобы найти источник развития военно-исторических процессов, необходимо вскрыть и проанализировать характерные для них, только им присущие внутренние противоречия, формы их проявления. Очень важно соблюдать требование, что «раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть *суть* (одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенность или черт) диалектики»⁵.

Примером противоположностей, борьба между которыми служит источником развития военной техники и оружия, могут быть средства нападения (поражения) и средства защиты. Взаимоотношение между ними обуславливает развитие оружия и боевой техники. Противоположные стороны претерпевают количественные и качественные изменения, в результате которых совершаются скачки от одного состояния к другому, от старого к новому, от низшего к высшему.

Характерным примером в этой области является история развития танков и противотанковых средств. Появление танков явилось причиной создания противотанковой артиллерии. В свою очередь развивавшийся процесс усовершенствования артиллерии и бронебойных снарядов вызвал необходимость усиления лобовой брони танка. Так как усиление брони могло снизить маневренность танка, пришлось увеличить мощность моторов, произвести усовершенствование ходовой части.

Аналогичные по своей сущности процессы имели место и в других видах военной техники.

Применительно к истории развития военного дела в целом очень важно правильно учитывать роль внутренних и внешних противоречий, избегать крайностей в трактовке их роли в закономерном процессе развития военного дела, подмены одних факторов другими и т. п.

Достижение превосходства в средствах нападения и средствах защиты в военных силах обеспечивается в конечном счете производством, которое питает вооруженные силы. Развитие экономики, производства, его возможности, эффективность зависят от общественного строя, от уровня производительных сил, определяются характером противоречий между производственными отношениями и производительными силами. Это противоречие является внешним по отношению к развитию оружия, боевой техники, военного искусства.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 229.

³ Там же, с. 317.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 316.

Развитие военно-исторической науки неразрывно связано с выявлением и анализом качественных и количественных характеристик процессов в истории войн и военного дела в целом, их соотношения, взаимной связи и взаимообусловленности, перехода друг в друга. Иначе говоря, речь идет об отражении специфического проявления действия в области военного дела закона перехода количественных изменений в коренные качественные. С точки зрения этого закона все предметы, явления обладают своим специфическим качеством и количественными характеристиками. Единство качества и количества составляет меру предмета, явления.

Применительно к военной истории качество и его изменения в зависимости от изменений его количественной стороны имеют место в развитии средств и способов ведения войны, организации войск, а также в таких процессах, как вооруженная борьба. Так, рассматривая под углом зрения закона перехода количественных изменений в коренные качественные историю вооруженных сил, военно-историческая наука устанавливает качественную и количественную определенность, свойственную им на том или ином периоде (этапе) их развития. В понятие качественной определенности войск входит их классовый состав, национальные традиции, моральный дух, физическое состояние личного состава, его боевая выучка, техническая, огневая и тактическая подготовка, качество вооружения, состояние военной науки и военного искусства, уровень организаторских способностей, морально-политических и боевых качеств командиров и военачальников.

Понятие качественной определенности войск включает соответствующую численность личного состава, количество частей, соединений различных видов вооруженных сил и родов войск, оружия, боевой техники, снаряжения, средств материального обеспечения.

Количественная и качественная определенность войск, их «солдатского материала» в разные эпохи была различной и представляла собой довольно сложную совокупность компонентов.

Так, в рабовладельческом обществе армия Рима вначале комплектовалась из числа свободных граждан в виде народного ополчения. Впоследствии создавалась постоянная наемная армия, комплектуемая все больше из числа варваров, бывших рабов и деклассированных элементов.

В эпоху феодализма рыцарское войско комплектовалось из класса мелких и средних феодалов-рыцарей. На протяжении многих веков ограниченные в количественном отношении армии позволяли комплектовать их в качественном отношении из представителей господствующего класса, дополняя наемниками. Обычно количественный рост наемников из деклассированных элементов вел к резкому ухудшению морально-боевых качеств армии.

Большие качественные изменения в «солдатском материале» произошли при переходе от феодализма к капитализму. «... Общее крушение феодальной системы и рост городов,— писал Ф. Энгельс,— способствовали изменению состава армий»⁶.

Качественное своеобразие армий абсолютистских монархий Европы в XVIII в., их количественные характеристики определялись тем, что они комплектовались путем найма и насильственной вербовки. Это, разумеется, не могло не влиять на их численность, а также морально-боевые качества. Характеризуя эти качества, Ф. Энгельс отмечал: «Тогдашняя пехота состояла из хорошо вымуштрованных, но совершенно ненадежных солдат, которых монархи вербовали из самых испорченных элементов общества и которых только палка держала в повиновении; часто эта пехота составлялась также из вражеских, насильно зачисленных в армию военнопленных...»⁷.

Буржуазная революция во Франции 1789—1794 гг. открыла новую эпоху в судьбах армии. Качественное изменение в социальном строе и в характере «солдатского материала» привело к бурному росту численности армий, а это в свою очередь придало ей новые качественные черты.

Глубоко исследуя всю совокупность количественных и качественных показателей (элементов) в их единстве и взаимосвязи, военно-историческая наука создает целостную картину истории развития вооруженных сил. И это понятно, ибо, будучи тесно связанными между собой, эти элементы в реальном историческом процессе непрерывно взаимодействовали между собой, воздействовали друг на друга, обуславливали друг друга.

Так, военная история подтверждает закономерную связь между наличием необходимого количества и качества личного состава, обладающего высоким мастерством, высокими морально-боевыми качествами, с одной стороны, и оптимальным использованием оружия и боевой техники, а значит, достижением победы — с другой. Эффективность применения оружия и боевой техники, как показывает военная история, кроме того, непосредственно зависит от организаторских способностей начальствующего состава, степени развития военного искусства.

Военно-историческая наука, опираясь на закон перехода количественных изменений в качественные, раскрывает не только причину последних, но и конкретные виды и формы, в которых они происходят в реальной действительности. При этом учитывается, что наиболее общими являются эволюционная и революционная формы развития, выражающие диалектическое единство прерывного и непрерывного в процессе развития, переход количе-

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 14, с. 28.

⁷ Там же, т. 20, с. 172.

ственных изменений в качественные и наоборот. Развитие неразрывно связано со скачком, играющим существенную роль в истории.

Военная история свидетельствует, что новое оружие и боевая техника появлялись не мгновенно, не изолированно от старого, а наряду с ним, в его недрах. Глубоким качественным преобразованиям, переворотам в средствах вооруженной борьбы предшествовали, как правило, стадии эволюционного развития (занимавшие по времени нередко несколько веков), в ходе которого шел процесс количественного накопления элементов нового качества.

Так, истории хорошо известен переворот в средствах вооруженной борьбы, связанный с изобретением пороха и огнестрельного оружия. В Европе они появились в начале XIV в., но революция в военном деле произошла не сразу. Понадобились сотни лет разных эволюционных изменений огнестрельного оружия, ряд усовершенствований его, чтобы оно окончательно утвердилось и стало господствующим, заменив холодное оружие. В значительной мере это было связано с изобретением в конце XVII в. кремневого ружья со штыком, заряжавшегося готовыми патронами.

Свои специфические скачки в процессе совершенствования свойственны и каждому в отдельности виду оружия и боевой техники. Возникновение оружия, обладающего всеми свойствами машины, и прежде всего способного к самостоятельному передвижению, — это тоже качественный скачок. Историческими примерами такого рода скачков являются появление самолетов, танков, ракет. Аналогичные скачки характерны и для истории морского флота. Ф. Энгельс отмечал, что «с изобретением гребного винта появилось средство, которому суждено было произвести коренной переворот в морской войне и превратить все военные флоты в паровые»⁸.

На этом, как известно, развитие флота не остановилось. Паровые двигатели сменились двигателями внутреннего сгорания, а в наше время появились атомные двигатели.

Процесс «непрерывного революционирования технической основы ведения войны»⁹ характеризуется сокращением сроков временных интервалов между скачками, переворотами в военной области. Непрерывно возрастают и темпы качественного совершенствования оружия. Если в начале XX в. разработка нового образца боевой техники или оружия и оснащение им армии занимали 20—30 и более лет, то ныне этот процесс ускорился. Например, только за последние 10—15 лет сменилось 2—3 поколения ракет, обновилась значительная часть парка боевых самолетов, кораблей, систем зенитно-ракетного и радиолокационного вооружения,

средств связи. Около трех десятков лет прошло с момента появления и внедрения в войска ядерного оружия. Оно оказало громадное влияние на все военное дело, вызвало революционные изменения во всех его областях — от военной техники до управления.

Скачки в развитии оружия и боевой техники, как правило, вызывали и коренные качественные изменения в характере боевых действий, в способах их ведения. Эту закономерность Ф. Энгельс выразил в следующем положении: «... успехи техники, едва они становились применимыми и фактически применялись в военном деле, тотчас же — почти насильственно, часто к тому же против воли военного командования — вызывали перемены и даже перевороты в способе ведения боя ...»¹⁰.

Картина специфического проявления закона перехода количественных изменений в коренные качественные наблюдается в истории развития способов ведения войны. Это подтвердила и история двух мировых войн.

Первая мировая война велась, как известно, главным образом позиционным способом. Это было связано с соответствующей количественной и качественной определенностью войск, уровнем их технической оснащенности. Отсутствовали необходимые средства воздействия на противника, способные обеспечить развитие тактического прорыва обороны в оперативный и стратегический. Глубина огневого воздействия на противника была небольшой, темпы продвижения наступающих войск были невысокими. Танки и авиация еще только появились и не сыграли в этом отношении сколько-нибудь важной роли.

История второй мировой войны, напротив, характеризуется высоким динамизмом вооруженной борьбы, маневренностью. Количественное насыщение войск самолетами, танками, автомобилями увеличило глубину воздействия на противника, повысило темпы наступления. Применение авиации и подводных лодок в массовом количестве обусловило изменение характера вооруженной борьбы на море.

Невиданный ранее в истории скачок в способах подготовки и ведения войны произошел в результате количественного накопления ядерного оружия, насыщения им всех видов вооруженных сил и родов войск.

Категория скачка используется при периодизации военной истории по историческим эпохам, периодам, этапам (соответственно истории войн, военного искусства, вооруженных сил и военной техники).

Опираясь на марксистско-ленинскую концепцию развития, историческая наука определяет наиболее существенные черты

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 14, с. 387.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 394.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 176.

каждого нового этапа в развитии военного искусства, раскрывает причины его возникновения, направление развития, свойственные ему тенденции и т. д. При этом она исходит из того, что развитие военного искусства определяется в конечном счете способом производства, экономическими условиями. Качественные преобразования в военном искусстве обуславливаются изменениями в производственных силах и производственных отношениях.

Выделение эпох, периодов и этапов в развитии военного искусства под углом зрения диалектической концепции развития предполагает установление и глубокое исследование в его истории качественных скачков, революционных переворотов, коренных сдвигов, связанных с эволюцией и сменой общественно-экономических формаций.

Наиболее общая, глобальная периодизация истории развития военного искусства по общественно-экономическим формациям отнюдь не исключает, а предполагает выделение внутри отдельных эпох периодов, а внутри них — этапов.

Учет относительной самостоятельности военного искусства как качественно специфического общественного явления, развитие которого подчиняется не только общим, но и присущим ему специфическим закономерностям, позволяет правильно подойти в методологическом отношении к исследованию количественных и качественных изменений в этом процессе не только от эпохи к эпохе, но и в пределах одной и той же эпохи и даже в рамках крупных войн.

Периодизация истории военного искусства может быть подлинно научной, если она учитывает совокупность всех основных факторов, определяемых характером общественно-экономических формаций, социальных эпох, если она не игнорирует коренных изменений, происходящих при переходе от одной эпохи к другой¹¹.

Это относится и к периодизации истории развития оружия и боевой техники. Однако, соответствуя в целом общему ходу исторического процесса, оружие и боевая техника, средства вооруженной борьбы обладают относительной самостоятельностью, следуют своей собственной логике развития. Поэтому периодизация их истории должна учитывать также и внутреннюю логику их развития. Относительная самостоятельность развития присуща не только в целом средствам вооруженной борьбы, но и их видам (например, стрелковому оружию, танкам, артиллерии, авиации, ядерному оружию).

Важнейшим понятием диалектической концепции развития является философское понятие становления. В обобщенной форме оно отражает такое состояние процесса, главная черта которого

¹¹ См.: Марксистско-ленинская методология военной истории. М., 1976, с. 224.

состоит в том, что существование явления уже началось, но еще не приобрело совершенной, зрелой формы. Становление выступает как процесс формирования возможностей и превращения одной из них в реальную действительность.

Становление имеет место в истории войн, в развитии военного дела в целом как объективном процессе, а также в военно-исторической науке, отражающей этот процесс. Опираясь на положения диалектики о том, что процесс развития любого явления включает в себя становление, военно-историческая наука, исследуя различные тенденции в развитии военного дела, выделяет те из них, которые отражают становление качественно нового, необходимого, закономерного.

Переход от одного состояния объекта к другому — это не бесконечное повторение пройденного, не движение по замкнутому кругу, хотя исторически позднейшие этапы и включают в себя немало моментов, присущих предшествующим этапам. Развитие характеризуется определенной направленностью.

Марксистская диалектика утверждает, что развитие носит по существу своему поступательный, т. е. прогрессивный, характер.

Применение категории диалектического развития к исследованию войн позволяет объективно оценить, в каком направлении действовали в войне противоборствующие силы. Игнорирование этой категории в ходе исследования ведет к тому, что взаимодействие этих сил, его результаты получают искаженное толкование как движение по замкнутому кругу или даже вспять. При таком подходе невозможно вскрыть и оценить те силы, которые в ходе войны содействовали поступательному развитию общества, т. е. прогрессу. Адекватное отражение истории войн может быть достигнуто только тогда, когда она берется в реальной связи с теми общественными силами, которые борются за социальный прогресс. Правильное же понимание главных тенденций социального прогресса в свою очередь возможно лишь при конкретно-историческом анализе характера данной общественно-экономической формации, эпохи и ее главных движущих сил.

Сама общественно-экономическая формация содержит в себе существующие возможности прогрессивных изменений и формирует те социальные силы, которые в состоянии превратить имеющиеся объективные возможности в реальную действительность. Поэтому исследование истории войны, всех связанных с ней событий может быть объективным, подлинно научным по своему характеру лишь постольку, поскольку оно прочно опирается на всестороннюю оценку роли данной войны в историческом развитии общества. Еще Ф. Меринг применительно к условиям капитализма писал: «Если война представляет собой столкновение различных интересов, которые уже не могут быть устранены мирным путем, то историческая оценка их основывается на том,

насколько победа тех или иных интересов благоприятствует историческому прогрессу, а не на случайных обстоятельствах...»¹².

С точки зрения диалектической концепции развития правильный взгляд на военную историю как на весьма сложный динамический процесс немислим без всестороннего анализа совокупности всех условий, обуславливающих действия в определенном направлении не только отдельных личностей, небольших общественных групп, но и широких масс трудящихся, целых народов, наций, классов. При таком подходе возможно воспроизведение истинного процесса диалектического изменения обстановки ведения войны, жизни и борьбы народных масс, классов, партий. Таким образом, коль скоро военная история, руководствуясь диалектической концепцией развития, адекватно фиксирует эти изменения, становятся понятными истоки побед и поражений воюющих сторон, характер войны, ее социальные последствия.

Одной из важнейших сторон процесса развития является преемственность. Как философская категория она выражает связь между различными этапами или ступенями процесса развития. Сущность этой связи состоит в сохранении тех или иных элементов целого или отдельных сторон его организации при изменении целого как системы. Раскрывая сущность преемственности, К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями...»¹³.

Преемственность выступает как одна из важнейших сторон действия закона отрицания отрицания. Этим обусловлено место категории преемственности в диалектической концепции развития и ее значение в исторической науке.

Многовековая история военного дела показывает, что новое возникало и утверждалось не на пустом месте, не в отрыве от предыдущего, а лишь в неразрывной связи с ним, с учетом ранее существовавших средств борьбы, приобретенных военных знаний, боевого опыта войск. Приходя на смену предыдущему и отрицая его, новое и в военном деле впитывает в себя все положительное из прошлого. Но оно не ограничивается этим и является в той или иной степени более совершенным и сложным по отношению к предыдущему, отрицаемому. Преемственность в развитии военного дела хорошо видна на примере истории артиллерии, танков, стрелкового вооружения и других видов боевой техники. Преемственность и усложнение в развитии средств вооруженной борьбы совершались в истории оружия и военной

техники не по восходящей прямой, а по спирали, как бы с повторениями, с возвратом к уже пройденным ранее этапам, но на новой, более совершенной основе. Так, история развития танков показывает большую разницу между первыми и современными машинами с точки зрения степени их совершенства и боевых качеств.

Вместе с тем история свидетельствует и о том, что танк периода первой мировой войны и его современная модель представляют собой в принципе однотипную боевую машину.

Преемственность в развитии военного дела, составляющая неотъемлемые черты процесса отрицания отрицания, характерна и для истории смены способов ведения военных действий. Новое в истории военного искусства не только не возникло вне старого, но, как правило, развивало и обогащало все то положительное, что содержало старое.

Каждый новый, исторически более совершенный способ ведения боевых действий, приходивший на смену старому и отрицавший старый, был продуктом своих предшественников. Однако, будучи таковым, он представлял собой не просто повторение, а такое повторение, которое обязательно включало дальнейшее совершенствование, обогащение опыта и навыков прошлого новым содержанием.

Творческое использование методологической функции категории преемственности является одним из важнейших условий, обеспечивающих глубокое и всестороннее исследование процессов военной истории, а следовательно, развитие военно-исторической науки. Ее развитие также включает преемственность, которая реализуется через диалектическое отрицание отрицания, в результате которого старое как бы воспроизводится на более высоком уровне. Содержание этого процесса включает в качестве своего важнейшего компонента вскрытие и исследование форм преемственности, характерных именно для данной военно-исторической реальности, характер и специфику их проявления, анализ того, что «удержалось положительного» из предшествующего этапа развития и что появилось нового. Этим самым создается полная картина, представляющая развитие, «как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии...»¹⁴.

Именно так поступали классики марксизма-ленинизма при анализе военной истории. Так, Ф. Энгельс, характеризуя историю возникновения и развития буржуазного способа ведения войны, писал: «Когда революционные войны выдвинули, в лице Наполеона, человека, который превратил этот новый способ ведения

¹² Меринг Ф. Очерки по истории войны и военного искусства. М., 1924, с. 347.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 44—45.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 55.

войны в регулярную систему, сочетая ее с тем, что оставалось еще полезным в старой системе, и сразу довел новый метод до такой степени совершенства, до какой Фридрих довел линейную тактику, — тогда французы стали почти непобедимыми...»¹⁵.

Преимственность как черта поступательного развития военной истории как науки выражается в установлении связи между тем, что в ней сохранилось от предшествующих эпох и что появилось нового, какие возникли концепции, появились новые документы, материалы и т. п.

Поскольку закону отрицания отрицания подчиняется процесс накопления и развития военно-исторических знаний, то достигнутые результаты в виде научных положений или концепций рассматриваются не как раз и навсегда данные, неизменные, изолированные друг от друга, а как некогда возникшие, развивающиеся и имеющие своеобразную форму связи с предшествующими военно-историческими концепциями, воззрениями, изложенными в соответствующих трудах.

Таким образом, законы диалектики, ее концепция развития находят свое специфическое проявление в истории войн и военного дела в целом.

СООТНОШЕНИЕ ИСТОРИИ ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ, РОЛЬ В НИХ НАРОДНЫХ МАСС В СВЕТЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ

Одним из существенных вопросов концепции развития применительно к военной истории в новейшее время является отношение войны к революции, вопрос о том, какова же взаимосвязь войны как наиболее острой формы социальной борьбы с наиболее кардинальным средством (формой) развития общества — революцией. Ответ на этот вопрос имеет важное политическое, идеологическое и стратегическое значение, особенно в связи с исследованием истории второй мировой войны и локальных войн послевоенного периода.

С точки зрения марксизма-ленинизма и его концепции развития, социальные революции всегда имеют прогрессивную направленность. Революция — это качественный скачок, содержанием которого является закономерный переход от одного общественного строя к другому, от низшей исторической ступени развития общества к более высокой. Разрешая конфликт между новыми производительными силами и старыми производственными

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 14, с. 38.

ми отношениями, она является могучим двигателем общественного прогресса. Этого нельзя сказать о всех войнах. Способствовать общественному прогрессу могут войны только справедливые, прогрессивные. Несправедливые, реакционные войны противоречат поступательному развитию общества, препятствуют прогрессу.

Общее между социальными революциями и войнами состоит в том, что они представляют собой формы политической борьбы, продолжение политики определенных классов, партий. Но на этом и кончаются общие черты, ибо революция необязательно связана с вооруженным насилием. В степени и формах применения насилия революция может быть близка по содержанию к войне (если она протекает в форме гражданской войны) либо далека от нее (если смена власти происходит мирным путем). Весьма существенная, качественная разница между этими явлениями состоит в том, что войны ведутся как революционными, так и реакционными классами, а революции совершаются только прогрессивным в данную историческую эпоху классом и играют в истории только прогрессивную роль. Поэтому К. Маркс называл революции «локомотивами истории». Такую роль сыграли в истории человечества нидерландская буржуазная революция (1565—1609 гг.), английская буржуазная революция (XVII в.), французская буржуазная революция (1789—1794 гг.), буржуазные революции в Германии, Австрии, Венгрии, Италии, Франции (1848—1849 гг.), японская буржуазная революция (1867—1868 гг.) и другие. Буржуазные революции являются ступенями перехода от феодального к капиталистическому обществу.

Новую эпоху в истории человечества открыла Великая Октябрьская социалистическая революция. С ней связано начало всемирно-исторического перехода человечества от капитализма к социализму. Победа Октября — главное событие XX в., коренным образом изменившее ход развития всего человечества.

«Ни одно из событий мировой истории, — подчеркивал Л. И. Брежнев в докладе «Великий Октябрь и прогресс человечества», — не имело таких глубоких, долговременных последствий для человечества, как Великая Октябрьская социалистическая революция. Зарницы октябрьской грозы осветили путь в будущее народам многих стран. История пошла вперед буквально семимильными шагами»¹⁶.

Дальнейшим развитием по пути прогресса явилась победа народно-демократических и социалистических революций в странах Европы, Азии и Америки, образование мировой системы социализма, представляющие самое крупное событие мировой истории после Великого Октября.

¹⁶ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1978, т. 6, с. 587.

Как проявление социального прогресса нового типа социалистическая революция пролетариата явила собой глубочайший общественный переворот в истории человечества. Если прежние революции лишь заменяли одну форму эксплуатации другой, на место одних эксплуататоров ставили других, то социалистическая революция уничтожает всякую эксплуатацию человека человеком, обеспечивает переход к бесклассовому обществу.

Поскольку революция является важнейшим орудием переворота во всей системе общественных отношений, переворота в базе и надстройке, то ясно, что основным ее вопросом является вопрос о власти. «Переход государственной власти из рук одного в руки другого *класса* есть,— писал В. И. Ленин,— первый, главный, основной признак *революции* как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия»¹⁷.

Прогрессивные классы стремятся к захвату государственной власти, чтобы использовать ее в качестве мощного орудия в борьбе за новый социально-экономический строй. В. И. Ленин отмечал, что «самые существенные, «решающие» интересы классов могут быть удовлетворены *только* коренными *политическими* преобразованиями вообще; в частности, основной экономический интерес пролетариата может быть удовлетворен *только* посредством политической революции, заменяющей диктатуру буржуазии диктатурой пролетариата»¹⁸.

Вопрос о власти в различных войнах ставился далеко не всегда, хотя в какой-то степени в определенных условиях и касался его. Здесь имеется в виду следующее обстоятельство. Всякая война направлена против какого-то субъекта политики: государства, временного правительства, политической организации ограбленного класса (в гражданских войнах). Поэтому любая война в той или иной степени затрагивает вопрос о власти, но не всякая война (в отличие от революции) ставит в порядок дня ее смену, переход ее в руки другого класса.

Вопрос о смене стоящего у власти класса является главным политическим содержанием гражданской войны. В национально-освободительной войне (если эта война не совпадает с буржуазной, демократической или социалистической революцией) вопрос о власти выступает в ином аспекте. Здесь речь идет об ограничении власти данного государства, ограничении ее пределов, ее, так сказать, отступлении с территории, занимаемой народом, борющимся за свой суверенитет, и о создании для него новой власти. Старая власть (метрополии над колонией) уничтожается не целиком, а лишь на чужой, угнетавшейся ранее территории.

Остро ставится вопрос о власти в захватнических войнах.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 133.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 46.

В ходе этих войн захватчик зачастую стремится (как, например, гитлеровская Германия) полностью уничтожить власть данного народа на его территории и установить на ней свою власть. Вместе с тем во многих войнах между эксплуататорскими государствами речь идет об отторжении части территории, а также о различных политических и экономических уступках, но всерьез существованию власти данного государства в целом противник не угрожает или почти не угрожает.

Диалектическая концепция развития имеет особое значение для военной истории при исследовании войн современной эпохи, особенно второй мировой войны и последующих локальных войн. Она позволяет увидеть, что война может выступать формой проведения революции (в этом случае степень совпадения резко возрастает, но никогда не бывает полной, ибо война не может решить всех, в частности экономических, задач революции). Война может выступать в качестве внешнего условия революции, как, например, в империалистической войне, ускорившей социалистическую революцию.

Формой проведения социальной революции в определенных условиях может быть также и гражданская война. Национально-освободительные революции нередко проходят также в форме войн. В других случаях в войнах создаются условия для революции. И вот почему. Известно, революционная ситуация характеризуется тремя главными признаками, а именно: «1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами», к самостоятельному историческому выступлению»¹⁹.

Войны оказывают большое воздействие на процесс созревания объективных и субъективных условий и предпосылок социальных революций. Степень, характер, направленность этого влияния зависят от природы и типа войн, классов, которые их ведут.

Революции, в том числе и те, которые были связаны с войнами, представляют собой прежде всего продукт внутреннего развития каждой страны, результат активных действий масс данно-

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 218.

го государства. Такой, например, была Великая Октябрьская социалистическая революция в России. Такими были революции в ряде стран Европы, Азии и Америки. Все они — закономерный результат загнивания капитализма, обострения в нем антагонистических противоречий между новыми производственными силами и старыми производственными отношениями.

«Революции возникают и побеждают, — отмечал Л. И. Брежнев, — в силу внутреннего развития каждой данной страны, по воле ее народа. Ряд победоносных социалистических революций в Европе, Азии, Америке означал продолжение идей и дела Октября»²⁰.

Первая мировая война сыграла роль ускорителя революционного процесса. Оценивая ее исторический опыт, В. И. Ленин отмечал: «Господство капитализма прекратить было бы невозможно, если бы к этому не вело все экономическое развитие капиталистических стран. Война ускорила этот процесс, и это сделало капитализм невозможным. Никакая сила не разрушила бы капитализм, если бы его не подмыла и не подрывала история»²¹.

Об этом же говорит опыт второй мировой войны. Глубокие революционные преобразования, осуществленные народными массами во главе с рабочим классом, под руководством коммунистических и рабочих партий, переход ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы, стран Азии на путь социализма — все это представляло собой разрешение внутренних противоречий.

Именно так произошло в Югославии и Польше, в Чехословакии, Болгарии, Румынии и Венгрии, в Северной Корее и Вьетнаме.

Позже аналогичный поступательный процесс получил развитие и в Восточной Германии. Коренные революционные преобразования в этих странах были подготовлены всем ходом их внутреннего развития. Развернувшаяся в годы второй мировой войны национально-освободительная борьба народов тесно переплеталась с классовой борьбой против внутренних реакционных режимов.

Именно это пытаются отрицать буржуазные историки, социологи. Используя некоторые факты военной истории, они пытаются представить дело таким образом, что якобы без войны невозможна победа социалистической революции, что революции с однозначной необходимостью неразрывно связаны с войнами, следуют за ними.

Так, французский историк Л. Жирар после проведенного им сравнительного анализа истории революций 1830, 1848 и 1870—1871 гг. во Франции пришел к выводу, что сходство Парижской

Коммуны с революциями 1905 и 1917 гг. в России состоит, по его мнению, лишь в том, что она, как и русские революции, «совершается вместе с войной и вслед за войной...»²².

Ссылки буржуазных авторов на военную историю создают лишь видимость аргументации. Глубокий же, всесторонний анализ исторических событий говорит о другом. Действительно, в первой мировой войне участвовало более 30 государств, а социалистическая революция победила только в России. До этого Россия вела войны, однако революции не было. «Тот факт, — говорится в Заявлении совещания представителей коммунистических и рабочих партий (1960 г.), — что обе мировые войны, развязанные империалистами, закончились социалистическими революциями, отнюдь не означает, что путь к социальной революции обязательно проходит через мировую войну, особенно в нашу эпоху, когда существует могучая мировая система социализма»²³.

Марксизм-ленинизм никогда не утверждал, что мировые или локальные войны являются обязательным условием победы социальной революции. Марксизм-ленинизм исходит из того, что переход к социализму невозможен без классовой борьбы, что не война, а классовая борьба, революция представляют собой обязательное условие свержения старой власти, старого строя и утверждения новой власти, нового строя. Революции, как подчеркивал В. И. Ленин, не делаются по заказу, они «созревают в процессе исторического развития и разражаются в момент, обусловленный комплексом целого ряда внутренних и внешних причин»²⁴. Теории, обосновывающие неразрывную связь войн и революций, означают, говоря словами Ленина, «полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции»²⁵.

Поэтому изображать революции, последовавшие за двумя мировыми войнами, в качестве общественных явлений, происшедших исключительно из-за этих войн, — значит игнорировать их действительные причины, а именно классовые противоречия капитализма, порождающие революции, искажать роль войны, характер ее влияния на развитие общества.

Подтверждением того, что мировая война не выступает в качестве причины, а также условия революции, является победа социалистической революции на Кубе. Кубинская революция, как известно, победила вне связи с мировой войной.

²² Girard L. Etude comparée des mouvements révolutionnaires en France en 1830, 1848 et 1870—1871. Paris, 1960, p. 101.

²³ Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., 1964, с. 76.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 531.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 403.

²⁰ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1978, т. 6, с. 588.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 99.

При всем этом, однако, марксизм-ленинизм не игнорирует извещной связи между войной и революцией, подчеркивает конкретно-исторический характер этой связи, который и должен показываться в работах по военной истории.

Из сказанного следует, что марксистско-ленинская концепция развития, примененная к анализу проблемы соотношения войны и революции, позволяет сделать вывод о том, что благодаря революциям совершается прогресс во всех сферах общественной жизни. Накопление количественных изменений никогда бы не приводило к самому главному, чем отличается прогресс, главному в сущности развития — к появлению качественно нового общества. Это происходит в результате революции. Поэтому вопрос об отношении войны к революции — один из важных философских вопросов военно-исторической науки. В зависимости от его решения происходит глубокое размежевание между прогрессивными мыслителями и исследователями, истинными учеными, и заблуждающимися, фальсификаторами и демагогами.

Вопрос о прогрессе как главном содержании развития связан также с проблемой его движущих сил, исследованной уже в различных планах. Не ставя перед собой задачи детального исследования этого вопроса (это потребовало бы выделения самостоятельной проблемы), целесообразно остановиться лишь на одном из его аспектов. Речь идет о деятельности народных масс.

Народ — главная движущая сила истории. Неудивительно, что, подчеркивая сущность революционного переворота, сделанного К. Марксом во взглядах на историю, В. И. Ленин в числе двух важнейших его достижений в области понимания истории назвал открытие им решающей роли народных масс.

Народ — творец истории. Однако народные массы творят ее не произвольно, а в зависимости от объективных социально-экономических и политических условий данной эпохи, прежде всего от исторически определенного способа производства, от характера общественного и государственного строя. Но так как материальное производство, а вместе с ним и общественно-политические системы находятся в движении, развиваются от низшего к высшему, то изменяется и роль народа в историческом процессе.

Исследование явлений и процессов, отражающих возрастание роли народных масс в войнах, неразрывно связано с положением о ведущем классе эпохи, сформулированным В. И. Лениным. Оно гласит: «... Мы можем знать и мы знаем, какой класс стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д.»²⁶. Исходя из этого, мож-

но правильно поставить и решить вопрос о возрастании роли народных масс в войнах современной эпохи.

Применение концепции развития к исследованию роли народных масс в ходе и исходе двух мировых войн позволило выявить качественно новые черты в содержании этого процесса.

Важнейшим элементом содержания этого процесса явилось количественное и качественное увеличение масштабов воздействия народных масс на экономику, производство оружия, боевой техники, продовольствия, на внутреннюю и внешнюю политику и деятельность государств, партий, на вооруженную борьбу, военное искусство, на ход и исход войн, их итоги, уроки, социальные последствия. В современных войнах с народными массами как мощной политической силой вынуждены считаться государства и правительств воюющих стран.

История первой мировой войны свидетельствует о том, что на ее исход существенное влияние оказал пролетариат России, осуществивший социалистическую революцию, которая послужила толчком к революциям в Германии, Венгрии и других странах. С этими историческими событиями, происшедшими в ходе первой мировой войны, связаны раскол мира на две противоположные системы, утверждение и развитие социалистического общества, углубление общего кризиса капитализма. В этом состоит один из важных итогов первой мировой войны. Он стал возможен благодаря революционным действиям широких народных масс, возглавляемых рабочим классом.

Вместе с тем не удалось расширить процесс активного революционного действия народных масс на все воевавшие страны и повсеместно превратить войну захватническую, империалистическую в гражданскую. Трудящиеся массы Европы и Америки смогли лишь частично воздействовать на ее общие итоги.

По-иному проявилась роль народных масс в истории второй мировой войны. Хотя народным массам не удалось ее предотвратить, но затем в ходе ее они оказали существенное влияние на изменение целей и характера войны. Под напором народных масс из несправедливой с обеих противоборствующих сторон, какой она была вначале, она превратилась в освободительную, справедливую войну со стороны буржуазных государств, противостоявших фашистской Германии и ее сателлитам и выступавших в союзе с главной силой борьбы против гитлеровского блока — СССР.

Во второй мировой войне участвовали народы и государства противоположных социальных систем. Поэтому в отличие от первой мировой войны в ней решалась судьба общественного и государственного строя многих стран. Важнейшим итогом войны был полный военный и политический разгром Германии. Война завершилась безоговорочной капитуляцией агрессора.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 142.

Вместе с немецко-фашистской армией были ликвидированы гитлеровское государство и нацистская партия. Территория Германии была оккупирована вооруженными силами держав антигитлеровской коалиции. Трудящиеся Восточной Германии встали на путь строительства социализма. Между тем в итоге первой мировой войны политический строй Германии остался прежним.

Качественно новым явлением было влияние народных масс на реализацию справедливых целей войны, возросшее влияние на непосредственный ход войны, ее исход и социальные последствия.

В антифашистской борьбе возник единый фронт народов, выступавший за свободу, национальную независимость, против фашистского порабощения. Народные массы боролись против фашизма как в национальном, так и в международном масштабе.

Возросшая роль народных масс была важным фактором создания в ходе войны антигитлеровской коалиции, представлявшей военно-политический союз государств и народов, объединившихся во имя исторически прогрессивной цели уничтожения фашизма. Создание антифашистской коалиции явилось важным фактором победы над фашистско-милитаристским блоком.

Под влиянием политической активности народных масс в значительной мере нейтрализовалась подрывная деятельность реакционных кругов капиталистических стран — участников этой коалиции. Широкие массы трудящихся были той общественной силой, которая действовала в направлении сближения государств — стран антигитлеровской коалиции. Они сдерживали антисоветские тенденции империалистических кругов.

Творчески применяя концепцию развития, принцип историзма к познанию роли народных масс в ходе и исходе войны, советские историки раскрыли содержание, социальную направленность, конкретно-исторические формы борьбы этих масс. Одним из важнейших событий, отразивших возросшую роль народных масс в ходе второй мировой войны, явилось широкое распространение в оккупированных фашистами странах движения Сопротивления.

Движение Сопротивления имело поступательный характер развития. Оно приобрело характер общенационального демократического движения, направленного не только против оккупантов, но и против их ставленников (коллорабоналистов). В нем была велика роль рабочего класса и его авангарда — коммунистических партий как наиболее последовательной силы Сопротивления²⁷. Вступление Советского Союза в войну и образование антифашистской коалиции оказали огромное влияние на развитие движения Сопротивления, усилив его интернациональные черты: движение Сопротивления стало неразрывной частью антифашистской коалиции²⁸.

²⁷ См.: Всемирная история, т. 10. М., 1965, с. 607—608.

²⁸ Там же, с. 608.

Составной частью процесса возрастания роли трудящихся масс, их влияния на ход и исход войны явилось включение в борьбу с фашизмом многих народов колоний и полуколоний, повышение их активности. Народы многих азиатских и африканских стран с оружием в руках сражались против государств фашистского блока. Участие народов колоний и полуколоний в составе войск антифашистской коалиции и общедемократические цели, провозглашенные коалицией, способствовали росту их национального самосознания.

Закономерность возрастания роли народных масс в войнах современной эпохи неразрывно связана со значительными качественными сдвигами в сознании народов. Анализируя эти сдвиги с позиции диалектического и исторического материализма, его концепции развития, историческая наука установила, что существенно новой чертой развития сознания широких народных масс явилась сформировавшаяся у них морально-этическая оценка фашизма как несправедливой, враждебной прогрессу человечества социальной системы, глубокое осуждение ими злодеяний фашистских варваров как несовместимых с человеческой нравственностью. Выражением качественного скачка в сознании народных масс стало широкое распространение понятий свободы, равенства, справедливости, изменившееся содержание которых перестало укладываться в рамки буржуазных представлений.

Глубокое осознание народами целей войны, общего требования безоговорочной капитуляции государств фашистского блока, полного разгрома фашизма и милитаризма -- все это представляло качественный сдвиг в развитии сознания миллионов людей в годы второй мировой войны. Этот сдвиг сопровождался увеличением притягательной силы идей социального прогресса, пониманием народными массами справедливости борьбы против фашистских агрессоров, повышением их активности в борьбе с врагом.

Качественно новым моментом в истории развернувшегося в оккупированных гитлеровцами странах мощного партизанского движения было то, что оно носило исключительно массовый характер. В ряде стран активные действия антифашистских сил переросли в широкие народные восстания. В некоторых странах Западной Европы партизаны, поднявшись на вооруженную борьбу, еще до прихода союзных войск освободили значительную часть территории своих государств.

Народы вынесли суровый приговор социальным системам, на базе которых возникают войны.

Народная борьба против фашистского блока в ходе второй мировой войны характерна тем, что она в значительной, а часто в решающей мере определяла природу, степень демократизма новых режимов, устанавливавшихся в результате разгрома фашизма. Именно с возросшей ролью народных масс, с борьбой де-

мократических элементов во главе с рабочим классом непосредственно связано создание народно-демократических режимов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Оказав существенное влияние на характер войны, народные массы тем самым оказали влияние и на характер послевоенного мира, на социальные последствия войны, отвечающие потребностям общественного развития, генеральному направлению прогресса.

Роль народных масс в войне возросла также и в более узком плане — в смысле увеличения нагрузки на них, связанной с небывалым ростом размаха и напряженности вооруженной борьбы на фронтах и крайней интенсификацией работы тыла. Вторая мировая война по своей продолжительности, по размаху и напряженности, по числу участвовавших в ней людей, по количеству и качеству оружия и боевой техники, по огромным человеческим жертвам и материальным разрушениям превзошла войну 1914—1918 гг. Она продолжалась шесть лет. В нее было втянуто большинство государств земного шара. Если в первой мировой войне принимало участие 38 государств с населением свыше 1,5 млрд. человек, то в войне 1939—1945 гг. — более 60 государств и 1,7 млрд. человек. В то время как в первую мировую войну в вооруженные силы было мобилизовано до 70 млн. человек, то во вторую — 140 млн. Первая мировая война проходила в основном на Европейском континенте. Война 1939—1945 гг. охватила три континента — Европу, Азию и Африку.

Если в первую мировую войну 1914—1918 гг. США, Англия, Франция, Италия, Германия и Россия, вместе взятые, произвели 190 тыс. самолетов, 9,2 тыс. танков, около 140 тыс. артиллерийских орудий, 838 тыс. пулеметов и 33 100 тыс. винтовок²⁹, то во вторую мировую войну только четыре главных воюющих государства — Германия, США, Англия и СССР — произвели военной техники во много раз больше, а именно: 653 тыс. самолетов, 287 тыс. танков, свыше 1 млн. артиллерийских орудий³⁰.

Число людей, занятых в военной промышленности и в вооруженных силах во время второй мировой войны, достигло 60% от общего числа трудящихся³¹. В Германии в 1943 г. из 10 879 тыс. человек, занятых в промышленности, 6636 тыс. (61%) были заняты выполнением военных заказов³².

Одним из важнейших проявлений закона возрастающей роли народных масс в войне является повышение их роли в развитии военного искусства.

²⁹ См.: Мировая война в цифрах. М.—Л., 1934, с. 33.

³⁰ Вторая мировая война, кн. 1. М., 1966, с. 25.

³¹ Эвентов П. Я. Военная экономика Англии, М., 1946, с. 210.

³² Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг. Пер. с нем. М., 1956, с. 234.

Влияние народных масс на развитие способов и форм военных действий особенно усиливается в период социальных революций, в ходе которых коренным образом изменяются цели войны, моральный дух армии. В этом плане интересен произведенный Ф. Энгельсом анализ процесса возникновения тактики французских революционных войск в конце XVIII в. «Против хорошо обученных наемных войск коалиции она (французская революция.— Авт.) также могла выставить только плохо обученные, но многочисленные массы, ополчение всего народа. Но с этими массами приходилось защищать Париж, следовательно прикрывать определенную местность, а этого нельзя было достичь без победы в открытом массовом бою. Одной стрельбы в рассыпном строю было уже недостаточно; нужно было найти подходящую форму также и для применения масс, и эта форма была найдена в колонне»³³. Отметив далее преимущества построения в колонны, дававшее возможность прорывать неповоротливые формы старого линейного строя, сражаться в любой местности, Ф. Энгельс делал вывод, что «этот новый способ ведения боя, основанный на сочетании рассыпанных в цепь стрелков с колоннами пехоты и на разделении армии на самостоятельные, составленные из всех родов оружия дивизии или армейские корпуса, был полностью разработан Наполеоном как со стороны тактики, так и со стороны стратегии. Но необходимость его была создана прежде всего изменением солдатского материала, вызванным французской революцией»³⁴.

Характеризуя решающую роль революционных масс Франции конца XVIII в., степень их воздействия на развитие военного дела в целом, В. И. Ленин отмечал, что французский народ проявил «гигантское революционное творчество, пересоздав всю систему стратегии, порвав все старые законы и обычаи войны и создав, вместо старых войск, новое, революционное, народное войско и новое ведение войны»³⁵.

История Октябрьской социалистической революции и последовавшей за ней гражданской войны в нашей стране еще в большей мере отразила новый качественный скачок в процессе возрастания роли народных масс в развитии военного искусства. Хотя Красная Армия применяла оружие и способы вооруженной борьбы, доставшиеся ей в наследство от старой царской армии, тем не менее классовая природа армии, состоявшей из освобожденных революцией рабочих и беднейших крестьян, боровшихся за свою родную Советскую власть, определила новые черты при-

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 172—173.

³⁴ Там же, с. 173.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 80.

меняемых ею способов ведения боевых действий. Для последних была характерна высокая маневренность, решительность, проведение в высоких темпах наступательных операций ударными группировками и т. д. «В огне гражданской войны, — отмечал Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов, — утвердились организационные формы армии нового типа, сложились основы советской военной науки и военного искусства, родились боевые традиции наших Вооруженных Сил»³⁶.

Создание нового общественного строя в результате победы Октябрьской социалистической революции, его военной организации, а вместе с ней и возникновение нового, советского социалистического военного искусства представляло собой начало новой эпохи не только в области общественно-политического развития, но также и в развитии военного дела. На IX Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин говорил: «Величайшим достоинством было то, что в области политической и военной мы сделали всемирно-исторический шаг, который вошел в мировую историю, как смена двух эпох»³⁷.

Если говорить о смене двух эпох в военной области, то содержание этого качественного скачка включает прежде всего создание рабочим классом в союзе с трудящимся крестьянством новой военной организации как орудия диктатуры пролетариата. В качестве таковой эта военная организация строится из качественно нового человеческого материала, созданного социалистической революцией. Важнейшим элементом содержания процесса «смены двух эпох» в военной области является возникновение нового способа ведения войны в защиту социалистического Отечества, нового военного искусства, новой военной науки.

Революционное творчество в военном деле в невиданных ранее масштабах проявил советский народ, его воины в годы Великой Отечественной войны.

Война потребовала от народа создания колоссальных материальных ресурсов, комплектования многомиллионной армии, обеспечения ее новейшим оружием и боевой техникой. Вместе с тем на полях сражений скрестились не только оружие, но и идеологии, интеллектуальные силы командиров и штабов, всего личного состава войск.

В этом суровом, напряженном противоборстве советский народ и его воины под руководством Коммунистической партии показали высокие образцы искусства побеждать. «В ожесточенной схватке с германским фашизмом советские люди, воины армии и флота проявили беспредельную преданность социалистическому

Отечеству, делу Коммунистической партии, мужество и массовый героизм, непреклонную волю к победе»³⁸.

В ходе войны все виды Вооруженных Сил, все области военного искусства в своем развитии поднялись на качественно новую ступень.

Для современной эпохи характерен ускоренный диалектический процесс отрицания старого новым в области оружия и боевой техники, а следовательно, и в военном искусстве осуществляется на основе успехов производства, науки и техники, через деятельность широких народных масс.

Миллионы тружеников тыла, воинов действующей армии своим самоотверженным трудом на фабриках, заводах, в колхозах, совхозах, ратными подвигами на полях сражений обеспечили такое выдающееся достижение советской военной теории и практики, как разработка, подготовка и проведение стратегических наступательных операций группы фронтов, а также операций на окружение немецко-фашистских войск в таких масштабах и такого стратегического размаха, каких не знала мировая военная история.

Анализ, творческое осмысливание и обобщение огромного боевого опыта войск, накопленного ими в огне сражений, практика народных масс в ходе войны явились основой для выработки советской военной наукой новых теоретических положений и выводов, которые нашли свое отражение в уставах и наставлениях, директивах и приказах Советского командования.

Применение марксистско-ленинского положения о народных массах как решающей силе общественного развития, применение диалектики, ее концепции развития позволили выявить и исследовать качественно новые моменты, характеризующие возрастание их роли в связи с возникновением социалистического общественного и государственного строя и ведением справедливых войн в его защиту.

Социализм отвечает самым насущным интересам трудящихся, а поэтому они кровно заинтересованы не только в его построении, развитии, укреплении, но и в вооруженной защите его завоеваний.

Возрастание роли народных масс в войнах в защиту социалистического Отечества, с особой наглядностью проявившееся в истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., обусловлено прежде всего самой природой социалистического общественного и государственного строя Страны Советов, а также характером и целями войны в его защиту.

³⁶ Устинов Д. Ф. Шестьдесят лет на страже завоеваний Великого Октября. — Правда, 1978, 23 февраля.

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 324.

³⁸ Приветствие ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР воинам доблестных Вооруженных Сил Советского Союза. — Правда, 1978, 23 февраля.

Природой социалистического общественного и государственного строя определяется, что в войнах в защиту социалистического Отечества цели войны полностью совпадали с интересами всех ее непосредственных участников как на фронте, так и в тылу. Благодаря этому войны в защиту социалистического Отечества заключают в себе могучие стимулы к активному участию в них всех масс трудящихся.

Взросшая роль народных масс в войнах в защиту социалистического Отечества проявилась в невиданных ранее масштабах героического участия в вооруженной борьбе на фронте, в самоотверженном труде в тылу по развитию военной экономики в интересах победы над врагом. В истории Великой Отечественной войны, ее итогах и уроках подтвердилась важнейшая социологическая закономерность, суть которой состоит в том, что победа в войнах в защиту социалистического Отечества неразрывно связана с возросшей ролью народных масс, с деятельностью передового класса, способного построить прогрессивный общественный и государственный строй и надежно его защитить от покушений любого агрессора. Именно таким классом является рабочий класс, руководимый Коммунистической партией.

Качественное своеобразие процесса возрастания роли народных масс, их влияния на ход и исход войн в защиту социалистического Отечества состояло в том, что на базе социализма в СССР возникли и действовали в войне новые движущие силы общественного развития: морально-политическое единство советского общества, союз рабочих и крестьян, дружба народов СССР, советский патриотизм, социалистический интернационализм. Именно благодаря этому советский народ отстоял завоевания социализма, спас человечество от фашистского рабства. Народ Советского Союза, его Вооруженные Силы, разгромив агрессора как главное препятствие на пути демократического и социалистического развития народов, тем самым расчистил путь для широких прогрессивных преобразований. «Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне,— отмечается в Постановлении ЦК КПСС о 30-летию Победы,— убедительно доказала жизнеспособность и несокрушимость первого в мире социалистического государства. Она явилась торжеством рожденного Октябрем нового общественного и государственного строя, социалистической экономики, идеологии марксизма-ленинизма, морально-политического единства советского общества, нерушимой дружбы народов СССР. Главным творцом этой победы был советский народ, совершивший подвиг, равного которому еще не знала история»³⁹.

Возрастание роли народных масс в истории войн в защиту

³⁹ Тридцатилетие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Документы и материалы. М., 1975, с. 4.

социалистического Отечества неразрывно связано с руководством Коммунистической партии. Партия вооружает советских людей научно обоснованной программой борьбы с врагом, ставит перед народом конкретные цели и задачи, указывает пути и средства их разрешения, мобилизует материальные и духовные силы народа для достижения победы.

Марксизм-ленинизм, законы диалектики, концепция развития вооружают подлинно научным критерием, позволяющим глубоко осмыслить качественный скачок, происшедший в процессе поступательного возрастания роли народных масс в истории, в решении проблем войны и мира в послевоенный период.

Таким критерием являются результаты, итоги, ближайшие и отдаленные последствия деятельности народных масс, рассматриваемые под углом зрения того, насколько они своими действиями определяют содержание, направленность и темпы общественного прогресса. Следовательно, важнейшими элементами этого критерия являются эффективность влияния народных масс на предотвращение войн, упрочение мира, на укрепление мировой системы социализма, степень их активности в осуществлении перехода все новых стран на путь социализма, в социально-освободительных движениях, масштабы участия в борьбе за ликвидацию империализма и колониализма, за торжество социализма и коммунизма во всемирном масштабе. Из этого следует, что в современную эпоху произошли серьезные качественные сдвиги в постоянном возрастании роли народных масс в процессе общественного развития.

Отражением новых качественных изменений в соотношении сил в пользу социализма, демократии, национальной независимости, происшедших под влиянием движения широких народных масс, является крах попыток международного империализма ликвидировать позитивные результаты второй мировой войны, сократить зону социализма, задержать развитие национально-освободительных движений.

Взросшая активность народных масс существенно помогает изолировать наиболее воинственные милитаристские круги, способствует ликвидации очагов локальных войн, вооруженных конфликтов, военных заговоров, различного рода провокаций.

Эти процессы отражают диалектическую связь между расширяющимся вовлечением миллионов масс трудящихся в сферу отношений между государствами, т. е. ту сферу, где прежде капиталистические правительства втайне от народов вершили дипломатические сделки, вели различного рода интриги, и развивающимся процессом качественного изменения в соотношении сил между капитализмом и социализмом в пользу последнего.

С возросшей ролью народных масс, с усилением их влияния на соотношение сил на международной арене в пользу мира,

демократии и социализма связаны крупные поражения империализма в военной области, о чем свидетельствует победа вьетнамского и других народов Индокитая.

Характеризуя значение победы, одержанной вьетнамским народом, Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду КПСС говорил: «Потерпела крах самая крупная после второй мировой войны попытка империализма вооруженной рукой справиться с социалистическим государством и раздавить национально-освободительную революцию. Героизм и самоотверженность вьетнамского народа, соединенные с решительной поддержкой его странами социализма и прогрессивной общественностью всего мира, оказались сильнее армий интервентов и их пособников. Дело свободы и независимости победило»⁶⁰.

Поражение, которое нанесли народы Индокитая мировому империализму, имеет не только местное, национальное, но и международное значение. Победа народов Индокитая является органической составной частью общих завоеваний мирового социализма, международного рабочего и национально-освободительного движения по пути прогресса.

Глубокое чувство солидарности народов в борьбе за мир и вместе с тем острое ощущение их общей ответственности за судьбы мира — могучий стимул нарастающей борьбы за упрочение мира, за надежную международную безопасность.

Глава девятая

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ ВОЙНЫ — ВАЖНЕЙШИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ВОПРОС ИСТОРИИ ВОЙН

Материалистический подход к познанию исторического процесса и применение к нему марксистско-ленинской концепции развития подводят непосредственно к решению ключевых философских вопросов важнейших частей военно-исторической науки.

Наиболее синтетическим, обобщающим подходом к изучению военно-исторических проблем отличается такая часть военно-исторической науки, как история войн. Именно в этой части наиболее полно применяются законы истории, именно в ней требуются знания обо всех сторонах общественной жизни, их взаимосвязи и взаимозависимости.

Изучение истории любой войны предполагает классово-политический анализ ее причин, социального характера, движущих сил и влияния на общество. Что дала данная война историческому процессу — куда она направила его движение? Это философско-социологический вопрос, без решения которого невозможен марксистско-ленинский анализ войны, невозможно применение принципа партийности и других принципов ее диалектического анализа.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ ВОЙНЫ И ЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ В СИСТЕМЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

Исключительная классовая острота вопроса о роли войны в истории приводит к тому, что буржуазные идеологи самым старательным образом обходят или искажают понятия политического содержания войны, определяющего ее историческую роль.

Современные буржуазные идеологи продолжают ту же линию отрицания классово-экономической сущности политики, которая присуща была их предшественникам в минувшие эпохи. Они продолжают искать для объяснения природы войны внесоциальную основу. Война в понимании значительной части буржуазных идеологов представляет собой какую-то всеохватывающую стихию, у других она выступает как некая «операциональная деятельность», у третьих — как продукт врожденной агрессивности людей и т. п.

⁶⁰ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 6.

Согласно марксистскому учению, война есть непосредственное орудие политики, которая насковоз пронизывает собою все явления войны, порождает их, контролирует и при достижении победы использует достигнутые плоды в своих целях. Критикуя немарксистские взгляды, В. И. Ленин постоянно указывал на то, что всякая война есть «*продолжение политики данных, заинтересованных держав — и разных классов внутри них — в данное время*»¹. «Война есть продолжение средствами насилия той политики, которую вели господствующие классы воюющих держав задолго до войны»².

Война, таким образом, относится к сфере политики. Однако политика не есть какая-либо самодовлеющая сущность — она в свою очередь производна от социально-экономических отношений и является глубоко классовым явлением. Именно там лежат корни политики, управляющие самой политикой, а следовательно, и войной, и придающие ей то или иное историческое направление.

Война — это не просто направляемый политикой феномен вооруженной борьбы. Она сопровождается изменением хода многих социальных процессов, вовлечением в борьбу экономических, идеологических и прочих сил и средств.

Только исследовав всю совокупность этих процессов, можно разрешить вопрос об исторической роли войны. Поэтому само понятие исторической роли войны имеет большое значение для военно-исторической науки и связано оно с такими понятиями, как причины, сущность, содержание войны и т. п.

Марксистская философия исходит из того, что определение места и роли конкретных войн в истории находится в прямой зависимости от понимания сущности и причин войны.

Сущность явления — это совокупность важнейших глубинных связей, внутренних отношений и законов, определяющих основные черты предмета, тенденции его развития, место и роль в окружающем мире. Сущность войны раскрывается в упоминавшейся уже формуле «война есть продолжение политики средствами вооруженного насилия». Сущность войны имеет две стороны — определяющую и подчиненную. Определяющей стороной является ее политическое содержание, социально-политический характер, подчиненной — вооруженное насилие.

Ведущая сторона сущности войны, ее социально-политический характер — это диктуемая ее причинами, характером и интересами ведущих ее классов совокупность субъективных планов и объективных тенденций, определяющих направление развития участвующих в войне общественных систем под влиянием воз-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 224.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 269.

действия вооруженной борьбы с данной стороны или с обеих сторон.

«Социальный характер войны, — писал В. И. Ленин, — ее истинное значение... определяется тем, *какую политику* война продолжает («война есть продолжение политики»), *какой класс* в каких целях войну ведет»³. Именно в этой категории и отражен характер той роли, которую должна сыграть данная война в истории. Он закладывается уже в ее причинах, в характере и тенденциях эпохи. Тенденции, закономерности развития тех или иных государств, классов, общественных систем, рождающие войны, задают конкретное направление войне, которое выражено в ее социальном (социально-политическом) характере, политических целях и содержании.

Социально-политический характер войны может быть идентичным или противоположным с обеих сторон. Классическим случаем первого рода является первая мировая война. Несмотря на решительный характер конкретных целей войны (предполагавших, возможно, более полный разгром противной коалиции), социально-историческое качество тех и других ничем существенным не различалось: войну вели реакционные классы в захватнических, империалистических целях, что ни к какому прогрессу само по себе вести не могло⁴.

Примером второго рода является гражданская война и военная интервенция в Советской России в 1918—1920 гг., когда политические цели войны противоборствующих сторон выражали два диаметрально противоположных направления общественного развития, судьба которых определялась ходом вооруженной борьбы. Здесь сталкивались противоположные классы и государства. Разгром одной стороны — белогвардейцев и иностранных военных интервентов должен был повести к укреплению нового общественного строя, а поражение другой — к задержке исторического процесса, повороту вспять. В годы второй мировой войны на советско-германском фронте развернулось противоборство двух антагонистических социальных систем. Победила социалистическая система.

Социально-политический характер войны выражается в ее политическом содержании, существенным элементом которого выступают политические цели войны. Политическое содержание войны — это совокупность конкретных, сознательно выдвинутых классами и государствами целей войны, а также объективно существующая расстановка политических сил, не всегда реально учитываемая целями войны. Поэтому политическое содержание

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 196—197.

⁴ «Само по себе» — имея в виду реализацию той и другой стороной своих захватнических целей в случае победы. — См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 269.

шире политических целей войны. Так, правительства Чемберлена и Даладье преследовали в 1939 г. коварные цели «подталкивания» Германии на восток с целью нападения ее на СССР. «Странная война» 1939—1940 гг. основывалась на реакционных целях, выражавших интересы части политических сил, противостоявших Германии. Эти цели не отражали всей расстановки сил и противоречили объективным интересам народных масс, исторической потребности уничтожения фашизма. Особенности эпохи, интересы прогресса независимо от воли людей вкладывали в роль государства, объявившего войну гитлеровской Германии, потенциально справедливый момент: возможный разгром этого авангарда мировой реакции был бы полезен трудящимся всего мира. Поэтому политическое содержание этой войны выходило за рамки безусловно несправедливых и реакционных политических целей обеих сторон, оно носило противоречивый характер со стороны англо-французского блока. Это сказалось и на практике. За выдвижение целей, не соответствовавших истинным национальным интересам, Англия и особенно Франция жестоко поплатились.

Стало быть, понятия «социально-политический характер», «политическое содержание» и «политические цели» войны, хотя и близки друг другу, но не идентичны.

В этих категориях фиксируется то направление, в котором движется или по крайней мере должно двигаться общественное развитие при успехе данной воюющей стороны. Более того, даже при неудаче данной стороны, боровшейся за какие-то цели и приложившей для этого определенные усилия, ее деятельность не исчезает в истории бесследно. Поэтому уже в самом ходе войны обнаруживается совокупность событий (еще до выявления победителя), которые могут быть основанием для оценки исторической роли войны, в содержание которой (роли) входят и итоги войны.

Роль, которую играет данная война в истории, определяется в основе своей ее политическим содержанием, но итоговый результат зависит не только от этого. Цели Московского декабрьского вооруженного восстания 1905 г. были прогрессивны и революционны. Велик был и героизм парижских коммунаров, но историческая роль той и другой вооруженной борьбы была бы еще большей, если бы рабочим удалось добиться победы. Поэтому исследование социально-политического характера, политического содержания войны дополняется изучением изменения соотношения сил и степени достигнутого успеха или поражения воюющих сторон. В. И. Ленин не раз отмечал, что итоги войны суммируют, выявляют, подтверждают то политическое содержание, которое в предвидении или ходе войны можно оценить путем анализа породившей войну политики. «...Мировые события,— говорил он в 1919 г.,— подтвердили правильность данной больше-

виками оценки империалистической войны 1914—1918 гг. вообще и империализма Антанты в особенности»⁵.

Итак, историческая роль войны оценивается на основе вскрытия ее причин, целей и социального характера, характера и результатов военных действий и порождаемых ими социальных процессов; она фиксируется завершением борьбы, победой или поражением воевавших сторон. Это итоги войны.

Роль войны в истории окончательно раскрывается в ее последствиях. Последствия войны — это характер изменения расстановки социально-экономических, политических и духовных сил между государствами и внутри них, сложившийся в результате военных действий, понесенных потерь и степени реализации целей воевавших сторон. Последствия войны могут разделяться на внутренние (внутри воевавших сторон) и международные, на экономические, политические, социальные, идеологические, психологические, демографические и некоторые другие в соответствии со сферами общественной жизни — уровнями и формами общественного бытия и общественного сознания. Наиболее показательны, конечно, общие результаты, ибо, вырывая из всей суммы те или иные показатели, можно исказить их действительную картину.

Последствия войны бывают непосредственные и отдаленные. Непосредственные последствия — это и есть собственно итоги войны. В них как раз в наиболее острой и полной форме раскрывается историческая роль войны. Не так обстоит дело с отдаленными последствиями ее. Здесь все гораздо сложнее.

Существенны различия отдаленных последствий прогрессивных и реакционных войн. Практически всегда положительна историческая роль прогрессивных, справедливых войн. Наиболее значительны последствия таких прогрессивных войн, которые обеспечивают становление, развитие и победу новых общественно-экономических формаций. Прогрессивные национально-освободительные войны способствуют устранению чужеземного гнета, обеспечивая народам государственный суверенитет как условие последующего развития.

Иное дело — отдаленные последствия реакционных войн. Всякая победа в несправедливой войне противоречит прогрессу, означает движение вспять в рамках конкретной эпохи. С изменением исторических условий эпохи последствия такой победы могут быть преодолены, но уже другими силами.

В свете сказанного следует вывод, что историческую роль войны необходимо оценивать по ее последствиям в рамках одной эпохи. Новая эпоха требует и нового решения этого вопроса, и диалектика здесь состоит в том, что роль войны в истории прости-

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 196.

рается далеко за хронологические рамки ее ведения и непосредственных итогов. Примечательны слова В. И. Ленина: «...если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего»⁶.

При оценке роли войны в истории важно учитывать «механизм» воздействия войны на общественное развитие и вытекающие из них виды (или основные компоненты) результатов войны.

«Механизм» воздействия войны на жизнь общества так же, как и ее историческая роль, непосредственно вытекает из ее сущности. Война — это прежде всего физическое воздействие на противника вооруженной силой с тем, чтобы лишить его воли к борьбе и заставить принять свои условия победителя. Специфическое средство войны — это разрушение, уничтожение военной силы противника при одновременной заботе о сохранении своих сил. Современная война в силу того, что жизнеспособность и непрерывная регенерация вооруженных сил обеспечена мощными производительными силами, тылом, требует также непосредственного воздействия на тыл.

Воздействие войны на общественное развитие осуществляется через нарушение и изменение функций, характера бытия элементов социальной организации. Уничтожая армию противника, любая воюющая сторона прямо или косвенно воздействует также и на его экономику (не только разрушая какие-либо фабрики и заводы, но и заставляя ее предельно напрягаться для возмещения потерь, что не всякая экономика может выдержать), и на демографические факторы (жертвы, миграции, падение рождаемости и т. п.), и на соотношение сил классов, и на устойчивость государственной системы, и на духовную жизнь.

Великолепные образцы и методологию анализа этого процесса оставил В. И. Ленин. Он глубоко изучил характер влияния на общество первой мировой войны и гражданской войны в Советской России.

Деля выводы по этому вопросу, В. И. Ленин указывал, что война есть громадный исторический процесс⁷, «война есть испытание всех экономических и организационных сил каждой нации»⁸. Война, говорил В. И. Ленин, является кризисом, который одних надламывает, других закаляет. «Война = величайший кризис, — писал он. — *Всякий* кризис означает (при возможности временной задержки и регресса): (α) ускорение развития (γ) (β) обострение противоречий. (β) (γ) обнаружение их (δ) крах всего гнилого и т. д.»⁹.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 181.

⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 169.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 321.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 372.

В соответствии с этим можно выделить три формы воздействия войны на жизнь общества. Первая форма, или первый компонент ее результатов, заключена в потерях и разрушениях, причиненных обществу войной. Несколько примеров. В результате Пунических войн было полностью уничтожено государство Карфаген (срыт до основания город, уничтожены жители и пр.). Тамерлан в ходе своих завоеваний уничтожил полностью целые племена и народы. В середине XVIII в. во время захвата китайцами Джунгарского ханства в массовой резне погибло свыше 1 млн. человек — почти все население Джунгарии¹⁰. В результате Тридцатилетней войны (1618—1648 гг.) вся Германия была разгромлена, некоторые районы потеряли до 5/6 населения, в Северной и Северо-Восточной Германии 1/3 пахотных земель превратилась в пустоши. Разрушения, экономический упадок городов и усиление крепостнических порядков на добрые полтора столетия задержали капиталистическое развитие в этой стране. Потери сказываются и на положении победителя. Порой они существенно снижают сам эффект победы.

Второй вид результатов войны формируется в ходе проведения в жизнь политических целей, осуществляемых победителем. Продиктованные победителем условия мира являются продолжением причин, целей и социально-классового характера войны. Именно здесь выявляется, какая линия победила, в каком направлении, в чью пользу изменилось развитие. Сознательное и целенаправленное изменение условий развития опирается на уже достигнутое фактическое изменение соотношения сил¹¹.

Конечно, немало было войн и без решительных побед, войн с компромиссным, почти «ничейным» исходом. В таком случае итоги войны складывались как некая средняя равнодействующая в балансе сложившихся сил.

И, наконец, есть третья форма воздействия войны на общество (соответственно, третий вид, или компонент, его результатов), связанная с изменением условий проявления его законов.

Вооруженное вмешательство в условия развития общества, существенное изменение расстановки политических сил между воюющими классами и государствами не нарушает и не отменяет законы истории. Однако, воздействуя на те или иные факторы, вооруженная борьба может интенсифицировать или ослабить действие тех или иных законов, видоизменить их проявление и т. п.

Ставя перед собой определенные цели в отношении поражения противника и сохранения своих сил, приведя общество к началу военных действий в особое состояние, противоборствующие стороны зачастую неожиданно для себя сталкиваются с тем,

¹⁰ Международная жизнь, 1964, № 10, с. 26.

¹¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 269.

что привели в движение такие процессы, которые для них были незаметны ранее или нежелательны. Как бы накладываясь на более глубокие слои общественных процессов и их законы, война резко интенсифицирует их действие. Она оказывает мощное обратное влияние на социальные процессы еще задолго до победы или поражения и нередко в глубоком противоречии с волей победителя, диктующего условия мира.

Разве, развязывая первую мировую войну, империалисты двух коалиций думали, что война своим разрушительным и деморализующим влиянием вызовет мощное антивоенное движение, ускорит вызревание революционной ситуации, обратит движение за мир в движение против капитализма? Конечно, не думали, это было для них неожиданностью.

В ходе войны, писал В. И. Ленин, «все политические и социальные учреждения подвергаются проверке и испытанию «огнем и мечом». Сила и слабость учреждений и порядков любого народа определяется исходом войны и последствиями ее»¹².

Этот вид результатов четко просматривается в итогах войны и находит своеобразное выражение в ее отдаленных последствиях.

Итак, роль войны в истории прежде всего определяется классовой сущностью ведущей ее социальной силы и степенью реализации ее целей, она зависит также от того ущерба, который нанесен не только побежденному, но и победителю, от характера социальных процессов, возбуждаемых войной.

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ И МЕТОДЫ АНАЛИЗА РОЛИ ВОЙНЫ В ИСТОРИИ

Как же следует оценивать влияние войны на общество, каковы критерии оценки и методы анализа воздействия войны на общественное развитие?

Выше указывалось, что о воздействии войны на общественное развитие можно судить по социально-политическому характеру войны и по ее фактическим итогам. В решении этого вопроса марксистско-ленинскому пониманию противостоит буржуазный подход — недиалектический, ненаучный. Он не способствует развитию военно-исторической науки.

Истоки буржуазного подхода к оценке роли войны в истории, как известно, находятся в далеком прошлом. Это — восхваление войны как великой творческой силы, благодаря которой складываются нации, развиваются государства, укрепляется человеческий дух.

В настоящее время оправдывание войн более осторожно и многообразно. Некоторые буржуазные историки и теоретики считают войну средством поддержания равновесия политических сил, орудием движения народов от низшей ступени развития к высшей¹³, доминирующим фактором в человеческих и национальных делах и т. п.¹⁴

О благотворной роли войн твердят идеологи и политики милитаризма. Наряду с ними существуют другие направления — пацифистские.

Сущностью этого направления (при всей сложности и многообразии его оттенков) является моральное, подчас ярко эмоциональное, осуждение всех войн вообще, признание за ними либо полной бесполезности, либо одного только исключительно вреда для человечества. Так, осуждая первую мировую войну и противопоставляя мирную созидательную деятельность военной, немецкий буржуазный пацифист Г. Ф. Николаи писал, что «война лишь одна из многих форм заблуждений человечества»¹⁵⁻¹⁶ и поэтому «война является совершенно бесполезным фейерверком»¹⁷. В очень яркой форме осуждал войну известный писатель-гуманист Антуан де Сент-Экзюпери: «...Война и ненависть ничего не прибавляют к радости общего стремительного движения... Хорошо, когда в споре между различными цивилизациями рождается нечто новое, более совершенное, но чудовищно, когда они пожирают друг друга...»¹⁸.

В этом высказывании, бесспорно, вызывающем добрый отклик, выражены миролюбие и вместе с тем бесконечно безнадежный утопизм (приносящий подчас огромный вред) лучших, гуманистических представителей буржуазного пацифизма. Глубокое заблуждение в том, что нет враждебных классов и что все люди едины, все «братья», что не из-за чего драться, рухнуло у того же Экзюпери, ибо он, как известно, сражался в качестве военного летчика против германского фашизма.

Имеются попытки и иного рода. Они состоят в том, что военное насилие изображается как нечто нейтральное в моральном и социально-историческом смысле. Нередко делаются попытки по-своему, по-буржуазному решить вопрос о возможном двойном направлении войн: прогрессивном (справедливом) и реакционном (несправедливом). Один из английских военных теоретиков, М. Ховард, являющийся сторонником позитивистской философии, отрицающей возможность мировоззренческой оценки историче-

¹³ Rostow W. The Stages of Economic Growth. Cambridge, 1960, p. 106.

¹⁴ См.: Bolduin H. Strategy for Tomorrow. N. Y., 1970, p. 1.

¹⁵⁻¹⁶ Николаи Г. Ф. Биология войны. М., 1926, с. 54, 58.

¹⁷ Там же, с. 124.

¹⁸ Сент-Экзюпери А. Планета людей. М., 1955.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 245.

ских событий, пишет следующее: «Ни историки, ни ученые в области политических наук не могут осуждать войну с точки зрения добра и зла, нормальности или ненормальности, здоровья или болезни. Для них это *просто употребление силы* (курсив наш. — Авт.) государствами для реализации, сохранения или распространения их политической власти. Некоторые войны при определенных обстоятельствах могут быть разумным актом политики, в других случаях — нет. Сила сама по себе есть нечто *морально нейтральное* (курсив наш. — Авт.), будучи не более чем способностью индивидуумов или групп к контролю или организации ими их окружающей среды в соответствии с их физическими потребностями и моральными ценностями»¹⁹.

Как видно, здесь отрицается возможность какой-либо объективной, исторической оценки войны. Можно лишь судить, рационально ли поступили, начав войну в собственных «национальных» интересах те или иные государства. Только в рамках целесообразности в конкретной ситуации!

Недалеко от этих концепций ушли и те, в которых делаются попытки найти различия между ориентацией войн «на благо» человечества, т. е. в буржуазном смысле «прогрессивных», и, наоборот, — «во вред ему» — регрессивных. Авторы в этом случае довольно широко используют терминологию, близкую к марксистской (справедливые, прогрессивные и т. п. войны). Как обычно, в стремлении противопоставить марксизму действительно философское, мировоззренческое решение вопроса на активнейших позициях оказываются неотомисты.

Один из «патриархов» этой философии — Жак Маритэн исходит из той весьма банальной концепции, свойственной всем фидеистическим системам взглядов и гласящей, что война — это в общем и целом искупление человечеством своих грехов²⁰.

Всякое отступление от господствующей в мире божественной системы ценностей приводит, по его мнению, к политическим потрясениям и войнам. Маритэн осуждает войну, солидаризируясь, по его словам, с учением Ганди и Толстого, но не соглашаясь с тем, что все войны — зло. На силу надо отвечать силой, пишет он, в тех случаях, когда нет другого средства либо когда война является справедливой. На последний вопрос дает ответ только ее непосредственная причина. В глубь исторических процессов, породивших войну, отмечает Маритэн, забираться ни в коем случае нельзя, ибо можно запутаться. Здесь со всей очевидностью раскрывается вся ненаучность данной концепции.

В буржуазном обществе большую популярность имеет концепция роли войны в истории, принадлежащая крупнейшему английскому историку Арнольду Тойнби. Она у него тесно связана с пониманием исторического процесса. С его точки зрения, имеется ряд «цивилизаций», которые возникают, растут, крепнут, затем дряхлеют и гибнут. Многие из них уже погибли, другие еще растут. Роль войны состоит в том, что она выступает как «вызов», бросаемый «молодой» цивилизацией «старым». Война поэтому является своеобразным испытанием для цивилизации на право существования. В целом для «молодых» цивилизаций война оказывается благом, играет прогрессивную роль. Окрепнув в войне, «молодые» общества сами становятся агрессивными, путем войны еще более обогащаются и распространяют вширь свое здоровое влияние. Для дряхлеющих цивилизаций война — явное бедствие, ибо они неспособны ее пережить и стремятся избежать войны, склонны к миролюбию. Таким образом, у Тойнби критерий оценки исторической роли войны двойствен. С точки зрения данной цивилизации роль войны может быть и благом и злом (в зависимости от стадии развития первой). В целом же в истории война оказывается делом полезным, прогрессивным, ибо она выступает специальным экзаменатором общества на жизнеспособность: молодых, крепких закаляет, дряхлых — уничтожает. С этической точки зрения Тойнби осуждает войны, выступает, например, против ядерной войны. Однако эта позиция находится в противоречии с его философско-исторической концепцией.

Подводя итог краткому обзору антимарксистских взглядов на направленность, в которой раскрывается историческая роль войны, следует сказать, что ни один из них не является истинным. Марксизм-ленинизм противопоставляет им единственно верное, глубоко объективное и вместе с ним остропартийное, классовое решение вопроса.

«Социалисты, — писал В. И. Ленин, — всегда осуждали войны между народами, как варварское и зверское дело. Но наше отношение к войне принципиально иное, чем буржуазных пацифистов (сторонников и проповедников мира) и анархистов. От первых мы отличаемся тем, что понимаем неизбежную связь войн с борьбой классов внутри страны, понимаем невозможность уничтожить войны без уничтожения классов и создания социализма, а также тем, что мы вполне признаем законность, прогрессивность и необходимость гражданских войн, т. е. войн угнетенного класса против угнетающего, рабов против рабовладельцев, крепостных крестьян против помещиков, наемных рабочих против буржуазии. И от пацифистов, и от анархистов мы, марксисты, отличаемся тем, что признаем необходимость исторического (с точки зрения диалектического материализма Маркса) изучения каждой войны в отдельности. В истории неоднократно бывали войны, которые,

¹⁹ *Howard M. Military Power und International Order.* — In: *Theories of Peace and Security.* Bristol, 1970, p. 41—42.

²⁰ См.: *Bars H. Polityka wedlug Jacques Maritaina.* Odnowa. London, 1961, s. 171.

несмотря на все ужасы, зверства, бедствия и мучения, неизбежно связанные со всякой войной, были прогрессивны, т. е. приносили пользу развитию человечества, помогая разрушать особенно вредные и реакционные учреждения (например, самодержавие или крепостничество), самые варварские в Европе деспотии (турецкую и русскую)»²¹.

Ленинское положение дает основание судить о роли войны в истории по тому, насколько она способствует развитию общества путем расчистки дороги для новых общественных отношений, насколько она расширяет свободу тех или иных групп людей (народов, наций, классов), насколько освобождает тот или иной слой общества или район земного шара от различных видов гнета.

Более полная и всесторонняя оценка конкретной войны в истории возможна на основе понятий эпохи и общественно-экономической формации. Наиболее заметные, качественно различные изменения в содержании общественного прогресса происходят в переломные моменты: при переходе от одной общественно-экономической формации к другой и в период устаревания господствующих производственных отношений, свойственных каждой данной формации, перехода их от роли ускорителя к роли тормоза производительных сил. Поэтому саму историю каждой формации в свою очередь делят обычно на основные части, к которым применяется понятие «эпоха». «Историческая эпоха, — пишет академик Е. М. Жуков, — это такой период в мировой истории, который характеризуется достаточно устойчивой тенденцией развития общества, определяемой соотношением и взаимодействием существующих социально-экономических формаций. Таким образом, естественные грани исторической эпохи определяются революционными изменениями в соотношении сил соседствующих и сталкивающихся социально-экономических формаций»²².

В зависимости от характера конкретной эпохи, всей ее системы экономических и политических отношений можно оценить роль войны с точки зрения вызвавших ее причин и всех социальных последствий и таким образом дать ей научную историческую оценку. Это — исходный пункт оценки роли войны в истории. Он включает в себя определение характера эпохи и места в ней воюющих классов и государств и в зависимости от этого оценку войны.

Основное здесь согласно марксистскому пониманию истории — это определение класса, характеризующего лицо данной эпохи, а стало быть и качество господствующей общественно-экономической формации. «...Мы можем знать и мы знаем, —

писал В. И. Ленин, — какой класс стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д.»²³ Положение ведущего класса определяется совокупностью имеющихся налицо общественных (в первую очередь производственных) отношений, определяющих высшую формацию.

Могут быть эпохи, в которых безраздельно господствует лишь одна общественно-экономическая формация (так было, например, в период развитого феодализма), в других же — идет борьба между старой и новой общественно-экономическими формациями (переходные эпохи). В первом случае класс, стоящий в центре эпохи, выражает существующую формацию. Во втором случае характер эпохи определяется революционным классом, олицетворяющим прогресс. Переходная эпоха характеризуется взаимодействием основных противоборствующих классов, один из которых является ведущей силой прогресса, другой представляет силу, тормозящую развитие; действием ведущих и второстепенных тенденций, основного и других противоречий, вокруг которых развивается социальная борьба; определенным сочетанием количественного и качественного соотношения основных противоборствующих классовых сил; наличием конкретных политических систем, общественных движений, идеологических концепций, в которых находит выражение характер эпохи.

Так, в эпоху империализма господствующим реакционным классом была буржуазия, особенно монополистическая, ей противостоял рабочий класс как основная сила, олицетворяющая интересы прогрессивного развития человечества.

Основными тенденциями развития были: загипнание империализма как системы, усиление неравномерности развития государств и обострение противоречий между ними, неизбежность мировой войны, а также ряда малых войн, и, наконец, противостоящая всем этим регрессивным движениям тенденция вызревания революционной ситуации, неизбежность начала целой серии пролетарских революций. «Это, — писал В. И. Ленин, — эпоха империализма и империалистских, а также вытекающих из империализма, потрясений»²⁴.

Эпоху характеризовали также три основные группы противоречий: между трудом и капиталом (пролетариатом и буржуазией), между империалистическими странами, между метрополиями и колониями. Соотношение сил было в пользу империализма, хотя его серьезно ослабляла конкурентная борьба, борьба за гегемонию и мировое господство отдельных держав; пролетариат

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 314.

²² Жуков Е. М. Ленин и понятие «эпоха» в мировой истории. — В кн.: В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968, с. 37.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 142.

²⁴ Там же, с. 143.

бурно развивался, однако он не имел еще ни в одной стране орудий государственной власти, его движение ослабляла оппортунистическая идеология лидеров II Интернационала. Политическая система эпохи характеризовалась наличием мощных империалистических держав, обладающих громадными колониальными владениями. Наряду с ними существовало (главным образом в Европе и Латинской Америке) некоторое количество малых буржуазных или полубуржуазных независимых стран (Сербия, Швеция, Норвегия, Аргентина, Мексика и т. д.).

В соответствии с характером этой эпохи империалистическая буржуазия стала виновницей империалистических, несправедливых, реакционных войн. Однако и в эту эпоху, отмечал В. И. Ленин, со стороны других стран и народов, безусловно, возможны национально-освободительные и революционные войны²⁵.

Следующим пунктом оценки роли войн в истории является определение политического содержания войны, для чего необходимо, отмечал В. И. Ленин, изучить, «каковы причины войны, цели, которые она себе ставит, и классы, которые ее ведут»²⁶. Это, естественно, связано с изучением внешней политики в единстве с внутренней как ее продолжением, ибо «всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает,— говорил В. И. Ленин.— Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменяв только форму действия»²⁷.

Раз характер класса и его политика определяются экономическим строем общества, соотношением классовых сил, целей и интересов внутри страны, значит, и его внешняя политика будет зависеть от этих условий.

Важным элементом оценки роли войны является учет влияния на объективное содержание войны общей расстановки политических сил на международной арене, которые способны повлиять на характер войны, учет борющихся и нейтральных политических сил, изменения их целей в ходе войны. Объясняется это тем, что при определенных обстоятельствах война между двумя эксплуататорскими государствами может иметь разное объективное значение с той и другой стороны. Успех одной из них может оказаться желательнее для развития мирового революционного движения. Именно это обстоятельство учитывал К. Маркс, оценивая войну 1859 г. в Италии или франко-прусскую войну 1870 г.²⁸

²⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 6—7.

²⁶ Там же, с. 265.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 79.

²⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 17; т. 29, с. 471—472.

Следующий элемент оценки исторической роли войны — анализ соотношения сил и динамики этого соотношения сил в ходе войны, а также учет длительности и напряженности вооруженной борьбы.

Соотношение сил может влиять на историческую роль войны через ее социальный характер со всеми вытекающими из этого последствиями. Так обычно бывает при столкновении эксплуататорских государств. Явное превосходство одной из противоборствующих сторон предопределяет невозможность осуществления захватнических целей другой стороной. В таких условиях война с ее стороны объективно заключает в себе тенденцию справедливой борьбы. Превратится эта война в справедливую или не превратится, зависит от ряда обстоятельств. Во второй мировой войне сложились такие обстоятельства для многих стран мира, и в результате война со стороны государств, воевавших против фашистского блока, стала войной освободительной, справедливой²⁹.

Существенную, решающую роль в числе этих обстоятельств сыграло качественно новое соотношение сил в результате вынужденного вступления в войну Советского Союза.

Анализ и оценка итогов войны — завершающий процесс исследования ее исторической роли. Основные требования этого анализа включают оценку:

- а) условий фактического мира, степени реализации целей победителя: характера поражения побежденной стороны и степени парализации ее намерений;
- б) жертв и разрушений и их влияния на послевоенные условия экономической жизни;
- в) классовой борьбы и других социальных процессов;
- г) изменений соотношения сил в международном масштабе;
- д) характера вклада воевавших стран в борьбу и «цены» достигнутых ими результатов.

При оценке этих итогов необходимо учесть место войны в эпохе с точки зрения ее влияния на общественные процессы. При оценке итогов учитывается: а) насколько достигнутые результаты соответствуют интересам ведущего, прогрессивного класса эпохи, б) какие тенденции общественного развития усилены, а какие ослаблены войной, в) разрешены ли и в какой степени важнейшие противоречия эпохи, г) как изменилось количественное и качественное соотношение сил прогресса и реакции, д) какие политические и идеологические системы устояли, выдержали, оправдали себя, а какие потерпели поражение.

Общая оценка роли войны выражается в понятиях «справедливая», «прогрессивная» или «несправедливая», «реакционная» (или «регрессивная») война.

²⁹ См.: История второй мировой войны. 1939—1945, т. 1. М., 1971, с. V—XIV.

Чтобы правильно пользоваться этими понятиями, необходимо: а) оценивать социальную направленность борьбы каждой из воюющих сторон; б) оценивать окончательные итоги войны, определяемые степенью реализации целей воевавших сторон, количеством жертв и разрушений, характером вызванных войной социальных процессов, объективно присущих общественному строю воевавших стран; в) учитывать при оценке и тот факт, что социальный характер войны, а тем более ее итоги могут иметь сложный и противоречивый характер.

Вследствие сказанного выше для оценки социальной направленности воздействия войны на общественное развитие необходимо употреблять понятия справедливой и прогрессивной войны как разнозначные термины (соответственно несправедливой и регрессивной), различаемые тем, что первый делает акцент на выдвинутые в войне цели и тем самым приобретает юридический и морально-политический аспект, а второй (оценка, выражаемая понятием прогрессивности) делает упор на сущность отражаемых теми или иными деяниями объективных процессов, характеризует степень их соответствия и носит научно-социологический аспект.

В связи с понятием справедливой и прогрессивной войны нередко употребляется понятие целесообразности, указывающее на связь социально-политической направленности войны и возможностей ее ведения. Так, новая мировая война нецелесообразна с точки зрения социального прогресса, ибо применение в ней ядерного оружия может принести всему человечеству невосполнимые потери, может отбросить все человечество назад.

Таким образом, историческая роль войны, ее место в эпохе является важнейшей чертой ее характеристики как общественного явления. Именно марксистская философия позволяет определить место войны в цепи событий окружающей действительности, ее роль в истории. Поэтому вопрос о роли войны в истории, о ее месте, о том, за что боролись в ней люди и чего они достигли, выступает важнейшим философским вопросом истории войн, всей военно-исторической науки.

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ ВОЙН И АРМИЙ В СВЕТЕ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ

Во взаимодействии философии и военно-исторической науки наряду с вопросом о роли войн важное место занимает вопрос об оценке войн в каждую конкретную эпоху. Марксистская философия дает военной истории исходные принципы социально-политической оценки войны, исходные основы их систематизации по характерным признакам, это в полной мере относится и к армии. Такое выделение качественно различных групп войн предоставляет возможность дать наиболее правильную социальную оценку исследуемой конкретной войны, конкретной армии, установление их места в эпохе, в системе сложившихся в конкретных условиях общественных отношений.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ — ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА МАРКСИСТСКОЙ ТИПОЛОГИИ ВОЙН

Добуржуазная и буржуазная общественно-историческая мысль не дала и не могла дать научного основания для классификации войн.

Заслуга постановки вопроса об исторических типах войн, разработки принципов их классификации принадлежит К. Марксу Ф. Энгельсу и В. И. Ленину.

Как уже отмечалось, в основу любого анализа войн К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин клали материалистическое понимание истории, которое требует обязательного выявления при анализе любых исторических процессов их материальной, социально-экономической основы. Такая основа заключена в характере той общественно-экономической формации, той эпохи, в которой происходили исследуемые войны. Известно, что формация и каждая эпоха наряду с общесоциологическими законами имеет и свои «собственные» законы, только им присущие отношения. Именно в последних и находятся источники войн и те факторы, которые определяют их причины, формируют их сущность, содержание и т. п. Различные типы отношений, свойственные различным ис-

торическим эпохам, определяют и различные типы войны для каждой эпохи.

Критерии для выделения этих типов войн дал В. И. Ленин, усматривая их в типичных отношениях (противоречиях) конкретной эпохи (формации). «(I) Три главных типа: — пишет В. И. Ленин, — отношение угнетенной нации к угнетающей (всякая война есть продолжение политики; политика есть *отношение* между нациями, классами и пр.). По общему правилу, война законна со стороны угнетенной (все равно, оборонительная или наступательная в военном смысле).

(II) Отношение между 2-мя угнетающими нациями. Борьба за колонии, за рынки и т. п. (Рим и Карфаген; Англия и Германия 1914—1917). По общему правилу, война такого рода с *обеих* сторон есть грабёж; и отношение демократии и (социализма) к ней подпадает под правило: «2 вора дерутся, пусть оба гибнут»...

(III) Третий тип. Система равноправных наций. Вопрос куда сложнее!!! Особенно если рядом с цивилизованными, сравнительно демократическими нациями стоит царизм. Так было (приблизительно) в Европе с 1845 до 1905 года»¹.

Это основание классификации войн по типам отношений между противниками было дано В. И. Лениным незадолго до Великой Октябрьской социалистической революции, в январе 1917 г. Классификация касалась всех возможных в то время войн, кроме гражданских, и приведена В. И. Лениным в связи с лозунгом защиты Отечества. С полным основанием ее можно использовать как методологическую основу классификации типов войн всех эпох.

Качественные особенности любого типа войн определяются свойствами и чертами противоречия, на базе которого возникает война и формой разрешения которого она выступает. Поэтому каждый тип войны возможен только в эпоху существования определенной общественно-экономической формации. В другие эпохи он невозможен.

Так, войны между восставшими крепостными крестьянами и феодалами возникают на основе противоречий между этими двумя классами феодальной эпохи. В иную эпоху они невозможны. Они свойственны только данному этапу истории, вытекают из отношений феодального способа производства. Крестьянские восстания в условиях капитализма при наличии пролетариата носят уже иной характер и играют иную социальную роль.

В ряде работ периода первой мировой войны В. И. Ленин настойчиво подчеркивал недопустимость смешения типов войн различных эпох. «Если национальные войны XVIII и XIX веков

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 369—370.

ознаменовали начало капитализма, — отмечает В. И. Ленин, — империалистские войны указывают на его конец.

Весь конец XIX века и начало XX века были заполнены империалистской политикой.

Империализм есть то, что накладывает совсем особый отпечаток на современную войну, отличает ее от всех предыдущих.

Только рассматривая эту войну в ее отличительной исторической обстановке, как это обязательно для марксиста, мы можем выяснить свое отношение к ней. Иначе мы будем оперировать старыми понятиями, аргументами, приложенными к иной, к старой обстановке»².

Войны каждого типа занимают не случайное, а строго определенное положение в системе экономических и политических отношений конкретного периода развития человеческого общества. В каждой антагонистической общественно-экономической формации, в каждую эпоху данной системы международных и внутриполитических отношений, классовых и межгосударственных противоречий соответствует и система войн определенных типов. «Эпоха 1789—1871 гг., — пишет В. И. Ленин в работе «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», — есть особая эпоха для Европы. Это бесспорно. Нельзя понять ни одной национально-освободительной войны, которые особенно типичны для этого времени, не поняв общих условий той эпохи. Значит ли это, что *все* войны той эпохи были национально-освободительны? Конечно, нет. Сказать это значило бы договориться до абсурда и на место конкретного изучения каждой отдельной войны поставить смешной шаблон. В 1789—1871 гг. бывали и колониальные войны и войны между реакционными империями, угнетавшими целый ряд чужих наций»³.

В работе «Военная программа пролетарской революции» В. И. Ленин дает четкое изложение системы войн эпохи империализма и начинающейся новой эпохи, указывая на взаимосвязь основных типов войн, вытекающую из единства глубинных экономических и политических отношений в международном масштабе. Он отмечает безусловную типичность и взаимосвязь в эту эпоху не только обоюднo-империалистических войн, но и национально-освободительных войн угнетенных народов против империалистов. Далее В. И. Ленин подчеркивает типичность и неизбежность гражданских войн и, наконец, неизбежность войн в защиту социализма, победившего в одной стране, от нападения империалистов⁴.

Выделение исторических типов войн является важным методологическим положением для исследования роли войн в ис-

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 29.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 86.

⁴ См. там же, с. 131—133.

тории, для выяснения их влияния на общественное развитие. Возьмем, к примеру, уже упоминавшиеся войны между крестьянами и феодалами в эпоху феодализма. Выступления крестьян при всей справедливости целей их борьбы даже в случае их победы (а это неоднократно случалось, например, в Китае) могли лишь расшатать здание феодализма, но не заменить его высшей общественной организацией. Закономерно и типично влияние победы феодалов (а в конечном итоге в таких войнах именно она была неизбежна) в войнах этого типа. Такая победа закрепляла их господство, хотя с ходом времени все менее надежно. С приближением к эпохе буржуазных революций расправа господствующего сословия над крестьянами напоминала уже не дробящий удар молота, а закручивание тугой пружины, которая вот-вот должна была расправиться и благодаря новым историческим условиям (развитие производительных сил и вызревание новых производственных отношений) нанести сокрушительный ответный удар.

Значение марксистско-ленинской оценки исторических типов войн особенно велико для современной эпохи, когда в полную меру раскрыли свою сущность войны в защиту социалистического Отечества, антиколониальные войны и т. п. Марксистско-ленинский подход к войнам служит надежной основой разоблачения научной несостоятельности и политической и идеологической реакционности буржуазных взглядов на современные войны.

Буржуазными идеологами составлены наукообразные классификации типов войн. Среди них можно назвать упоминавшегося уже У. Росту. В книге «Стадии экономического роста» он делит все войны в истории на три рода (типа): а) войны колониальных держав с целью экспансии против стран, находящихся на докапиталистических стадиях развития; б) «региональная агрессия», т. е. борьба между национальными государствами за преобладание, за «новые благоприятные возможности»; в) «массовые войны» в целях достижения превосходства в евроазиатском, а затем в мировом масштабе (т. е. что-то близкое к вопросам борьбы за мировое господство).

Подобная классификация схватывает лишь внешние черты войн, сходных, конечно, в чем-то между собой: колонизаторы и колонии, войны между относительно равноправными государствами с ограниченными захватническими целями в тех или иных районах земного шара и, наконец, борьба за мировую гегемонию. Она даже не ставит вопрос, какие же стороны в тех или иных типах (родах, по терминологии У. Росту) войн играют прогрессивную или реакционную роль. Правда, Росту не отрицает справедливости борьбы некоторых колоний против метрополий и т. п., но в его классификации нет никакого упоминания, какие

классы несут ответственность за те или иные войны, и куда ведут они народы, поднимая их на борьбу. Вне поля зрения остаются гражданские войны и вообще проблема противоборства классов.

Наиболее реакционные идеологи империализма выделяют войны, ведущиеся непосредственно против СССР, социалистических стран, считая их главным типом войн. Говорят они о ряде других войн в зоне национально-освободительного движения якобы за выигрыш позиций. В последнее время на Западе все чаще появляются сочинения, в которых от войн межгосударственных отделяются и особо анализируются так называемые «революционные» войны.

Для примера можно сослаться на книгу Томпсона «Революционные войны в мировой стратегии 1945—1969 гг.»⁵. В этой книге, написанной с позиций ярого антикоммунизма, автор занимается широкой фальсификацией сущности всех освободительных войн нашей эпохи, подводя под понятие «освободительная война» войны как гражданские, так и национально-освободительные. Он проводит отнюдь не новую концепцию идеологов милитаризма и агрессии, ставящих знак равенства между деятельностью марксистских и реакционных партий, которые с диаметрально противоположных позиций ведут вооруженную борьбу за власть. При таком подходе берутся некоторые внешние стороны войны для грубой фальсификации их классового содержания.

Итак, философско-мировоззренческие принципы играют колоссальную роль в определении критериев и методов классификации войн. В философских концепциях наиболее остро и концентрированно выражается партийность, классовые установки того или иного идеолога, теоретика, равно как и социальной группы, интересы которой он выражает.

Буржуазное мировоззрение ориентирует исследователя истории войн на поверхностный, эклектический подход к классификации войн. Причем если классификация осуществляется по масштабам, оружию, длительности, то здесь не встречается сколько-нибудь сложных проблем, ибо они лишь косвенно выражают классовые интересы зачинщиков и организаторов агрессивных войн. Но как только вопрос ставится о различении войн по их отношению к интересам прогресса и реакции, о их месте в эпохе, о сущности противоречий, которые ими разрешаются, никакой сколько-нибудь близкой к научной классификации не встречается.

При классификации войн они могут рассматриваться как процесс двухсторонней вооруженной борьбы в политических целях.

⁵ Thompson R. Revolutionary Wars in World Strategy. 1945—1969, New York, 1970, p. 4.

В этом случае мы имеем дело с типами войн, характер которых определен типами антагонистических противоречий эпохи. Но войны могут оцениваться и классифицироваться и по их социальному характеру для каждой из борющихся сторон. С данной точки зрения войны делятся на два рода — справедливые (прогрессивные, например, восстания рабов, национально-освободительные войны, войны в защиту социалистического Отечества) и несправедливые (реакционные), выступающие в каждую эпоху в конкретных видах. Такой подход был применен в предыдущей главе как метод раскрытия роли войн в истории. Ниже рассматривается членение войн на исторические типы.

Марксистско-ленинская философия, исторический материализм, указывает единственно правильный путь типологии войн, исходящий из учения об общественно-экономических формациях и исторических эпохах. Для каждой из формаций и соответствующих эпох характерны только им свойственная расстановка классов и отношения между ними, специфическая система антагонистических противоречий эпохи, которой соответствуют определенные исторические типы войн.

В первобытном обществе не было войн в современном значении этого слова, т. е. вооруженных столкновений классовых сил, являющихся продолжением политики, решающей вопросы укрепления или ликвидации господства одних классов над другими: тогда не было ни классов, ни эксплуатации человека человеком. Войны, как отмечал К. Маркс, в первобытном обществе представляли собой «один из самых первобытных видов труда каждой из этих естественно сложившихся общин как для удержания собственности, так и для приобретения ее»⁶⁻⁷. Такие войны, следовательно, не требуют для себя места в исторической типологии.

Для рабовладельческой общественно-экономической формации характерны были несложные социальные отношения и система противоречий. Довольно простой была и система типов войн.

Основному социальному противоречию этой эпохи соответствовали войны между рабовладельцами и рабами, происходившие в форме восстаний последних, против которых предпринимались карательные походы. Среди множества таких войн самой мощной по своему размаху в Европе была война под руководством Спартака в Риме. В Азии наиболее значительными по своему размаху, а особенно по историческим последствиям было восстание «желтых повязок» в Китае. Количество восстаний и их размах растут с развитием данной исторической формы эксплуатации и порождаемых ею социальных отношений, ибо наряду с постепенным устареванием этой формы идет процесс роста сознания

угнетаемого класса, его недовольства и поисков выхода из рабского состояния. Однако все выступления рабов были обречены законами истории на неудачу. Несмотря на справедливый характер войн с их стороны, рабы неспособны были создать более высокий способ производства, поэтому они могли лишь в лучшем случае расшатать рабовладельческие отношения, да и то это стало характерным в эпоху кризиса данного строя.

Другим типом войн были войны между развитыми рабовладельческими государствами (например, Пунические войны между Римом и Карфагеном, завоевания Александра Македонского, войны Ассирии, Вавилона, Персии против соседних рабовладельческих государств), носившие, как правило, захватнический характер с обеих сторон. В ходе борьбы один из хищников становился жертвой. По поводу таких войн В. И. Ленин писал, что это были «империалистские войны» на почве рабства⁸. Следует отметить, что обоюдно несправедливый характер таких войн не был абсолютным: в некоторых случаях войны со стороны одного из воюющих между собою рабовладельческих государств выступали как освободительные. Это, например, следует отнести к греко-персидским войнам со стороны Греции, хотя их так же, как и со стороны персов, вело рабовладельческое государство.

Империалистические войны рабовладельческих государств имели своими историческими последствиями главным образом перераспределение богатств, перемещение центров грабежей и эксплуатации из одного района мира (региона) в другой, массовое обращение в рабство населения потерпевшего поражение государства. Так, во время первой Пунической войны взятие г. Агригента (262 г. до н. э.) дало римлянам 25 тыс. пленных, проданных в рабство, шесть лет спустя, после победы при Экноме, взято 20 тыс. рабов, взятие Тарента в 209 г. до н. э. дало римлянам 30 тыс. рабов. В 167 г. до н. э. при завоевании Эпира продано в рабство 150 тыс. человек⁹.

Третьим типом войн рабовладельческой эпохи были войны между рабовладельческими государствами и варварскими племенами, слабыми, складывающимися государственными образованиями. Причины их лежали в той же организации рабовладельческой экономики, требовавшей постоянного притока рабов. Со стороны поработителей они носили несправедливый характер и приводили сплошь и рядом к длительному опустошению и запустению целых стран.

В ходе многочисленных войн второго и третьего типов рабовладельческими государствами постоянно осуществлялись завоевания, т. е. прямое присоединение захваченной территории. Ис-

⁶⁻⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 480.

⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 364.

⁹ См.: Утченко С. Л. Древний Рим. М., 1969, с. 12.

торическая роль завоеваний весьма сложна. Имели место завоевания, в ходе которых физически уничтожались целые народы, средства производства, культурные ценности. Но нельзя не признать, что в отдельных случаях при завоеваниях наблюдалось распространение более высокой культуры (завоевания Александра Македонского), происходило смешивание завоевателей с завоеванными при взаимном обогащении культуры тех и других (поздние завоевания Рима и др.).

Четвертым типом войн рабовладельческой эпохи были войны между отдельными слоями рабовладельцев, а также рабовладельцев и свободных граждан, носившие сложный характер. В том случае, когда в таких войнах сталкивались бедные и неимущие свободные граждане с богатыми рабовладельцами, можно говорить о настоящей гражданской войне, которая носила справедливый и прогрессивный характер со стороны народных масс (война под руководством Мария Суллы в Риме в 83—80 гг. до н. э.). В иных случаях это были междоусобицы крупных рабовладельцев (войны Цезаря, Септимия Севера и пр.), как правило, несправедливые с обеих сторон. Здесь войны между богатыми и бедными, рабовладельцами и рабами в известном смысле можно считать гражданскими войнами: это открытое столкновение классов.

В эпоху кризиса рабовладельческого общества происходили и такие войны, в ходе которых так называемые варвары — кочевые племена вторгались в высококультурные области Средиземноморья, Средней и Западной Европы, Индии и Китая. Нашествия гуннов, готов, вандалов и других варварских племен представляли собой особый тип войн, явившихся внешним условием падения рабовладельческих империй. Сопrotивление этим нашествиям со стороны рабовладельческих государств на первый взгляд кажется справедливым, ибо они представляли собой высший по сравнению с первобытным способ производства. Но на самом деле это не так. Рабовладельческий способ производства уже пзжил себя к этому времени, а у варварских племен намечался переход к феодальным отношениям. Поэтому их нашествие способствовало становлению новой социально-экономической формации.

Из системы противоречий эпохи феодализма вытекает новая система войн. На базе основного социального противоречия крестьяне—феодалы возникают крестьянские восстания, войны между крестьянами и феодалами. Это — первый тип войн эпохи феодализма. Такими крупными восстаниями были восстания Раина (1670—1671 гг.), Пугачева (1773—1775 гг.), Болотникова (1606—1607 гг.) в России, Жакерия (1358 г.) во Франции, восстание Уота Тайлера (1381 г.) в Англии, Крестьянская война в Германии (1524—1525 гг.) и т. п.

Крестьянские войны особенно распространились в период позднего феодализма, их причинами было усиление феодальной эксплуатации крестьянства при нарастающем кризисе системы феодализма. В этот период, как указывал Ф. Энгельс, «борьба свободного крестьянства против все более и более опутывающего его феодального господства сливается с борьбой крепостных и зависимых крестьян за полное уничтожение феодального гнета»¹⁰. Нередко в вооруженную борьбу против феодалов в ходе крестьянских войн вовлекались и городские низы.

Крестьянские войны, как правило, заканчивались победой и ожесточением господствующих классов, усилением террора против масс, их эксплуатации. Причинами поражения было то же обстоятельство, которое вело и к поражению рабов, — отсутствие единства, ясной и четкой политической цели, неспособность заложить основы высшего способа производства¹¹. Высшим идеалом крестьян был «хороший» царь, «крестьянское государство». Опыт истории показал, что даже в тех случаях, когда крестьянам удавалось побеждать (так не раз было в Китае, особенно в результате победы восстания тайшинов в XIX в., когда было создано крестьянское государство «тайпин-тяньго»), их правительства распадались, руководители превращались в новоявленных князей и феодалов. Однако историческое значение крестьянских войн несомненно прогрессивно: они, несмотря на неудачи, сыграли свою роль в падении феодализма.

Второй тип войн — войны между крупными феодальными государствами. Такими были 100-летняя (1338—1453), 30-летняя (1618—1648), 7-летняя война (1756—1763), Северная война (1699—1723), война за испанское наследство (1701—1713), за австрийское наследство (1740—1748) и ряд им подобных. Многие из них называются династическими войнами, так как зачастую они возникали из-за права наследования престола в другой стране. Объединяет эти войны и сходство причин — борьба за захват земель с прикрепленными к ней крестьянами с целью обогащения. Войны носили преимущественно несправедливый характер с обеих сторон и играли чаще всего отрицательную роль в истории.

К этому типу войн относятся войны, имевшие прогрессивный характер, например Северная война России со Швецией, отвоевание испанцами территории своей страны, захваченной арабами («реконкиста»), освобождение французской земли от английского ига в период 100-летней войны и т. п. Войны между феодальными государствами приобретали прогрессивный и справедливый характер с той или иной стороны в тех случаях, когда вступали в силу коренные интересы народных масс, когда какой-либо

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 364.

¹¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 194—196.

из народов оказывался на грани порабощения или был поработан, поэтому на первое место в содержании борьбы выступали его интересы, когда проявлялись моменты, связанные со складыванием народностей и наций (на поздней стадии феодализма), с формированием естественных границ их расселения. Так, длительная война России со Швецией (Северная война) за отвоевание у последней выхода для России к Балтийскому морю, захваченному шведами, носила несомненно справедливый характер борьбы за права и границы формирующейся русской нации.

Третьим типом войн этого периода могут быть названы феодальные междоусобицы, которыми изобиловала жизнь крупных феодальных государств (например, война «Белой и Алой розы» в Англии 1455—1485 гг., Карлистные войны в Испании и пр.) Междоусобные войны, как правило, также носили реакционный характер, принося определенную пользу общественному развитию лишь в том случае, когда обеспечивали победу центральной власти над феодальной раздробленностью. Обычно подобные междоусобицы были очень разорительны и весьма часто вызывали интервенцию извне, что особенно пагубно влияло на жизнь страны.

Четвертым типом были войны между феодалами и горожанами, в которых последние выступали обычно прогрессивной силой в борьбе против грабежей и поборов. Войны эти не приобрели особого размаха, но они способствовали подготовке ранних буржуазных революций в Италии, Швейцарии, Франции, Германии, Нидерландах и т. п.

Представляется целесообразным выделить и пятый тип войн этого времени: борьбу развитых феодальных государств против нашествия отсталых племен и народностей — татаро-монголов, турок и пр. Нашествие татаро-монголов на Русь, порабощение турками арабов, болгар, греков и других народов Балкан и Средиземноморья — страшные страницы в истории цивилизации, они были безусловным и абсолютным злом, борьба с которым играла прогрессивную роль.

Встречается мнение о целесообразности выделения в особый тип войн феодализма крестовых походов, предпринимавшихся в интересах обогащения европейских феодалов под религиозным знаменем. Причины крестовых походов были те же, что любых других захватнических войн в эпоху феодализма. Необычна их форма. Они представляли собой коалиционную вооруженную экспансию основных королевств Европы на Восток в грабительских целях под религиозными знаменами. Исторический материализм учит, что за идеологической формой всегда скрывается определенное политическое содержание. Религиозная форма была характерной идеологической оболочкой подавляющего большинства гражданских и крестьянских войн эпохи феодализма. Ранние буржуазные революции проходили под флагом Реформации — программы

протестантской религии, выступавшей против католицизма, рассматривавшегося в качестве опоры феодализма.

Поэтому основанием для выделения крестовых походов в особый тип войн может быть не их религиозная форма, а политическое содержание. С этой точки зрения социальный характер крестовых походов роднит их с более поздними колониальными завоеваниями Испании и Португалии, а затем Франции, Великобритании и Нидерландов в Новом Свете, Африке, Индии и Ост-Индии.

Поэтому, видимо, есть основания выделить такой тип войн феодальной эпохи, как колонизаторские походы, весьма, однако, пестрого характера: от крестовых походов до завоеваний Кортеса.

Выход на историческую арену капиталистического способа производства принес с собою новую систему социально-политических отношений, а с нею и новую систему типов войн. При этом эпоха восходящего развития капитализма характеризуется своими войнами, а капитализм, умирающий, загнивающий, — своими.

Примерно до середины XIX в. основными противоборствующими классами являлись буржуазия и феодалы. Поэтому первым исходным типом войн, определившим качественное отличие новой системы типов войн от предыдущей, явились гражданские войны буржуазии против феодалов. Такие войны при общей однотипности их содержания (буржуазия против феодалов) в зависимости от конкретно-исторических условий приобретали различные формы, каждая из которых имела существенные особенности и в политическом содержании. В тех случаях, когда война развертывалась только против своей феодально-абсолютистской власти, происходила внутренняя, гражданская война. Классическим ее примером может быть гражданская война в ходе английской революции 1642—1653 гг. В этой войне английские феодалы во главе с Карлом I хотя и получали помощь от других феодальных королевств, но она существенной роли не сыграла. Война была внутренним противоборством.

Другой формой такой войны было сочетание борьбы буржуазии как против внутреннего, так и против внешнего врага. Так было в ходе Великой французской буржуазной революции, революции 1848—1849 гг. в Венгрии и др. Феодализм, почувствовав серьезную опасность для своего существования, выступил уже в форме международной коалиционной силы. Гражданская война буржуазии против «своего» классового врага переросла в борьбу против феодализма и в других странах.

Особая форма гражданской войны буржуазии против гнета феодалов наблюдается в случае, когда феодализм представлен главным образом внешним угнетателем (война за независимость США от Великобритании 1775—1783 гг.). Свообразной формой

гражданской войны была вооруженная борьба отрядов Гарибальди в Италии, где феодализм противостоял буржуазии и трудящимся массам в виде ряда мелких феодальных государств, причем феодальная раздробленность поддерживалась другими крупными феодальными государствами.

Социальная оценка войн этого типа (относящаяся ко всем их формам и разновидностям) дана в известном высказывании В. И. Ленина в книге «Социализм и война»: «Новую эпоху в истории человечества открыла великая французская революция. С этих пор и до Парижской Коммуны, с 1789 до 1871 г., одним из типов войн были войны буржуазно-прогрессивного, национально-освободительного характера. Другими словами, главным содержанием и историческим значением этих войн было свержение абсолютизма и феодализма, подрыв их, свержение чужденационального гнета. Поэтому то были прогрессивные войны, и все честные, революционные демократы, а также все социалисты, при *таких* войнах, всегда сочувствовали успеху той страны (т. е. той буржуазии), которая содействовала свержению или подрыву самых опасных устоев феодализма, абсолютизма и угнетения чужих народов. Например, в революционных войнах Франции был элемент грабежа и завоевания чужих земель французами, но это несколько не меняет основного исторического значения этих войн, которые разрушали и потрясали феодализм и абсолютизм всей старой, крепостнической Европы. Во франко-прусской войне Германия ограбила Францию, но это не меняет основного исторического значения этой войны, освободившей десятки миллионов немецкого народа от феодального раздробления и угнетения двумя деспотами, русским царем и Наполеоном III»¹².

В целом войны этого типа со стороны буржуазии осуществляли важную социальную функцию разрушения феодализма и становления капиталистической социально-экономической формации.

Следующим типом являются войны между крупными буржуазными и феодальными (полуфеодальными) государствами за гегемонию в Европе. Такими были наполеоновские войны 1799—1815 гг., Крымская война 1854—1855 гг. В определенной степени к ним относятся и войны Пруссии против Дании, Австрии и Франции (1864, 1866, 1870 гг.), несмотря на то что, как отмечалось выше, в основе своей они были освободительными. Эти войны вытекали из противоречий гегемонистско-империалистического характера, но разрешали их лишь частично, одновременно углубляя и обостряя другие.

Развивающийся капитализм, используя быстро возрастающий перевес в силах над отсталыми странами, вел развернутое наступ-

ление на них, постепенно подчиняя их себе и создавая глубочайшие противоречия. Этим противоречиям соответствуют войны третьего типа, в ходе которых осуществлялось формирование мировой колониальной системы империализма, шло создание колониальных империй — английской, французской, бельгийской, португальской и т. д.

В рассматриваемый период появляются войны нового типа — гражданские войны между буржуазией и пролетариатом. Первой войной этого типа В. И. Ленин назвал вооруженную борьбу французского пролетариата против буржуазии в июле 1848 г., в ходе буржуазно-демократической революции¹³. Война эта оказалась кратковременной, французский пролетариат был быстро подавлен, но в ней четко просматривался социальный характер грядущих подобных столкновений. В 1871 г. развернулась гражданская война пролетариата против буржуазии в значительно больших масштабах — это была борьба Парижской Коммуны с версальцами, поддержанными немецкими оккупантами. Можно сказать, что эта война содержала в себе черты и эпохи развивающегося капитализма, и следующей за ней новой эпохи, эпохи империализма и пролетарских революций.

В эпоху империализма появились новые типы войн. Для этой эпохи характерно существование и противоборство двух основных классов — буржуазии и пролетариата. В то же время завершился раздел мира между несколькими крупнейшими державами. В результате развития монополистического капитала и действия закона неравномерности экономического и политического развития стран создалась ситуация, которая *«неизбежно порождает новые империалистские войны, неизбежно порождает неслыханное усиление национального гнета, грабежа, разбоя, удушения слабых, отсталых, мелких народностей кучкой «передовых» держав...»*¹⁴ Во многих странах продолжали существовать феодальные отношения. Вследствие этого в системе империализма отчетливо выделяются три группы противоречий: между пролетариатом и буржуазией, между метрополиями и колониями и между империалистическими державами. Им соответствовали определенные типы войн: гражданские войны между буржуазией и пролетариатом, войны между империалистами и колониальными народами, империалистические войны (русско-японская, американо-испанская и пр.) между империалистическими государствами. Крупнейшим военным событием этой эпохи была первая мировая война, по своим причинам, целям, социальному характеру реакционнейшая война. «Это, — писал В. И. Ленин, — есть война, во-1-х, за укрепление рабства колоний посредством более «справедливого» раз-

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 311—312.

¹³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 305.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 148.

дела и дальнейшей более «дружной» эксплуатации их; во-2-х, за укрепление гнета над чужими нациями в самих «великих» державах, ибо и Австрия и Россия... держатся только таким гнетом, усиливая его войной; в-3-х, за укрепление и продление наемного рабства, ибо пролетариат расколот и придавлен, а капиталисты выигрывают, наживаясь на войне...»¹⁵

В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции человечество вступило в новую эпоху, эпоху революционного перехода от капитализма к социализму, «эпоху господства *нового* класса, угнетенного во всех капиталистических странах и идущего повсюду к новой жизни, к победе над буржуазией, к диктатуре пролетариата, к избавлению человечества от ига капитала, от империалистских войн»¹⁶.

«Современная эпоха, — говорится в Программе КПСС, — основное содержание которой составляет переход от капитализма к социализму, есть эпоха борьбы двух противоположных общественных систем, эпоха социалистических и национально-освободительных революций, эпоха крушения империализма, ликвидации колониальной системы, эпоха перехода на путь социализма все новых народов, торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе. В центре современной эпохи стоят международный рабочий класс и его главное детище — мировая система социализма»¹⁷.

Исторические типы войн современной эпохи соответствуют типичным для нее антагонистическим противоречиям. Это противоречия между:

- а) социалистическими и империалистическими странами;
- б) буржуазией и пролетариатом;
- в) режимом крайней реакции, монополистической верхушкой и народом отдельных стран;
- г) империализмом и национально-освободительным движением;
- д) самими империалистическими странами. Имеются также противоречия между некоторыми развивающимися странами. Это группы важнейших (хотя и неравнозначных) антагонистических противоречий эпохи.

Основным противоречием современного мира является противоречие между социализмом и империализмом. Агрессивная политика империализма выступает непосредственной причиной возникновения войны между империалистическими и социалистическими странами. Это исторически новый тип войны, к нему относятся борьба Советской России с империалистической интер-

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 316.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 148.

¹⁷ Программа КПСС. М., 1976, с. 5, 6.

венцией в годы гражданской войны в нашей стране в 1918—1920 гг.; Великая Отечественная война СССР против фашистской Германии 1941—1945 гг. и др.

Из двух групп противоречий (б и в) вытекают два типа гражданских войн в современную эпоху. Это прежде всего гражданские войны, возникающие в ходе социалистических революций (гражданская война в Советской России в 1918—1920 гг., в Венгрии в 1919 г. и т. п.). К гражданским войнам особого типа относятся войны народа против монополий, режима крайней реакции. Это: война в Испании (1936—1939 гг.), Греции (1946—1949 гг.), в Доминиканской Республике (1965 г.). К этому типу можно отнести и некоторые антифеодальные и антиграбительские гражданские войны, возникающие по вине империализма.

Весьма распространены в настоящее время войны четвертого типа, возникающие на базе противоречий между империалистическими державами и народами, освободившимися от колониализма. Здесь мы являемся свидетелями того, как на смену типу национально-освободительных войн между метрополиями и колониями приходит войны нового типа — уже освободившихся народов против различного рода агрессивных акций империалистов (интервенция США в Южном Вьетнаме, многосторонняя агрессия Израиля против арабских стран в 1967 г., 1973 г.).

Войны между империалистическими государствами составляют пятый тип войн новой эпохи. Этот тип представляет собой вторая мировая война на первом ее этапе (1939 — лето 1941 г.), а также в последующем — между западными союзниками и гитлеровским блоком.

Особенностью названных типов войн является то, что они всегда выступают в «чистом виде». Это особенно характерно для переходных эпох.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ТИПОЛОГИИ АРМИЙ

Исторический материализм является прочной философской основой для определения сущности и типологии армий всех общественно-экономических формаций, что составляет методологическую опору исследования истории армии.

Применив метод диалектического и исторического материализма к анализу проблем военного дела, К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин совершили настоящий переворот во взглядах на армию. Ими дано научное определение армии, обосновано ее действительное место в системе других общественных институтов, вскрыта взаимосвязь войны и армии с различными сторонами и

явлениями общественной жизни, обосновано положение об относительной самостоятельности и активной роли армии, показан ее классовый характер и основные типы. Все это имело неопределимое значение для создания подлинно научной истории армии.

Исходной методологической посылкой для понимания сущности армии, как и войны, является марксистское учение об общественно-экономической формации. Только с позиций этого учения можно понять действительную сущность такой общественной организации, как армия.

Армия — один из важнейших элементов надстройки над экономическим базисом. И в этом смысле она подчиняется действию закономерностей, присущих надстройке в целом. С одной стороны, как и всякий элемент надстройки, армия является вторичной, производной от экономических условий. Только при наличии определенных экономических предпосылок складывается армия. Более совершенная новая армия может возникнуть на базе новых общественных, в конечном счете экономических условий, если, конечно, такая армия вообще нужна. В. И. Ленин отмечал, что, например, во Франции конца XVIII в. создалась «сначала экономическая основа нового, высшего, способа производства, и уже результатом, надстройкой явилась могучая революционная армия»¹⁸. С другой стороны, как и любой элемент надстройки, армия имеет относительную самостоятельность и в своем развитии оказывает на нее обратное влияние. Разумеется, никакая надстройка сама по себе не в силах изменить характер и природу исторически определенного базиса, но она может содействовать развитию базиса или замедлять его. Это касается и армии.

Обладая общими чертами и подчиняясь действию общих закономерностей развития надстроечных явлений, армия вместе с тем имеет свои особенности, специфику.

Армия — часть политической надстройки общества. Это прежде всего орган государства, особое орудие государственной политики. Армия возникла с возникновением классов и государств. «Складывается государство, — указывал В. И. Ленин, — создается особая сила, особые отряды вооруженных людей...»¹⁹ Отделением от народа, превращением в подчиненную только верховной власти силу отличается армия как социальный институт классового общества от самодействующей организации первобытнообщинного строя. Поэтому государственная принадлежность — это важнейший признак армии, роднящий ее с другими государственными органами, характеризующий ее как политическую организацию и составляющий ее социально-политическую сторону.

На указанный признак обращал внимание прежде всего Ф. Энгельс, отмечая, что армия есть «организованное объединение вооруженных людей, содержащееся государством в целях наступательной или оборонительной войны»²⁰.

Государственная принадлежность определяет и классовый характер армии. Установить, что армия есть орудие государства, — значит дать направление исследования ее социальной сущности, ибо государство — всегда орудие определенных классов. Принципиально важным вопросом оценки сущности армии, ее исторической функции является анализ классового содержания того государства и той политики, которым армия служит. Изучая структуру, функции, участие в войнах тех или иных армий, К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин постоянно вскрывали, интересы какого класса эта армия защищает.

Второй признак армии, отличающий ее от других столь же классовых органов государства — представительных органов власти, органов управления, правосудия, прокуратуры и др., состоит в том, что армия является основной вооруженной силой государства. Находящимся в армии людям доверено оружие как специфическое средство борьбы. Это придает армии большую силу, используя которую, государство может осуществлять насильственные функции. В силу большой боевой мощи армия является важным инструментом политической власти, политики господствующих классов. Эта мощь у эксплуататорского государства обращена как внутрь, так и вовне страны — против внутренних классовых и разного рода внешних противников. У социалистического государства (в условиях развитого социализма) боевая мощь имеет внешнюю направленность.

Однако армия — это не всякая вооруженная сила государства. Вооруженной силой являются также полиция, различного вида внутренняя охрана и пр. Армия — это вооруженная сила особого назначения, способная вести войну, вооруженную борьбу в системе государств и гражданскую — внутри их. Это выражено в категории боевой мощи, которая является мерой способности армии наносить удары по противнику и отражать удары с его стороны. Любая вооруженная организация (полиция, отряды конвойной и местной охраны и пр.) имеет какую-то степень боевой мощи. Но армия — это организация с развитой боевой мощью, позволяющей ей решать задачи тактического и оперативно-стратегического характера. Боевая мощь армии характеризуется системой материальных и духовных факторов, важнейшими из которых являются: вооружение и его возможности, качества специально обученного в военном отношении личного состава, характер организационной структуры, уровень развития военной науки.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 345—346.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 10.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 14, с. 5.

Таковы основные черты армии как орудия войны и военной политики государства, присущие армии любой исторической эпохи.

К армии относятся далеко не все вооруженные отряды господствующего класса. Поэтому в марксистской военно-теоретической литературе в последнее время наряду с социологической категорией «армия» употребляются понятия «военная организация» и «вооруженные силы»²¹. Эти понятия однопорядковые, но не тождественные. За ними необходимо видеть различие объективного содержания.

Понятие «военная организация» более широкое. Оно означает организованное объединение людей, создаваемое государством, классами, политическими партиями, для ведения вооруженной борьбы или для непосредственной подготовки членов общества к ней. К военным организациям относятся: армия, военная разведка и контрразведка, вооруженные отряды отдельных классов и социальных групп (пролетариата, буржуазии, крестьянства), вооруженные отряды политических партий, партизанские отряды, различные организации, готовящие кадры для постоянных армий.

Военная организация общества — это совокупность всех названных организаций, имеющих в данном обществе. Можно говорить о военной организации рабовладельческого, феодального, буржуазного, социалистического общества. Так, военная организация социалистического общества представляет собой совокупность как государственных, так и негосударственных организаций. Но разграничение этих форм военной организации весьма относительно, ибо все негосударственные военные организации создаются при участии государства, с его помощью и при его поддержке.

Наличие военной организации при социализме объясняется необходимостью привлечения к делу обороны страны всех слоев трудящихся, а также требованиями специфических видов вооруженной борьбы (борьба на фронте, в тылу врага, на границах и т. п.).

Армия и все остальные военные организации вооружены и оснащены различной военной техникой. И в этом смысле они — вооруженная сила. В. И. Ленин неоднократно ставил эти термины рядом²². Но существует понятие «вооруженные силы страны», имеющее свое конкретное содержание.

Вооруженные силы страны — это совокупность государственных военных организаций боевого назначения (например, у нас — это армия — сухопутные войска, войска ПВО страны, авиация,

ракетные войска стратегического назначения, военно-морской флот, пограничные и внутренние войска). Иногда понятие «вооруженные силы страны» может отождествляться с понятием «армия».

Армия в соответствии со своим классово-политическим назначением выполняет две функции: внутреннюю и внешнюю. В классово-антагонистическом обществе внутренняя функция состоит в завоевании, удержании и упрочении власти определенного класса в целях утверждения и сохранения соответствующего ему способа производства. Внешняя функция более разнообразна. Заключаясь в отстаивании интересов данного класса и его государства за рубежом, вне страны, она в зависимости от классовой сущности может выражаться и во внешних грабежах и захватах, и в защите национальной независимости страны, и в помощи братьям по классу в других странах, и в удержании колоний, и в гарантии мира в определенных исторических условиях и т. п.

Армия общенародного социалистического государства выполняет одну, внешнюю функцию. Общество развитого социализма с точки зрения внутреннего развития в армии не нуждается.

Общие признаки армии относятся к армии любой общественно-экономической формации. В реальной действительности эти признаки находят свое специфическое проявление и дополняются особенными и индивидуальными чертами.

Историческая конкретность армии воспринимается прежде всего в плане принадлежности этой армии какой-то стране, тому или иному конкретному государству. Такое восприятие было характерно для всей домарксистской общественно-политической мысли. Армии в ней всегда характеризовались как армии определенных стран, прежде всего в плане военно-техническом.

С возникновением марксизма-ленинизма, его учения об общественно-экономической формации расширилось понимание исторической конкретности армии. На первое место выступила характеристика социально-политической стороны армии. Отсюда возникло понятие «тип армии», прямо и непосредственно связанное с понятием «тип общественно-экономической формации».

Тип армии — весьма емкое понятие, включающее ряд компонентов, определяющих характеристику ее социально-политической природы, классового назначения, т. е. того, чьи интересы (какого класса или классов) выражает армия, каково ее место в системе социально-политических отношений эпохи.

Эти компоненты типа армии непосредственно зависят от качественных особенностей политической надстройки общества, государства, определяемого в свою очередь соответствующим способом производства. В типе отражается конкретная сущность армии определенной общественно-экономической формации. Кро-

²¹ Существует еще термин «войска». Его употребление относится более всего к исторической литературе. Применяется оно к самым разнообразным объединениям вооруженных отрядов, как государственных, так и негосударственных.

²² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 211.

ме того, учет более конкретных сторон и особенностей армий требует еще более узкой их классификации и введения понятий подтипа (рода) и вида армий.

Для военной истории чрезвычайный интерес представляет типология армий как минувших эпох, так и современной эпохи. Положение здесь подобно тому, что наблюдается с типологией войн. Установлено, и на это опираются военные историки, что социально-политический тип армии соответствует своей общественно-экономической формации, определяется ею и отражает ее особенности.

Однако военно-историческая наука, изучая историю армии, принимает во внимание не только ее социально-политическое содержание, но и зависимость ее эволюции от развития оружия и военной техники. Последнее, конечно, тоже зависит от степени и характера развития производительных сил и производственных отношений, т. е. основы всякой общественно-экономической формации, однако требует несколько особого, более усложненного подхода к классификации армий. В предлагаемой системе основных типов, подтипов и видов армий основных исторических эпох упор делается на социально-политическое содержание, а эволюция техники принимается во внимание лишь там, где она вплотную связалась с переломами в этом содержании.

С точки зрения марксистско-ленинской философии существование армий детерминировано внутренними законами самого общества лишь в антагонистических формациях — рабовладельческой, феодальной и капиталистической. Внешние причины — угроза реставрации капитализма, а затем угроза военных экспансий империализма — делают необходимым существование военной организации общества в форме армии и при социализме.

В свете сказанного следует отметить существование в истории четырех основных типов армий: рабовладельческого, феодального, буржуазного (капиталистического) и социалистического.

Рабовладельческая армия была первой государственной организованной вооруженной силой. Она создавалась господствующим классом для защиты классовых интересов рабовладельцев. Важнейшей ее внутренней функцией было подавление восстаний рабов, а внешней — захват рабов, «охота за рабами». Обеспечение усмирения рабов и их непрерывного притока извне — эта задача вытекала из самого характера рабовладельческой экономики. Отсюда же вытекала и задача ведения войн с другими государствами, как крупными, конкурирующими, так и слабыми, за счет которых можно было легко пополнить «фонд» рабочей силы.

Классовый характер рабовладельческой армии обеспечивался всей системой обучения и воспитания, а также классовым принципом комплектования. Весь командный и основной боевой состав комплектовался исключительно лишь из числа рабовладельцев и

других свободных граждан. Рабы в армию, как правило, не допускались, а если кое-где и привлекались, например в Греции и Риме, то в незначительном количестве и лишь в качестве легковооруженных, бесправных солдат и использовались как вспомогательная сила, главным образом для подсобных работ.

Феодальное общество и государство определили новый тип армии. По своему социально-политическому характеру феодальная армия была органом феодального государства, крепостников, помещиков. Своим назначением она имела защиту их классовых интересов как внутри страны, так и вне ее. Главной внутренней функцией феодальной армии было подавление сопротивления крепостных. Это диктовалось условиями ожесточенной классовой борьбы с ними со стороны земельных собственников — феодалов.

В эпоху становления феодализма его укреплению служили массовые дружины, составленные из крестьян. По мере их закрепощения феодалы лишали крестьян прав и возможности иметь оружие и учиться владеть им. Впоследствии, с переходом к постоянным армиям, классовый характер армии выражался в том, что солдаты набирались из крестьян, а офицеры — из дворян. Кроме того, в постоянной армии была введена такая система воспитания и обучения, основанная на муштре, которая вырабатывала из солдата послушное орудие в руках господствующего класса, хотя не всегда безропотное.

Капиталистическому способу производства также соответствует свой тип армии. Буржуазная армия — орган и орудие буржуазного государства. Своим назначением она имеет защиту интересов стоящего у власти класса — буржуазии. «...Армия, — писал В. И. Ленин о буржуазной армии, — есть самый закоренелый инструмент поддержки старого строя, наиболее отвердевший оплот буржуазной дисциплины, поддержки господства капитала, сохранения и воспитания рабской покорности и подчинения ему трудящихся»²³.

Внутри страны буржуазная армия используется против трудящегося большинства народа, прежде всего против его передовой части — рабочего класса. Внешняя функция ее состояла и состоит в захвате чужих территорий как источников сырья и увеличения капиталистической прибыли, в осуществлении агрессивных акций против стран социализма, народов, освобожденных от колониальной зависимости, а также в защите своей территории, колоний, богатств от нападения других империалистических конкурентов.

Современная эпоха характеризуется наличием нового типа армии — социалистического. Этот тип армии в истории общества связан с социалистическим общественно-экономическим строем.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 295.

Армия, созданная в условиях и на базе этого строя — социалистическая армия, — это армия нового типа. Она коренным образом отличается от всех предыдущих армий, армий классово-антагонистических обществ. Это отличие по существу. Во-первых, она возникает как орган диктатуры пролетариата, как орудие власти самого передового и самого революционного класса и призвана защищать коренные интересы всех трудящихся. Ее назначение состоит в защите социалистического Отечества от внутренней реакции (в переходный период) и от империалистической агрессии, в защите социалистического содружества государств. Она является орудием защиты мира, борьбы против империалистического вмешательства во внутренние дела других народов.

Во-вторых, армия социалистического типа отличается от армий антагонистических обществ и своим отношением к народным массам. Она не оторвана, не отделена от народа, не противопоставлена ему, как это свойственно армиям буржуазным, а, наоборот, самым тесным образом связана с ним. Она является орудием защиты свободы и независимости всех национальностей, которые входят в состав социалистической страны. Она воспитывается в духе дружбы и братства между всеми нациями и народностями своей страны, в духе уважения прав и независимости народов всех стран, социалистического интернационализма, братского сотрудничества с народами других социалистических государств, в духе классовой солидарности с трудящимися всего мира.

В-третьих, характерной чертой армии социалистического типа является морально-политическая и идейная сплоченность, основу которой составляет союз рабочего класса и крестьянства при руководящей роли рабочего класса. «Красная Армия, — указывал В. И. Ленин, — непобедима, ибо она объединила миллионы трудовых крестьян с рабочими... Союз рабочих и крестьян Красной Армии — прочен, тесен, нерасторжим»²⁴. Сплоченность армии социалистического типа определяется также общностью интересов трудящихся различных национальностей, единством интересов командного и рядового состава. Коммунистическая партия — руководящая сила армии нового типа — своей организаторской и воспитательной работой укрепляет и цементирует ее. Подобного не было и нет в армиях эксплуататорских государств.

Таковы основные исторические типы армий. Однако нетрудно убедиться, что данная общепринятая типология нуждается в дополнении и конкретизации прежде всего в свете того обстоятельства, что роль и качество армии изменяется в зависимости от изменения роли и места в эпохе содержащего эту армию класса, т. е. на разных этапах эволюции общественно-экономической формации.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 234—235.

Социально-политический облик армии любого из типов в огромной степени зависит от того, находится ли общественно-экономическая формация на подъеме или в упадке, крепнет она или близится к распаду. Нет необходимости утверждать, что не могут отождествляться в социально-историческом отношении дружины Владимира Мономаха и Карла Великого с феодальными армиями Николая I или Людовика XVI. Если первые выражали интересы прогрессивных для своего времени сил, то вторые поддерживали прогнивший и разрушающийся феодально-абсолютистский порядок. Очень велико различие в целях действий, социальном облике, составе буржуазных армий Кромвеля и английской армии эпохи второй мировой войны, армии, сражавшейся за независимость США, и американской армии во Вьетнаме, французских армий Конвента и «третьей республики».

Поэтому будет правомерным введение понятия подтипа армии в пределах существования каждого типа.

С этой точки зрения внутри каждого типа армий антагонистического общества могут быть выделены, как правило, три подтипа: а) армия государств и классов, находящихся на восходящей ступени развития в период становления новой общественно-экономической формации; б) армия государств развитой формации и в) армия государств эпохи упадка данного способа производства и его надстроечных учреждений.

Конечно, жизнь сложнее и богаче всяких типологических структур. И поэтому далеко не во всех государствах четко просматриваются выделенные подтипы. Но все же можно выделить наиболее отчетливые их образцы.

В рабовладельческом обществе к армиям первого подтипа следует отнести вооруженные силы Древнего Египта, Ассирии, Урарту, Вавилонии и некоторых других стран Ближнего Востока, а также античных государств Греции до греко-персидских войн включительно и Рима до реформ Мариа. Хотя эти армии не раз служили захватническим целям, ибо без этого невозможно существование эксплуататорских классов, тем не менее они обеспечивали рост и укрепление прогрессивного для своего времени строя, защищали независимость и культуру своих народов. Формировались они с привлечением свободных граждан. В восточных государствах это было ополчение свободных земледельцев-общинников и рабовладельцев, созываемое во время войны и группирующееся вокруг постоянного отряда царя (правителя), в античных — милиционная армия, также состоящая из рабовладельцев и свободных граждан.

Классическим примером крупнейшей и сильнейшей армии второго и третьего подтипов рабовладельческой формации является римская армия. В эпоху наивысшего подъема Римской империи армия служила исключительно захватническим и граби-

тельским целям. Состав ее полностью соответствовал интересам крупнейших рабовладельцев, различного рода знати: она становилась профессиональной, ее оснащение, военное искусство, боевая мощь достигли наивысшего развития. В период упадка Рима его вооруженные силы представляли собой третий подтип рабовладельческих армий. В этот период существенно изменялись ее социально-политические основы и цели. Армия служила уже разлагающемуся строю, задачи, выдвигаемые перед ней господствующим классом, стали нереальными. Резко упали боеспособность, выучка, моральные качества личного состава.

Подобным же образом шло развитие подтипов феодальной армии. Становление феодализма имело существенные особенности у народов, которые не знали рабства или строили свои государства на развалинах Западной Римской империи (франки, германцы, славяне и др.), и у тех, которые осуществляли переход от рабовладельческих отношений к феодальным в пределах сложившихся государственных систем (Китай, Индия, Византия и др.).

Если первые боролись с рабовладельческой системой как с внешним противником, то вторые преодолевали ее мучительно-сложным путем внутренних реформ и частных катаклизмов. Армии первых носила народно-демократический характер. Она состояла в основном из свободных или полузакрепощенных крестьян, входивших в народное ополчение, возглавляемое дружиной князя. Подобно раннерабовладельческим армиям, она была далеко не свободна от выполнения грабительских и захватнических функций, но в основном ее роль была объективно прогрессивной. Армии восточных царств, где рабство перерастало в крепостничество, не носили такого характера ни по составу, ни по целям. Это были те же наемные армии, которые переходили на службу новому классу.

Главной особенностью подтипа армий развитого феодализма является то, что они защищали интересы сложной системы «вассал—сюзерен». Известно, что феодальное общество строилось по совершенно своеобразной системе «многоэтажности» отношений, для которой была характерна относительная самостоятельность каждого феодала и его подчиненность какому-то более высокому властью имущему. Поэтому в сложной иерархии династических и собственных отношений каждый феодал (барон, граф, князь и т. п.) выступал хозяином (сюзереном) по отношению к низшим и подчиненным (вассалом) по отношению к высшим. В многочисленных мелких и редких крупных войнах армии, состоявшие в основном из самих феодалов — рыцарей и их слуг, осуществлявших вспомогательные функции, защищали не столько интересы своего класса в целом, в масштабе крупного государственного объединения, сколько интересы отдельных хозяев или их группировок. Это отражалось и на общем облике

армий. Армии сюзеренов (королей, великих князей, императоров) к этому времени превратились в рыхлые, почти не управляемые, а кое-где и фактически не собираемые, малодисциплинированные конгломераты. Конный рыцарь был основной фигурой такой армии. Пехота, набираемая из слуг и крепостных, играла второстепенную роль. В некоторых странах, в частности в России, сохранило, однако, довольно важную роль народное ополчение. Но это было исключением из правила.

Подтипом феодальной армии, соответствовавшим третьему этапу развития феодализма, выступает хорошо организованная армия абсолютистского, централизованного государства, набираемая уже не из рыцарей, а из профессиональных военных, получающих права дворянства, и рекрутируемых крестьян. Такая армия противостоит мелким армиям вассалов и успешно борется с ними. Она служит задачам установления централизованных государств, что было безусловно благом в борьбе с феодальной раздробленностью. Классическим примером такой армии была армия Петра I.

Вопрос типологии буржуазных армий очень сложен. Зарождение и становление капитализма как общественно-экономической формации происходит в недрах феодального общества. Буржуазная революция завершает этот процесс. Поэтому большая часть буржуазных армий этого периода, как правило, не выступает еще орудием буржуазного государства. Вооруженные силы буржуазии возникают в недрах феодального общества как армии городов, представленных «бюргерским» ополчением, народной милицией, или как вооруженные отряды революционеров, революционные повстанческие армии, например, Кромвеля, Боливара, Гарибальди, Риго, фламандских гёзов и т. п. Первые, как правило, идут на службу к абсолютистской монархии, борясь лишь против местных феодалов. Вторые ведут борьбу либо за свержение феодальной власти, либо за национальное освобождение страны от чужеземных феодалов. Многие армии из повстанческих превращаются затем в государственные (армия Кромвеля, войска американских штатов в борьбе за независимость, латиноамериканские армии в революционных войнах начала XIX в.). Однако нам представляется целесообразным первый подтип буржуазных армий трактовать как армию буржуазной революции, формирующуюся еще до взятия власти.

Существование буржуазных революционных армий весьма ограничено по времени, ибо, завершив «свою» революцию, буржуазия переключает созданную на ее волне массовую армию на выполнение захватническо-эксплуататорских функций; само политическое назначение и форма существования армии резко меняются. Поэтому для второго периода существования буржуазных государств характерен подтип армий развитого капитализма.

Эти армии характеризуются тем, что с завершением задач буржуазной революции они решают все более реакционные задачи. Они подавляют угнетенные классы, используются для колониальной экспансии и борьбы против других государств. Искусство и военная организация этих армий в основном находятся на подъеме.

На стадии империализма социальная основа буржуазных армий становится полностью реакционной и несправедливый характер их функций резко возрастает. В то же время с развитием общего кризиса капитализма появляются новые подтипы армий. В ряде развивающихся стран возникают армии промежуточного, переходного типа.

Все ныне существующие армии капиталистических государств представляют собой третий подтип буржуазных армий, защищающих интересы капитализма на стадии его упадка. В связи с этим социальные функции этих армий нашли свое специфическое развитие.

В общей системе современной буржуазной государственной машины армия играет особую роль. В армии, как и в милитаризации всей общественной и политической жизни общества, монополистический капитал видит оружие осуществления своей агрессивной политики, средство спасения от народного гнева. На армию, полицию, жандармерию он делает ставку как на последний шанс спасения. В целях сохранения своей диктатуры империалистическая буржуазия принимает все меры, чтобы эти средства насилия были ее послушным орудием, ее опорой.

Реакционный социально-политический характер современной армии буржуазного типа обеспечивался и обеспечивается прежде всего тщательным отбором командного состава, постоянным контролем за ним, строгим отбором военнослужащих в специальные рода войск, широко разработанной системой идеологической обработки личного состава. За последние годы большая часть массовой армии в ряде империалистических стран комплектуется по наемному принципу, что еще более отрывает ее от народа, его влияния.

В борьбе с армиями феодального типа моральный дух буржуазных армий оказался выше и явился одним из важнейших источников, обеспечивших победу. Это объяснялось прогрессивностью буржуазного экономического и политического строя в тот период. Массовая армия явилась особенностью буржуазной армии XIX в. В эпоху империализма положение существенно изменилось.

Обострение противоречий капитализма, агрессивный, несправедливый характер ведущихся им войн вызывают глубокое возмущение народных масс и враждебное отношение к буржуазным армиям, основательно подрывают моральный дух последних. «Чем глубже возмущение в народе,— говорил В. И. Ленин,—

тем ненадежнее становится войско...»²⁵ Пример тому — упадок морального духа американской армии во время войны во Вьетнаме, явившийся одной из причин отказа правительства США от комплектования армии на основе всеобщей воинской повинности.

По их значимости и месту в международной политике армии капиталистических стран можно разделить на три группы: 1) армии крупнейших империалистических государств (США, ФРГ, Великобритания, Франция, Япония, Италия); 2) армии других капиталистических государств, входящих в империалистические блоки или связанных военными соглашениями (Бельгия, Голландия, Канада, Турция и др.); 3) армии нейтралистических капиталистических государств (Финляндия, Австрия, Швеция, Швейцария и др.).

Армии первой группы — армии государств с мощным экономическим и военным потенциалом, сверхвысоким уровнем развития монополистического капитала. Армии США, ФРГ, Великобритании и Италии составляют ядро вооруженных сил НАТО.

Все эти армии развиваются под эгидой военно-промышленного комплекса и подчинены интересам монополистического капитала. Они имеют солидный опыт ведения агрессивных войн. Продолжается «присутствие» империалистических войск в ряде бывших колониальных стран, военные базы имеются во многих точках мира.

Среди этой группы армий на первом месте армия США, самая большая по численности и самая сильная по военно-технической мощи. Она является главным орудием осуществления агрессивных замыслов реакционных кругов США.

Немаловажное место в политической системе империализма занимают армии и других капиталистических государств, втянутых в империалистические блоки или связанных военными соглашениями с главными империалистическими державами.

Только в блоках НАТО, СЕАТО, СЕНТО, АНЗЮС, АЗПАК, АСЕАН в различном сочетании представлено более десяти капиталистических государств. Ряд капиталистических стран официально не входит в империалистические блоки, но фактически поддерживает их и находится в военно-политической зависимости от США и других империалистических государств.

Участие стран в империалистических блоках или другой вид их прямой военно-политической зависимости от агрессивных сил международного империализма оказывают определенное влияние на армии этих стран. Личный состав обрабатывается в духе поддержки империалистических блоков и союзов. Численность армий, их техническая оснащенность, организация определяются под нажимом и в интересах главных партнеров по блокам. Реализа-

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 87.

ция их «рекомендаций» ведет к сравнительно большим расходам на армию и тяжелым бременем ложится на плечи трудящихся масс страны.

Особую группу армий буржуазных государств представляют армии стран, стоящих на позициях нейтралитета: Финляндии, Австрии, Швейцарии, Швеции, Исландии и др. Они самостоятельно строят свои армии, руководствуясь интересами национальной безопасности. Армии названных стран небольшие, располагают в основном лишь оборонительным оружием.

В нашу эпоху с крахом мировой колониальной системы на историческую арену выступили десятки молодых государств, создавших свои армии, которые представляют собой весьма пеструю в социально-политическом отношении группу, поскольку некоторые из развивающихся стран избрали капиталистический, другие — некапиталистический путь развития. Одни следуют в фарватере политики империалистов, другие борются против нее.

Армии развивающихся стран, находящихся в экономической и военно-политической зависимости от империализма, — это армии буржуазного типа с соответствующими внутренней и внешней функциями. Многие из них являются главной опорой военно-диктаторских режимов и выступают как реакционная сила. Во внешнеполитическом плане они готовятся для агрессивных действий. Многие из них находятся под непосредственным контролем империалистических государств, особенно США.

Среди армий развивающихся стран особое место занимают армии политически независимых, неприсоединившихся стран, ведущих самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, объективно направленную против империализма, стремящуюся к миру (армии Индии, Мексики и пр.). Государства, содержащие эти армии, отказываются вступать в военно-политические блоки, создаваемые империалистами и направленные против социалистических государств и национально-освободительного движения народов самих развивающихся стран.

В функциональном плане рассматриваемые армии выступают как важное орудие по защите своего отечества от внутренних и внешних врагов. В армии и обществе широко культивируются идеи патриотизма, защиты национальной независимости.

В развивающихся странах можно выделить также группу стран социалистической ориентации. В области политической в этих странах утвердились революционно-демократические режимы, которым соответствуют и армии. Армии стран социалистической ориентации выступают как антиимпериалистическая, антифеодалная, а в ряде случаев и антикапиталистическая сила. Они отражают интересы большинства нации. Такие армии можно назвать армиями переходного типа. Внутренняя функция таких армий состоит в охране революционных завоеваний, достигнутых

в ходе национально-освободительных революций; в защите новых общественных отношений, складывающихся в результате проведения социально-экономических и политических преобразований; в пресечении посягательств со стороны сил внутренней реакции.

Внешняя функция этих армий заключается в защите независимости и национального суверенитета своих стран от посягательств империализма; в оказании возможной поддержки и помощи другим народам, борющимся за свою политическую независимость; в обеспечении мира, преграждении империализму пути к развязыванию новой мировой войны.

Таковы основные философско-методологические положения классификации армий. В основу типологии армий положены характер, особенности и этапы развития общественно-экономических формаций, в которых армия рассматривается как вооруженная сила конкретной государственной или ее заменяющей организации с учетом характера класса, интерес которого защищает армия.

Глава одиннадцатая

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙН

К числу коренных философских вопросов военно-исторической науки, имеющих прежде всего мировоззренческое значение относятся выяснение соотношения и роли материальных и духовных факторов в военной истории, взаимодействия объективных и субъективных сторон в военных событиях и раскрытие социологических законов войн и военного дела. В историческом анализе ведения войны эти вопросы приобретают специфическое содержание и форму. С наибольшей очевидностью и полнотой они проявляются в проблемах военной истории, когда речь идет о способах ведения войны, соотношении человека и техники в истории войн, роли народных масс и полководцев в войне и т. п.

КАТЕГОРИЯ СПОСОБА ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ В СВЕТЕ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНЦКОЙ ФИЛОСОФИИ

Задача военного историка состоит в том, чтобы на основе глубокого и всестороннего изучения событий войны, выяснения ее социально-политического характера и места в истории дать общую характеристику ее ведения. Этой цели и служит понятие «способ ведения войны».

Уже в сочинениях древних историков и военных деятелей отмечались особенности «почерка» крупных полководцев в войнах, которые они вели. Понятие «способ ведения войны» в XVIII—XIX вв., в период формирования и развития буржуазной военной науки, постепенно приобретает научный характер. Однако вплоть до возникновения марксизма и диалектико-материалистического переосмысления военной истории и военного дела понятие «способ ведения войны» несло на себе печать метафизики и идеализма. Влияние духовных факторов на формирование того или иного способа ведения войны считалось определяющим, а учет отдельных материальных факторов и условий носил частичный, односторонний характер. Недостаточно глубоко и на идеалистической основе рассматривалась социально-политическая характеристика способов ведения войны. Зачастую способ ведения войны отождествлялся со стратегией, осуществлявшейся тем или иным полководцем.

Научная мировоззренческая и методологическая основа понятия «способ ведения войны» введена марксизмом. Определяющее методологическое значение для решения данного вопроса имело материалистическое понимание истории, научный анализ сущности и классового характера войн.

Классики марксизма-ленинизма, особенно Ф. Энгельс, понятие «способ ведения войны» уделяли очень много внимания, рассматривая его как одну из основных категорий военной теории, играющую большую методологическую роль в понимании общего характера ведения войны, особенностей определенного исторического этапа развития военного искусства, его наиболее существенных сторон и тенденций развития.

Исследование способа ведения войны для истории военного искусства означает выяснение вопроса о том, как велась война с точки зрения использования вооруженных сил и других средств борьбы для достижения политических целей. Поэтому в способе ведения войны всегда оказываются тесно переплетенными, органически связанными две стороны: социально-политическая и военно-техническая. Это неоднократно подчеркивали основоположники марксизма. Так, К. Маркс писал о войне Пруссии против Франции в 1870 г.: «...всеобщее негодование вызвал здесь способ ведения войны: система реквизиций, сжигание деревень, расстрелы франтиреров, взятие заложников и тому подобное копирование Тридцатилетней войны»¹. Ф. Энгельс, характеризуя ошибку пьемонтцев в борьбе против австрийцев за национальную независимость, отмечал: «Огромной ошибкой пьемонтцев с самого начала было то, что они противопоставили австрийцам только регулярную армию, что они хотели вести самую обычную, буржуазную, добропорядочную войну. Народ, который хочет завоевать себе независимость, не должен ограничиваться *обычными* способами ведения войны. Массовое восстание, революционная война, партизанские отряды повсюду — вот единственный способ, при помощи которого малый народ может одолеть большой, при помощи которого менее сильная армия может противостоять более сильной и лучше организованной»².

С социально-политической точки зрения способы ведения войны могут различаться соотношением собственно военных средств (действий вооруженных сил) и невоенных, но используемых в войне форм борьбы (экономической, идеологической, дипломатической), известным преобладанием первых или вторых (К. Маркс писал о «дипломатической системе ведения войны» между Севером и Югом Соединенных Штатов Америки)³, отношением к на-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 439.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 416.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 392.

родным движениям, возникающим в процессе войны (партизанская борьба, восстания, саботаж и др.), степенью мобилизации материальных и духовных сил общества для ведения войны и т. д.

Анализ военно-технической (или собственно военной) стороны способа ведения войны дает возможность раскрыть характер военных действий, способы решения военных задач, методы руководства войсками и т. п. Многие характеристики военно-технической стороны способа ведения войны оказываются в конечном счете в прямой связи с политическими целями и установками воюющих государств и классов внутри них.

Таким образом, способ ведения войны характеризует деятельность политического и военного руководства по использованию вооруженных сил, экономических и морально-политических ресурсов государства (класса) в целях достижения победы. В качестве категории военной теории понятие «способ ведения войны» занимает определенное место среди других основных понятий, отражающих связи и отношения военного дела. Наиболее полное выражение он получает в военной доктрине государства. Конечно, военная доктрина формулирует не только существенные черты способа ведения войны данным государством против того или иного противника, она включает в себя и другие моменты: определение политического характера войны, направление военного строительства, подготовки к войне и т. п. Кроме того, надо иметь в виду, что фактический способ ведения войны может существенно отличаться от предусмотренного доктриной.

Способ ведения войны формируется в определенной зависимости от способов ведения военных действий, но и сам он как более высокое звено в организации деятельности людей в войне оказывает существенное влияние на способы стратегического, оперативного и тактического масштабов, выполняя интегрирующую роль в различных формах ведения вооруженной борьбы.

Военно-техническая сторона способа ведения войны тем или иным государством характеризует уровень развития военного искусства, особенно такой его части, как стратегия.

Последовательно придерживаясь материалистического понимания сущности и источников развития военного искусства, классики марксизма-ленинизма сделали вывод, что конечные причины радикальных изменений в способе ведения войн лежат в развитии и смене способов производства. К. Маркс и Ф. Энгельс писали о феодальном, буржуазном⁴, пролетарском⁵ способах ведения войны.

История военного дела, особенно в XX в., свидетельствует, что способ ведения войны может существенно изменяться и на про-

тяжении истории одной формации. В то же время государства с различным социальным строем могут вести войны сходными в военно-техническом отношении способами.

Это объясняется тем, что способ производства, будучи сложным социальным явлением, воздействует на военное дело своими различными сторонами. Производительные силы, развиваясь, создают возможность изобретения нового оружия и производства его во все больших количествах, что в свою очередь ведет к изменениям в военной организации, в формах и способах ведения военных действий и в способе ведения войны.

Новые производственные отношения, утверждающиеся в результате социальной революции в качестве господствующих, служат основой изменений социально-политической стороны способа ведения войны, а через нее воздействуют и на ведение военных действий. Победа нового социального строя ведет к существенным изменениям в людях, которые своей деятельностью формируют способ ведения войны.

Ф. Энгельс показал, что каждая новая формация, утверждаясь в процессе социальной революции, освобождает, эмансипирует новые классы и порождает новые способы ведения войны. Так, возникновение наполеоновского способа ведения войны и нового военного искусства он связывал с эмансипацией буржуазии и крепостного крестьянства⁶, что позволило значительно повысить подвижность отдельного солдата и армии в целом, поднять массовость армий и средств борьбы⁷.

Существенно новые моменты в связях способа ведения войны со способом производства и со всей социально-политической жизнью общества обнаруживаются в XX в.

С одной стороны, происходит все убыстряющееся развитие технической базы войны. Один за другим осуществляются качественные изменения в военной технике, связанные с появлением пулеметов, танков, самолетов, ракетно-ядерного оружия и радиоэлектронной техники.

С другой стороны, развитие общества характеризуется возрастанием роли народных масс, что находит выражение и в войнах. Это убедительно подтверждается пролетарским способом ведения войны и его развитием в современных условиях.

В работе «Возможности и перспективы войны Священного союза против Франции в 1852 г.» Ф. Энгельс писал, что пролетарская революция создаст особый военный метод, новый способ ведения войны и что социалистическая революция вызовет к жизни военную науку пролетариата, которая «будет в такой же мере

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 30, с. 235.

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 509—511.

⁶ См. там же, с. 509.

⁷ См. там же, с. 506—509.

необходимым продуктом новых общественных отношений, в какой военная наука, созданная революцией и Наполеоном, явилась неизбежным результатом новых отношений, порожденных революцией»⁸. Новый военный метод формируется по мере создания новых материальных и духовных предпосылок.

Кроме того, классики марксизма предполагали, что в соответствии с сущностью пролетарской революции и социалистического общества постоянная армия будет заменена всеобщим вооружением народа. Однако по мере развития технической базы войны все больше обнаруживалась слабость милиционной системы организации вооруженных сил по сравнению с регулярной армией. Следовательно, и с этой стороны способ ведения войны в защиту социалистического Отечества должен был использовать военно-технические предпосылки, достигнутые еще буржуазным обществом. В. И. Ленин писал, что задача военного строительства победившего пролетариата состоит в том, чтобы «решить задачу сочетания энтузиазма, нового революционного творчества угнетенных с использованием того запаса буржуазной науки и техники милитаризма в самых худших их формах, без которых он не сможет овладеть современной техникой и современным способом ведения войны...»⁹.

Все это означает, что марксистская оценка материальных основ общественной жизни в каждую эпоху и порожденной ими политики является базой для научной истории военного искусства, которая не ограничивается фотографированием действительности, а раскрывает объективные закономерности и закономерные тенденции развития способов ведения войны, способов и форм военных действий. Большое значение при этом имеет учет такого объективного обстоятельства, активно влияющего на способ ведения войны, как положение данного государства в системе государств, расстановка сил на международной арене и соотношение военной мощи воюющих государств.

Рассмотренные факторы создают объективную необходимость и реальную возможность разработки свойственных данной эпохе способов ведения войны. Но возникают эти способы не сами по себе, а в результате сознательной деятельности людей, ставящих перед собой определенные цели и добивающихся их реализации. В результате на одной и той же или сходной материально-технической базе могут возникнуть качественно различные способы ведения войны. Так, реакционные классы, как об этом убедительно говорит вся история войн, и в особенности войн новейшего времени, тяготеют к истребительным способам ведения войны, к применению в них наиболее разрушительных средств борьбы, к то-

тальному уничтожению. Передовые, революционные классы в способ ведения войны вносят элементы гуманности, стремятся избежать напрасных жертв и уничтожения материальных ценностей.

Марксистская философия исходит из того, что при анализе особенностей способа ведения войны необходимо учитывать и национальные, патриотические идеи и чувства, моральные качества народных масс, политиков и военачальников, уровень развития военной теории, черты личностей, стоящих во главе государств, классов и войск, степень их талантливости, природной одаренности, образованности, их волевые качества и т. п. Свое обобщенное выражение классовый момент субъективного фактора получает в мировоззрении класса, его политических и военных руководителей.

Значение мировоззрения как фактора, опосредующего определяющее влияние объективных условий, настолько велико, что вполне можно говорить о мировоззренческих основах того или иного способа ведения войны. Мировоззрение и обобщенный в нем в виде понимания и оценки различных сторон общественной жизни классовый интерес определяют выбор путей, методов, форм ведения войны и военных действий из тех, возможность которых создана развитием производительных сил и других объективных условий.

Так, любое научное открытие, которое может быть использовано в военном деле, в империалистических государствах немедленно ставится на службу милитаризму и агрессии. Достаточно вспомнить историю открытия атомной энергии, применения первых атомных бомб и американского атомного шаптажа на международной арене.

Способ ведения войны разрабатывается политическим и военным руководством страны в результате восприятия и оценки объективных обстоятельств и факторов через призму классового мировоззрения. Он выражается в выборе той или иной альтернативы при решении самых существенных вопросов отношения к войне и ее ведения:

в выборе установки на агрессию или на отказ от войны как средства решения международных споров. Способ ведения войны оказывается различным в зависимости от того, ведет ли ее агрессор или миролюбивое государство;

в решительности поставленных целей и действий по их достижению или, наоборот, в половинчатости целей и пассивности, нерешительности действий (например, действия Англии и Франции в период так называемой «странной войны»);

в проведении линии на преимущественное использование всякого рода «непрямых действий» или, наоборот, на поиск сражений. Эти два подхода характеризуют так называемую стратегию

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 510.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 139.

измора (истощения), с одной стороны, и стратегию сокрушения — с другой;

в установке на варварское уничтожение мирного населения, на истребительную войну или в противоположность этому в стремлении к разгрому армии и государства при максимально возможном сохранении мирных жителей и материальных ценностей. В наше время для империалистических агрессивных государств характерна «тяга» к применению средств массового поражения, к разработке все новых видов оружия, при помощи которого можно было бы уничтожать многие миллионы людей;

в подходе к выбору направления главного удара с учетом не только военных, но и экономических, политических, идеологических факторов;

в установке на ведение молниеносной, быстротечной войны или, наоборот, длительной войны со всеми вытекающими отсюда последствиями. В современную эпоху первая установка обычно выступает как проявление империалистического авантюризма, неспособности соразмерить беспредельные аппетиты агрессивного монополистического капитала с реальной обстановкой;

в отношении к различным политическим движениям в стране противника: в стремлении опереться на движения прогрессивные или реакционные;

в подходе к оценке роли различных видов вооруженных сил в войне и выделении главного из них. Для буржуазной военной мысли характерно одностороннее преувеличение значения какого-нибудь одного вида оружия и разработка соответствующих теорий ведения войны.

То или иное решение всех названных вопросов входит в содержание способа ведения войны, хотя и не исчерпывает его. На формирование военно-технической стороны способа ведения войны большое влияние оказывает уровень развития военных знаний — военной науки и ее главной составной части — теории военного искусства. Великие полководцы, проникающие в глубину объективных требований своей эпохи к военному делу, в прошлом благодаря этому становились творцами новых способов ведения войны, а в современных условиях они оказывают на их формирование большое влияние.

В том случае, когда война принимает народный характер, на способ ее ведения оказывает определенное влияние военное творчество личного состава армий, а также народных масс, организующих партизанскую войну, всестороннюю помощь вооруженным силам и т. п. Это военное творчество народа может быть стихийным, как в 1812 г., или сознательным, как это было в Великой Отечественной войне Советского Союза, когда оно вдохновлялось и направлялось Коммунистической партией.

Диалектическое взаимодействие объективных и субъективных факторов в процессе формирования способа ведения войны предопределяет возможность появления в военной теории таких взглядов на ведение войны, которые односторонне выражают интересы господствующих классов, неверно оценивают значение новых технических средств и в конечном счете остаются мертвой теорией. Такими мертворожденными способами ведения войны в прошлом были, в частности, логические схемы Виллизена, Леваля и некоторых других военных теоретиков. В трудах этих авторов, разумеется, имелись рациональные моменты, но в целом их теории ведения войны были далеки от жизни.

Количество односторонних теорий ведения войны возрастает на высшей и последней стадии капитализма — при империализме. Здесь имеются две причины. Во-первых, крайнее усложнение военного дела, появление весьма разрушительных и мощных средств ведения военных действий создает иллюзию возможности достижения быстрой победы над любым противником при помощи какого-нибудь одного сверхмощного вида оружия либо при помощи маленькой «сверхоснащенной» армии. Во-вторых, монополистическая буржуазия все больше понимает опасность для капиталистического строя длительных и изнурительных войн с участием многомиллионных армий, и ее военные теоретики склонны искать и разрабатывать такие способы ведения войны, которые дали бы возможность избежать этой опасности. На мышление империалистических военных идеологов оказывают большое влияние и специфические интересы «своей» монополистической буржуазии, сила данного империалистического государства, его положение в системе других государств.

На основании опыта войн можно говорить о существовании в наше время (при наличии всевозможных промежуточных форм и общности ряда военно-технических черт) двух способов ведения войны — социалистического и империалистического.

Социалистический способ ведения войны сложился не сразу. Великая заслуга в его выработке принадлежит В. И. Ленину. Теоретической основой его является ленинское учение о защите социалистического Отечества. Центральной идеей способа ведения войны в защиту социализма является вывод о том, что эта война есть дело всего народа, требующее мобилизации всех его материальных и духовных сил. В. И. Ленин писал в 1918 г.: «Для этой войны должны быть привлечены все народные силы. Страна вся должна превратиться в революционный лагерь»¹⁰.

Для социалистического способа ведения войны характерны такие особенности, как твердая опора политического и военного руководства на народные массы и их беззаветную поддержку;

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 383.

превращение страны в единый военный лагерь, в котором вся экономическая, политическая и военная деятельность направляется Коммунистической партией на достижение победы; реализм в постановке политических и военных целей; решительность и последовательность в военных действиях, вытекающая из ясности целей и поддержки народа; развертывание и использование военного творчества всего личного состава вооруженных сил; использование форм партизанской борьбы на оккупированных врагом территориях и различных прогрессивных движений; смелость и глубина теоретической военной мысли, опирающейся на научную методологию. Все эти черты придают социалистическому способу ведения войны новое качество и высокую эффективность.

Естественно, в каждой конкретной войне в защиту социалистического Отечества эти общие черты получают свое конкретное выражение. Особенно быстро меняется военно-техническая сторона способа ведения войны.

Преимущества нового способа ведения войны ярко проявились в Великой Отечественной войне советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Весь советский народ поднялся на борьбу с врагом, страна превратилась в единый боевой лагерь. Широко развернулось партизанское движение. В критические моменты борьбы, особенно в боях под Москвой и Ленинградом, создавалось народное ополчение и т. п. Военные действия советских войск отличались смелостью и решительностью замысла и исполнения, трезвым учетом реальных условий и соотношения сил, энергией и твердостью в проведении намеченных планов, творческим выбором наиболее активных способов борьбы. Операции велись с большим размахом, мощные группировки противника уничтожались рядом последовательных по времени ударов.

В способе ведения войны фашистской Германией наиболее остро проявились черты империалистического способа ведения войны, свойственного всем империалистическим государствам в несправедливых войнах. Эти особенности вытекали из сущности фашизма. Ведение войны гитлеровской Германией включало вероломство, расчет на внезапность, провокации, шантаж и запугивание, политическую игру на антикоммунистических настроениях правящих кругов буржуазно-демократических государств. В соответствии с принципом тотальности по отношению к народам, не желавшим покориться «новому порядку», провозглашалась и осуществлялась истребительная война. Военные действия проводились с крайней жестокостью: разрушались города, селения, памятники культуры, зверски уничтожались мирное население и военнопленные. Достижение мирового господства мыслилось гитлеровцами как последовательный разгром и оккупация одного за другим противостоящих государств, превращение их в послушных сателлитов и базу дальнейшей агрессии, причем для этого исполь-

зовались не только военные средства, но и самые разнообразные методы из арсенала политики, дипломатии, пропаганды. Сама Германия была превращена в казарму со строжайшей и всеохватывающей системой слежки, сыска и репрессий. Недостаток рабочей силы восполнялся за счет широкого использования рабского труда миллионов граждан оккупированных стран и военнопленных. Фашистский милитаризм и разработанный им способ ведения войны был доведен до такого крайнего выражения империалистической сущности, что стал угрожать другим капиталистическим державам.

Подобные же черты империалистического способа ведения войны выявились и в локальных войнах империализма после второй мировой войны, крупнейшими из которых были агрессия США в Корее и во Вьетнаме. Характерно, что в этих войнах не были официально провозглашены ни захваты, ни истребительные цели, ни зверства. Однако они имели место в широких масштабах потому, что их основы заложены в самом характере империализма, в его политике, а установочные мотивы — в мировоззрении военных кадров.

В этих войнах подтвердились такие особенности империалистического способа ведения войны, как реакционность и авантюризм их политических целей, их противоположность интересам народных масс, вероломство, шантаж, провокации, антикоммунистическая пропаганда, игра на настроении колеблющихся слоев и опора на реакционное движение, ставка на использование любых средств массового уничтожения, ставка на воздушные бомбардировки, действия флота и отборных войск из профессионалов-головорезов. Империалистический способ ведения войны в огромной степени ориентируется на технику. Он весь пронизан боязнью масс, массовых армий, народной войны.

МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ТЕХНИКИ В ВОЙНЕ

Сформулированный Ф. Энгельсом закон о зависимости хода и исхода войны, форм и способов ведения военных действий от количества и качества людей и военной техники свидетельствует о том громадном значении, которое имеет проблема соотношения человека и техники для анализа процессов ведения войн в их историческом развитии. Это одна из наиболее общих проблем военной теории и истории мировоззренческого и методологического характера.

Вооруженная сила всегда складывалась из двух основных элементов: людей и оружия. Их качество, степень развития боевых

свойств — основа боевой мощи. Они непосредственно определяют характер, ход и исход сражений. В них в конечном итоге интегрируется действие всех социальных и физических сил, формирующих военное искусство: социально-экономический строй, моральный потенциал страны, силы природы, поставленные на службу интересам вооруженных сил в войне.

Характерные свойства людей и военной техники определяют данным способом производства, в них выражаются определенные политические потребности борьбы классов и государств. Социально-политическая сторона жизни находит свое отражение прежде всего в человеческом факторе, морально-политическом состоянии армий и населения. В оружии, военной технике находит свое воплощение преимущественно производственная (а в последнее время в огромной степени и научная) сторона дела. Вопрос о соотношении человека и техники — это прежде всего вопрос о соотношении материального и духовного, хотя, естественно, им не исчерпывается. Его решение неизменно упирается в материалистическое или идеалистическое решение основного вопроса философии. Человек с его сознанием выражает цель борьбы, техника дает в его руки средства для ее достижения, человек приводит технику в действие. В силу этого проблема соотношения человека и военной техники на всех этапах развития военно-исторической мысли имела острое классово-политическое, мировоззренческое содержание.

Марксистско-ленинское материалистическое мировоззрение исходит из того, что идеальное есть порождение и отражение материального. Вместе с тем сознание не является пассивным отражением действительности. Отражая мир, сознание в то же время изменяет его. Человеческий ум создает и развивает новую технику. Он ставит перед ней цели и управляет ею. На этом основано положение марксизма-ленинизма о решающей роли человека в системе «человек—техника».

Эти факторы, выражающие мировоззренческую сущность проблемы «человек и техника в войне», по-разному проявлялись в различные периоды истории. Постоянно менялась конкретная форма идеологических, философских концепций, выражающих эту проблему.

На протяжении всей военной истории проблема соотношения человека и оружия привлекала внимание военных мыслителей. Занимая определенное место в идеологической борьбе классов, ее решение оказывало существенное влияние и на практику организации, вооруженных сил, подготовки и воспитания личного состава армий, разработку форм и способов ведения военных действий.

Проблема соотношения человека и военной техники заметно обострялась в периоды крупных переворотов в технической базе

войны, когда происходила известная перестройка взаимоотношения людей и оружия.

Анализ объективных связей между человеком и военной техникой показывает, что они развиваются по линии все большей дифференциации и усложнения и, следовательно, создают все более обширную гносеологическую основу для различного рода заблуждений, для неверных выводов. Однако реализация этих гносеологических возможностей, превращение отдельных взглядов в более или менее развернутые, устойчивые теории зависит от классовых позиций военного историка и теоретика.

Новое оружие, делая человека значительно более сильным, неизменно создавало иллюзию, что отныне воинское мастерство, моральные и физические силы, а также численность армий перестают играть свою прежнюю роль.

Уже появление огнестрельного оружия породило сомнения в сохранении решающего значения в бою таких качеств воинов, как искусство, храбрость и пр. Феодалное дворянство и его военные представители, посылая проклятия «незаконному» и «неблагогородному» огнестрельному оружию, сетуя на то, что отныне потеряли значение такие рыцарские качества, как храбрость, мужество, мастерство перед лицом горожан, мелкого пешего люда, этим самым выражали протест против победы нового класса — буржуазии, нового общественного строя — капитализма.

Г. Дельбрюк приводил слова одного из представителей ландскнехтов, Фрэнсбергера о том, что огнестрельное оружие ведет к тому, что не понадобится больше ни настоящего человека, ни храбрости, раз всевозможная хитрость, обман, предательство вместе с этими омерзительными орудиями получили такой перевес, что ни фехтованием, ни борьбой и дракой, ни оружием, ни вооружением, ни силой, ни искусством или храбростью ничего сделать нельзя. Ибо часто случается, что храбрый герой бывает убит из пушки никуда не годным, отовсюду выгнанным малым, который не посмел бы в другое время с ним заговорить или даже взглянуть на него¹⁴.

Но ни предание пороха церковью анафеме как «нечистой силы», ни жестокая расправа с пленными мушкетерами и аркебузирами и пр. не могли остановить развития новой техники, выражавшего собой одну из сторон исторического процесса перехода от феодализма к капитализму.

Теоретические споры вокруг проблемы «человек и техника» возникли в конце XIX в. в связи с принятием на вооружение и широким внедрением в боевую практику нарезного, заряжающегося с казны оружия. Они ярко проявились в России. Весь пе-

¹⁴ Цит. по кн.: Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории, т. IV. М., 1938, с. 36.

риод до первой мировой войны был заполнен борьбой между «штыколоубами» и «огнепоклонниками».

Позиция русских «штыколоубов», неверное решение ими проблемы соотношения человека и техники в войне во многом объясняются классовыми, идеологическими соображениями. Подобные соображения хорошо раскрыл Ф. Энгельс в книге «Анти-Дюринг»: боязнь выпустить солдат из-под контроля офицера, предоставить их самим себе, тот или иной протест против перестройки армии на новой технической основе и в соответствии с этим неизбежность перехода к солдату — гражданину с более высоким уровнем культуры. «Штыколоубы» понимали, что такая перестройка угрожает самому существованию помещичье-дворянского государства. Большое значение имели и мировоззренческие моменты: преувеличение роли в бою волевой стороны человеческой личности, метафизическое представление о неизменности природы человека.

М. И. Драгомиров утверждал, что военное дело скорее волевое, чем «умовое». «...Могут, — писал он, — изменяться количественные и даже качественные отношения вследствие усовершенствования оружия, но человек остается тот же»¹². Попытки военных деятелей царской России использовать суворовский афоризм конца XVIII в. «пуля — дура, штык — молодец» в новых исторических условиях, т. е. при совершенно иной военной технике и в совершенно иной политической обстановке, как известно, окончились крахом.

В новую историческую эпоху после Великой Октябрьской социалистической революции для буржуазной военной мысли были характерны новые конкретные социально-политические и идеологические причины извращения проблемы соотношения человека и военной техники. Одной из главных среди этих причин были попытки найти такие методы и способы применения военной техники, которые бы вели к «вытеснению» человека из вооруженной борьбы, чтобы избежать социальных последствий империалистических войн.

«...После великой империалистской бойни все правительства в мире стали бояться всенародной армии, открытой для крестьян и рабочих, стали переходить тайком ко всевозможным приемам подбора специально подобранных из буржуазии и специально снабженных особенно усовершенствованной техникой воинских частей»¹³.

Один из идеологов германского милитаризма, Зольдан, писал, что на войне «техника повелевает человеком». А поэтому, призывал он военных деятелей, следует заменять людей «сталью и желе-

¹² Драгомиров М. Избранные труды. М., 1956, с. 49.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 195.

зом», использовать технику для того, чтобы «заставить солдата не думать, не рассуждать»¹⁴.

Наиболее грубо игнорируя законы вооруженной борьбы, некоторые буржуазные военные деятели считали, что должна быть создана высококомеханизированная армия с небольшим, специально отобранным составом с тем, чтобы избежать массовой армии, особенно в решении захватнических, агрессивных целей, при подавлении национально-освободительного движения¹⁵.

Но кроме этой тенденции к абсолютизации роли военной техники существует и другая тенденция. Буржуазное мировоззрение соединяет в себе классовый авантюризм с довольно трезвым практицизмом. Поэтому потребности военного дела все же берут верх. Несмотря на заклинания теоретиков «малых» механизированных армий, создавались и создаются массовые вооруженные силы, основанные на использовании всех родов войск и видов оружия, предпринимаются колоссальные усилия по подготовке личного состава. В официальных руководствах и высказываниях официальных лиц признается решающая роль человека в войне. Так, в полевом уставе США говорится: «Несмотря на большие достижения в развитии военно-технических средств, успех в войне зависит от человека. Человек по-прежнему является основным орудием войны»¹⁶. Конечно, при этом признается решающая роль главным образом физических сил, эмоциональных свойств, интеллекта и т. п. и в гораздо меньшей степени учитывается его социально-политическая сущность.

Вместе с тем идея использования особенностей современной военной техники для создания вооруженных сил, оторванных от народа и стоящих над народом, была и остается одной из ведущих в буржуазной теории и практике. Это находит свое выражение в создании своего рода «малых армий» внутри массовых армий, т. е. в создании частей, личный состав которых набран из наиболее благонадежных элементов и оснащен наиболее мощной и совершенной техникой. В армиях увеличивается доля профессионалов, наемников, особенно в частях с ведущими видами оружия. Крупнейшие капиталистические страны, в частности США и Англия, полностью, а другие частично перешли на наемный принцип комплектования армий.

Военно-историческая наука, анализируя практическое решение проблемы человека и техники, должна учитывать сложное взаимодействие указанных тенденций.

При анализе проблемы соотношения человека и техники на различных этапах развития истории можно заметить еще одно

¹⁴ Зольдан. Человек и битва будущего. М., 1928, с. 27, 43.

¹⁵ См., например: Лиддел Гарг. Новые пути современных армий. М.—Л., 1930, с. 189.

¹⁶ Полевой устав США. М-400-5. Пер. с англ. М., 1964, с. 33.

объективное условие, существенно влияющее на характер взглядов по проблеме «человек и военная техника». Речь идет о соотношении политических, классовых целей с уровнем развития экономических, технических и собственно военных возможностей стран, а также их противников. Естественно, что в различных исторических условиях существенное влияние на те или иные взгляды оказывало и это обстоятельство.

Теоретически и практически доказано, что реальное противоречие между технической отсталостью страны и возросшей ролью техники в войне нельзя решать путем противопоставления людей технике. Технической мощи врага нужно противопоставить не только революционный энтузиазм, но и собственную передовую технику. Всегда должно быть диалектическое единство человека и военной техники.

Однако в истории были случаи иного плана, когда при помощи мощной военной техники уничтожался слабо вооруженный противник. Так было во многих захватнических войнах прошлого. В. И. Ленин писал: «... возьмите историю тех маленьких войн, которые они (империалисты.— *Авт.*) вели перед большой, — «маленьких» потому, что европейцев в них гибло немного, но гибли зато сотни тысяч тех народов, которых душили, которые с их точки зрения даже народами не считаются (какие-то азиаты, африканцы — разве это народы?); с этими народами вели войны такого сорта: они были безоружны, а их расстреливали из пулеметов»¹⁷.

Наличие военно-технического превосходства в войне всегда заметно подогревало теории различного рода техницистов.

В первые годы существования нашей страны в условиях индустриальной и технической слабости молодого Советского государства буржуазным теоретикам казалось, что достаточно создать малую, но сильную в техническом отношении армию и она будет способна разбить Красную Армию, несмотря на ее высокий моральный дух. Этим объясняется также и то, что теории «малых армий» имели особенно широкое распространение в 1918—1930 гг. Растущая экономическая и военная мощь Советского государства сыграла не последнюю роль в последующем охлаждении к этим теориям. Подобная история в определенной степени повторилась и в послевоенный период. После того как стало известно, что у Советского Союза имеется атомное оружие, фантазии милитаристов относительно «вытеснения человека» атомной бомбой в значительной мере поблекли.

Для анализа различных этапов развития взглядов на соотношение человека и техники в войне крайне важно учитывать характер факторов, их формирующих. Это прежде всего непрерыв-

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 86.

ный процесс изменения объективных связей между человеком и военной техникой. Каких бы взглядов на соотношение человека и техники, правильных или неправильных, ни придерживался тот или иной деятель, в основе их все же лежит объективный процесс изменения этого соотношения.

Социалистический способ производства, социалистический общественный и политический строй, справедливые цели войн, которые приходится вести социалистическому государству, научное марксистско-ленинское мировоззрение и методология позволяют в соответствии с объективными законами военного дела теоретически и практически правильно решать проблему соотношения человека и военной техники.

В решении этой проблемы марксизм-ленинизм исходит из социальной сущности человека как совокупности всех общественных отношений¹⁸. Поэтому к проблеме «человек и техника в войне» марксизм-ленинизм применяет социально-классовый и общественно-исторический подход, а роль человека в войне неразрывно связывает с ролью народных масс, различных классов и социальных групп.

Человек и техника находятся в диалектическом единстве, в котором решающая роль принадлежит человеку. Военная история дает в этом отношении для правильных практических и мировоззренческих выводов громадный и убедительный материал, свидетельствующий, что при всем необъятном росте техники роль человека остается ведущей. Пока господствовало холодное оружие, взаимосвязь человека и оружия была простой и ясной. Поэтому каких-либо особых сомнений в роли человека и таких его качеств, как мастерство и храбрость, не было.

По мере развития военной техники эта очевидность пропадает. Ракета, например, летит на расстоянии в тысячи километров и попадает в цель без непосредственного участия человека, вычислительные машины рассчитывают направление ее полета, автоматические приборы контролируют полет. Известная относительная самостоятельность техники и служит гносеологической основой представлений о независимости техники от человека. В действительности с развитием техники связь ее с человеком не нарушается, а усложняется.

Человек выступает в бою в двух основных ролях. С одной стороны, он проявляет в войне свой разум, волю, чувства. С другой — он действует как материальное, физическое существо, как источник механической энергии.

До известного исторического периода его решающая роль в войне проявлялась в обеих этих областях, но с середины XIX в. ясно обозначилась тенденция замены человеческой силы механи-

¹⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 3.

ческой. По мере развития военной техники происходит увеличение доли овеществленного труда и резкое уменьшение доли непосредственного живого труда. В. И. Ленин писал: «В замене ручного труда машинным нет ничего «нелепого»: напротив, в этом и состоит вся прогрессивная работа человеческой техники»¹⁹. По мере развития технической базы войны роль человека в бою стала проявляться все больше в связи с техникой. Но таким образом, что человек по-прежнему играет решающую роль в сражениях, поскольку военная техника, какой бы сложной и мощной она ни была, является орудием в руках человека. Ф. Энгельс писал, что «люди, а не мушкеты, будут выигрывать сражения»²⁰. Краеугольным камнем советской военной науки и военной истории было и остается положение о решающей роли человека в войне. Тов. Л. И. Брежнев в речи на приеме в честь выпускников военных академий 5 июля 1967 г. говорил: «Наша партия исходит из ленинского учения о том, что, как бы ни была высока техническая вооруженность армии, человек, в совершенстве овладевший техникой, остается главной, решающей силой на войне. Это особенно важно теперь, в век ракетно-ядерного оружия, когда судьбу войны будут решать люди, овладевшие оружием и боевой техникой, закаленные морально и физически, беспредельно преданные своей Родине, партии и народу»²¹. Роль человека, его убеждений, знаний, волевых и психологических качеств возрастает. История войн современной эпохи показывает, что военная техника предъявляет к людям чрезвычайно высокие и разнообразные требования. Воину должны быть свойственны не только политическая сознательность, высокое чувство ответственности, но и серьезная военно-техническая культура, физическая закалка, морально-психологическая готовность к тяжелым испытаниям.

Для каждого вида оружия характерна своя конкретная форма соединения людей и техники, необходим определенный состав людей по количеству, квалификации, морально-психологическим качествам. Поэтому по мере развития военной техники происходит изменение соотношения людей и техники как по видам вооруженных сил, родам войск и видам оружия, так и в глубину — от поля боя к тылу. Усложнилась и приобрела огромное значение задача создания оптимального соотношения между массой самой разнообразной техники и массой соответственно подготовленных людей.

В военно-исторических исследованиях отводится немалое место анализу соотношения человека и техники в различных войнах. В связи с этим целесообразно выделить некоторые методо-

логические принципы, диктуемые диалектико-материалистическим мировоззрением применительно к решению задач такого анализа.

Прежде всего таким принципом выступает учет объективно необходимого уровня и особенностей взаимоотношения человека и техники на данном этапе развития военного дела. Показывая или оценивая опыт какой-либо армии в подготовке личного состава к овладению им техникой, следует исходить из имеющихся, достигнутых уже в данный исторический момент реальных возможностей и реальных достижений, имеющихся в передовых странах.

Второй принцип делает упор на оценку объективных возможностей обеспечения необходимого уровня развития военной техники и технической культуры воинских масс, заложенных в способе производства, характере общественного и политического строя, политических целях войны.

Так, с точки зрения первого требования исследователь состояния Красной Армии после гражданской войны вправе оценить ее как существенно отстающую в техническом отношении, в подготовке кадров, умеющих владеть техникой. Если же подойти к этому с точки зрения второго принципа, то можно сделать вывод, что данная ситуация объяснялась как наследием старого, недавно свергнутого реакционного общественного и государственного строя, так и особенно тяжелейшими разрушениями двух войн — первой мировой и гражданской. Далее, изучая перспективы развития технической вооруженности армии, ее морального духа и возможностей роста кадров, умеющих владеть техникой, можно смело утверждать, что Красная Армия тех лет, несмотря на указанный недостаток, была армией боеспособной, полной глубоких источников быстрого наращивания ее могущества (технического и морального), заключенного в передовом социалистическом строе.

Третьим принципом можно считать требование всестороннего учета роли субъективного фактора в оценке и решении проблемы соотношения человека и техники в каждой конкретно-исторической ситуации, в той или иной стране и армии.

Оценивая объективно полагаемые уровни развития техники и человека, а также заложенные в социальном строе общества и его техническом развитии возможности, военные и политические руководители делают из этого соответствующие выводы, которые превращаются в практические действия.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 400.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 225.

²¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970, с. 51.

ПОЛКОВОДЕЦ И СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Вопрос о роли полководца в ведении войн — одна из центральных проблем военной истории. Без изучения деятельности крупных военачальников и выяснения их роли в военных событиях военный историк обойтись не может. Этим объясняется огромное внимание к этому вопросу в военно-исторических исследованиях в прошлом и в современных условиях.

В современной советской военной и военно-исторической науке понятие «полководец» распространяется на военных руководителей стратегического масштаба. Полководец — это руководитель вооруженных сил государства или крупных оперативно-стратегических объединений, владеющий искусством подготовки и осуществления стратегических операций. Таково в принципе определение понятия полководца. Однако оно имеет исторически конкретное содержание. В понятии «полководец» в его современном значении отразилась в обобщенном виде одна из важных сторон социальной практики человеческого общества. Раскрыть это — задача большого мировоззренческого значения, решаемая на основе научной философии.

Без крупных военачальников, осуществлявших руководство вооруженными силами, а в прошлом зачастую и ведением войны в целом, не обходилась ни одна война: войны осуществляются людьми, деятельность которых нуждается в руководстве. Здесь крайне важны единство воли, твердая организация и дисциплина.

История военного искусства свидетельствует, что полководцы различных эпох существенно различаются по масштабам и характеру своей деятельности, по личным качествам и влиянию на ход событий. Каждая эпоха по сути создает характерный для нее тип полководца, детерминируя его деятельность конкретно-историческими объективными условиями. Отмечая это обстоятельство, В. И. Ленин писал: «Особенности каждой эпохи» должны быть учтены для понимания полководца»²².

Каждая эпоха характеризуется конкретным уровнем развития производительных сил и определенной системой общественных отношений — производственных, классовых, политических, национальных, межгосударственных и т. д. Ими определяется в конечном счете характер и содержание военных задач каждого отдельного государства, развитие военного дела, военное строи-

тельство, а значит, и объективные требования к полководцам. Как личность полководец формируется прежде всего социальными отношениями, интересами и потребностями класса, которому он служит. Здесь разворачиваются его индивидуальные способности и таланты.

С тех пор как возникло классовое общество и его атрибут — армии, отвечающий своему назначению полководец должен был обладать рядом качеств. Первое из них — способность выполнять военными средствами задачи господствующего класса, защищать его интересы, используя в этих целях материальные и духовные возможности. Не менее важное требование к полководцу — способность идти в ногу с развитием военного дела и двигать его вперед в соответствии с изменениями в средствах ведения войны. «Каждый великий полководец, создавший новую эпоху в военной истории применением новых комбинаций, — писал Ф. Энгельс, — является либо изобретателем новых материальных средств, либо первый находит правильный способ применения новых средств, изобретенных до него»²³. От полководца требуются и такие личные качества, как храбрость, мужество, сила и твердость воли, необходимость которых определяется спецификой войны.

Конкретное содержание всех этих требований, и особенно первых двух, изменялось от эпохи к эпохе, и именно оно лежит в основе различия социальных типов полководцев. Разумеется, социальные типы полководцев различаются и в чисто военном плане (масштабы военных действий, характер стратегии и тактики, особенности новшеств, вводимых тем или иным военачальником, и т. п.), что также в конечном счете зависит от характера и содержания эпохи. Так, когда эксплуататорский общественный строй развивался по восходящей ветви, то он мог создавать условия для выдвижения талантливых полководцев и обеспечивать известный подъем полководческого искусства. Господство реакционных классов и реакционных порядков приводило к снижению уровня полководческого искусства.

Общей чертой полководцев антагонистических государств является их служение эксплуататорским классам. В противоположность этому в народных восстаниях и движениях прошлого, в войнах эксплуатируемых классов за свое освобождение зарождался иной социальный тип полководца — вождя восставших народных масс. Таким были Спартак в Древнем Риме, чешский национальный герой Ян Жижка, вождь крестьянского восстания в России Емельян Пугачев. Это были люди из народа, на уровне своего времени хорошо понимавшие интересы угнетенных и их возможности в вооруженной борьбе против эксплуататоров. Важным вкладом этих полководцев в военное искусство было создание

²² Ленинский сборник, XII, с. 427.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 513.

приемов использования слабо обученных военному делу масс для борьбы с армиями эксплуататорских государств.

Эпоха пролетарских революций и войн в защиту социализма выдвинула новый тип полководца, основными чертами которого является беспредельная преданность своему народу и коммунистической партии, высокая идейность, тесное сочетание профессиональной компетентности с качествами политического воспитателя и руководителя масс, активность и решительность в проведении оперативных и стратегических планов.

М. В. Фрунзе писал: «Вхождение в Красную Армию пролетарских элементов, красных командиров отразилось на характере ведения наших операций, и если вспомнить некоторые наши операции... то мы увидим, что красный комсостав внес в армию смелость, инициативность и решительность. Поэтому я полагаю, что эти черты маневренности, решительности, наступательности были связаны не только с объективными условиями военных действий, чего никто не отрицает, но с тем, что во главе Красной Армии оказались элементы, пропитанные активной идеологией рабочего класса»²⁴.

Блестящую плеяду полководцев нового типа выдвинул советский народ в период Великой Отечественной войны, с именами которых связана разработка и осуществление крупнейших стратегических операций Советской Армии и Военно-Морского Флота, вошедших в историю войн в качестве ярких образцов военного искусства.

Несостоятельны идеалистические и метафизические взгляды буржуазных историков на полководца, как на внеисторическую личность, одаренную неким божественным даром. Так, А. Шлиффен в полководце склонен видеть проявление некоей мистической силы. С его точки зрения, «полководцем надо родиться и быть предопределенным... в полководце должно быть что-то сверхчеловеческое, что-то неземное, назовем ли мы это сверхчеловеческое и неземное словом гений, или как-либо иначе. Полководец должен верить в покровительство какой-то высшей силы»²⁵. Полководец Шлиффена по сути противостоит обществу как носитель некоего вневременного полководческого гения, одинакового для всех эпох. Но таких полководцев в жизни не бывает. Подобный подход вытекает из ложного идеалистического мировоззрения.

Диалектико-материалистический метод требует помимо социально-политического анализа условий появления и деятельности полководца видеть и ряд других материальных и духовных факторов этого процесса. Так, военачальник только тогда становится видимым полководцем, когда он способен оценить изменения в

оружии с точки зрения влияния на боевую мощь войск и на характер боевых действий, найти или по крайней мере дать ход уже найденным наиболее целесообразным приемам и способам использования нового оружия. В то же время этот метод ориентирует оценивать деятельность полководца прежде всего как деятельность политического характера, в которой используются насильственные средства для достижения политических целей.

Война есть продолжение политики, а политика есть практика классовых отношений и классовой борьбы, вне которых не может стоять ни один полководец, направляющий деятельность такого орудия политики, как армия.

В прошлом нередко глава государства, политик и полководец объединялись в одном лице. Князья, цари, короли и императоры рабовладельческого и феодального общества обычно сами возглавляли вооруженные силы и осуществляли военные походы. Монархами и полководцами в одно и то же время были Александр Македонский, Юлий Цезарь, Петр Первый, Наполеон, Фридрих II и многие другие.

С усложнением военного дела руководство вооруженными силами и ведение военных действий все чаще поручалось военным специалистам, в лице которых государственное руководство находило более или менее последовательных исполнителей политических задач. Такое разделение функций порождало иллюзию свободы полководца и его деятельности от политики, особенно наглядно проявлявшуюся в наемных армиях XVII—XVIII вв. На деле, конечно, никакой свободы не было.

Разделение политического и военного руководства нередко порождало коллизии между ними, которые, за исключением случаев узурпации власти военачальником, кончались победой политики. Да и сами эти коллизии, строго говоря, были в конечном счете не противоречиями между политикой и военной деятельностью, а столкновением несовпадающих политических линий властей и военачальника, полководца. Полководец никогда не был и не может стоять вне зависимости от политики, как нередко утверждают буржуазные военные историки и теоретики.

История войн показывает, что определяющее влияние политики на деятельность полководца осуществляется по ряду направлений. Политические цели войны служат основой для разработки плана ведения войны и ее основных кампаний. Осуществляя эти планы, полководец выступает как проводник политики тех или иных классов общества. Неразрывная связь полководческой деятельности с политикой находит свое выражение в единстве политического и военного руководства, которое осуществлялось и осуществляется во всех войнах и во всех армиях.

Политические соображения играют громадную, а иногда и решающую роль при определении направлений главных ударов и

²⁴ Фрунзе М. В. Избр. произв. М., 1977, с. 79.

²⁵ Стратегия в трудах военных классиков, т. I. М., 1924, с. 345.

войне и ее кампаниях. Об этом ярко свидетельствует история второй мировой войны.

Политические факторы в значительной степени предопределяют активность или пассивность деятельности полководца, его установку на сокрушение противника или на выжидание. Наглядный пример — так называемая «странная война» в Европе, в которой с точки зрения политики правящих кругов Англии и Франции того времени нет ничего странного.

Политические причины лежат в основе приверженности современных империалистических стратегов к истребительным, антинародным средствам ведения войны, неодолима их тяга к разработке и использованию новых видов оружия массового поражения. Антинародные политические цели закономерно подталкивают полководцев империалистических армий к войне против народов.

Полководец всегда осуществляет политические задачи военным путем. Возрастание роли народных масс в войне, все более тесная связь военной мощи страны с ее экономическим и политическим строем ведут к дальнейшему усилению зависимости полководческой деятельности от политики.

Марксистское положение о роли личности в истории позволяет военному историку правильно понять характер воздействия полководца на армию. Влияние полководца, особенно пользующегося большим авторитетом, на армию, на ее моральный и боевой дух очень велико. Талантливый полководец способен сделать многое. Однако он находится в условиях, строго детерминирующих содержание его деятельности по отношению к армии.

Ни один полководец не в силах изменить общее направление развития вооруженных сил, определяемое социальными причинами. Попытки такого рода неизбежно ведут к краху. Заслуга полководца состоит в том, чтобы понять, осознать эту тенденцию и опереться на нее в своей деятельности.

Полководец имеет дело с армией и с оружием, которые создаются обществом. Недостаточный учет этих обстоятельств может сделать нереальными, далекими от жизни любые самые хорошие планы и решения. Во все времена развития военного искусства воодушевление воинских масс, их боевая активность открывали перед полководцами широкие перспективы в разработке новых боевых методов, придавали военным действиям черты решительности и смелости. Вследствие этого судьбы отдельных сражений и даже войн зависят, с одной стороны, от морального духа, подготовки и оснащения армии, с другой стороны, от глубины познаний, опыта, искусства и воли полководца, от его умения найти наиболее целесообразный метод действий своих войск. Полководец, достойный этого звания, должен обладать рядом качеств ума, таланта и воли, чтобы обеспечить решение встающих перед ним задач.

От полководца всегда требовалось гармоническое сочетание таких качеств, как способность к строгому расчету сил, средств и возможностей и их проявлений в пространстве и во времени, с одной стороны, и способность к быстрой принятию решений в недостаточно ясной обстановке, с другой. Истоки этого требования лежат в противоречивой природе военных действий, войны в целом.

С диалектико-материалистической точки зрения руководство войсками есть искусство, опирающееся на строго научную основу — признание и понимание объективных законов войны. Проявления этих законов бесконечно разнообразны, а механизм их действия таков, что включает целенаправленную, сознательную человеческую деятельность.

Полководец рассчитывает свои действия, опираясь на анализ своих возможностей и возможностей противника, на известные данные о различных сторонах оперативной и стратегической обстановки. Такой расчет — и как можно более полный — совершенно необходим. Но он никогда не может быть абсолютно полным, он в принципе не может охватить всех деталей и изменений обстановки, значит, всегда остается место для риска, элемент которого можно обнаружить в любом сражении.

Риск есть расчет на удачу, на случайность. Разумный риск опирается на понимание обстановки и тенденций ее развития, он берет в расчет такие случайности, шанс появления которых достаточно велик.

Немыслим полководец без четкого и строго логического мышления. Вместе с тем в быстро меняющейся и сложной обстановке ему нередко приходится опираться на интуицию, которая составляет одну из сторон человеческого сознания.

Буржуазные теоретики обычно толкуют интуицию как нечто иррациональное, противостоящее разуму, как некое божественное озарение. В действительности интуиция как способность постижения истины путем ее прямого усмотрения, без развернутого хода логических рассуждений, не содержит ничего мистического. При интуитивном решении значительная часть познавательного процесса не осознается человеком, проходит в глубинах сознания, зато ясно осознается его итог. Основа интуиции полководца — в глубоких знаниях, богатом и разностороннем опыте, которые и формируют способность быстро находить нужное решение.

Большое значение интуиции военачальника подчеркивал М. В. Фрунзе. «Для того, чтобы быть хорошим стратегом, — писал он, — одинаково как в области чистой политики, так и в военном деле, необходимы особые, специфические качества. Самым важным из них является так называемая интуиция, способность быстро разобраться во всей сложности окружающих явлений, остановить-

ся на самом основном и на основе учета этого основного наметить определенный план борьбы и работы»²⁶.

Неповторимое сочетание теоретических знаний, опыта, творческого мышления, волевых качеств полководца воплощается в его стиле, т. е. в свойственном ему характере деятельности, в своеобразии применяемых методов и принимаемых решений, в индивидуальных особенностях руководства военными действиями. Такой стиль складывается у каждого крупного военачальника.

До тех пор пока существуют вооруженные силы и ведутся войны, не потеряет своего значения полководческая деятельность. Но она все больше становится коллективным творчеством, возрастает значение и роль коллективной мысли. Военное искусство все больше проявляется через творчество коллектива, основанное на точных расчетах и всестороннем учете характера боя, операции и войны в целом. Однако всю полноту ответственности за принятое решение и за выполнение поставленной боевой задачи несет командир — единоначальник.

В современных условиях, подчеркивает Маршал Советского Союза Н. В. Огарков, «...от командиров и штабов требуется большая гибкость и оперативность руководства. Однако их возможности на прежней базе управления уже не могут удовлетворять этим требованиям. В этом отношении большую роль играет автоматизация управления войсками на основе электронно-вычислительной техники. В свою очередь, успех использования автоматизированных систем управления требует повышения уровня военно-технической культуры командиров, научной организации работы штабов, четкой связи во всех звеньях»²⁷.

Таковы некоторые, на наш взгляд, наиболее важные философские вопросы истории военного искусства. Без их правильного решения история военного искусства не может быть наукой. Теоретическую основу для такого решения дает научная, марксистская философия, вооружающая военных историков пониманием объективных законов общественного развития.

²⁶ Фрунзе М. В. Избр. произв., с. 253.

²⁷ Коммунист, 1978, № 7, с. 117.

МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ О ПРОБЛЕМЕ ВОЙНЫ И МИРА. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПТИМИЗМА

В отличие от множества буржуазных философских учений, в целом пессимистически оценивающих место человечества в природе, смысл и цели его существования, диалектический материализм вселяет в умы и сердца людей веру в самые лучшие возможности их преобразовательной, творческой деятельности. Поведение человека, воспитанного в духе марксистско-ленинской философии, определено научным осмыслением процесса прогрессивного развития общества, его верой в неодолимость нового, справедливого общественного устройства, в неизбежность торжества коммунизма.

Марксистско-ленинская философия — философия исторического оптимизма. Именно такой философией руководствуется советская военная история. Поэтому важнейшим философским вопросом военно-исторической науки является вопрос об отношении истории к проблеме революционного преобразования общества, охватывающий и вопрос о ликвидации войн, вопрос о том, чем же военная история вооружает человека в философском отношении — верой в победу мира над войной или наоборот?

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ О ПРОБЛЕМЕ МИРА В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

Объектом военной истории является война, точнее, все множество войн, имевших место в развитии человеческого общества. Однако возникает вопрос, вправе ли военная история касаться противоположного войне состояния общества — мира? На первый взгляд кажется, что мир лежит полностью вне объекта военной истории, как мир вообще, так и мир конкретный, как отрезок исторического времени, протекающего между войнами, без войн. На самом деле это не так. Исследование истории войны немислимо без изучения тех условий и обстановки мира, которые предшествовали войне, породили ее, и мира, последовавшего за ней, ибо в предвоенной политике формируются причины, сущность, цели войны, определившие ее характер и историческое место, а послевоенный мир является во многом результатом, итогом военной

борьбы. Связь войны с предшествовавшим ей и завершившим ее миром — это один из философско-социологических вопросов военной истории.

Война рождается в недрах предвоенного мира, на перекрестках политической борьбы антагонистических классов и государств. Предвоенный мир как состояние общества может содержать в себе политику, рождающую войны, но в том же предвоенном мире есть и линии политики, направленные против войны. И те и другие интересуют военную историю. Только при осмыслении диалектики перехода от мира к войне можно глубоко понять причины войны и те тенденции, которые в ней проявляются, те возможности, которые в ней скрыты.

Еще значительнее вторая сторона вопроса: «...война, — говорил В. И. Ленин, — есть способ получить хоть сколько-нибудь лучший или худший мир»¹. Всякая война ведется в конечном счете для того, чтобы увенчать ее ... миром. Иное дело — каким миром? Справедливая война с ее победой завершается справедливым, захватническая — несправедливым миром.

Исторический опыт свидетельствует, что в различные периоды развития международных отношений содержание состояния мира было различным.

Поэтому марксизм-ленинизм требует строго научного рассмотрения действительной классовой сущности каждого конкретно-исторического состояния мира. Изменение содержания мира, как определяет марксистско-ленинская теория, находится в прямой зависимости от социальной природы политики государств и народов, от системы международных отношений в каждую историческую эпоху.

Марксизм-ленинизм впервые в истории общественной мысли неопровержимо доказал, что проблемы диалектики перехода от войны к миру и обратно, так же как и сущность мира, нельзя рассматривать в отрыве от политики и ее классовой природы. Политика играет решающую роль при определении действительной сущности и войны, и мира.

Военная история как система знаний на протяжении многих столетий имела одностороннюю направленность, разрабатывая преимущественно историю подготовки и ведения войн, военного искусства, и в частности тактики. Ум и воображение исследователей были сосредоточены на всевозможных военных доктринах и концепциях, рациональном обосновании стратегии войны, в то время как стратегии мира уделялось гораздо меньше внимания.

В последнее время исследования военно-исторического опыта в связи с проблемами мира и разоружения приняли широкий масштаб во многих странах.

Размышления современных западных историков и философов над проблемами мира представляют весьма сложную и пеструю картину. Многие либерально-пацифистские философы, социологи, историки Запада делают попытки найти «новую формулу» мира в эпоху термоядерного оружия, выдвигая различные утопические предположения по установлению мира между противоположными социально-экономическими системами. Предпринимаются большие исторические экскурсы для оправдания тех или иных современных позиций уроками военной истории. Подавляющее большинство из них в корне извращают социальное, классовое содержание мира. Одни из них рассматривают социальные проблемы мира с позиции силы, другие понимают мирное сосуществование как «равновесие страха», поддерживаемое ядерным оружием, третьи занимаются абстрактно-гуманистическим осуждением всех войн или же выдвигают утопические концепции «мирового правительств» и т. д.

Опportunисты и ревизионисты Запада создают великое множество абстрактных «теорий» мира, но все так или иначе грубо извращают в них развитие классовых и национальных противоречий и конфликтов как в минувшие эпохи, так и в эпоху государственно-монополистического капитализма. Так, они продолжают утверждать, что война остается вечной, абсолютной категорией, а мир — всего лишь редкое, случайное явление в жизни общества².

Только марксистско-ленинская методология, отвергнув различного рода абстрактно-теоретические, «универсальные» формулы мира и сконцентрировав внимание на всестороннем анализе исторического состояния систем международных отношений, обеспечила подлинно научный подход к исследованию проблем мира, вооружила военную историю пониманием действительной классовой сущности войн и различных типов мира.

Для правильного понимания войны самая главная «задача — определить верно отношение эпохи к данной войне»³. Это же с полным правом относится и к теоретическому пониманию действительной сущности мира.

Самое простое и широко распространенное определение понятия мира сводится часто к отсутствию вражды, ссоры и войны в международных отношениях государств, наций, народов. Так, мир определяется как «нормальные, дружественные отношения

² Критику взглядов буржуазных авторов по этому вопросу см., например, в работах: Чесноков Д. И. Мир и война как состояние общества. — В кн.: Исторический материализм. М., 1965; Замковой В. И. Критика буржуазных теорий неизбежности новой войны. М., 1965; Философское наследие В. И. Ленина и проблемы современной войны. М., 1972; Добровольский М. Философия и мир. — Вопросы философии, 1973, № 5.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 287.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 23.

между людьми, отсутствие разногласий, вражды, борьбы в международных отношениях — отсутствие войны»⁴.

Однако это только первоначальное, приблизительное определение понятия «мир», которое нельзя признать вполне научным. В нем понятие «мир» рассматривается слишком отвлеченно, в отрыве от классовой политики и ее развития в различные исторические эпохи. Поэтому нельзя полностью согласиться с мнением авторов этого определения и считать, что оно является исчерпывающим.

Для военной истории этого понимания мира недостаточно. Она всегда рассматривает мир в соотношении с минувшей или возможной войной.

Прежде всего мир — это не просто отсутствие войны: мирное состояние классового общества наполнено глубоким и многосторонним политическим содержанием.

Как учит марксизм-ленинизм, а вся военная история подтверждает, только принцип классового подхода дает возможность правильно изучить все сложные вопросы, связанные с научно-теоретическим пониманием действительной сущности любого мира в каждую историческую эпоху, равно как и сущность связанной с ним войны.

Последовательно развивая классовую теорию мира, В. И. Ленин отмечал, что одной из многочисленных форм ее извращения является «абстрактная проповедь мира»⁵.

Разоблачая надклассовый характер взглядов оппортунистов на взаимоотношения между войной, миром и политикой, В. И. Ленин доказывал, что «программа мира» социал-демократии должна состоять прежде всего в разоблачении лицемерия буржуазных, социал-шовинистских и каутскианских фраз о мире. Это первое и основное»⁶. Как нет в классовом обществе внеклассовой политики и войны, так не может быть и внеклассового мира. Если война есть осуществление политики насильственными средствами, то мир есть продолжение политики ненасильственными средствами.

В военной истории исследование классово-политической сущности мира, предшествовавшего войне, помогает понять ее действительный социальный характер, те направления, в которых будет двигать развитие общества война. Война с ее политической сущностью не разделяет предвоенный и послевоенный мир, а, напротив, связывает их в одну причинно-следственную цепь событий. Критикуя ошибки пацифистов по этому поводу, В. И. Ленин писал: «...мир всегда рисовался и рисуется буржуазным паци-

фистам и их «социалистическим» подражателям или перепевателям, как нечто принципиально отличное в том смысле, что идея: «война есть продолжение мирной политики, мир есть продолжение военной политики» оставалась всегда непонятой пацифистам...»⁷.

Истинность марксистско-ленинского определения послевоенного мира как продолжения политики до и во время войны была всесторонне подтверждена на практике. Вопрос о характере послевоенного мира, о классовом содержании итогов, завершения войны не раз становился предметом острых политических дискуссий. В. И. Ленин резко выступал против абстрактных, метафизических представлений буржуазных историков, ревизионистов о мирном завершении войны «вообще». «Лозунг мира можно ставить или в связи с определенными условиями мира или без всяких условий,— писал В. И. Ленин по поводу дискуссий об ускорении мирного завершения первой мировой войны,— как борьбу не за определенный мир, а за мир вообще... Ясно, что в последнем случае перед нами не только не социалистический лозунг, но и вообще совершенно бессодержательный, бессмысленный лозунг»⁸.

В. И. Ленин, раскрывая взаимосвязь послевоенного мира с предшествовавшей политикой, определял: «Мир есть продолжение той же политики, с записью тех изменений в отношении между силами противников, которые созданы военными действиями»⁹.

Для военной истории такое определение социальной природы послевоенного мира имеет первостепенное методологическое значение. В нем действительная сущность каждого мира рассматривается в единстве с сущностью развития социальных и национальных противоречий, классовых конфликтов в международных отношениях в ходе войны и до нее.

Так, раскрывая сложные внутренние переходы от войны к миру в истории франко-прусской войны 1870—1871 гг., К. Маркс определял: «Пруссия, объявив, что она ведет войну с Луи Бонапартом, а не с французским народом, воюет теперь с французским народом и заключает мир с Бонапартом»¹⁰. Всесторонний анализ истории этой войны и гражданской войны во Франции позволил К. Марксу и Ф. Энгельсу выявить такие элементы в развитии политической сущности завершающего войну мира, которые до них оставались не замеченными буржуазными социологами и военными теоретиками. Исследуя впервые с клас-

⁴ БСЭ, т. 27, с. 564.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 165.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 273.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 258.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 301.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 269.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 132.

совых позиций ход и исход гражданской войны во Франции. К. Маркс отмечал, что заключение мира между Пруссией и Луи Бонапартом было продиктовано политическими реакционными целями. В то время между Пруссией и Коммуной не было войны, так как Коммуна согласилась на предварительные условия мира. Пруссия объявила нейтралитет по отношению к гражданской войне во Франции и не считалась воюющей стороной. Заключив же мир с французскими реакционными классами, чтобы облегчить им подавление революции, Пруссия, по определению К. Маркса, поступила и действовала как подлый и наемный убийца. Ибо фактически после франко-прусской войны сложилось два состояния мира: один между французской и прусской буржуазией, превратившийся фактически в союз против Парижской Коммуны, и другой между Пруссией и Коммуной — мир со стороны Пруссии лживый и обманный, рассчитанный на удушение Коммуны.

Большой интерес представляет анализ К. Марксом и Ф. Энгельсом возможностей и реальной сущности мира в ходе гражданской войны между Северными штатами США и поднявшими мятеж рабовладельческими Южными штатами. Гражданская война в США была военным столкновением двух социальных систем: новой капиталистической системы и старой системы рабства, что превращало возможный мир между Севером и Югом во временное перемирие и свидетельствовало об исторической необходимости военно-политической победы Северных штатов. Всесторонний анализ социально-политического характера гражданской войны в США К. Марксом и Ф. Энгельсом позволил определить, что прочные мирные соглашения между Северными и Южными штатами невозможны, что в ходе войны нарастают противоположные социально-политические тенденции, которые исключают установление прочного мира между ними. Север в крайнем случае может пойти на временный мир, отмечал К. Маркс, а южане, несмотря на отдельные успехи, в конце концов будут разбиты. «Перемирия же и т. д. на основе status quo означали бы, самое большее, временные паузы в ведении войны»¹⁴.

Военная история подтверждает, что несправедливый, империалистический мир часто превращается в простую передышку между новыми захватническими войнами. Последовательный классовый анализ действительной сущности империалистического мира позволяет материалистической диалектике предсказать возникновение другой войны.

Так, разоблачая империалистическую сущность мира, которую навязала Германия побежденной Франции в результате войны 1870 г., К. Маркс и Ф. Энгельс предсказали, что этот аннексионистский мир неизбежно приведет к новой империалистической

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 30, с. 234.

войне: «Негодяи и глупцы, которые изобрели такие гарантии вечного мира, должны были бы знать, хотя бы из прусской истории, на примере того, как жестоко Наполеон расплатился за Тильзитский мир, что подобные насильственные меры для обуздания жизнеспособного народа приводят к прямо противоположным результатам»¹². Ссылаясь на необходимость иметь «надежные» границы, Германия отобрала у Франции часть ее территории. Эта аннексия в конце концов была одной из причин новой империалистической войны между этими странами. К. Маркс верно предсказал, что если немцы захватят у французов Эльзас—Лотарингию, то в будущем Франция вместе с Россией будет воевать против Германии, что «войну между Германией и Россией приходится уже сейчас рассматривать как *bait accompi* (совершившийся факт)»¹³.

Раскрывая внутреннюю связь между системой международных отношений в капиталистическом мире и новой империалистической войной в Европе, Ф. Энгельс гениально точно предсказал, что развязанная мировой буржуазией война неизбежно будет всемирной войной. «И это была бы, — отмечал Ф. Энгельс, — всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы»¹⁴.

Война 1914—1918 гг. на самом деле оказалась первой мировой империалистической войной. Для военной истории в данном случае важно то, что Ф. Энгельсу в его гениальном пророчестве о действительной сущности первой мировой империалистической войны во многом помог точный и всесторонний анализ довоенной политики всей мировой буржуазии.

Марксизм-ленинизм на основании конкретно-исторического анализа сущности политики эксплуататорских классов дал четкое и всестороннее определение несправедливого, империалистического типа мира.

Аннексия, порабощение, хищническая эксплуатация и жестокое подавление политической свободы и культуры чужих стран и народов — вот наиболее существенные черты несправедливого, империалистического мира. Империалистический мир, доказывал Ленин, сопровождается «усилением реакции внутри государств, усилением национального гнета и порабощения слабых наций, увеличением горючего материала, подготовляющего новые войны и проч. и т. п.»¹⁵.

Империалистический, несправедливый мир В. И. Ленин рассматривал прежде всего как «аннексионистский мир»¹⁶. Импери-

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 271.

¹³ Там же, с. 272.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 361.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 459.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 324.

риалистический мир — это насильственный, эксплуататорский и несправедливый мир, основанный на военном угнетении народов. Так, Брестский мир В. И. Ленин определял как «невероятно тяжелый и унижительный мир», ультимативно, насильственным путем навязанный германским империалистическим социалистической стране. В. И. Ленин называл его гнусным, «дьявольским миром»¹⁷, формой военного рабства и угнетения.

Выступая против антиисторических схем различных буржуазных военных историков и социологов, В. И. Ленин доказал, что мир при капитализме, если не будут революционно свергнуты буржуазные правительства, будет «лишь империалистским миром, продолжающим империалистическую войну этого не видят ни буржуазные, ни социалистические пацифисты»¹⁸.

Разоблачая метафизический характер взглядов буржуазных историков и политиков на сущность этого мира, В. И. Ленин писал: «Истина данного времени, данной войны, данного момента попыток заключить мир состоит в дележе империалистской добычи. В этом суть, и понять эту истину, высказать ее, «высказать то, что есть», — такова коренная задача социалистической политики в отличие от буржуазной, для коей главное скрыть, затушевать эту истину»¹⁹. Отсюда видно, что ленинский анализ целиком охватывает основные взаимосвязи и переходы от первой мировой империалистической войны к новому империалистическому миру в эпоху государственно-монополистического капитализма. На высшей стадии развития капитализма империалистическая война и империалистический мир представляют собой единую систему международных отношений, до краев насыщенную резкими противоречиями и конфликтами между главными капиталистическими государствами. Поэтому историческое познание этой антагонистической системы политических, национальных, международных отношений не могло обойтись без всестороннего рассмотрения социально-политических целей несправедливого, империалистического Версальского мирного договора. Марксистско-ленинская философия дала единственно верное теоретическое освещение главных признаков этого грабительского, аннексионистского мира в эпоху империализма.

Выступая против эклектической тенденции дробить проблемы войны и мира на изолированные мелкие части, В. И. Ленин доказывал, что после мировой империалистической войны невозможен мир без аннексий, без угнетения наций, без грабежа, без зародыша новых войн между империалистическими правительствами и господствующими классами²⁰.

Империализм не мог отказаться от своих грабительских интересов и агрессивных целей после окончания первой мировой войны. Постоянная неустойчивость в международных отношениях была закономерно предопределена классовой сущностью империалистического Версальского мира. «Брест-Литовский мир, продиктованный монархической Германией, а затем гораздо более зверский и подлый Версальский мир, продиктованный «демократическими» республиками, Америкой и Францией, а также «свободной» Англией, сослужили полезнейшую службу человечеству, разоблачив как наемных чернильных кули империализма, так и реакционных мещан, хотя бы и называющих себя пацифистами и социалистами, которые воспевали «вильсонизм», доказывали возможность мира и реформ при империализме»²¹. Поэтому-то В. И. Ленин неоднократно определял империалистический мир всего лишь как «передышку» между империалистическими войнами, как грабительскую сделку между империалистическими государствами или как типичный пример раздела или передела мира «на основе новых отношений силы, изменяющихся совсем мирным путем»²².

Ленинские теоретические выводы о действительной сущности империалистического мира сыграли решающую роль при определении социально-политических и экономических причин возникновения второй мировой войны. Марксизм-ленинизм глубоко раскрыл причины перехода государственно-монополистического капитализма из состояния империалистического мира к новой мировой войне²³.

После второй мировой войны империалистические государства продолжают ту же линию навязывания народам выгодного им империалистического мира. Американский империализм упорно стремился военной силой навязать несправедливый, империалистический мир народам Кореи, Вьетнама, Лаоса и т. п. Классовая политика агрессивного империализма нашла здесь свое наиболее глубокое и злое подтверждение в военной практике. Вся история многолетней кровавой и грязной войны американского империализма против народов Юго-Восточной Азии отчетливо показывает, что эта империалистическая война является продолжением империалистической политики самыми варварскими, насильственными средствами, что она велась за укрепление рабства и капиталистического гнета над чужими нациями и народами. В последние годы, опираясь на американскую военную и экономическую помощь, Израиль упорно стремится навязать несправедли-

¹⁷ Там же, с. 29.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 258.

¹⁹ Там же, с. 244.

²⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 327.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 305.

²² Там же, с. 394.

²³ См.: История второй мировой войны. 1939—1945, т. 1. М., 1973, с. V—XXVII.

вый, аннексионистский, унизиительный, империалистический мир странам Ближнего Востока. Все империалистические расчеты сионистских кругов Израиля обеспечить мир и безопасность государства путем насильственного захвата и удержания чужих земель обречены в конечном счете на провал. Такова историческая логика развития любого несправедливого, империалистического мира, опирающегося на страх и насилие.

Марксистско-ленинская теория вооружила историков глубоким пониманием противоположного империалистическому состояния и отражающего его понятия справедливого, демократического мира.

Как уже отмечалось, и в исторической науке, и в философии абстрактных утверждений о вечном и справедливом мире было много и раньше, причем нельзя отвергать полностью ряд общих принципов о справедливом мире, которые были во взглядах многих социалистов-утопистов, гуманистов, просветителей²⁴. Но только марксистско-ленинская теория, опираясь на историческую практику, доказала, что справедливый и демократический мир действительно возможен, причем это не абстрактное пожелание, а явление, вытекающее из новых социальных отношений, рождаемых в ходе классовой борьбы.

Главным научным критерием для определения сущности справедливого, демократического мира был и остается конкретный анализ прогрессивной политики передовых классов в определенную историческую эпоху. Отчетливо обнаружено принципиальное различие в исходных принципах между поверхностным, абстрактным признанием справедливого, демократического мира прогрессивными буржуазными мыслителями минувших эпох (XVII—XIX вв.) и марксистско-ленинским классовым понятием действительной сущности этого мира.

Материалистическая диалектика неразрывно связала идею о вечном, справедливом мире с закономерным движением исторических эпох в прогрессивном развитии человеческого общества. В международных отношениях справедливый, демократический мир принципиально отличается от мира империалистического по своему социально-политическому характеру. «Главным условием демократического мира, — определяет В. И. Ленин, — является отказ от аннексий (захватов) — не в том неправильном смысле, что все державы возвращают потерянное ими, а в том, единственно правильном смысле, что *каждая* народность, без единого исключения, и в Европе, и в колониях, получает свободу и возможность решить сама, образует ли она *отдельное* государство или входит в

²⁴ См.: Проблемы войны и мира. Критика современных буржуазных социально-философских концепций. М., 1967; Андреева И. С. Проблема мира в западноевропейской философии. М., 1975.

состав любого иного государства»²⁵. В военной истории отличительным признаком понятия справедливого или демократического мира является полный отказ от военных контрибуций. Справедливым или демократическим миром, определяет В. И. Ленин, является мир не только без аннексий, но и мир «без контрибуций»²⁶.

Важной чертой ленинского учения о новом типе мира является не только описание его характера и вскрытие его основы, но и определение путей его достижения.

В своих абстрактных концепциях перехода от войны к миру буржуазные философы и историки либерального, пацифистского толка не идут дальше невинных субъективных пожеланий о демократическом, справедливом мире вообще. Так, историки известно, что некоторые из них предлагали кончить империалистическую войну и заключить справедливый, демократический мир путем одностороннего отказа от войны. Вскрывая порочность их концепций, В. И. Ленин доказывал: идея о том, что можно кончить войну без перемены правящих классов, есть идея либо анархическая, либо «туманно-пацифистская, и связи между политической и угнетающим классом совершенно не понимает»²⁷. Марксистско-ленинский всесторонний анализ конкретно-исторических условий первой мировой войны показал, что, кто хочет прочного и демократического мира, тот должен быть за революционную гражданскую войну против империалистических правительств и монополистической буржуазии. Именно такова была историческая диалектика перехода от мировой империалистической войны к справедливому, демократическому миру между народами в тех условиях развития общества.

Положением огромной важности была ленинская мысль, что справедливого демократического мира нельзя достичь ни уговорением милитаристов, ни бегством от войны, стихийным «втыканием штыков в землю». Истинно демократический мир достигается только в борьбе, путем насильственного навязывания воли народов, возглавляемых марксистскими революционными партиями, всем империалистам, всем зачинщикам войны.

История подтвердила, что это ленинское положение оказалось абсолютной истиной. Например, оно было подтверждено революционным опытом Советской России, гражданской войной 1918—1920 гг. В этом отношении громадное значение имеет опыт перехода стран и народов к миру в итоге второй мировой войны. Так, народы Европы, поработанные фашизмом во второй мировой войне, добились при решающей роли СССР победы и обеспечили справедливый демократический мир.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 232.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 13.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 395.

В современную эпоху целый ряд народов бывших колоний добился демократического мира только после кровопролитных национально-освободительных войн против империалистов-колонизаторов.

Историческая и классовая сущность справедливого и демократического мира ясно обнаруживается, например, в мире, который был заключен Советской Россией с буржуазной Эстонией в 1920 г. Заключение справедливого, демократического мира первой социалистической страны с недавно образовавшейся буржуазной Эстонией В. И. Ленин назвал актом громадной исторической важности, имеющим всемирно-историческое значение для утверждения совершенно новых мирных принципов в международных отношениях. «Когда мы завоевали мир с Эстляндией, — отмечал Ленин, — мы доказали, что мы умеем идти вперед, как государство пролетарское и коммунистическое»²⁸.

Глубокий и подлинный демократизм является одной из важнейших черт справедливого, демократического мира, который заключала Советская Республика с другими буржуазными государствами. «Она была первой державой, — отмечал Л. И. Брежнев, — которая обратилась к таким странам, как Иран, Афганистан, Турция, Китай, с невиданной до той поры инициативой — с предложением заключить по-настоящему равноправные договоры и установить отношения, основанные на бескорыстной дружбе и взаимной поддержке»²⁹.

История международных отношений подтверждает, что первая социалистическая страна первой стала добиваться справедливого мира для всех народов. Так в истории войн и международных отношений вступила в силу новая закономерность становления и развития справедливого, честного, демократического мира между народами, государствами.

Сегодня вокруг принципов справедливого и устойчивого мира происходит острейшая идеологическая борьба между марксистско-ленинской теорией, с одной стороны, буржуазными и оппортунистическими концепциями — с другой. Так, маоистская концепция войны и мира явно извращает сущность противоречий новейшей исторической эпохи, в корне искажает социальный характер революционных и национально-освободительных войн, препятствует использованию лозунгов мира и разрядки в целях расширения и укрепления позиций мировой социалистической системы, ослабляет и подрывает современное революционное движение народных масс в борьбе за мир. К оценке этой концепции применимы слова В. И. Ленина, сказанные им в свое время относительно мелкобуржуазных «ультрареволюционных» авантюри-

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 90.

²⁹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970, с. 122.

стических взглядов. В. И. Ленин говорил, что втравливание рабочих и крестьян в войну является тяжким преступлением перед трудящимися, перед социализмом и прогрессом. «Но вся наша политика и пропаганда, — учил Ленин, — направлена отнюдь не к тому, чтобы втравливать народы в войну, а чтобы положить конец войне»³⁰.

Анализ международных отношений показывает, что защита справедливого мира неразрывно связана с борьбой за то, чтобы установить прочное мирное сосуществование государств с различным общественным строем, что «война не может и не должна служить способом решения международных споров. Мирное сосуществование или катастрофическая война — только так поставлен вопрос историей»³¹.

В основе принципа мирного сосуществования лежит отказ от применения вооруженной силы и угрозы ее применения против других государств, народов в современную историческую эпоху. Полная реализация советских предложений относительно мира уменьшает опасность возникновения новой войны и обеспечивает народам возможность действительно прочного мирного развития.

Оценивая достижения советской политики мира, Л. И. Брежнев говорил на XXV съезде КПСС: «Теперь и юридически окончательно перечеркнут мюнхенский диктат. Закреплены важнейшие итоги освободительной борьбы европейских народов в годы второй мировой войны и после нее. Созданы предпосылки для устойчивого мира и добрососедского сотрудничества как в Европе, так и за ее пределами»³².

Факты показывают, что империалистическая политика всячески противодействует претворению в жизнь советской программы мира.

В капиталистических странах после второй мировой войны и разгрома фашизма происходят весьма сложные исторические процессы, которые вызывают изменения в их международной политике, в их позициях по проблемам войны и мира. Там существуют различные силы: одни выступают за продолжение «холодной» войны, другие — против подготовки новой мировой войны.

В борьбе против новой мировой войны «нам не безразлично, — учил В. И. Ленин, — имеем ли мы дело с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к военному решению вопроса, или с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к пацифизму...»³³. Для сегодняшнего дня большое значение имеет ленинская типология групп буржуазного общества,

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 99.

³¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976, с. 59.

³² Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 7.

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 70.

выступающих за мир, данная им в период первой мировой войны: «Три вида сочувствия миру видим мы в реальной политике капиталистических стран.

1) Сознательные миллионеры хотят ускорить мир, боясь революций. «Демократический» мир (без аннексий, с ограничением вооружений и т. д.) они трезво и правдиво объявляют утопией при капитализме.

Эту мечанскую утопию проповедуют оппортунисты, сторонники Каутского и т. п.

2) Несознательные народные массы (мелкие буржуа, полупролетарии, часть рабочих и т. п.) пожеланием мира в самой неопределенной форме выражают нарастающий протест против войны, нарастающее смутное революционное настроение.

3) Сознательные передовики пролетариата, революционные социал-демократы внимательно присматриваются к настроению масс, используют нарастающее стремление их к миру не для поддержки пошлых утопий «демократического» мира при капитализме, не для поощрения надежд на филантропов, на начальство, на буржуазию, а для того, чтобы революционное настроение из смутного сделать ясным...»³⁴.

В современных условиях в буржуазном мире ширится движение народных масс против угрозы новой войны, имеются реалистически мыслящие и опасющиеся последствий войны капиталисты.

В авангарде борьбы за мир во всем мире идут коммунистические и рабочие партии. Принципы мирного сосуществования все больше превращаются в жизненную потребность прогрессивного развития народов, получают все более широкое признание в мире. «Эти принципы, — говорил Л. И. Брежнев, — насыщаются все более конкретным содержанием, постепенно превращаются в общепринятую норму международной жизни»³⁵. Это подтверждают принятые Принципы сотрудничества между СССР и Францией, международные соглашения между США и Советским Союзом по налаживанию мирного сосуществования, целая серия договоров между СССР, ГДР, ПНР, с одной стороны, и ФРГ — с другой, процесс все более глубокого политического, экономического и культурного сотрудничества между СССР, Индией и другими странами. Весь политический ход современной международной жизни указывает, что принципы мирного сосуществования нельзя рассматривать как раз навсегда данную, неподвижную систему международных отношений, что непрерывно рождаются все новые формы и способы мирного сосуществования и взаимопонимания государств с различным социальным строем.

Так, в призывах Всемирного конгресса миролюбивых сил отмечается: «Мирное сосуществование не просто отсутствие войны; оно дает возможность каждому народу отстаивать самостоятельность и суверенность в пределах нерушимых границ, а также развивать на этой основе всестороннее сотрудничество, которое обеспечивает взаимосвязь и взаимодействие народов в интересах мира и социального прогресса»³⁶.

Все это требует от философской и исторической наук тщательного анализа различных политических, социальных и экономических тенденций, сил и течений в капиталистических странах, оказывавших ранее и оказывающих теперь свое влияние на судьбы войны и мира. Выступая против абстрактного подхода к рассмотрению современной внешней политики буржуазных стран в эпоху государственно-монополистического капитализма, Л. И. Брежнев говорил: «Мы различаем в капиталистическом лагере и более умеренное крыло. Оставаясь нашими классовыми, идейными противниками, его представители достаточно трезво оценивают нынешнее соотношение сил в мире и склонны искать взаимоприемлемые решения спорных международных вопросов. Наше государство при проведении своей внешней политики учитывает такие тенденции»³⁷.

Борьба за справедливый, демократический мир сегодня включает в себя новые элементы: содействие мирному урегулированию на справедливой основе всех существующих вооруженных конфликтов в мире; прекращение гонки ядерных, ракетных и обычных вооружений на основе выполнения добровольно принятых государствами международных обязательств; развитие экономического, научно-технического и культурного сотрудничества на основе полного равноправия, взаимной выгоды и невмешательства во внутренние дела других государств.

В наше время значительно раздвинулись и расширились исторические, экономические и политические рамки борьбы за справедливый, демократический мир. Это одна из важных исторических особенностей движения народов к прочному и справедливому миру. Принципы справедливого, демократического мира, принципы мирного сосуществования государств с различным общественным строем отражают глубинные прогрессивные, исторические тенденции в сущности современной эпохи перехода от капитализма к социализму.

В. И. Ленин учил, что «происходящие перед нами величайшей важности исторические события могут быть поняты лишь при анализе, в первую голову, объективных условий перехода от од-

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 193.

³⁵ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4. М., 1974, с. 316.

³⁶ Коммюнике Всемирного конгресса миролюбивых сил. — Правда, 1973, 3 ноября.

³⁷ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2, с. 412—413.

ной эпохи к другой»³⁸. Новая эпоха перехода к социализму принципиально отличается от эпохи империализма. Поэтому было бы теоретической ошибкой в военной истории насильственно втискивать старые формы и методы борьбы за справедливый, демократический мир в рамки новой исторической эпохи. Понятие «справедливый, демократический мир» — это развивающееся научное понятие, которое отражает в международных отношениях важнейшие социально-политические, классовые проблемы новой исторической эпохи.

Планомерная борьба за прочный, длительный и справедливый мир Советского Союза и стран социалистического содружества — это не внешнее, конъюнктурное, временное явление, а глубинная историческая тенденция, вытекающая из сути передового социалистического общественного строя. Деятельность Советского Союза и других стран социалистического содружества является той силой, которая осуществляет объективную тенденцию международного развития — мирное сосуществование государств с различным общественным строем. «Советская власть, — отмечал Л. И. Брежнев, — родилась под знаком ленинского Декрета о мире, и с той поры вся внешняя политика нашей страны пронизана миролюбием. Объективные исторические условия продиктовали ее конкретное содержание: курс на мирное сосуществование государств с различным общественным строем»³⁹.

Отношения мирного сосуществования неразрывно связаны со сложным историческим процессом классовой борьбы между двумя противоположными экономическими и политическими мировыми системами и не противоречат борьбе за социализм.

Возражая сторонникам «ускорения» революции в других странах военным путем, В. И. Ленин отмечал: «...мир... двинет дело вперед в бесконечное количество раз лучше, чем война...», поскольку «мир откроет во сто раз больше и шире дорогу нашему влиянию»⁴⁰. С точки зрения революционной материалистической диалектики, мирное сосуществование не отрицает классовую борьбу на мировой арене, оно означает признание и поддержку таких мирных форм борьбы, которые позволяют избежать мирового термоядерного конфликта между социализмом и империализмом, сохранить и укрепить позиции мира и социализма.

Л. И. Брежнев говорил, что «спору и конфликты между странами не должны разрешаться путем войны, путем применения силы или угрозы силой. Разрядка ни в коей мере не отменяет и не может отменить или изменить законы классовой борьбы»⁴¹.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 141.

³⁹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 6. М., 1978, с. 594.

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 247.

⁴¹ Материалы XXV съезда КПСС, с. 33.

Разрядка означает готовность разрешать разногласия и споры не силой, не угрозами и бряцанием оружия, а мирными средствами, за столом переговоров. Разрядка — это определенное доверие и умение считаться с интересами друг друга. Она отражает многообразный, динамичный и непрерывный процесс борьбы за прочный, справедливый мир в современных международных отношениях.

ФИЛОСОФСКИЙ ОПТИМИЗМ И ОПЫТ ИСТОРИИ. МИР ПОБЕДИТ ВОЙНУ

История дает наглядный урок: вместе с эволюцией войн, сменой их типов и видов, изменением социального характера эволюционировал и мир как состояние общества, противоположное войне. С появлением коммунистической общественно-экономической формации появился новый тип международных отношений, который сложился теперь внутри социалистического содружества и который оказывает мощное влияние на нынешнее состояние мира в целом и определяет его будущее. Страны социалистического содружества выступают носителем мира и безопасности. Вместе с ними идут мировое коммунистическое и рабочее движение, народы, борющиеся за свое национальное и социальное освобождение, набирающее силу массовое движение сторонников мира. «В наши дни, — говорил Л. И. Брежнев, — принципы мирного сосуществования довольно прочно укоренились в международных делах как единственно реалистические и разумные. Это результат изменения соотношения сил в мире — и прежде всего роста могущества и международного авторитета Советской страны, всего социалистического содружества. Это также результат успехов, одержанных международным рабочим движением и силами национального освобождения. Это, наконец, результат понимания новых реальностей определенной частью правящих кругов капиталистического мира».

В то же время это итог огромной работы, проведенной за последние годы Советским Союзом и другими странами социалистического содружества с целью добиться перестройки международных отношений в направлении мира»⁴².

Марксистско-ленинская философия утверждает, что история войны как объективный процесс есть атрибут «предыстории» человеческого общества, т. е. истории антагонистических формаций. С победой на земле коммунистических отношений неминуемо будет установлен вечный мир. Тем самым закончится и военная история как социальное явление.

⁴² Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 6, с. 594.

В настоящее время советская военно-историческая наука стоит на передовых позициях идеологической борьбы по вопросам войны и мира, а перед марксистско-ленинской философией сохраняется задача осмысления итогов и уроков войн, выведения тенденций и закономерностей этих уроков, проливающих свет на важнейший вопрос истории: вопрос войны и мира.

В истории общественно-политической мысли встречаются две противоположные концепции по этому вопросу. Они весьма противоречиво и неадекватно связаны с прогрессивным или реакционным социальным положением их авторов, тем не менее объективно являются таковыми по существу. Прогрессивная концепция связана с признанием мира как изначального и естественного состояния человека и с утверждением того, что война должна быть изжита полностью. Реакционная концепция состоит в открытой или слегка замаскированной апологетике войны с признанием ее вечности, в третировании мира как якобы едва ли не вредного состояния общества.

Первая концепция восходит к древней мифологии, к идеям миновавшего «золотого века» и восхваления мира в сочинениях Гесиода, Сенеки, Лукреция и других мыслителей, затем проявляется в учениях раннего христианства, утопического коммунизма и социализма, идеях просветителей и гуманистов XVI—XVIII вв., пацифистов.

Вторая концепция берет начало также от древней мифологии, четко формулируется некоторыми идеологами рабовладельческого и феодального строя, резко усиливается в период загнивания капитализма. Претерпев длительную эволюцию, она нашла свое выражение в противоборстве буржуазно-милитаристской и марксистско-ленинской концепций войны и мира.

Мир, равенство и братство людей в качестве идеала провозгласили еще в Древнем Риме представители позднего стоицизма.

Обличая войну, Сенека утверждал, что стремление к завоеваниям есть безумие, а завоеватели — более губительный для человечества бич, нежели потопа и землетрясения. Александра Македонского он называл разбойником, истребителем целых народов⁴³.

Отстаивая противоположную точку зрения, римский философ Иосиф Плавт сформулировал тезис «homo homini lupus est» (человек человеку — волк), который всегда принимался за основу апологетических учений о войне.

В ранней буржуазной идеологии характерными выразителями названных точек зрения были Т. Гоббс и Ж.-Ж. Руссо. Они, как и многие мыслители всех эпох, обращались для оценки и сравнения мира и войны к доисторическим временам, беря за идеал первобытное общество.

С усилением реакционности буржуазии в среде ее представителей все более усиливались мотивы отрицания мира, признания войны «нормальным» состоянием общества.

Вот что писал, например, на заре эпохи империализма теоретик германского милитаризма фон дер Гольц: «Мы должны подчиниться тому, что определено свыше. Верить, что война есть жребий человечества и неизбежная судьба народов. Вечный мир на этом свете не дарован смертным»⁴⁴.

Множество подобных высказываний раздается и по сей день. Небывало возросшая разрушительная сила оружия усилила в буржуазной военной идеологии настроения «атомной меланхолии», породила своего рода фаталистически-апокалиптические настроения относительно неизбежности всеуничтожающей ядерной войны. Идеолог милитаризма не может примириться с мыслью, что войны не являются неизбежными, что человечество идет к миру без войн, оружия, насилия. Из этих истоков и вытекает настроение исторического пессимизма, главным выражением которого является теория гибели цивилизации в связи с неизбежностью мировой ядерной войны.

Тезис о неизбежности мировой ядерной войны, вытекающий из признания войны «естественным», необходимым состоянием человеческого общества, тесно связан с другими, однопорядковыми и более глубокими истоками исторического пессимизма. Однопорядковыми источниками являются неверная оценка идеологами буржуазии значения современной научно-технической революции, возможностей решения экономических проблем, сохранения окружающей среды, задачи разумного контроля над ростом народонаселения и других «глобальных» проблем, которые встали ныне перед человечеством.

Буржуазия действительно справиться с этими силами не может. Для этого надо изменить весь социальный строй, т. е. изменить мир на основе принципов социализма и коммунизма. Здесь скрыты самые глубокие корни исторического пессимизма буржуазии. Поэтому ее идеологи говорят о всяческих «западнях», «ловушках», подстерегающих человечество, о бомбах «народонаселения», «информации» и других угрозах, которые дополняют и усиливают угрозу ядерных бомб.

Сложившаяся ситуация породила в буржуазной идеологии множество мрачных пророчеств относительно судеб войны и мира. Вместе с тем общественная мысль капитализма по-разному толкует значение исторического опыта при решении этого вопроса. Некоторая часть идеологов буржуазии утверждает, что люди либо не способны, либо не хотят, либо, будучи подвластны различным субъективным склонностям, не могут учитывать уроки истории.

⁴³ См.: Андреева И. С. Проблема мира в западноевропейской философии, с. 10.

⁴⁴ Кольмар фон дер Гольц. Вооруженный народ. СПб., 1886, с. 435.

«Люди никогда не знали истории, — пишет реакционный французский социолог Р. Арон, — которую они творили, и нет причин полагать, что они знают ее сейчас...»⁴⁵

Однако есть и другие позиции. Исторический пессимизм буржуазной философии не беспросветен. То в одном, то в другом месте он прорывается зловещими всплесками необузданной ярости милитаристов, пытающихся доказать и обратное — призвать (соответственно препарируя) военную историю себе в помощники и подтвердить ее опытом, что милитаризм и агрессия имеют большое будущее.

«Если ходячие мнения и народные предрассудки не могут примирить нас с безжалостным применением силы, — отмечает американский социолог Пирсон, — то мы должны оправдать это ... в свете исторического опыта и истины, даваемой этим опытом»⁴⁶.

В противоположность буржуазным учениям марксистская философия есть философия исторического оптимизма. Это относится как к ее общему пониманию сущности и перспектив исторического процесса, так и к конкретным проблемам войны и мира. Советское общество вступило на арену истории с развернутыми знаменами мира, с лозунгами, провозглашенными в Декрете о мире, и открыло верную дорогу к построению общества без войны.

Тем самым было положено начало совершенно новому процессу, о котором писали К. Маркс и Ф. Энгельс, утверждая, что пролетариат построит общество, «международным принципом которого будет — мир, ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — труд!»⁴⁷.

С появлением социализма борьба за мир стала на твердую практическую почву. Окончательно был преодолен утопический характер планов всеобщего мира, свойственный домарксистским и допролетарским учениям и движениям, «снятый» в области теории учением марксизма-ленинизма еще до революции.

По-иному относится марксизм-ленинизм и к историческому опыту. Для него, как для идеологии исторического оптимизма, характерна высокая оценка этого опыта, его необходимости для научного предвидения. «...Я оглядывался на прошлое, — писал В. И. Ленин, — только с точки зрения того, что понадобится завтра или послезавтра для нашей политики»⁴⁸.

Важно, конечно, не только признать ценность и необходимость исторического опыта для обоснования планов будущего. Дело в том, что марксизм-ленинизм, диалектико-материалистический ана-

лиз и оценка исторического опыта убеждают в неодолимости прогресса, в реальности идеалов коммунизма, включающего в качестве существеннейшего компонента идею всеобщего, вечного, устойчивого мира, основанного не на абстрактных пожеланиях, а на изучении закономерностей истории.

В этом отношении анализ опыта военной истории обнаруживает закономерные тенденции, которые будут нарастать и утверждаться как господствующие по мере усиления и расширения коммунистической общественно-экономической формации и ослабления капиталистической. Одна состоит в том, что развязываемые эксплуататорскими классами войны ведут к последствиям, которые все больше противоречат замыслам империалистов. Вторая тенденция, вытекающая из первой, состоит во все большем сокращении экономической основы войн и ограничении действия ее источников. И, наконец, третья тенденция состоит в количественном росте побед сторон, ведущих справедливые, прогрессивные войны, над теми, кто стремится проводить в жизнь исторически обанкротившуюся политику грабежей, захватов, подавления освободительных движений и революций.

Для того чтобы убедиться в наличии качественно нового в данных тенденциях, полезно сопоставить их действие в современную эпоху с процессами предшествовавших эпох, например XIX в.

XIX век начался длительными и упорными войнами за гегемонию в Европе между наполеоновской Францией и большинством европейских государств: Англией, Австрией, Россией, Пруссией и др. Эти войны закончились разгромом Франции и разгулом феодально-абсолютистской реакции в Европе. Социальные преобразования, достигнутые в результате Великой французской революции и революционных войн Французской республики, были во многом утрачены. Венский конгресс утвердил господство феодальной реакции, осуществив крупный шаг назад в истории Европы. Заседавшие на конгрессе монархи перекроили карту Европы в соответствии со своими интересами.

Далее, до начала 70-х годов XIX в., последовал период преимущественно революционных войн и буржуазных революций: Гражданская война в США, революционные восстания 1848—1849 гг., национально-освободительные войны в Италии и т. д. Были в этот период и обоюдонесправедливые, гегемонистские войны, наиболее характерной из которых явилась Крымская война 1854—1856 гг.

Франко-прусская война 1870 г. подвела черту под целым периодом военной истории и выявила новые тенденции. К концу XIX в. можно было уже сделать следующие выводы по проблемам войны и мира. Во-первых, реакционные диктаты типа Венского конгресса и контрреволюционные интервенции не смогли остано-

⁴⁵ Aron R. Progrès et désillusion. Paris, 1967, p. 100.

⁴⁶ Pearson L. Democracy in World Politics. N. Y., 1955, p. 5.

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 5.

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 136.

вить революционного процесса, осуществлявшегося в буржуазных рамках. В количественном отношении победы прогрессивных сил в войнах росли. Несправедливые войны реакционных государств стали вызывать усиливающееся сопротивление передовых сил. Крымская, а затем франко-прусская войны имели качественно новые результаты. Поражение России в войне обострило социальные противоречия и ускорило падение крепостного права. Поражение Франции в 1871 г. обострило революционную ситуацию.

К началу XX в. стало ясно, что войны, ведущиеся буржуазией, исчерпали свои прогрессивные возможности. Они превратились в катаклизмы всей перезревшей общественной системы. Произошел существенный исторический перелом: прогрессивные результаты войн, которые вела буржуазия, уже не нарастали, как это было (при всех естественных для нее захватах и грабежах) ранее, а стали резко падать, сводиться практически к нулю. Чем реакционнее и катастрофичнее становились схватки империалистов между собой, тем сильнее они обостряли в воевавших странах противоречия общественного развития, сталкивали новое, жизнеспособное с устаревшим, отжившим, тем самым интенсифицируя весь ход развития в полном противоречии с целями империалистов — виновников войны.

Эта тенденция имела свою предтечу и в прошлом, но в начале XX в., в эпоху империализма, качество ее существенно отличалось, потому что общество созрело для социалистической революции и война обострила особого рода противоречия — противоречия, порождающие революцию пролетариата, а вместе с тем и условия, ведущие к отрицанию войн вообще.

Как уже упоминалось, провозвестником становления этой закономерности стала Парижская Коммуна. Новая революция вспыхнула в России, где революционная ситуация была усилена русско-японской войной. Но и во Франции, и в России эти революции потерпели поражение.

Самый крупный первый военный катаклизм эпохи империализма — первая мировая война — имел иной результат. Знаменуя собой начало второго этапа общего кризиса капитализма, эта война с неизбежностью привела к прорыву единой цепи империализма и к образованию первого очага социализма в мире — СССР. Великая Октябрьская социалистическая революция и последовавшая за ней победа над силами внутренней и внешней контрреволюции в кровопролитной войне 1918—1920 гг. означали, что вступили в силу все три названные выше закономерности. Империалисты уже не могли решать свои империалистические споры безнаказанно, за счет народных масс. Система капитализма созрела для пролетарской революции. И какие бы реакционные цели ни ставили перед собой империалисты, силы прогресса

шли вперед, одерживая победы и все больше определяя характер исторического развития.

Целая волна революций, среди которых не все, правда, победили, прокатилась по странам капитала. Возникли или усилились многие прогрессивные движения, выступления масс.

Пролетарские революции добились временных успехов в Венгрии, Баварии, Саксонии, Тюрингии, Финляндии, Прибалтийских республиках, но были задавлены интервентами и местной реакцией. Активизировались выступления пролетариата и в других странах Европы. Капиталистической системе были нанесены удары и на других континентах. В Китае «движение 4 мая» 1918 г. положило начало новому этапу буржуазно-демократической революции, в которой гегемония принадлежала не буржуазии, а пролетариату. Ирландия, Иран и Афганистан добились национального суверенитета. Одним из важнейших результатов революционных побед явились создание Коммунистического Интернационала, рост профсоюзного движения и т. д. В Монголии победа народной революции открыла возможность движения при помощи СССР к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Монголия стала второй страной, строящей социализм.

Была пробита брешь в экономической основе войн. Из нее выпала Россия — огромная страна с населением 150 млн. человек, занимающая одну седьмую часть территории земного шара и имеющая значительные наличные и огромные потенциальные экономические возможности. Эта сфера человеческого общества отныне действовала не в пользу войны, а против нее.

Обе названные закономерности, тенденции мирового развития повлекли за собой перелом в сознании широких трудящихся масс земного шара. Идея Ленина о том, что в случае, если войну остановить не удастся и империалисты ее развяжут, — необходимо превратить ее из империалистической в гражданскую, революционную, — подтвердилась на практике. Этот урок был успешно использован коммунистами ряда стран в последующем.

В первые годы после первой мировой войны наметился успех и третьей тенденции — возрастания побед в справедливых, освободительных войнах. Однако вскоре он был прерван. Когда развернулось наступление Японии, Италии, а затем главных сил мировой реакции — гитлеровской Германии в Азии, Африке и Европе, наблюдался скачок назад в истории. Но он оказался временным, как это и должно было быть.

Вторая мировая война открыла закономерностям утверждения и преобладания сил мира над силами войны еще больший простор. На итогах и уроках этой войны следует остановиться более подробно, поскольку они представляют в решении интересующего нас вопроса крупнейший качественный перелом.

«На протяжении XX века,— говорил Л. И. Брежнев,— наша страна дважды стояла у истоков крупнейших перемен в облике мира.

Так было в 1917 году, когда победа Октября возвестила о вступлении человечества в новую историческую эпоху. Так было в 1945 году, когда разгром фашизма, решающую роль в котором сыграл Советский Союз, поднял могучую волну социально-политических изменений, прокатившуюся по всей планете, привел к укреплению сил мира во всем мире»⁴⁹.

Политическим итогом второй мировой войны явилось уничтожение самого реакционного политического режима — фашистского и милитаристского, поражение сил войны, выступавших под развернутыми черными знаменами человеконенавистничества, уничтожения и порабощения народов военной силой. В ходе войны, говоря словами В. И. Ленина, были уничтожены «особенно вредные и реакционные учреждения»⁵⁰, стоявшие на пути социального прогресса и угрожавшие существованию и развитию мировой материальной и духовной культуры.

Великая победа над фашизмом и милитаризмом отвечала интересам не только Советского Союза, но и всего прогрессивного человечества, ибо было сохранено и упрочено государство нового, высшего типа — социалистическое государство, рожденное Великим Октябрем, созданы необходимые условия для дальнейшего развития социализма и демократии, а также для расширения возможностей сохранения мира и поражений разного рода угнетателей.

В социальном плане главный итог состоит в том, что мировой революционный процесс не был ни прерван, ни приостановлен. Наоборот, он двинулся вперед. Это было обусловлено всей совокупностью социально-политических процессов, происходивших в условиях борьбы двух противоположных систем. Как и предвидел В. И. Ленин, война против социалистического государства заключает в себе реальную опасность для агрессоров. Он писал, что, учитывая соотношение реальных сил всех классов во всех государствах, мы сильнее всех. «Это испытано на деле, это доказывается не словами, а делами, это уже доказано раз, и, пожалуй, если известным образом повернется история, то это будет доказано и не раз»⁵¹. И действительно Советская страна своей победой вновь доказала, что возможности успеха контрреволюционных войн резко убывают и победить социализм военной силой нельзя. Социализм как система, а вместе с ним и зона мира, сфера источников прочного и справедливого мира укрепились.

⁴⁹ Тридцатилетие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Документы и материалы. М., 1975, с. 18.

⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 311.

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 300.

С разгромом фашистского блока вес и влияние Советского Союза в мировой политике возросли неизмеримо. В атмосферу международных отношений гораздо более активно, чем с началом новой эпохи, проникла убежденность в торжестве справедливого мира над несправедливой войной, а также был глубоко дискредитирован и подорван авторитет откровенной идеологии захватов и порабощения в империалистических странах.

Итак, важнейшим уроком второй мировой войны является предупреждение агрессорам, что в современную эпоху с ее новыми движущими силами всякая попытка военными средствами остановить исторический процесс или повернуть его вспять, попытка прервать или затормозить переход стран и народов от капитализма к социализму, восстановить состояние, когда еще в начале века господствовали силы войны, обречена на провал.

Мощная волна победоносных народно-демократических и социалистических революций, огромный подъем национально-освободительного движения, активность народных масс обусловили всевозрастающее действие долговременных созидательных факторов.

Первый из них связан с могучей поступью социализма, превращением его в решающую силу исторического развития.

Борьба против фашизма и милитаризма создала благоприятные условия для усиления роли народных масс и развития революции в ряде стран прежде всего потому, что уничтожила новый порядок» в Европе, ликвидировала реакционные политические режимы. Осуществление Советской Армией освободительной миссии способствовало успеху народно-демократических и социалистических революций в ряде стран Европы и Азии. Завоевания Октября не только не погибли, как мечтали империалисты, но стали более прочными и получили дальнейшее развитие.

Возникновение социалистической системы явилось новой предпосылкой ускорения исторического прогресса. Это был, по выражению Л. И. Брежнева, «гигантский перелом в истории Европы, в истории всего мира»⁵². Внутри содружества социалистических стран развивались и развиваются новые отношения на основе общности экономических и политических интересов, на принципах справедливости.

Оценивая источники и факторы победы над фашизмом в войне, Коммунистическая партия Советского Союза сделала важный вывод, вселяющий исторический оптимизм в сердца и умы строителей коммунистического общества: «...В мире нет таких сил, которые смогли бы сокрушить социализм, поставить на колени народ, верный идеям марксизма-ленинизма, преданный

⁵² Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 3. М., 1973, с. 18.

социалистической Родине, сплоченный вокруг ленинской партии»⁵³. Этот вывод покоится на диалектико-материалистическом фундаменте, он подтверждает марксистско-ленинское понимание законов общественного развития, проверенное социальной практикой мирного и военного времени.

Второй фактор выражается в том, что победа над гитлеровской Германией и империалистической Японией обусловила неудержимый рост национально-освободительной борьбы народов колониальных и зависимых стран Азии, Африки и Южной Америки и крушение колониальной системы империализма.

Война вскрыла историческую обреченность колониальных империй — Англии, Франции, Голландии, Бельгии, Португалии — ускорила формирование самосознания колониальных народов, разбуженных Октябрьской революцией, показала им пример борьбы с империализмом.

В ходе национально-освободительной борьбы на земном шаре появилось много новых суверенных государств. Ныне уже почти все народы Азии и Африки сбросили иго колониального рабства.

Третий фактор, связанный с великой победой над фашизмом и милитаризмом, обусловлен дальнейшим возрастанием роли народных масс, коммунистических и рабочих партий в общественной жизни, в борьбе против империализма. Уже в ходе войны опасность фашизма и реакции стала осознаваться народами как опасность всемирная, затрагивающая не только настоящее, но и будущее. В борьбе с фашизмом росло движение Сопротивления, обострялась классовая борьба. В свою очередь это способствовало повышению политического сознания трудящихся, росту массовости международного рабочего и коммунистического движения, его организованности и сплоченности, более зрелому в теоретическом и политическом отношении руководству им со стороны марксистско-ленинских партий.

В ходе войны особенно ярко проявилась революционная роль коммунистических и рабочих партий. Они были идейной и организующей силой, душой и мозгом движения Сопротивления, объединения антифашистских сил, классовой борьбы внутри капиталистических стран. Несмотря на огромные трудности и потери, которые несли компартии в годы войны, они окрепли и закалились, выросли количественно. В канун войны в рядах компартий всего мира насчитывалось около 4 млн. членов, в 1976 г. — около 60 млн. Возросло число самих партий соответственно с 69 до 89⁵⁴.

⁵³ 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС. М., 1967, с. 23.

⁵⁴ Коммунистическое движение в авангарде борьбы за мир, национальное и социальное освобождение. М., 1976, с. 72.

С победой связан и следующий постоянно действующий фактор: развитие новых условий решения проблемы войны и мира. На основе изменившегося соотношения сил возникла реальная возможность предотвращения новой мировой войны. Империализм утратил историческую инициативу и бессилён повернуть вспять развитие современного мира.

Мировая социалистическая система, международный рабочий класс, все революционные силы, определяющие магистральный путь развития человечества, оказывают существенное влияние на международную политику. Они выступают против войны, за разрядку и широкое международное сотрудничество. Пришедшие в движение мощные государственные и общественные силы могут остановить агрессора, погасить огонь войны, укрепить устой мира, международной безопасности.

Трезво оценив тенденции послевоенного развития, коммунистические партии и другие прогрессивные силы пришли к выводу, что сложились объективные предпосылки для подведения итогов послевоенного периода. Одной из них явилось политическое закрепление итогов второй мировой войны, нашедшее выражение в результатах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Характеризуя его итоги, Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР подчеркнули, что данное Совещание подвело необходимый политический итог второй мировой войны, подтвердило бесплодность и вредность политики с позиции силы и «холодной войны». Вместе с тем оно открыло новые возможности для решения центральной задачи нашего времени — упрочения мира и безопасности народов.

Новое соотношение социальных сил на мировой арене, активная миролюбивая политика социализма открывают теперь путь к решению первоочередной задачи — ослаблению военного противостояния прежде всего в центральной части Европы, а затем и во всем мире.

Однако решение этой задачи является делом исключительно трудным. Опыт послевоенного развития учит, что монополистическая буржуазия пыталась пересмотреть итоги войны — военные и политические. Сразу после окончания войны она сделала ставку на создание военной мощи империалистических государств, которая решающим образом превосходила бы оборонный потенциал стран социалистического содружества. На свет появились такие военно-политические доктрины империализма, как доктрины военного «сдерживания», «отбрасывания» коммунизма и др.

В политическом плане пересмотр итогов войны империалисты пытались осуществить новым изменением границ, подавлением демократических движений и прогрессивных сил в капиталистических странах. Они хотели изменить в свою пользу существую-

щую расстановку классовых сил в мире путем ликвидации революционных завоеваний народов социалистических стран.

Однако эти и другие подобного рода попытки успеха не имели. В отдельных странах империалистам удалось несколько потеснить трудящихся, но империализм не смог повернуть историческое развитие в выгодном для себя направлении.

Итак, названные факторы указывают на дальнейший рост прогрессивных последствий войн, на падение роли войн в политике реакционных сил. Они указывают и на то, что достигнуты новые ступени в ограничении экономической основы войн.

После второй мировой войны произошло свыше 100 более или менее значительных локальных войн и локальных конфликтов. Большая часть из них закончилась победой сил, воевавших в справедливых целях. Лишь в некоторых случаях империалистам удалось взять верх, например, Израилю — в войнах с арабскими странами, США — в Доминиканской Республике, победила коллективная интервенция в Заире и т. п.

В современную историческую эпоху основные проблемы войны и мира встают перед всем прогрессивным человечеством неизмеримо острее и глубже, чем в любой другой предшествующий период развития человеческой цивилизации. Главная причина невиданной ранее остроты и сложности вопросов войны и мира — опасность новой мировой термоядерной, ракетной войны, которая может принести непоправимые беды для всего человечества. Поэтому самая насущная потребность всего прогрессивного человечества заключается в предотвращении возникновения новой мировой войны, поисках и развитии на практике новых методов и форм мирного сосуществования противоположных социальных систем, всемерной борьбе за жизнеспособный, устойчивый мир против сторонников новых империалистических войн.

«Переход от «холодной войны», от взрывоопасной конфронтации двух миров к разрядке напряженности был связан прежде всего с изменениями в соотношении сил на мировой арене. Не потребовались большие усилия, чтобы люди — и особенно те, кто руководит политикой государств, — стали привыкать к мысли, что естественным делом является не балансирование на грани войны, а переговоры по спорным вопросам, не конфронтация, а мирное сотрудничество»⁵⁵.

Опираясь на новое соотношение сил на мировой арене, XXV съезд КПСС открыл новый исторический этап в борьбе за прочный и устойчивый мир на земле. Наглядное свидетельство этого — всесторонняя, целостная программа дальнейшей борьбы за справедливый мир, которая характеризуется основными задачами в области внешней политики. В ее состав органически вхо-

дят: неуклонное дальнейшее укрепление единства братских социалистических государств в борьбе за укрепление мира; новые политические акции по прекращению опасной для мира гонки вооружений и сокращению всех запасов оружия; мероприятия по скорейшему созыву Всемирной конференции по разоружению; новые усилия миролюбивых государств по ликвидации остающихся военных очагов; дальнейшие меры по углублению разрядки международной напряженности и развитию отношений долговременного взаимовыгодного сотрудничества в различных областях; укрепление дела безопасности народов в Азии; ликвидация всех очагов колониализма и расизма; настойчивая борьба за заключение всемирного договора о неприменении сил в международных отношениях; ликвидация всех проявлений неравноправия, диктата и эксплуатации в международных экономических отношениях, торговле, культуре. Эта программа раскрывает новые особенности, черты и тенденции в последовательной борьбе за прочный справедливый мир в современных условиях. Таким образом, это и есть современное продолжение истории развития принципов демократического мира, осуществленное партией в ее научной программе дальнейшей борьбы за справедливый и устойчивый мир между народами.

Реализация этой программы характеризуется тем, что, несмотря на происки империалистических и других реакционных сил, ведущей тенденцией в международных отношениях является тенденция к разрядке международной напряженности. Получили признание и распространение принципы мирного сосуществования государств с различным общественно-политическим строем как единственно реалистические и разумные. По инициативе СССР принят ряд документов, которые признают и закрепляют кодекс честных, справедливых отношений между государствами, создавая тем самым преграду правового и морально-политического характера для любителей военных авантур.

Центральный вопрос наших дней — вопрос разоружения. Уменьшить угрозу возникновения новой мировой войны, массового истребления людей с помощью ядерного оружия — главное направление борьбы СССР за мир в современных условиях. Известно, что почва для мирного сотрудничества государств серьезно повреждена продолжающейся гонкой вооружений. Необходимо положить ей конец и начать практические шаги по разоружению. Эта задача стоит не только перед правительствами, но перед всеми партиями и политическими течениями, перед профсоюзами, другими общественными организациями, перед средствами массовой информации.

Тем не менее на Западе и Востоке существуют еще силы, не только взвизгивающие гонку вооружений, но и нагнетающие атмосферу страха и беспокойства перед мифической «военной угро-

⁵⁵ Материалы XXV съезда КПСС, с. 16.

зой» со стороны СССР. Различного рода ультрамилитаристские силы активно атакуют процесс разрядки. В один ряд с империалистами встало теперь маоистское руководство КНР. Маоисты твердят о неизбежности новой мировой войны, открыто объявили главным своим противником Советский Союз, предпринимают усилия к разжиганию военных конфликтов везде, где можно, причем выступают в этих конфликтах на стороне реакционных сил. Демагогически объявив себя лидером стран «третьего мира», они практически выступают против всех освободительных движений. Опасность такой политики и идеологии состоит в том, что она на современном этапе направлена на прямой сговор с крайне правыми силами империализма в антисоветских, национал-шовинистических, гегемонистских целях.

Военная история знает немало примеров подобных устремлений борцов за мировую гегемонию. Все они неизбежно заканчивались крахом, но, к сожалению, успевали принести тяжелый урон человечеству. Марксисты-ленинцы твердо уверены в неизбежности такого краха и в будущем. Задача, однако, состоит в том, чтобы заставить новоявленных гегемонистов обанкротиться, создать прочный заслон всем реакционным планам.

Марксизм-ленинизм — философия оптимистическая. Ее оптимизм основан не на слепой вере, не на беззаботном легкомыслии, а на базе изучения глубоких закономерностей и тенденций общественного развития, а они как раз и говорят о том, что не война, а мир — это то состояние, которое соответствует естественным потребностям и высшему уровню развития человеческого общества. Но сейчас, пока этот уровень еще не достигнут, движущие силы истории, народы и их сознательный авангард — марксисты-ленинцы действуют в одном направлении — от войны к миру. В будущем победит полный и вечный мир. Пока общество до этого еще не доросло, должно утвердиться мирное существование, мир, еще не полностью гарантированный, наполненный неустанной борьбой против развязывания войны. К таким выводам приходит марксистско-ленинская оптимистическая философия военной истории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взаимосвязь философских и военно-исторических знаний имеет глубокую объективную основу, заключающуюся в опоре военной истории на определенное мировоззрение при исследовании военно-исторических факторов, событий, процессов и в использовании философией конкретно-научных знаний, в том числе по военной истории для ее дальнейшего развития.

Возникнув в глубокой древности, связь философии и военно-исторических знаний продолжает развиваться. Характер этой связи менялся в зависимости от объективных социально-исторических условий и от развития самой философской и военно-исторической мысли. Различные философские концепции, направления, школы по-разному оказывали влияние на развитие военно-исторической мысли. Идеализм и метафизика сдерживали этот процесс. Наоборот, материализм и диалектический метод благотворно влияли на развитие военно-исторических знаний. Особенно плодотворной и прочной связью философии и военной истории стала с возникновением диалектического и исторического материализма.

Создание К. Марксом и Ф. Энгельсом материалистического понимания истории означало революционный переворот во взглядах на общество и его развитие. Оно потребовало коренного пересмотра и представлений о причинах, сущности и роли войн в истории, о классовой природе, назначениях и функциях армии.

Впервые применив диалектико-материалистический метод к анализу военной истории, К. Маркс, Ф. Энгельс дали научное решение ее важнейших проблем.

Основываясь на марксистской философии, В. И. Ленин заложил основы советской военно-исторической науки. В его трудах глубоко освещается вопрос о происхождении и сущности войн, дана четкая классификация их исторических типов, вскрыты факторы, определяющие ход и исход войны, дана научная оценка многих войн, особенно войн эпохи империализма. Марксистско-ленинское учение о войне и армии послужило непосредственной основой формирования и развития пролетарской военной науки и военной историографии.

В работе «О значении воинствующего материализма» В. И. Ленин обратил внимание ученых на необходимость крепить союз

философии и конкретных наук. Великий мыслитель подчеркивал значение изучения истории войн и революций для дальнейшего развития диалектического материализма: «Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон... комментируя образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция дают необыкновенно много»¹. Это положение В. И. Ленина и сегодня имеет особенно важное значение. В нем прямо указывается на необходимость использования для разработки материалистической диалектики военной истории.

Исключительно тесной стала связь философии и военной истории на современном этапе их развития. Без обращения к философии ныне не решается ни одна фундаментальная проблема военной истории. В то же время дальнейшее развитие марксистско-ленинской философии настоятельно требует самого широкого использования данных советской военно-исторической науки. Научное решение такой философско-социологической проблемы, как вопрос о войне и мире, являющийся главным вопросом современности, возможно при условии правильного учета уроков и выводов военной истории, особенно истории второй мировой войны и современных локальных войн.

Основополагающее значение для военно-исторической науки имеет соблюдение ею принципа партийности. Принцип партийности позволяет военным историкам-марксистам с позиций диалектического и исторического материализма давать правильное, научное освещение сложнейших проблем военной истории. Он способствует объективности военно-исторических исследований, правильной научной оценке событий и факторов военной истории.

Марксистско-ленинское мировоззрение — прочная основа успешного решения военно-исторической наукой ее проблем. «Марксизм-ленинизм, — отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС, — это единственная надежная основа для разработки правильной стратегии и тактики»². Именно марксизм-ленинизм в целом, диалектический и исторический материализм в частности позволяют с научных позиций определить дальнейшее развитие военной истории как науки, успешно решить задачи, стоящие перед ней в свете исторических решений XXV съезда КПСС.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 30.

² См.: Материалы XXV съезда КПСС, с. 72.

ВВЕДЕНИЕ	3
Часть первая	
РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ	
Глава первая	
ФИЛОСОФСКОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ У ИСТОКОВ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ	8
Роль мировоззренческих идей и взглядов в зарождении и развитии военно-исторических знаний в рабовладельческом обществе	8
Особенности развития военно-исторической мысли в период Средневековья и Возрождения	22
Глава вторая	
СТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ	32
Философско-теоретические предпосылки оформления военной истории в самостоятельную науку	32
Влияние философии на развитие военно-исторической науки в XVIII — первой половине XIX в.	49
Глава третья	
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ИДЕИ В РУССКОЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XIX — НАЧАЛА XX В.	60
Русская военно-историческая мысль дореформенного периода (начало XIX в. — 1861 г.)	60
Развитие военно-исторической науки в России во второй половине XIX — начале XX в. (1861—1917 гг.)	75
Глава четвертая	
ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ БУРЖУАЗНОЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX—XX В.	87
Влияние буржуазных философско-социологических концепций XIX—XX вв. на военно-историческую науку	88
Критика буржуазных философско-исторических взглядов на войну	108

Глава пятая	
МАРКСИСТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ПОДЛИННО НАУЧНОЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ	124
Возникновение марксизма — революционный переворот в философии и его значение для военно-исторической науки	124
Теоретико-методологические основы решения К. Марксом и Ф. Энгельсом военно-исторических проблем	133
Ленинский этап марксистской философии и развитие советской военно-исторической науки	142

Часть вторая

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ФИЛОСОФИИ И ВОЕННОЙ ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Глава шестая	
МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ О СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ	164
Место и роль военной истории в социальном познании и практике	165
Идеологическо-воспитательные задачи военно-исторической науки	173
Глава седьмая	
ПРОБЛЕМА ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ	179
Сущность военно-исторической реальности	179
Диалектико-материалистические основы познания военно-исторической реальности	188
Глава восьмая	
ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ	195
Значение диалектической концепции развития для военно-исторической науки	195
Соотношение истории войн и революций, роль в них народных масс в свете диалектической концепции развития	206
Глава девятая	
ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ ВОЙНЫ — ВАЖНЕЙШИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ВОПРОС ИСТОРИИ ВОЙН	223
Историческая роль войны и ее выражение в системе социологических понятий	223
Критерии оценки и методы анализа роли войны в истории	230

Глава десятая	
ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ ВОЙН И АРМИЙ В СВЕТЕ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ	239
Исторический материализм — философская основа марксистской типологии войн	239
Философские основы типологии армий	253
Глава одиннадцатая	
ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙН	268
Категория способа ведения войны в свете марксистско-ленинской философии	268
Мировоззренческие аспекты проблемы соотношения человека и техники в войне	277
Полководец и социальная обусловленность его деятельности	286
Глава двенадцатая	
МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ О ПРОБЛЕМЕ ВОЙНЫ И МИРА. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПТИМИЗМА	293
Марксистско-ленинская философия о проблеме мира в военной истории	293
Философский оптимизм и опыт истории. Мир победит войну	309
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	323

ФИЛОСОФИЯ И ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Утверждено к печати
Институтом военной истории
Министерства обороны СССР

Редактор издательства

З. Г. Демидова

Художник

Н. П. Фролов

Художественный редактор

И. Н. Разина

Технический редактор

Р. Г. Грузинова

Корректоры

Е. Н. Белоусова, Г. Г. Петропавловская

ИБ № 5183

Сдано в набор 04.07.78

Подписано к печати 04.12.78

Т-18367. Формат 60×90^{1/16}

Бумага типографская № 1

Гарнитура обыкновенная. Печать высокая

Усл. печ. л. 20,5. Уч.-изд. л. 22,4

Тираж 3850 экз. Тип. зак. 685

Цена 2 р. 50 к.

Издательство «Наука»,

117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а

2-я типография издательства «Наука»,

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

СПИСОК ОПЕЧАТОК И ИСПРАВЛЕНИЙ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
4	20 сн.	наука	история
40	7 сн.	Горций	Гроций
274	20 сн.	стране	стапе
299	1 сн.	Философские проблемы ведения войн	Марксизм-ленинизм о проблеме войны и мира
324	13 сн.	факторов	фактов

Заказ 685